

Министерство культуры Российской Федерации
ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет
культуры и искусств»

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ТРАДИЦИИ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Сборник статей

по материалам Всероссийской научно-практической on-line конференции
«Диалог культур: глобализация, традиции и толерантность»
(Кемерово, 16 ноября 2009 года)

Кемерово 2009

УДК 008
ББК 71.0
Д44

Редакционная коллегия:

Е. Л. Кудрина, ректор Кемеровского государственного университета
культуры и искусств,

доктор педагогических наук, профессор;

В. И. Марков, проректор по научной работе Кемеровского государственного
университета культуры и искусств,

доктор культурологии, профессор;

О. Ю. Астахов (отв. ред.), ведущий сотрудник научного отдела
Кемеровского государственного университета культуры и искусств,
кандидат культурологии, доцент.

Д 44 Диалог культур: глобализация, традиции и толерантность [Текст]: сб. ст. по материалам Всероссийской науч.-практ. on-line конф. «Диалог культур: глобализация, традиции и толерантность» (Кемерово, 16 ноября 2009 г.) / Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств; редкол.: Е. Л. Кудрина, В. И. Марков, О. Ю. Астахов (отв. ред.). – Кемерово: КемГУКИ; ООО «Юнита», 2009. – 399 с.

ISBN 978-5-8154-0183-9.

В сборник включены статьи по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Диалог культур: глобализация, традиции и толерантность», посвященные рассмотрению идей толерантности в условиях многообразия культур и глобализации.

Рекомендуется руководителям и специалистам учреждений культуры, ученым-гуманитариям, преподавателям учебных заведений, аспирантам, студентам.

УДК008
ББК71.0

Сборник издан при финансовой поддержке ФЦП «Культура России» (2005–2010 гг.)
№ 4476–01–41/01–ЮШ от 18.12.2009 г.

ISBN 978-5-8154-0183-9

© ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный
университет культуры и искусств», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

16 ноября 2009 г. в Кемеровском государственном университете культуры и искусств в рамках Международного научно-творческого форума «Глобализация и пути сохранения традиционной культуры» была проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Диалог культур: глобализация, традиции, толерантность».

Работа конференции была организована в режиме on-line, что позволило привлечь к одновременному участию в работе докладчиков, представляющих следующие учреждения:

- Министерство культуры Российской Федерации (г. Москва);
- Российский институт культурологии (г. Москва);
- Санкт-Петербургское отделение Российского института культурологии (г. Санкт-Петербург);
- Кемеровский государственный университет культуры и искусств.

От Министерства культуры Российской Федерации с приветственным словом к участникам конференции обратился А. Е. Бусыгин, заместитель министра культуры РФ, доктор экономических наук, профессор, отметив необходимость привлечения внимания российского и международного сообщества к решению важнейших задач и проблем развития и сохранения традиций многополярной, многонациональной культуры. В работе конференции принял участие Р. Г. Абдулатипов, ректор Московского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, профессор. В своем выступлении он обратил внимание на необходимость развития творческого потенциала в межкультурных коммуникациях, способствующего созиданию новых ценностей и принципов организации современной культуры. С докладом выступил Ю. А. Шубин, директор департамента Генерального секретариата Министерства культуры РФ, заслуженный работник культуры, в котором он отметил актуальность ведения межкультурного диалога.

От Российского института культурологии с докладом выступила О. Н. Астафьева, доктор философских наук, профессор Российского института культурологии. В докладе были освещены проблемы социально-культурных взаимодействий в современном поликультурном мире.

От Санкт-Петербургского отделения Российского института культурологии выступил Д. Л. Спивак, директор СПб отделения РИК, доктор

филологических наук. В своем выступлении он обратился к проблеме анализа диалога культур и опыту его изучения за рубежом. С приветственным словом к участникам конференции обратилась Е. Ю. Гениева, генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино, доктор педагогических наук.

От Кемеровского государственного университета культуры и искусств с докладом выступила Е. Л. Кудрина, ректор университета, доктор педагогических наук, профессор. В докладе были отражены результаты работы университета в решении вопросов развития диалога культур, являющегося важной составляющей международной деятельности современного вуза. Участникам конференции представил доклад В. И. Марков, проректор по научной работе, доктор культурологии, профессор. В своем докладе он подчеркнул необходимость комплексного изучения проблем толерантности и важности теоретического осмысления проблемы. С докладом выступила М. В. Белозерова, директор Института толерантности КемГУКИ, доктор исторических наук, профессор. В своем выступлении она остановилась на историческом аспекте проблемы изучения толерантности и региональных особенностях функционирования межкультурного диалога.

В ходе обсуждения поставленных проблем с вопросами, связанными с неоднозначностью оценок феномена толерантности, к докладчикам обратились Г. Н. Миненко, директор института культуры, доктор культурологии профессор КемГУКИ, Н. С. Модоров, доктор исторических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета, О. Ю. Астахов, кандидат культурологии, доцент КемГУКИ и др.

Организация конференции в режиме on-line позволила привлечь внимание к обсуждаемым вопросам широкий круг научной общественности. Участники конференции выступили с предложением продолжить дискуссию на форуме КемГУКИ, размещенном на официальном сайте университета, и отметили, что подобные мероприятия способствуют консолидации усилий в решении поставленных проблем, что необходимо в связи с установлением различных форм научного сотрудничества.

Обращение к участникам конференции
директора Департамента науки и образования
Министерства культуры Российской Федерации
Олега Петровича Неретина

Уважаемые участники Всероссийской конференции «Диалог культур: глобализация, традиции и толерантность»!

От лица департамента образования и науки Министерства культуры Российской Федерации поздравляю вас с открытием столь значимого научного форума, посвященного проблемам взаимодействия культурных традиций в современном мире.

Глобализационные процессы, затронувшие к настоящему времени всю планету, все страны и регионы мира, бросают целый ряд вызовов человечеству, в том числе и в сфере культуры. От того, как и в какой мере наша страна, наш народ сможет найти свое место в стремительно меняющемся мире, вовремя и эффективно отреагировать на эти вызовы, опираясь на накопленный культурный потенциал, традицию, созданную трудами множества предшествующих поколений, сохранить связь времен, зависит наше место в грядущем новом мире, который рождается на наших глазах.

Один из этих вызовов тесно связан с понятием толерантности. В многонациональной стране, которой с самого начала являлась Россия, особенно важно выйти на уровень равноправного диалога культур, единства в многообразии, с тем, чтобы обеспечить сохранение социальной стабильности, устойчивое развитие по пути модернизации общества.

В своем послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президент Дмитрий Медведев подчеркнул, что главная задача состоит в том, что Россия должна приобрести статус мировой державы на принципиально новой основе. Для этого, в частности, необходимо, чтобы в области искусства поддерживались новаторски формы при одновременном сохранении классических школ.

Это те задачи, тот путь, который мы должны пройти в ближайшем будущем, чтобы культура России могла не только гордиться великими именами ученых, деятелей искусства, известными всему миру, но и заняла достойное место в складывающемся ансамбле народов мира.

При этом особый акцент необходимо делать на формировании молодого поколения, способного эффективно решать возникающие новые проблемы.

Ведь вместо архаичного общества, в котором вожди думают и решают за всех, мы должны стать обществом умных, свободных и ответственных людей.

Главная ответственность в реализации подобных планов ложится на нашу науку, на образовательные структуры.

В связи с этим мне хотелось бы особо подчеркнуть, что учебные заведения всех уровней, подведомственные Министерству культуры Российской Федерации вносят достойный вклад в решение указанных задач.

С каждым годом развивается их научный и творческий потенциал. Проблемы межкультурных взаимодействий, в том числе, толерантности в самом широком смысле слова все в большей мере входят в учебно-воспитательный процесс. В практической деятельности реализуются принципы, направленные на формирование молодого поколения деятелей культуры, способных, утверждая основы культуры собственной, уважать культурное богатство всех народов мира.

Постепенно формируются организационные структуры, специализирующиеся на научном осмыслении и практическом решении проблем толерантности во всем их многообразии. Центр толерантности сформирован в Московском государственном университете культуры и искусств, аналогичные подразделения существуют и формируются в ряде других вузов. Сегодня мы присутствуем на конференции, которую организовал Кемеровский государственный университет культуры и искусств на базе своего института толерантности, связав в информационном пространстве научные силы Российского института культурологии, его Санкт-Петербургского филиала, Государственной библиотеки иностранной литературы имени М. И. Рудомино.

Полагаю, что организованная таким образом координация взаимодействия научно-творческого и образовательного потенциала учебных и научных центров, представительный состав участников данной конференции позволяют надеяться на значительный вклад происходящего научного форума в решение указанных актуальнейших задач развития нашей культуры, нашей страны в целом.

Успешной вам работы, коллеги!

Обращение к участникам конференции
директора Департамента Генерального секретариата
Министерства культуры Российской Федерации
Юрия Александровича Шубина

Уважаемые коллеги!

Рад приветствовать участников столь представительного электронного форума – известных деятелей культуры и искусства, видных ученых, педагогов, руководителей и работников нашей отрасли.

Представляя разные регионы, мы собрались для обсуждения одной из важнейших проблем современности – формирование толерантности и развитие межнационального общения.

Наша страна исторически формировалась как союз многих народов и многих конфессий. Поэтому для современной России сохранение мира и взаимопонимания между людьми разных национальностей и вероисповеданий является фактором национальной безопасности.

Уверен, что во многом решение данной проблемы зависит от нас с вами – работников культуры. Ведь сохраняя и развивая национальную культуру народов России, мы закладываем основы национального самосознания в обществе.

Не случайно Советом Безопасности Российской Федерации остро поставлена задача о необходимости определения приоритетов государственной политики по сохранению духовной основы российского общества.

Во исполнение поставленной задачи Межведомственной рабочей группой при активном участии Минкультуры России **подготовлен проект «Основных направлений государственной политики в области сохранения культурно-нравственных ценностей и укрепления духовного единства российского народа».**

Отмечу, что одним из приоритетных направлений государственной политики мы определяем создание современной инфраструктуры сферы культуры и модернизацию учреждений культуры. Это предусматривает их переоснащение специальным оборудованием и внедрение новых технологий в создание услуг культуры населению.

Ведь именно учреждения культуры, в первую очередь, выполняют миссию по формированию толерантного поведения, веротерпимости,

миролюбия, противодействуют различным видам экстремизма, тем самым внося свой вклад в становление открытого гражданского общества.

В сентябре текущего года в **Нальчике состоялось заседание Координационного Совета** по культуре, где обсуждалась эта проблема. Нам важно было донести до руководителей органов культуры страны, какими методами и формами работы надо заниматься, чтобы помочь обществу в решении этого вопроса.

В ходе подготовки к заседанию **мы изучили состояние и развитие национальных культурных центров** в субъектах России, результативность деятельности органов управления и учреждений культуры по формированию толерантности в обществе, наличие нормативной правовой базы в области урегулирования вопросов межнационального общения.

Результатом исследования стали: **терминологический словарь основных понятий в области толерантности и методические рекомендации для органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации** в сфере культуры и учреждений культуры о формах, методах, и средствах работы по формированию толерантности в обществе, развитию межнационального общения и борьбе с ксенофобией средствами культуры, подготовленными Минкультуры России совместно с Кемеровским университетом культуры и искусств.

Культура и философия толерантности – вопрос не только национальный, но и международный. Свидетельство тому – крайне острое обсуждение данной проблемы **на Сессии ОБСЕ по рассмотрению выполнения обязательств в области человеческого измерения, которое состоялось в Варшаве в октябре текущего года.**

Очевидно, что в современном мире накопился целый ряд проблем, которые ставят под угрозу благополучное развитие человека и всего человечества.

Убежден, что они могут быть решены только при ответственном отношении к этим проблемам всех жителей планеты.

Сохранить в многонациональном доме индивидуальность и неповторимость, уникальность и своеобразие каждой этнической группы, создать в нем атмосферу взаимоуважения и духовности – вот круг задач, которые предстоит решать совместными усилиями в интересах будущих поколений.

В заключение я хочу поблагодарить всех участников сегодняшнего обсуждения и пожелать плодотворной и конструктивной работы.

Выступление доктора философских наук, профессора, зам. зав. кафедрой культурологии и деловых коммуникаций Российской академии государственной службы при Президенте РФ; зав. сектором стратегий социокультурной политики Российского института культурологии

Ольги Николаевны Астафьевой

«МИГРАЦИОННАЯ ВОЛНА» В РОССИИ: УРОКИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Позвольте, прежде всего, поблагодарить организаторов конференции за то, что несмотря на некоторые технические трудности, нам предоставлена возможность обмена мнениями по очень важной проблеме. Такая форма проведения конференций уже стала традиционной и доказала свою эффективность. Ученые Российского института культурологии, Российской академии государственной службы при Президенте РФ при поддержке Бюро ЮНЕСКО в Москве в течение последних пяти лет провели несколько круглых столов и конференций, позволивших значительно расширить круг специалистов, участвующих в обсуждении проблем межкультурного диалога, культурного разнообразия, толерантности. Моя позиция относительно состояния межкультурного диалога в условиях глобализации была развернуто изложена на одном из международных форумов (См.: Астафьева О. Н. Межкультурный диалог в условиях глобализации: проблемы теории и практики // Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития: материалы Международной конференции / под общ. ред. В. К. Егорова. – М.: Изд-во РАГС, 2008. – С. 120–139).

Актуализация этих проблем в философско-культурологическом дискурсе связана со все возрастающей интенсивностью миграционных процессов в мире, в том числе и в России. Однако, соглашаясь с тем, что мобильность населения разных стран и их перемещение – реалии, которые невозможно остановить, нельзя не замечать того, что эти процессы приводят к социальным и культурным изменениям; а в обществе возрастает тревога и напряжение, связанные с неготовностью принятия культурного многообразия. Я бы сказала так: в некотором смысле – с неготовностью людей жить в этих новых условиях. Не случайно, и теоретики, и практики все с большей настойчивостью говорят о потребности в диа-

логе как жизненно важной потребности человека, основанной на выражении уважения к межкультурным различиям.

Казалось бы, эта *потребность в диалоге*, базирующаяся на взаимном уважении, должна лежать в основе коммуникаций всех членов социума – как тех людей, которые волею судеб оказались на «чужой» территории, так и тех, кто также вне их собственного желания выступил принимающей стороной. Однако можем ли мы с уверенностью сказать, что такая позиция разделяется всеми членами общества?

Если исходить из гуманистических установок, то каждый человек, являясь носителем определенных культурных ценностей и традиций, должен признавать традиции Другого не менее значимыми, чем собственные, из чего следует, что проявление толерантности по отношению к носителю других культурных традиций – это норма. Но так ли это? Мне кажется, что очень точно В. А. Тишков определил этническую и религиозную жизнь «территорией ответственности» каждого человека, ибо получая право оставаться самим собой, право быть непохожим на других, он сохраняет обязанность «подчиняться общим законам, сосуществовать вместе, крепить гражданскую солидарность ради процветания государства» (Тишков В. А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества // *Этнопанорама*, 2007. – № 1–2. – С. 6).

Только ли личным делом каждого человека является умение быть толерантным? Или же обладание этим свойством личности выступает показателем уровня общей культуры в стране? Может ли государство полностью снять с себя ответственность за состояние социокультурного пространства, в том числе и за уровень толерантности в обществе? – Особенно в ситуации, когда проявление «мигрантофобии» на бытовом уровне позволяет некоторым экспертам «дорисовывать» мрачную картину будущего российской культуры и культурной идентичности в стране, размываемой разнонаправленными процессами унификации и культурных «разрывов».

Итак, тема межкультурного диалога – это не только теоретическая проблема, а дискуссии вокруг самого понятия «толерантность» – это, по существу, обсуждение модели межкультурных отношений в нашем обществе. Здесь следует сразу же определиться в исходной позиции: мы поддерживаем дискурс диалога и точку зрения на возможность форми-

рования толерантного отношения в неоднородных – многокультурных, полиэтнических, поликонфессиональных – обществах. Поэтому нас интересует прежде всего поиск *модели интеграции*. Такой модели, которая сегодня, в некотором смысле, является идеальной, так как за ее привлекательностью кроется длительный процесс взаимного обучения нормам, правилам, общению: коммуникациям россиян с людьми, осваивающими нашу социокультурную реальность.

В настоящее время российскую «миграционную волну» характеризуют не только количественные показатели внутренней и внешней миграции, позволяющие говорить о высокой территориальной мобильности в мире (помните, как о современных жителях планеты говорит З. Бауман: «Все люди делятся на бродяг и туристов»), но и особое «качество» миграционных потоков. Мы имеем в виду уникальность ситуации, когда мигрантами становятся граждане стран, не так давно входивших в единое союзное государство. На территории некоторых субъектов РФ выходцы из Украины, Молдовы, Азербайджана, Армении, Таджикистана, Киргизии и других стран ежегодно пополняют число трудовых мигрантов. Это придает особую окраску социокультурному ландшафту нашей страны, увеличивает число обладателей множественной идентичности.

В настоящее время проблемами мигрантов занимается множество различных ведомств и специализированных учреждений, регулирующих потоки, основываясь на законодательстве Российской Федерации. Но для ученых (культурологов, социологов, этнологов, антропологов и др.) миграция – это перемещение людей, являющихся *носителями различных ценностей культуры*, различных норм и стилей жизни. Это, естественно, проявляется при общении, во многих других моментах. И все это предопределяет взаимоотношения людей, процесс их вхождения в профессиональную среду, адаптацию к социальным условиям, что иногда приводит к определенному напряжению. В течение последних лет сколько было выполнено проектов, разработано программ, чтобы помочь в этом новом, с точки зрения культурного разнообразия, обществе сформировать принципы сосуществования в нестабильном обновляющемся социокультурном ландшафте! С одной стороны, проблемы людей, которые приехали как временные трудовые мигранты на территорию России, решаются. С точки зрения политических, гражданских, социальных прав. Но жизнь показывает, что этого недостаточно. Недостаточно потому, что, с другой

стороны, полноценное включение в социокультурную жизнь предполагает участие в разных формах социальной и культурной деятельности. Давайте посмотрим на перемещение людей в иных масштабах – в масштабах мира, а не только нашей страны.

Очевидным становится то, что в условиях глобализации принадлежность к определенному государству во многом утрачивает свою актуальность. Политики всё чаще и чаще говорят об этом. А вот с точки зрения принадлежности человека к определенной культуре, все сохраняется. Параметры культуры для человека оказываются более значимыми, потому что культура – это способность человека быть таким, каков он есть как результат постижения культуры; раскрыть себя как личность; обладать и воспроизводить определенные традиции, модели и практики приспособления к новым условиям бытия. Поэтому тенденция к познанию сущности своей культуры, к собственным «корням» в контексте глобальных процессов, а не только давление стандартизации и унификации, набирает силу. Это удерживает многих мигрантов от той черты, за которой следует маргинализация личности.

Дело в том, что культурная самоидентификация – это сложное образование, оно включает и те пласты культуры, которые были восприняты человеком в процессе социализации, а не только ценности социокультурной среды, окружающей человека в данный момент его жизни. Поэтому кроме вкраплений современной культуры в становлении идентичности участвуют ассоциации, воспоминания, история и мифы. Более того, любой человек нуждается в «отсылках» к своей культуре, к той привычной среде, которая когда-то составляла основу его повседневной жизни, придавала особый оттенок стилю его коммуникаций.

Как примирить это острое желание сохранить свою культурную самобытность, но при этом вписаться в условия другой культуры, научиться понимать иные жизненные принципы и при этом сохранить свою самобытность?

Но еще сложнее человеку научиться принимать (разделять) ценности той культуры, в которой он теперь проживает. К признанию ценностей национальных культур можно подойти с точки зрения признания равенности ее ценностям своей культуры. Это и есть воспитание толерантности в себе. Это непросто, ведь основные вопросы, на которые предстоит ответить и россиянам, вступающим в межкультурный диалог, именно

об этом: «Насколько они открыты к восприятию ценностей других культур?» и «Не могут ли эти культурные различия стать источником противостояния между коренным населением и мигрантами?»

С подобными вопросами столкнулся весь мир. Замалчивать проблемы этнокультурных конфликтов или делать вид, что их не существует в нашей стране, недопустимо, точнее, – безответственно, учитывая опыт некоторых зарубежных стран. Какие сегодня складываются модели этнокультурного взаимодействия в России? По моделям вражды и противостояния, или же по моделям сосуществования? Сотрудничество – совместное бытие, «со-бытие», сосуществование – вполне вписывается в понятие толерантности. И эта модель может способствовать снижению миграционной напряженности.

Но разве мы говорим о теоретических моделях? Как выглядит картина в реальности? Можно ли делать научные выводы на основании только субъективных наблюдений, оттого подчас и страдающих поверхностными умозаключениями?

Обратимся к исследованиям Социологического центра РАГС, который предоставляет для отечественных гуманитариев серьезную эмпирическую базу – результаты многочисленных социологических исследований. На основе их анализа можно диагностировать динамику социальных и культурных изменений, в том числе выявлять определенные тенденции, фиксировать трансформации в отношениях населения к носителям другим культурам, оценивать уровень толерантности в обществе.

В одном из социологических опросов «Ценности социальной справедливости в массовом сознании россиян» жителям Российской Федерации был задан такой вопрос: «Как вы оцениваете в обществе отношения между людьми разных национальностей?» В своих ответах четверть опрошенных из числа жителей российских регионов отнесла эти отношения к числу «очень острых», почти 40 % – «к острым», 20 % респондентов не отнесли их к очень острым, и лишь 4 % вообще не считают их важными. То есть в принципе по совокупности ответов можно считать, что это очень серьезный симптом. Получается, что почти две трети населения страны в этот период, в той или иной степени, были озабочены состоянием толерантности. А значит нужно было искать пути к межкультурному диалогу.

Но это с точки зрения общей характеристики ситуации. А с точки зрения личностной оценки происходящего, ситуация выглядит несколько иначе. Это объяснимо, ведь каждый человек понимает, что ценности его культуры и его личное спокойствие зависят от правильного понимания ситуации, от личностных ценностей. И удовлетворенность солидарными отношениями, о которой свидетельствуют результаты социологического опроса, – это показатель позитивной тенденции. Люди понимают важность проблемы, их тревожат межкультурные отношения: 45 % из числа опрошенных охарактеризовали культурные различия как конфликтные.

Прошло пять лет и со времени проведения другого социологического исследования – «Духовная культура современного российского общества: состояние и тенденции формирования», что позволяет выявить динамику социальных и культурных изменений и проследить ее влияние на повседневную жизнь россиян, на состояние национально-культурной (коллективной) идентичности как показателя целостности социокультурного пространства. Некоторые из тенденций получили подтверждение в других исследованиях, а многие – приобрели иную окраску. Так, одно из исследований 2008 г. было связано с изучением этнической ситуации в Москве. Картина в самом крупном российском мегаполисе – центре притяжения трудовых мигрантов – складывается следующим образом. Очень частые конфликты с приехавшими на заработки людьми отметили около 15 % респондентов. Между местными жителями и переселенцами конфликтов на почве культуры еще меньше, особенно в студенческих коллективах. Но показатели весьма относительны. Ведь даже если это всего 8,4 % от общего числа опрошенных, то все равно это достаточно серьезный показатель в пересчете на массу студенчества. Фактически, он задает многих наших соотечественников. В исследовании «Социально-политические ценности в массовом сознании российского общества» (2009 г.) распространенность настроений этноцентризма и толерантности в разных возрастных группах выглядела следующим образом. С утверждением «Россия – для русских» согласны 33 % молодежи в возрасте от 18 – до 24 лет, в то время как среди людей зрелого возраста таковых 22,5 % (от 40 до 49 лет) и 25,4 % (50–59 лет). Однако утверждение «Россия – общий дом для всех ее народов» разделяют почти две трети россиян; оно получило примерно

равную поддержку у представителей самых разных возрастных групп, в среднем составив 70 %.

Таким образом, процесс межнациональных отношений находится в центре внимания россиян, а вхождение мигрантов в новую культуру рассматривается как актуальная проблема для всего населения страны. Все чаще поднимается вопрос о необходимости изучения мигрантами русского языка, который для молодого поколения приезжающих из других стран уже не является языком межкультурного общения. Повторим, что, хотя ситуация не выходит в стадию «остро конфликтную», но, тем не менее, сегодня она становится более сложной, предполагает изменение отношения к воспитанию культуры толерантности. Потому что решение социальных проблем, снижение нелегальной миграции – это главные факторы, которые позволяют мигранту спокойно реализовать себя в социокультурном пространстве. Но проживание людей на определенной территории предполагает, что у них есть общее место для проведения досуга, чтобы предаться воспоминаниям, узнать историю своего края, ценности родного языка.

Такие многокультурные города, как Москва, открывают широкий круг возможностей для мигрантов. Начиная с конца 90-х гг. в Москве появляются уже детские сады, школы с этнокультурными компонентами – с грузинским, китайским, корейским, индийским, польским языком. Узнать язык, культуру страны, в которой ты живешь – это очень важно для людей, которые стали гражданами России, но также важно и сохранить свою собственную культуру. И если сегодня многие приезжие знают русский язык плохо, то это лишь свидетельствует о том, что в стране не отлажена система обучения русскому языку, а работе с детьми мигрантов нужно уделять еще больше внимания. Ведь даже существующие более 100 школ с этнокультурными компонентами пока не покрывают потребностей мегаполиса.

Чтобы межнациональное общение стало глубже, нужна комфортная многокультурная среда, тогда конфликтов на межнациональной почве будет становиться все меньше и меньше. Позитивный опыт имеется в разных регионах нашей страны. Зачастую он связан с работой этнокультурных объединений. Важно отметить, что эти культурные объединения имеют высокий статус в обществе, а государство поддерживает эти объединения с точки зрения создания возможно-

стей для реализации этнокультурных потребностей населения: поддерживает открытие кружков, проведение фестивалей, праздников и пр. Все это работает на воспитание готовности к межкультурному диалогу. Интересен пример работы с этнокультурными (национальными) объединениями в Оренбурге, где построен культурный комплекс «Национальная деревня». Сегодня в этом регионе проживают представители около 200 национальностей. Десяти этнокультурным объединениям была предоставлена возможность непосредственного участия в этом интересном проекте. И вот сегодня в центре Оренбурга выстроен комплекс, в котором есть «Русское подворье», «Башкирское подворье», «Казахское подворье», «Немецкое подворье» и др. Однако огромная заинтересованность и усилия всего населения региона позволили создать пространство межкультурного диалога и комфортные условия для взаимодействия людей разных национальностей. Благодаря тому, что по изначальной задумке традиционное и современное должно было находиться в согласованности и дополнять друг друга, в небольших культурно-музейных комплексах, т. н. «подворьях», сегодня можно не только познакомиться с национальными традициями, с особенностями жилища и быта, увидеть одежду и музыкальные инструменты, но и отведать блюда национальной кухни, включиться в общие праздники и отметить семейные события. Мне посчастливилось наблюдать весь процесс реализации этого проекта – от идеи до открытия культурно-музейных комплексов; видеть, как у огромного фонтана, находящегося в центре национальной деревни, играют дети самых разных национальностей. Эта очень интересный проект формирования пространства межкультурного диалога, который может получить распространение и в других регионах.

Но эта модель не единственная. Из мирового опыта мы знаем о разных вариантах взаимодействия культур. Самое главное в выборе модели, на мой взгляд, – точное знание того, чего мы хотим достичь и насколько это совпадает со стратегическими целями культурной политики России. В этой связи уместно затронуть дискуссионный вопрос о мультикультурализме, который обсуждается в российском обществе уже не один десяток лет. Дело в том, что при сохранении центральных базовых положений, внедрение этой концепции в разных странах мира происхо-

дит по-разному, так как воспроизводится не «жесткая» теоретическая конструкция, а разные модели мультикультурализма.

На мой взгляд, в опыте проведения политики многокультурности есть много полезного. Но нужно договориться, какую модель мультикультурализма мы будем рассматривать. Если ту, с которой мне удалось ознакомиться в современной Канаде, то это один вариант. Политика мультикультурализма реализуется посредством управления многообразием и контроля за состоянием уровня многокультурности и толерантности в обществе со стороны государства и гражданского общества; отличается системностью подхода, проявляющегося в создании равных условий для социально и культурной самореализации всех граждан Канады, независимо от их национальной принадлежности. Если же мы анализируем американскую модель мультикультурализма прошлого века, то очевидно, что это был иной путь к формированию толерантности в обществе.

Вообще следует признать, что концепция мультикультурализма очень часто подвергается критике. Что же, и плюсы, и минусы выявляются именно на практике. Пожалуй, трудно поспорить лишь с концептуальной установкой на взаимодействие культур и носителей разных культурных традиций, а вот принципы взаимодействия могут быть вариативными. Например, это может быть модель «взрачивания и эксплуатации экзотических культур», приводящая к маргинализации социокультурного пространства, т. е. мультикультурализм «бутика». Не правда ли, очень показательное определение принципа взаимодействия для глобализирующегося мира?

Но ведь есть и другие модели, когда различные культурные группы получают право на существование по принципу равенства при нивелировании индивидуальных критериев свободы культурного разнообразия, коммерциализации всей системы взаимодействия между культурами. Такая «неолиберальная» модель мультикультурализма согласуется с принципами потребительской цивилизации. Может быть и «критический» мультикультурализм, когда культурные различия строятся с главной целью недопущения насилия, и «повстанческий мультикультурализм», и многие другие модели (См.: Токтосупова А. И. Этнокультурная идентичность и диалог в условиях глобализации. – Бишкек, 2007. – С. 79).

Но мне могут возразить, что эти типологии – плод теоретических размышлений. На мой взгляд, уменьшение угроз в области межкультурных отношений как раз и требует того, чтобы научно-теоретические исследования велись более интенсивно. Эта сфера научных изысканий очень деликатная, и открытое обсуждение этих проблем на нашей конференции, несомненно, внесет вклад в разработку проблемы межкультурного диалога. Важно, чтобы исследователи, придерживающиеся разных концептуальных оснований, учитывали, что приоритеты культурного разнообразия могут быть приоритетами только в рамках единой стратегии культурной политики, которая согласовывает все эти моменты.

Повторю, стратегия многокультурности, конечно, распространяется по всему миру, ибо это стратегия демократических государств, но ее практическая реализация различается по методам и формам внедрения. Поэтому Россия не обязательно должна копировать какую-либо конкретную модель, тем более что даже внутри каждой модели есть различия. Варианты реализации сценария снижения интолерантности в обществе могут быть разные, и межкультурный диалог обростаёт при этом множеством побочных эффектов, которые не могут не учитываться в концепциях культурной политики государства.

Проблема культурного разнообразия получила развернутое обсуждение на Региональной конференции Содружества независимых государств (СНГ) с участием международных экспертов «Культурная политика – политика для культуры: новый профиль политики в сфере культуры» (Ереван, ноябрь 2009 г.). Культурная политика рассматривалась экспертами как политика ради культуры, как политика межкультурного диалога, т.е. в соответствии с положениями Всемирной декларации по культурному разнообразию. Такое решение, которое было найдено участниками конференции из многих зарубежных стран (и не только государств постсоветского пространства), получило всеобщее одобрение. Общей целью и стратегическим направлением культурной политики признана ориентация на социокультурную интеграцию, что предполагает большую совместную работу. Но поиски ответа на вопрос «Как можно поддерживать целостность культурного пространства при сохранении культурного разнообразия?» продолжают.

В этой связи хотелось бы обратить внимание еще на два аспекта проблемы. Во-первых, на то, как выстраивается культурная политика в медиа-пространстве, т.е. как представлена культура в средствах массовой информации, которые являются важным каналом распространения информации, выступают посредниками в коммуникации, в конечном счете – активно участвуют в созидании определенной модели толерантности в обществе. Не будем никого вводить в заблуждение: в массмедийном дискурсе, и, соответственно, в общественном сознании принципы позитивного межкультурного взаимодействия актуализируются еще недостаточно. Наряду с тем, что во многих публикациях пропагандируются идеи толерантности, нередки и факты появления материалов, в которых перспективы культурного разнообразия раскрываются с субъективной позиции журналиста, даются личностные оценки происходящих событий. Общеизвестно, что та или иная формулировка, даже вроде бы нейтрального информационного сообщения, придает определенный оттенок дискурсу и оказывает влияние на формирование позитивного или негативного отношения к проводимой государством культурной политике в сфере межнациональных отношений. В этом часто проявляется конфликт групп интересов, расхождения в политических оценках происходящего.

Во-вторых, другим аспектом выступает оценка культурных практик, позволяющих соединить усилия на формировании дискурса толерантности в обществе и межкультурного диалога, которые должны стать частью культурных потребностей населения. Среди таковых – практики проведения фестивалей и праздников, распространения в обществе поликультурной информации через учреждения культуры, разные формы поликультурного образования и пр. Если вспомнить события прошедших лет, то в этой связи я бы назвала яркий международный фестиваль детских кукольных театров «Чир-Чайян» в республике Хакасия, куда помимо творческих коллективов российских театров уже много лет подряд приезжают артисты из разных стран мира (США, Великобритании, Японии, Беларуси и др.). Это создает особую атмосферу этнокультурного диалога, оказывает мощное воспитательное воздействие на подрастающее поколение. Культура переходит административные границы, а в обществе возрастает интерес к другим культурам. Культурная потребность во встречах с другой

культурой закрепляется через практику проведения фестивалей и праздников. Это выступает позитивным эмоционально-психологическим фактором, создает позитивный фон, способствующий снятию этнокультурной напряженности в регионе.

Заметим, образование также является той сферой, где ресурсы культуры для воспитания толерантности могли бы использоваться более эффективно. В школе и вузе познание истории и культуры разных народов через изучение традиций, фольклора, легенд, знакомство с культурным наследием других стран позволило бы закрепить идеи межкультурного диалога у молодежи, ведь именно в этот период социализации идет становление личности, выстраиваются ценностные ориентации и культурная идентичность.

В условиях неравномерного распределения инфраструктуры культуры в российских регионах, когда в небольших административно-территориальных образованиях, особенно в малых городах и селах, школа и библиотека выступают основными альтернативными телевидению источниками информации. Вокруг них формируется определенная культурная среда, которая становится пространством распространения идей толерантности, а учителя и библиотекари – теми людьми, которые определяют специфику местного культурного ландшафта.

Таким образом, подводя итоги сказанному, подчеркнем, что формирование межкультурного диалога и воспитание культуры толерантности в обществе выступает стратегической целью культурной политики, распространяется благодаря деятельности различных институтов. Среди них – и органы государственного управления, через проекты и программы поддерживающие инициативы населения по проведению фестивалей и праздников, по созданию этнокультурных центров, распространению культурных традиций разных народов. Это и система образования, и средства массовой информации, и, конечно, общественные организации, т. е. все субъекты гражданского общества, которое в России находится пока в процессе становления. Важное значение для распространения идей культурного разнообразия имеют фундаментальные научные разработки и прикладные проекты, которые должны получать поддержку. Ведь очень часто отсутствие диагностики не позволяет дать точный прогноз относительно стратегии

культурной политики и конкретных механизмов ее реализации. Поэтому важно, чтобы эти направления были поддержаны не только нашим отраслевым министерством. У органов управления сферой культуры на местах есть и другой мощный «административный ресурс» – это губернаторы, местная власть. Пользуясь случаем, скажу, что они еще не готовы к сотрудничеству, если судить по тем единичным предложениям для оказания профессиональной поддержки проектов социокультурного развития территорий. А ведь ученые Российского института культурологии, Российской академии госслужбы, МГУКИ и других научно-исследовательских и образовательных учреждений могли бы участвовать в проведении социокультурной диагностики, в прогнозировании и проектировании, помочь в выборе методов, форм, инструментария, снимающего этнокультурную напряженность в обществе.

Принципами, на которых утверждается толерантность, является межэтническое согласие и сотрудничество. Это должно стать нормой и традицией, основой культурной политики, базирующейся на признании культурного разнообразия. В нашей стране нет деления на большие культуры и малые культуры, как в принципе нет и неравенства между носителями различных культурных традиций. Только неравенство и дискриминация порождают нетерпимость и конфликтность. А они являются следствием неправильного воспитания, идеологического воздействия. На мой взгляд, граждане России имеют много общих ценностей; культурные, религиозные и конфессиональные различия не мешают сохранять платформу для межрелигиозного и межкультурного диалога, как основы для единого культурного пространства. Оно поддерживается нашей общей историей, культурной памятью, нашими традициями совместного проживания. Но только ностальгируя о прошлом (оно, как правило, воспроизводится либо в некоем идеальном варианте, либо в негативных тонах), мы не сможем выстроить новый культурный ландшафт России. Поэтому данная конференция призвана, на мой взгляд, продолжить поиск новых форм, новых предложений моделей культурного диалога и сотрудничества. Благодарю за внимание.

Выступление ректора Кемеровского государственного университета культуры и искусств, доктора педагогических наук, профессора
Екатерины Леонидовны Кудриной

Организация Объединенных Наций провозгласила 2001 г. годом диалога между культурами. Сосуществование людей в современной цивилизации невозможно без стремления к согласию между культурами, которое может быть достигнуто только путем диалога между ними. В этом диалоге ни одна культура не может претендовать на право исключительного голоса или единственно верного мирозерцания. Отношения между культурами должны строиться на принципах консенсуса и плюрализма. Реальным основанием для такого типа отношений служит наличие в каждой культуре позитивных общечеловеческих ценностей, которые можно использовать для межкультурного консенсуса.

Необходим поиск стабильных, проверенных ориентиров, которыми чаще всего выступают элементы традиционной этнической культуры, «культурное наследие».

Особое значение приобретают проблемы формирования толерантности в полинациональной, поликонфессиональной, полиэтнической России. В настоящее время в Российской Федерации созданы и работают различные центры толерантности. В Кемеровском государственном университете культуры и искусств создание Института толерантности в начале 2008 г. стало важным шагом в диалоге культур, в развитии нового уровня общественного сознания и современной этической доктрины, претендующих на центральное место «в оси координат XXI века». Это событие явилось объединяющим началом для студентов, ученых и преподавателей самых различных дисциплин в решении проблем формирования толерантности. Наш вуз является одним из университетских комплексов Сибири, реализующим систему непрерывного образования в подготовке специалистов высшей квалификации для культуры, искусства и образования, известным научным центром в области культурологии, социально-культурной деятельности, библиотечно-информационных технологий и информационной культуры личности.

Основными целями Института толерантности определены распространение идей толерантности и их формирование как составляющей профессионально-личностной культуры и компетенций в сфере культуры и искусства. В связи с этим решаются задачи формирования средствами науки, образования, искусства и просветительства культуры толерантных отноше-

ний к иным взглядам, убеждениям, духовным, эстетическим и национальным ценностям в молодежной среде; поддержки инициатив и проектов в области науки, культуры, направленных на сохранение и развитие научно-творческого взаимодействия Кузбасса с регионами России, странами СНГ, зарубежными странами.

Наиболее важными направлениями деятельности Института являются гуманитарная, социокультурная и международная деятельность. В рамках первых двух направлений Институт обеспечивает:

- организацию и осуществление научных исследований, реализацию проектов и инициатив по формированию толерантности как составляющей профессионально-личностной культуры и компетенций в сфере культуры и искусства;
- развитие сотрудничества и координацию работы с организациями, занимающимися проблемами формирования установок толерантного сознания в российском обществе;
- организацию и проведение тренингов, конференций, семинаров, выставок, фестивалей, арт-проектов, посвященных проблемам межэтнического, межкультурного и этноконфессионального взаимодействия;
- формирование фонда учебной, научной и методической литературы по проблемам толерантности и др.

В рамках международной деятельности Институт осуществляет межкультурное сотрудничество и академическое партнерство с зарубежными университетами, учебно-образовательными и научно-исследовательскими центрами, с творческими и гуманитарными организациями.

Институт толерантности в Университете был открыт 6 февраля 2008 г. совместно с Всероссийской государственной библиотекой иностранной литературы им. М. И. Рудомино, благодаря личному содействию директора библиотеки и директора Благотворительного фонда «Институт толерантности» Е. Ю. Гениевой.

Общение участников мероприятий, проводимых Институтом толерантности, выстраивается в русле диалога и знакомства с культурой разных народов через научно-практические конференции и семинары, выступления-концерты творческих коллективов, выставки, организуемые Институтом толерантности совместно с научной библиотекой вуза, кафедрами дизайна, декоративно-прикладного искусства, кинофотомастерства и др., кемеровскими художниками, графиками и т. д.

Первыми творческими контактами стали мероприятия, проведенные совместно с Институтом толерантности ВГБИЛ, и именно они легли в основу дальнейших отношений по проблемам толерантности нашего университета и библиотеки. В совместной деятельности осуществляется ряд проектов:

- создание Института культуры и искусств коренных народов Сибири;
- «Информационная культура и толерантность личности в мире разнообразия»;
- «Русский язык»;
- «Диалог культур (все – разные, все – уникальные)»;
- «Большое чтение».

Каждый проект уникален и значим, учитывая, что в истории человечества нетерпимость присутствовала всегда, порождая конфликты, войны, религиозные преследования и идеологическое противостояние. В повседневной жизни она выражалась и выражается в фанатизме, стереотипах, оскорблениях, а в государственном масштабе – в расовой дискриминации, в нарушении важнейших демократических свобод.

Толерантность приобретает особую актуальность в условиях существования межэтнической напряженности, как латентных, так и открытых форм ее проявления. Проявление последних стало объективной реальностью. Данный тезис актуален не только для районов традиционно «конфликтных», как в сфере межнациональных, так и этноконфессиональных отношений (например, Северный Кавказ), но и такого, как сибирский регион. Отчасти это связано с тем, что право называть себя коренными на территории Сибири имеют и алтайцы, и хакасы, и татары, и русские, и другие этносы, проживающее на этой территории не одно столетие, но не отнесенные к категории «народов Севера» или коренных малочисленных народов. В настоящее время в Российской Федерации насчитывается 45 малочисленных народов, 40 из которых распоряжением Правительства РФ № 536-р от 17 апреля 2006 г. отнесены к категории «коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Коренные малочисленные народы Российской Федерации – народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями. Два из этих народов проживают в Кемеровской области: шорцы – 12,5 тыс. и телеуты – 2,6 тыс. человек.

Одним из шагов к нейтрализации межэтнической напряженности может стать направленность на воспитание толерантности у подрастающего поколения и молодежи, вне зависимости от этнической принадлежности. Однако при воспитании толерантности не следует забывать и об ее обратной стороне. Многие исследователи считают, что подчеркнутое внимание к проблеме межэтнических отношений в целом и толерантности в частности не только не создает предпосылок к преодолению «межэтнических граней», но наоборот «порождает» условия для их обострения. С этим суждением трудно не согласиться, т.к. обращение к идее толерантности подчеркивает неоднородность этносов, во многом способствует их обособленности, и, наконец, может принять односторонний характер и превратиться в средство агрессии одних этносов по отношению к другим в требованиях предоставления особых прав и привилегий этническим меньшинствам, что нарушало бы права большинства граждан государства, хотя может и соответствовать международным представлениям о правах национальных меньшинств.

Мы считаем, что создание Института культуры и искусств коренных народов Сибири может иметь большое значение в решении обозначенных проблем. Прежде всего, организация такого института в структуре Университета будет способствовать укреплению и усилению позиций Университета как центра межэтнической и межкультурной толерантности; развитию и поддержке культуры коренных народов как уникального пласта современной цивилизации; а также возрождению, сохранению и творческому развитию традиционной, многонациональной культуры народов России в целом, пропаганде лучших образцов современного мирового искусства.

Нами в основу развития Института культуры и искусств коренных народов Сибири положены три основных приоритета: образовательный, научно-исследовательский и творческо-исполнительский. При формировании системы обучения и воспитания молодежи коренных малочисленных народов предполагается учитывать два аспекта: 1) их стремление сохранять и развивать материальную и духовную культуру своих предков; и 2) подготовку кадров для развития национальной культуры и «устойчивого развития» своей малой Родины. Кемеровская область – одна из немногих среди регионов России, которая предоставляет право льготного поступления абитуриентам из числа коренных малочисленных народов. Основная задача такого поступления – обеспечить кадрами отдаленные поселки, а также местности, отнесенные к местам компактного проживания коренных малочисленных народов.

В процессе создания нами был проведен международный учебно-творческий семинар «Хореографическое творчество коренных народов Южной Сибири и Монголии» (апрель 2009 г.) с участием представителей коренных народов Сибири. Участники ознакомились с танцевальной культурой тюрко-монгольских народов, посетили мастер-классы специалистов КемГУКИ и хореографов республик Горный Алтай и Тыва.

В настоящее время разработаны Положение и Стратегия развития Института культуры и искусств коренных народов. Одним из основных разработчиков и координаторов этого проекта является Институт толерантности.

Кроме этих проектов в нашем Университете начали отрабатываться несколько моделей решения проблемы воспитания толерантности в студенческой среде. И здесь в достижении единой цели прослеживается комплексный подход, реализуемый в координации деятельности различных организационных структур университета, перед которыми поставлены разноплановые по характеру задачи. При этом одним из наиболее важных факторов в формировании толерантных отношений является понимание и поддержка со стороны органов региональной власти в русле инициатив, исходящих от федерального центра.

Мы живем в эпоху больших и быстрых перемен. И на высоте сегодня оказывается тот, кто умеет изменяться, причем достаточно быстро и в правильном направлении. На наших глазах осуществляется переход от индустриального к постиндустриальному обществу, реально формируется общество, основанное на знаниях. Идет углубление процессов глобализации и интернационализации, оказывающих колоссальное воздействие на высшую школу и процессы модернизации высшего образования.

Кроме того, Болонский процесс предполагает формирование взаимно совместимых в мировом пространстве образовательных и научных систем и программ. Чему вполне способствует миссия нашего Университета, которая определена следующим образом: образование, наука и творчество для качественной профессиональной подготовки и воспитания личности на основе высокой духовности и непреходящих традиций отечественной культуры, способной к творческой, компетентной и ответственной профессиональной деятельности в сфере культуры и искусства в условиях многополярного и быстроменяющегося мира.

Раздел I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А. Н. Садовой

Кемеровский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ МОНИТОРИНГА РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для настоящего времени характерно, что проблема организации мониторинга за ходом реализации концепции федеральной политики в субъектах РФ взята под контроль Министерством регионального развития Правительства РФ (далее МРР РФ). Это прослеживается по тематике рабочих совещаний и конференций последних пяти лет, к работе которых были подключены эксперты из регионов, включая специалистов и из Кемеровской области. Отсчет можно вести с 20.04.2004 г., когда Министерством совместно с Институтом культурного и природного наследия (ИЭиА РАН) был организован в системе Интернет виртуальный круглый стол «Нужна ли этнологическая экспертиза в России и какой она может быть?» Материалы круглого стола были опубликованы в периодическом издании «Антропологический форум» в 2005 г. Проблеме согласования количественных и качественных показателей мониторинга был посвящен и «Объединенный семинар Министерства регионального развития РФ и Министерства Канады по делам индейцев и Севера по индикаторам качества жизни коренных народов» (19.05.2008 г). В течение 2009 г. аналогичные проблемы поднимались в стенах Минрегионразвития РФ трижды: на рабочем совещании по ратификации в РФ «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» (ЕТС#148 – г. Москва, Общественная палата РФ, 10.10.2009 г.), на конференции, посвященной Второму Международному десятилетию коренных народов мира (г. Москва, 21.10.2009 г.), на Всероссийском совещании по вопросам реализации государственной национальной политики и этнокультурного развития регионов России (г. Москва, МРР РФ, 22–23.10.2009 г.)

Постановка вопроса о необходимости совершенствования мониторинга в РФ во многом определяется мировой практикой, в соответствии с которой формирование курса (программы) национальной политики *всегда* опирается

на результаты этносоциальных исследований, проведенных на региональном уровне. Определяется это тем, что для общества, прошедшего стадию модернизации социальных отношений, как правило, характерна специализация социальных групп, в той или иной мере включенных в процесс принятия и реализации политических решений. Особенно в таких деликатных сферах, как регуляция межнациональных отношений и интеграция в политическое пространство и региональный рынок базирующихся на принципе свободной конкуренции тех этнических групп, которые явно к этому не готовы.

Специализация привела к тому, что собственно политическая деятельность (например, в США, Канаде, Великобритании), проявляющаяся на начальной стадии в концептуализации фактов политической действительности, и на конечной – в формировании политической концепции (программы действий), разведена с менеджментом – достижением формируемых в рамках этих концепций результатов. То есть повседневной деятельностью органов исполнительной власти, эффективность которой определяется строго определенным перечнем индикаторов. К последним отнесены демографические показатели и коэффициенты, индикаторы развития латентных форм безработицы и качества жизни в среде национальных меньшинств и изменения (улучшения) экологической обстановки, показатели роста продуктивности аграрного сектора и т.д. Спектр индикаторов может быть расширен за счет показателей (количественных, качественных), определяемых спецификой решаемых задач на региональном уровне. «Затратность» (финансовая составляющая) планируемой деятельности органов исполнительной власти также рассчитывается, исходя из привлекаемых к решению задач ресурсов. Все это определяет достаточно необычную для российской действительности ситуацию, когда деятельность политиков и менеджеров *строго разведена* не только между собой, но и с деятельностью привлекаемых аналитических (научных) групп. Групп, относительно финансово независимых, ориентированных не только на анализ этносоциальной ситуации на этапе, предшествующих принятию политических программ и проектов, но и осуществляющих мониторинг их реализации. Таким образом, согласно мировой практике, оценка эффективности деятельности региональных и муниципальных органов власти осуществляется не только уполномоченными структурами федеральной власти, но и привлеченными экспертами, как федерального центра, так и провинциальных научных центров.

СФЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рис. 1. Модель информационного обеспечения национальной политики

Целесообразность подобного разграничения функций особенно актуальна в многонациональных странах с обширной территорией и этнической дифференциацией уровней социально-экономического развития населения. По представленной графической модели (Рис. 1) стоит актуализировать возникшую в РФ проблему разграничения сфер деятельности как между органами власти (исполнительной, законодательной), так и между экспертными группами, привлекаемыми для информационного обеспечения национальной политики (далее НП). Согласно российской политической традиции федеральная концепция НП никогда не являлась синтезом региональных курсов, она всегда определялась идеологически установками центра, при одновременном возложении ответственности за ее реализацию на органы власти субъектов РФ. Информационное обеспечение федерального курса осуществлялось на основе парадигм, формируемых по той же линии «Центр (г. Москва) – Провинция (субъекты РФ)» (Рис. 1). То, на что могли претендовать провинциальные научные группы, специализирующиеся в сфере национальной политики, – это выступление в качестве соисполнителей реализуемых проектов.

Время, когда научные центры г. Москвы могли одновременно организовать и «комплексное» обследование территории страны в целом, и мониторинг за текущими этническими процессами повсеместно *по всем субъектам РФ*, ушло. В Москве и Санкт-Петербурге в настоящее время нет ни одного академического учреждения, которое могло бы по своему штатному составу и уровню компетенции взять на себя такие функции. Это прослеживается по основным результатам социологических исследований Института этнологии и антропологии РАН и Управления политических исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), традиционно являющихся в советский период «головными» организациями. Представленные на конференциях презентации последних научных разработок обеих центров отражают современную общемировую тенденцию, при которой качество научно – прикладных разработок определяется не столько локализацией научных коллективов, сколько имеющимся у них потенциалом организации мониторинга за региональными процессами изменения этносоциальной ситуации. Это возможно осуществить только на основе *комплексного* исследования максимально полного спектра социальных процессов с

хронологическим охватом в несколько десятилетий. Это позволяет добиться высокого качества экспертных оценок и осуществить выход на *среднесрочное* прогнозирование и определение зон потенциального межэтнического противостояния.

Известный интерес в попытке «обойти» проблему репрезентативности выборочных исследований для отражения уже общероссийских тенденций представляет попытка организации мониторинга на основе так называемых «сетевых организаций». В качестве примера можно привести «Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (ЕАWARN)», развернутую в 1993 г. по инициативе директора Института этнологии и антропологии, профессора В. А. Тишкова. С 1999 г. Сеть была зарегистрирована Министерством юстиции РФ как региональная общественная организация «Содействие по осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов». С Сетью на постоянной основе сотрудничают более сорока экспертов из 25 регионов России и 11 постсоветских государств. В функции экспертов вменен мониторинг межэтнических отношений и конфликтов. Предлагаемой методологической основой мониторинга является сочетание двух подходов: качественного анализа ситуации на основе экспертных оценок и формализованный замер динамики ситуаций на основе модели из 46 индикаторов, ориентированных на изменение «общественного климата» по субъектам РФ. Ключевая роль при организации мониторинга отводится эксперту (одному), что резко сужает репрезентативность представляемой в Интернете информации. В силу этого, осуществляемый сетью «этнологический мониторинг» в большей степени представляется нам «мониторингом *этнополитической ситуации*», результаты которого далеко не бесспорны. В своей основе они, как правило, опираются на синтез «открытой» информации, проводимой через СМИ, находящихся под контролем если не региональных органов власти, то местных элит, напрямую заинтересованных в «правильной» интерпретации политических событий.

Воздействие Сети на формирование регионального курса национальной политики в субъектах РФ, расположенных на территории Сибири минимально. Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, далеко не каждый субъект РФ представлен экспертом. Во-вторых, собственно социальным статусом представленных в Сети экспертов – в

перечне специалистов, работающих в субъектах РФ – не так много лиц, обладающих или прямым допуском к ведомственной информации или возможностью организации крупномасштабных или выборочных полевых исследований. Все это позволяет прийти к выводу, что представленные в Сети суждения и экспертные оценки являются не более чем проявлением *«концептуализации фактов политической действительности»* (Рис. 1), характерной для отдельных субъектов РФ, а не собственно оценкой этносоциальной обстановки. Причем данная «концептуализация», как показывают материалы совещания по итогам реализации федеральной политики в субъектах РФ, достаточно редко опирается на результаты научно-прикладных исследований, что не может не сказаться на принятии политических решений, направленных на нормализацию межэтнического взаимодействия в субъектах РФ.

Решение проблемы информационного обеспечения, проводимого в регионах курса национальной политики, во многом определяется чисто организационными проблемами. Наиболее существенной является проблема развертывания в субъектах РФ научных коллективов, *способных* выполнить эту функцию. Как показывает опыт Кемеровской области, это далеко не простая задача, если руководствоваться современными международными стандартами, предъявляемыми к таким категориям как «мониторинг» и «этнологическая экспертиза». Согласно определению Всемирного центра мониторинга охраны природы (ВЦМОП), под мониторингом понимается *«наблюдение за состоянием окружающей среды с целью ее контроля, прогноза и охраны»*. Если отталкиваться от необходимости анализа этносоциальной среды (для синхронного исследования – ситуации), то для повседневной практики характерно то, что основными составляющими деятельности исследовательских групп в РФ являются *«наблюдение и оценка»*. Гораздо реже – «прогноз» (кратко-, средне- и долгосрочный), почти никогда – «контроль». А ведь именно «прогноз» общей направленности этнических процессов является целью любой экспертной оценки. Именно на его основе может осуществляться «текущая деятельность» муниципальных органов власти, ориентированных на реализацию НП как на региональном, так и федеральном уровнях. Неслучайно, органы региональной власти во всем мире предпочитают работать с экспертами, ориентированными не только на формирова-

ние политического курса, но и на мониторинг за его социальными последствиями, выступая в качестве посредников между властью и населением в случае возникновения конфликтных ситуаций.

Нам не известно ни одного случая, когда специалисты федеральных центров брали на себя эти функции в сибирском регионе. Во многом это связано с проблемой соответствия одной из наиболее значимой из составляющих *мониторинга*. Маловероятна сама возможность синхронной организации по нескольким субъектам РФ *«систематического наблюдения за процессом/процессами (а не ситуацией) с целью фиксации соответствия (или несоответствия) результатов этого процесса первоначальным предположениям»*. В случае, когда объектом научно-прикладного исследования выступает уже не этнополитическая ситуация, а комплекс региональных социальных процессов с характерными для них латентными формами проявления этнической составляющей, задача федеральных коллективов становится нереальной, даже в том случае, если объектом исследования становится только один регион, а не несколько субъектов РФ.

Для правильного понимания содержания «информационного обеспечения» этносоциальной ситуации требуется дифференциация категорий «этнологический мониторинг» и «этнологическая экспертиза», выступающих в качестве одной из его составляющих. По предлагаемой нами формулировке, этнологический мониторинг (далее ЭМ) – это *«единый и последовательный процесс сбора, обобщения, оценки, анализа и публикации данных по максимально полному спектру этнических и социально-экономических процессов, относящимся по своему состоянию на определенное время ко всем этническим группам в заданном субъекте (субъектах) РФ»*. Под этнологической экспертизой (далее ЭЭ) мы понимаем *научное исследование в области прикладной антропологии, направленное на выявление текущих этнодемографических, социально-экономических и этнополитических процессов, оценку последствий принимаемых управленческих решений, степени обоснованности разрабатываемых проектов и программ развития в районах проживания, землепользования, использования природных ресурсов, предпринимательства национальных меньшинств*. В данной формулировке предметная область ЭЭ, с одной стороны, ограничена территориальными и хронологическими рамками. С другой стороны, сориентирована на решение частных за-

дач, определенных заказчиком или самой конфликтной ситуацией. В этом ее принципиальное отличие от ЭМ, при котором отслеживаются не столько современные этнополитические процессы, сколько процессы их репродуцирующих на разных этапах этнической истории. Как показывают пилотажные исследования, проведенные в Алтае-Саянском экорегионе, на этот уровень можно выйти на основе многолетней целенаправленной деятельности историков, этнографов, социологов и экологов в процессе реализации «интеграционных» по своему содержанию проектов. Это возможно при наличии иерархично соподчиненной организационной структуры, при которой на низовом уровне создается (в рамках системы РАН или высшей школы) структурное подразделение (лаборатории, отдела, кафедры), выступающее как основной исполнитель по развертыванию ЭМ. На втором уровне – временные научные коллективы, привлекаемые к проведению ЭЭ и действующие по единому плану, но относительно самостоятельно друг от друга

Предлагаемая организационная форма определяется необходимостью организации *систематического наблюдения* за социальными процессами (политическими, демографическими, социально-экономическими, экологическими, культурными) и выявлением их этнической составляющей. Это подразумевает четкое определение хронологических и территориальных границ исследования, включения в научный оборот комплекса разноплановых источников, в т. ч. массовые статистические. Опыт подсказывает, что выйти на уровень организации ЭМ могут научные коллективы, ориентированные на формирование и обновление электронного банка первичных и обобщенных данных по заранее определенному перечню исследовательских полигонов (участков территории, в рамках которых проводилось комплексное исследование ЭЭ). Эта работа исключительно трудозатратна, так как основана на составлении регистров населения, обобщения первичных статистических данных по экономической мощности домохозяйств, приведения в электронную форму делопроизводственной документации национальных общественных объединений и, по мере необходимости, органов власти, составление ГИС по практикующимся моделям использования природных ресурсов и т. д. Например, для формирования банка данных по нескольким этносам Алтае-Саянского региона специалистам Кемеровского госуниверситета потребовалось около 20 лет, и в настоящее время эта работа продолжается.

Особо следует отметить необходимость *отправной точки* организации мониторинга. На наш взгляд, на начальной стадии внимание должно быть обращено на этносы, отнесенные к категории «коренных малочисленных народов» (далее КМН). В полиэтничном по составу населения большинстве субъектов РФ выбор КМН в качестве *опорной индикаторной группы* не случаен. Эти народы согласно нормам международного права и российской политической традиции (с XVII в.) всегда рассматривались органами власти как *особый объект* национальной политики. И в настоящее время по отношению к этой социальной группе в соответствии с «Концепцией устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего востока РФ» (утверждена распоряжением Правительства РФ от 04.02.2009 г. № 132-р) федеральным центром предполагается использовать качественно иные политические технологии. Одним из основных принципов политики становится «*комплексность* решения задач социально-экономического и этнокультурного развития», что очень напоминает патерналистические подходы по «выравниванию уровней развития» титульной нации и национальных меньшинств, практикуемые в советское время. Представление национальным меньшинствам прав «рационального использования земель и других природных ресурсов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности» и получение возмещения ущерба от иных субъектов хозяйственной деятельности, расположенных на их «этнической территории».

Из семи сформулированных в Концепции задач только две (пятая – «повышение доступа к образовательным ресурсам» и седьмая – «сохранение культурного наследия») можно отнести собственно к курсу развития национально-культурной автономии. Остальные направлены на качественное повышение уровня жизни на основе совершенствования систем местного самоуправления, землепользования, обеспечения занятости путем внедрения в традиционное природопользование новых технологий. Каждое из направлений Концепции с начала их реализации в субъектах РФ определяет качественное изменение (трансформацию) текущих социальных процессов на этнической территории КМН, проследить которые можно на основе индикаторов ЭЭ, уже выработанных и апробированных в РФ. Таким образом, современная правовая практика определяет «социальный заказ» для научных коллективов, обуславливая технику проведения экспертных исследований и методологическую основу организации мониторинга.

В данном контексте конечной целью любой научной разработки является не столько получение качественно нового знания, сколько оценка эффективности реализации установок федерального центра в субъектах РФ.

Требования, которые предъявляются к ЭЭ и ЭМ, определяют, что эти индикаторы должны быть рассчитаны не только для КМН, но и для этносов, с которыми они соприкасаются в повседневной деятельности. Более того, определение в качестве *потенциальных объектов* ЭЭ и ЭМ этносов, интегрированных в урбанизированную инфраструктуру регионов и не отнесенных к категории КМН. Это определяется общей направленностью на нормализацию межэтнических отношений, формируемого центром курса национальной политики. Стоит отметить, что федеральная концепция НП, принятая в 1996 г., не была сориентирована на динамично меняющуюся этнодемографическую ситуацию, проявление традиционной хозяйственной специализации в разных сегментах рынка, резкую поляризацию населения по уровню жизни, этническую преступность. С изменением этнической структуры населения субъектов РФ можно прогнозировать формирование новых очагов «межэтнической напряженности», выступающих в качестве объекта ЭЭ.

Расширение предметной области ЭМ и ЭЭ определяется и отсутствием у представителей региональных органов власти ясного представления о механизме реализации федерального курса НП в условиях, когда поставленные им цели «не соответствуют» местным реалиям. В настоящее время далеко не каждый субъект РФ имеет «региональную концепцию национальной политики», в которой определены финансовое обеспечение и регламент решения поставленных федеральным центром задач. В среде региональных элит широко распространено представление, что различия между правовыми и реальными возможностями реализации «этнических прав» в среде полиэтничного населения регионов определяет не только внутренние противоречия проводимого федерального курса НП, но и формирование «очагов» межэтнической напряженности. Собственный вклад в осложнение этносоциальной обстановки, как правило, игнорируется.

Эта ситуация ставит перед специалистами в области межкультурных коммуникаций, социальной и прикладной антропологии, работающих в субъектах РФ, достаточно конкретный перечень задач, требующих незамедлительного разрешения. К числу приоритетных следует отнести: формирование научно исследовательских групп и подготовку кадров в

области прикладной антропологии, переориентацию научных исследований на региональные этнодемографические, социально-экономические, этнополитические и этнокультурные процессы, отработку инструментария и формирование единого информационного пространства, позволяющие выйти на организацию мониторинга; разработку и апробацию учебных программ по подготовке нового поколения специалистов. Специфика современной ситуации заключается в том, что для решения этих задач приходится полагаться в основном на местные ресурсы, что определяет выстраивание системы взаимодействия с региональными органами власти, целевыми фондами и программами.

Библиографические ссылки

1. Амелин, В. О сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – Режим доступа: http://valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_/set_etnol1/o_seti_etn.html
2. Антропологический форум. – СПб.: МАЭ РАН, 2005.
3. Бойко, В.И., Шмаков, В. С., Нечипоренко, О. В. и др. Этносоциальный мониторинг коренных малочисленных народов Сибири // Труды Кузбасской комплексной экспедиции. – Кемерово: ИУУ СО РАН, 2004. – С. 76–93.
4. Бойко, В. И., Садовой, А. Н., Нечипоренко, О. В., Колбаско, А. В., Зазулина, М. Р., Белозерова, М. В., Поддубиков, В. В. и др. Этнологическая экспертиза. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области. – Новосибирск, 2008. – Вып. 2.
5. Козлов, В. И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология. Теория и практика. – М., 1991. – С. 14–44
6. Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (утв. распоряжением Правительства РФ от 04.02.2009 г. № 132-р).
7. Костюк, В. Г., Попков, Ю. В., Шпота, Л. И. О целесообразности разработки концепции и создания научной базы программы государственной национальной политики в Сибири // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск: Наука, 1998. – Вып. 2.

8. Министерство регионального развития России. Всероссийское совещание по вопросам реализации государственной национальной политики и этнокультурного развития регионов России (г. Москва, 22–23.10.2009 г.).

9. Министерство регионального развития России. Международная конференция, посвященная Второму международному десятилетию коренных народов мира (г. Москва, 21–23.10.2009 г.).

10. Оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп малочисленных народов Севера. – М.: RAIPON, 2002.

11. План мероприятий по реализации в 2009–2011 годах Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (утв. распоряжением Правительства РФ от 28.08.2009 г. № 1245-р).

12. Правила распределения и предоставления из федерального бюджета субсидий бюджетам субъектов РФ на поддержку экономического и социального развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (в ред. постановления Правительства РФ от 08.08.2009 г. № 648).

13. Рекомендации парламентских слушаний, проводимых Комитетом Государственной Думы по делам национальностей «О проекте федерального закона №448425-4 «О защите исконной среды обитания, традиционного образа жизни и традиционного природопользования коренных малочисленных народов Российской Федерации» 17.04.2008 года // Материалы Комитета Государственной Думы по делам национальностей Государственной Думы ФС РФ. – Режим доступа: www.duma.gov.ru/komnac

14. Садовой, А. Н., Пруель, Н. А. Этносоциальный мониторинг: принципы, методы, практика. – Кемерово, 1996.

15. Садовой, А. Н. Организация этносоциального мониторинга (академическая наука и представительная власть) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Материалы 4-годовой сессии ИАиЭ СО РАН. – Новосибирск, 1997.

16. Садовой, А. Н. К методологии и методике анализа этносоциальных процессов на территории Кемеровской области // Труды Кузбасской комплексной экспедиции. – Кемерово: ИУУ СО РАН, 2004. – С. 38–76.

17. Садовой, А. Н., Нечипоренко, О. В., Поддубиков, В. В., Белозерова, М. В. и др. Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАл» (ОАО ММК – Магнитогорский металлургический комбинат) и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашенской сельской администрации МО «Город Мыски». – Кемерово: ИУУ СО РАН, 2005. – Вып. 1.

18. Тишков, В. А. Сеть этнологического мониторинга десять лет спустя // Этнопанорама, 2003. – № 1–2.

19. Тишков, В. А. Европа под мониторингом // Российская газета. – Федеральный выпуск № 4615 от 19.03.2008 г.

20. «Этнологическая экспертиза» в России и международные стандарты оценки воздействия проектов на коренные народы // Мир коренных народов – Живая Арктика. – АКМНСС и ДВ РФ, 2006. – (Приложение к альманаху).

21. Cernea Michael M. Social Organization and Development Anthropology. The 1995 Malinowski Award Lecture Environmentally Sustainable Development Studies and Monographs Series. № 6. The World Bank. – Washington. D.C., 1996.

22. <http://eawarn.ru>

С. В. Передерий

Пятигорский государственный лингвистический университет

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ НА ТЕМУ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ЭТНИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

Проводить слушания и круглые столы на тему толерантности и этнического экстремизма сегодня стало модным, можно даже сказать, что это, своего рода, тренд последнего времени. При этом обращает на себя

внимание тот факт, что публичным рассмотрением названных проблем занимается один и тот же круг лиц: представители нескольких правозащитных организаций, некоторых национально-культурных автономий, да пара-тройка вечных экспертов-общественников. Их всех объединяет сугубо одностороннее и весьма предвзятое видение сложных вопросов общественного развития: много говорится о нарастании ксенофобии и антисемитизма, и все это сопровождается, как правило, призывами «безжалостно пресечь», «ужесточить закон» и «сажать, сажать, сажать»! Другими словами, беспощадно бороться с инакомыслящими, прибегая, в первую очередь, к помощи силовых структур.

Столь явное отсутствие толерантности заставляет задуматься о том, насколько терпимы сами борцы за неё. И вообще, что тогда понимается под толерантностью? Почему не видно в их позиции желания разобраться в причинах происходящего, не чувствуется любви и сострадания к пусть даже глубоко заблуждающимся, но своим согражданам? Вместо этого – гневное «заклеймить».

Главным «монстром-экстремистом» зачастую выводят вполне определенный и самый многочисленный народ нашей страны. Обличительный гнев непримиримых борцов за толерантность направлен, в основном, против «бритоголовых». Лишь изредка можно услышать в их адрес нейтральные высказывания, что это, мол, люмпенизированная русская молодежь, которая оказалась отрезанной от хорошего образования и движения по социальной лестнице. Но почему-то не звучит следующий, логично вытекающий из этого вопрос: как случилось, что блага цивилизации оказались недоступны части молодежи этого народа? Как исправить эту несправедливость, а значит, выбить основу из-под ног идеологов экстремизма?

Сегодня приходится констатировать, что распад СССР, его последствия ударили прежде всего по русскому народу, который оказался в разделенном состоянии, утратил лидирующее положение не только в новых государствах РФ, но и в самой России. В самом деле, нельзя не замечать, что доминирующее положение в большинстве сфер общественной жизни страны заняли представители активно действующих национальных меньшинств, которые, как правило, имеют за пределами России свои государственные образования (азербайджанцы, грузины, армяне, евреи). В этой связи уместно привести суждение известного рос-

сийского философа А. А. Зиновьева, к сожалению, недавно ушедшего из жизни. Давая оценку в последние годы своей жизни государственному режиму в России как криминально-капиталистическому, он с болью писал, что все то, что делают эти люди, есть убийство русского народа и убийство России как русского государства [2].

Число разнообразных примеров бедственного положения русских во всех областях жизни так велико, что нет возможности их даже перечислить. Но из них со всей очевидностью следует вывод, что русский этнос в настоящее время ослаблен до предела, и в этом немалую роль сыграла политика двойных стандартов со стороны государства на протяжении всего советского и постсоветского периодов. Ослабление и истощение русских как народа, всех его ресурсов (духовно-нравственных, экономических, культурных, демографических и т. д.) настолько очевидно, наглядно и лежит на поверхности, что не требует специальных доказательств. Русские сегодня находятся, по существу, в состоянии многолетней прогрессирующей деградации. С точки зрения этнологии, русские как этнос проходят в настоящее время фазу надлома и поэтому крайне уязвимы, а их этническое будущее вообще проблематично.

Советский социализм с его всеобщей государственной собственностью, диктатом одной партии и уравнительным принципом распределения **потерпел крах, сокрушив при этом государство.** Но форсированная капитализация страны, попытки либеральных преобразований по западным стандартам также оказались непригодными для России и, более того, раскрутили маховик уничтожения русского народа как государствообразующего. Сегодня Россия стремительно вымирает, каждый день в России **умирают** две деревни. На 1 января 2008 г. население страны, по данным Росстата, составило **142008838 человек.** На конец июля 2008 г. – **141888000 человек.** За семь месяцев умерли более **120 тыс. россиян,** наибольшие показатели смертности – в регионах проживания русского населения. К **2050 г.** население РФ может уменьшиться до 100 млн человек (это прогноз ООН). Прогноз Института социально-политических исследований РАН – 83 млн. человек. Первый заместитель председателя Комитета ГД по охране здоровья Н. Герасименко считает, что если не принимать никаких мер, то вскоре **Россия превратится в страну вдов.**

За последние несколько лет смертность в России увеличилась на 20 %, остается низкой рождаемость. Средняя продолжительность жизни российских мужчин – 58 лет и 8 месяцев, а женщин – 72 года. За минувшие 13 лет с карты страны полностью исчезли **290 городов** и **11 тыс. сел. 13 тыс.** российских деревень остались без жителей [1].

Что тому виной? Проводимая властными структурами социальная политика, при которой стали нормой алкоголизм, наркотики, ДТП, стрессовые ситуации, аборт, генетические заболевания, поддельные лекарства.

Страна действительно находится на пороге гуманитарной катастрофы.

В этих условиях гражданским долгом российских обществоведов является акцентирование внимания общественности и властных структур на пагубности подобного развития событий. Но, к сожалению, мы сталкиваемся с тем, что некоторые известные специалисты, напротив, вводят общество в заблуждение, выдвигая нелепые теоретические конструкции. И здесь в качестве примера можно назвать позицию В. А. Тишкова, члена-корреспондента РАН, директора Института этнологии и антропологии РАН, бывшего члена Общественной палаты РФ, выраженную во многих его трудах, в том числе, и в редактируемом им сборнике «Северный Кавказ в национальной стратегии России» [5].

В качестве основополагающего тезиса В. А. Тишков развивает идею о формировании в российском обществе общероссийской идентичности и значимости этого феномена. Саму по себе постановку задачи формирования общероссийской идентичности как пути снижения межнациональных и межэтнических противоречий казалось бы можно было только приветствовать. Но в дальнейших рассуждениях автора не видно конкретных политических механизмов претворения этой идеи в жизнь. Может быть он предлагает в качестве таковых упразднение национально-государственных образований, которые стоят на пути формирования общероссийской идентичности? Нет, нигде в его работах эта проблема даже не затрагивается. А ведь без этого все рассуждения о формировании общероссийской идентичности являются не более чем политической маниловщиной. Призывы В. А. Тишкова к формированию общероссийской идентичности, по сути дела, сводятся к предло-

жению только русским отказаться от своей идентичности и значиться просто россиянами. Заметим, что это предлагается только русским, а не татарам или, допустим, чеченцам. Понятно, как бы они отреагировали на подобное предложение.

Вся беда в том, что все рассуждения В. А. Тишкова вступают в противоречие с реальными политическими событиями, когда происходит буквально взрыв этнического самосознания. Так, в мае 2008 г. в Иерусалиме прошло масштабное заседание генеральной ассамблеи Всемирного Конгресса русскоязычного еврейства (ВКРЕ), где почему-то не было призывов к проживающим в России евреям отказаться от своей идентичности и стать просто россиянами. Кстати, президентом этой организации во второй раз стал российский сенатор от Пензенской области Б. Шпигель [3].

Так к чему призывает В. А. Тишков русский народ и, говоря о стратегии России на Северном Кавказе, народы этого региона? Чем это может обернуться в конечном счете для российской государственности?

Отсутствие самоопределения русского народа в своих национальных целях по праву можно отнести к одной из наиболее болезненных проблем современной России, и в ряде публикаций обоснованно обращается на это внимание [4]. И это проблема не только русского народа, но и главный раздражитель для других народов России. Действительно, когда ведущий не знает, куда он идет, начинается самоопределение ведомого в своих целях и задачах, что, в конечном счете, и содержит угрозу самому государству, объединяющему эти народы.

Положение русского народа усложняется и вследствие того, что его интересы фактически игнорируются многочисленными так называемыми «правозащитными» организациями и деятелями – как отечественными, так и зарубежными, – оказывающими существенное влияние на политику федерального центра и на формирование международного общественного мнения. Более того, во многих случаях эти организации занимают явно русофобские позиции и играют провокационную роль, способствуя разжиганию этнических конфликтов, оказывая покровительство фашиствующим националистам и сепаратистам и выступая, фактически, в роли инструментов геополитических сил, стремящихся к расчленению России.

Важнейшим недостатком Основного Закона РФ следует признать отсутствие закрепленной на конституционном уровне коллективной самоидентификации российского населения. Беспрецедентным фактом для конституций мира является полное игнорирование проблемы национальной идентичности преобладающей общности. Русский народ, составляющий 82 % населения РФ, вообще не упоминается ни в одной из статей Основного Закона.

Подчеркнем, что по международным канонам РФ является мононациональным русским государством, в котором государствообразующей нацией являются великороссы, находящиеся в органическом единстве с другими коренными народами России. Как мы уже отмечали, русскими признают себя более 80 % населения России. При этом, будучи государствообразующим народом и становым хребтом Российской Федерации, русские в России юридически не существуют, они не обладают правосубъектностью, фактически лишены возможности выражать свою волю, формулировать и защищать собственные интересы. На практике это ведет к отчуждению русской нации от собственной государственности, и в этом, на наш взгляд, заключается самая серьезная угроза государственной безопасности РФ. Полагаем, что в целях устранения названной угрозы в конституцию РФ как мононационального русского государства должны быть внесены соответствующие коррективы.

Наивно думать, что рост национального самосознания является привилегией малых этнических групп, а русским он чужд. Рост самосознания русского народа в ближайшие годы станет характерной чертой общественного развития, и вряд ли плодотворным будет приклеивать к этому явлению ярлыки «национализм», «шовинизм» и другие «измы».

Государственным структурам вообще о многом стоит задуматься, в том числе и о причинах роста радикальных настроений в среде славянской молодежи. Они лежат на поверхности, в том, что она на своей родной земле стала пасынком. И следует прекратить ежедневные рассказы про «русский фашизм» – они для восьмидесяти процентов граждан России стали не столько пугающим, сколько раздражающим фактором. И если наше государство не утратило хотя бы инстинкт самосохранения, оно должно принять во внимание вышеназванные процессы в российском обществе.

Библиографические ссылки

1. Аргументы недели, 2008. – № 40 (126). – С. 10.
2. Зиновьев, А. А. Куда делся советский народ? – Родная газета. – 2003. – № 11 (июль).
3. Известия. – 2008. – 23, 24, 25 мая. – С. 1.
4. Сафаралиев, Г., Дибиров, А. Н. Государство строится вокруг русского народа // Парламентская газета. 2007. – № 24. – С. 7.
5. Северный Кавказ в национальной стратегии России / под ред. В. Тишкова. – М., 2008.

М. С. Зинченко

Пятигорский государственный лингвистический университет

ПОЛИТИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ

В современном мире проблема политизации религии приобретает все большую актуальность. Политизированный ислам, христианство, индуизм и другие религиозные традиции становятся важнейшими факторами политических процессов и отношений как регионально-национального, так и глобально-цивилизационного уровней. В этой связи представляется важным ответить на следующие вопросы: почему, собственно, возможна политизация религии? Что из себя представляет политизированная религия? Какие причины генерируют процесс политизации религии?

В своей работе «Ислам в политике: идеология и практика» С. А. Семедов указывает на тот факт, что политизация религии не использование религии в политических целях, а процесс «проявления» политической составляющей религии [1, с. 56]. Сказанное указывает на то, что политизация религии не есть нечто противоестественное. Она возможна в силу наличия в каждой религии политической составляющей, позволяющей приложить религию к политической практике.

Впервые термин «политическая религия» появился в книге немецкого ученого Э. Фёгелина «Политические религии» (1938 г.), где он называет политическими религиями тотальные идеологии, подобные ком-

мунизму, фашизму и национал-социализму. Эти идеологии служат в качестве обоснования национального единства, придавая политическому порядку квазирелигиозное измерение, хотя и в превращенной форме [2, с. 29]. Превращенность формы – исключительно важное понятие в данном случае. Оно указывает, что для Фёгелина и его последователей «политическая религия» не представляет собой религии в собственном смысле слова: это идеология, обладающая всеми признаками религии, но не предполагающая веры в Бога, и поэтому может быть определена как «светская религия». Естественно, что европейцы-христиане могли называть «религией» идеологию, не включавшую веры в Бога, только в метафорическом смысле. Однако сейчас, когда в поле зрения ученых попадают религии, изначально не предполагающие веры в Бога, различие между «религиями» и «идеологиями» становится еще более смутным.

В рамках политической религии события нашего мира рассматриваются как часть (или отражение) событий религиозного, сакрального, вселенского (космического) характера. Цель, которую ставят перед собой религиозно-политические движения – это Цель с большой буквы, главная задача всего человечества, осуществление которой санкционировано потусторонними силами. Они делают что-то не потому, что хотят этого сами, но, главным образом, потому, что этого хочет Бог или другая сверхъестественная сила. Так, М. Юргенсмейер о религиозных войнах пишет следующее: «Такого рода религиозные действия являются не просто политическими феноменами, которые оправдывают с помощью религии; истинно верующие воспринимают их как грани более фундаментального противостояния. Конфликты реального мира связываются с невидимой, космической войной: духовной битвой между порядком и хаосом, светом и тьмой, верой и сомнением» [3, с. 112]. Это означает, что реальная война воспринимается как «священная», как земное отражение столкновений между добром и злом в потустороннем мире.

Сакрализация политического конфликта ведет к сакральному восприятию врага. Враг, которому противостоят сторонники политических религий, не личный враг и даже не политический. Это воплощение вселенского зла. Никакие жертвы во имя его уничтожения не кажутся слишком большими. Какие-либо сделки с врагом становятся совершенно невозможными. «Мы боремся не для того, чтобы враг признал нас и предложил нам что-то. Мы боремся, чтобы стереть врага с лица земли», – сказал как-то

бывший лидер ливанской секции «Хезболла» Хуссейн Муссави [4, с. 96]. Отсюда – кажущаяся иррациональность религиозного насилия, когда жертвами становятся люди, на первый взгляд случайные, но только на первый, так как в реальности их объединяет принадлежность к группе, наделенной свойствами космического врага. В рамках религиозно мотивированного насилия, пишет М. Юргенсмейер, «любой индивид, входящий в группу, которая считается вражеской, может с полным основанием стать объектом насильственного нападения, даже если он или она – ни в чем не повинный прохожий. В космической войне такого понятия нет; здесь все – потенциальные солдаты» [3, с. 165]. Более того, чтобы покончить с представителями вселенского зла, религиозный террорист-фанатик, не задумываясь, совершает самоубийство [4, с. 100].

Рассуждая о том, где проходит грань между «просто религией» и «политической религией», уместно вспомнить концепцию политического философа К. Шмитта, согласно которой любые отношения между группами людей становятся политическими тогда, когда другая группа начинает восприниматься в категориях «свои» и «чужие», друзья и враги [1, с. 43]. Формула К. Шмитта дает возможность определить, когда те или иные отношения становятся политическими и, соответственно, попадают в сферу внимания политолога. Религия, в таком случае, становится политической, когда ее сторонники начинают рассматривать сторонников другой религии не как соседей или возможных новообращенных, а как врагов. Тогда, пишет Ю. П. Зуев, «конфессиональные различия между людьми становятся факторами политического разделения» [5, с. 64]. Начинается межконфессиональный конфликт – в форме открытой войны или просто политического противостояния. Впрочем, если следовать К. Шмитту, то любое политическое противостояние потому и называется политическим, что может в любой момент вылиться в открытое вооруженное столкновение.

Все это позволяет нам согласиться с определением политической религии, предложенным А. В. Митрофановой. Она полагает, что политическая религия может быть определена «как особая форма религии, которая обосновывает политическое действие, либо как особая форма идеологии, которая обосновывает политическое действие через апелляцию к потусторонним силам. Иначе говоря, политическая религия представляет собой соединение религии и идеологии, посредническую фор-

му, позволяющую связать религию с политическим действием» [6, с. 19]. При этом важно понять, что в политической религии нет ничего ущербного или неправильного. Политическая религия не «ересь», а та же самая религия, обернувшаяся своей политической стороной. Ее опасность заключается не в том, что она «искажает правильную» догматику, а в том, что она переводит религиозные отношения в политическую плоскость «свой-чужой», «друзья-враги», открывая, тем самым, путь для ксенофобии и религиозно мотивированного насилия.

По мнению директора Института стратегических исследований при Гарвардском университете С. Хантингтона, религия разделяет людей даже более резко, чем этническая принадлежность. В своем политологическом бестселлере «Столкновение цивилизаций» он пишет: «Человек может быть полуфранцузом и полугарабом, и даже гражданином обеих этих стран. Куда сложнее быть полукатоликом и полумусульманином». Это происходит в силу того, что «из всех объективных элементов, определяющих цивилизацию, наиболее важным является религия». При этом, для людей «важны враги, и наиболее потенциально опасная вражда всегда возникает вдоль “линий разлома” между основными мировыми цивилизациями, философские воззрения, основополагающие ценности и взгляды на жизнь в которых значительно отличаются». Современное «возрождение религии в большей части мира усиливает эти... различия» [7, с. 13, 47, 23].

Что же генерирует процесс возрождения религии в современном мире и почему реактуализация религиозных воззрений приобретает ярко выраженные политизированные черты?

Естественно, что в разных странах и цивилизациях активизировавшаяся политизация религии обусловлена различными факторами. И все же было бы неверно полагать, что большое количество разнообразных причин привело к одновременным и схожим последствиям в большинстве частей света. Глобальный феномен требует глобального объяснения. Сколько бы событий в отдельных странах ни возникало под влиянием уникальных факторов, все равно должны существовать некоторые общие случаи. И как нам представляется, такими причинами стало то же самое, что считалось причинами ее смерти: процессы секуляризации и модернизации, которые долгое время были локализованы в грани-

цах западно-европейской цивилизации, но в условиях глобализации стали проникать во все части света, на все континенты.

Буквально, секуляризация означает «обмирщение» – то, что было достоянием веры и церкви, становится со временем от них независимым, светским. «Религия перестает быть символом той главной святыни, которая объединяет и сплачивает как единое целое то или иное общество. Она становится делом личного выбора индивида, а не олицетворением единственно возможной истины и одного единственно возможного пути в жизни. Религия становится частным делом индивида, она «приватизируется», и это неизбежно приводит к уменьшению ее власти, силы воздействия на жизнь человека», пишет В. И. Гараджа [8].

В свою очередь, парадокс модернизма, поставившего человека на место Бога и присвоившего его возможности себе, заключается в том, что он изначально вненационален: он судит о национальной истории и традиции с каких-то «внешних» позиций, с позиций более высокого «передового образца». Для него не возникает ни тени сомнения ни во внутренних достоинствах этого образца, ни в возможностях его переноса на любую национальную почву. Сама «почва» при этом трактуется как «чистая доска». Модернизатор присваивает себе право писать на ней «самые красивые иероглифы», не считаясь с тем, что было написано на ней прежде.

Взаимосвязь между вхождением развивающихся стран в мировую экономику и появлением там религиозно-политических движений давно стала очевидной для большинства ученых. Эти страны первоначально с энтузиазмом заимствовали западные идеи и образ жизни, так как их общества были уверены: имитация западных образцов быстро приведет к тому, что уровень их жизни сравняется с уровнем жизни на Западе. Однако этого, по очевидным причинам, не произошло. Неудача модернизации западного типа, стремление осуществить модернизацию на другой основе (например, вместо западной ориентации на удовлетворение личных потребностей ориентироваться на потребности общества и государства) вызвали к жизни процесс политизации религии. Соответственно, предполагаемым результатом политико-религиозной борьбы является отнюдь не реставрация «древних традиций», а осуществление удачной и менее болезненной для большинства населения модернизации. А политизация религии при этом характеризуется не возвращением в прошлое и

не консервацией архаических элементов настоящего, а стремлением провести удачную модернизацию общества в самом широком смысле (от экономической до социальной и политической).

Неудача модернизации проявляется в ряде кризисов, которые М. З. Хусейн называет «кризисами развития» [9]. Он выделяет пять таких кризисов: кризис идентичности; кризис распределения; кризис легитимности; кризис проникновения; кризис участия. Рассмотрим подробнее каждый из этих кризисов, опираясь, главным образом, на примеры из практики мусульманских стран и государств Латинской Америки, так как именно эти страны в большей степени были подвержены политизации религии.

1. Кризис идентичности. Общество, подлежащее модернизации, не может рассматриваться ни как самостоятельное, ни как суверенное. Оно – объект модернизаторской воли. По сути, модерн противопоставил себя всякой традиции. При этом он стал отождествляться исключительно с западноевропейской цивилизацией. Его образом, равно враждебным и «темному» прошлому и качественно иному альтернативному будущему, стал либерализм как господствующая идеология современного Запада, формирующая его идентичность. Данная идеология является антисистемной, и всегда противопоставляет себя любой этнической культурной традиции, и стремится к полному моральному уничтожению этноса, из числа представителей которого она инкорпорирует своих новых членов. Поэтому неудивительно, что на психологическом уровне это ведет к неуверенности, сомнениям, потере чувства идентичности. Как следствие, идентификация, особенно в критические моменты, нередко идет по одному, наиболее очевидному этническому и/или религиозному основанию, что влечет за собой открытые формы конфликтов. Особенно это проявляется в период после холодной войны, когда народы и нации оказались перед необходимостью ответить «на самый простой вопрос, с которым может столкнуться человек: кто мы есть?». В этих условиях, несомненно, роль религиозного фактора в его политическом варианте будет лишь возрастать.

2. Кризис распределения. Религиозная идеология не может охватить широкие слои населения в обществе, где национальные богатства распределены более или менее равномерно. Большинство развивающихся стран страдают от недостатка не только политической, но и экономической демо-

кратии: разрыв между бедными и богатыми здесь ненормально огромен. Однако суть кризиса распределения заключается, прежде всего, в относительном обездоливании средних слоев населения, который сопровождается, благодаря знакомству с западной системой образования и глобальной культурой, одновременным ростом их притязаний. Практически во всех странах мира политизации религии предшествовал период болезненных экономических реформ, которые часто не приводили к заявленным результатам, но зато превращали некогда уверенный в собственном благополучии средний класс в скопище неорганизованных бедняков, последним прибежищем для которых становилась религиозная идеология.

3. Кризис легитимности. Он заключается в том, что население страны не признает за правительством законного права на власть. Между правящей элитой и большинством граждан возникает ценностный разрыв, приводящий к утрате властью народного доверия. Элиты, проникнутые западными ценностями, слишком оторваны от большинства населения, к тому же они получают экономическую выгоду от тех самых изменений, которые приводят к падению уровня жизни народа. Размывание легитимности вынуждает правящие режимы прибегать к жестким, диктаторским методам управления. Они идут на все менее и менее популярные меры, что ведет к дальнейшему снижению уровня народного доверия. Такая ситуация отмечалась во всех странах, где впоследствии произошла политизация религии. Так, например, процессы экономической либерализации в Иране не сопровождались значительным усилением личной диктатуры власти шаха. В Сирии организация «Братья-мусульмане» радикализировалась и перешла к террористическим действиям во многом благодаря тому, что после военного путча 1970 г. президент Ассад установил в стране полицейский режим.

4. Кризис участия является постоянным спутником кризиса легитимности. Он означает, что большинство населения не участвует в процессе принятия политических решений. С одной стороны, недостаточное политическое участие является результатом отсутствия легитимности правящего режима, а с другой, – чем меньше людей участвует в управлении, тем менее легитимным становится режим. В ответ на требования населения предоставить больше возможностей для политического участия, правительство часто становится более авторитарным и может пойти на отмену выборов или денонсацию их результатов (так, в декабре

1991 г. правительство Алжира запретило второй тур выборов в Национальное народное собрание, в котором должны были победить исламские радикалы).

Политизация религии воспринимается как адекватный способ разрешения кризиса участия потому, что во многих незападных странах отсутствуют какие бы то ни было институты, способные обеспечить альтернативные формы политического участия. В результате репрессий со стороны правительства сфера, так называемого, гражданского общества неуклонно сужается, и религиозно-политические организации становятся в прямом смысле единственными сохранившимися общественными организациями. Профсоюзов, оппозиционных политических партий, неправительственных организаций здесь может не быть вообще, а если они есть, то оказываются либо поставленными вне закона, либо контролируются правящим режимом.

5. Кризис проникновения неразрывно связан с кризисами легитимности и участия. Он заключается в том, что власть правительства проникает не на все уровни общественной жизни – остается много социальных слоев или географических зон, где люди предоставлены сами себе. Даже если правительство принимает какие-то полезные решения, оно не может добиться их исполнения, так как большинство населения живет, фактически, в неконтролируемых «серых зонах». Очевидно, что кризис участия способствует дальнейшему углублению кризиса проникновения, а кризис проникновения, в свою очередь, углубляет кризис участия.

Таким образом, появление религиозно-политических движений и успешное завоевание ими массовой поддержки неразрывно связаны с кризисами, возникшими в результате неудачной модернизации. Однако означает ли это, что присутствие указанных кризисов неминуемо приведет к политизации религии? Американский исследователь политических религий Н. Кедди полагает, что социально-экономические причины, достаточно полно обрисованные в научной литературе, необходимы, но недостаточны. По его мнению, при прочих равных социально-экономических условиях необходим еще один элемент: религиозно-политические движения возникают там, где «в последние десятилетия (вне зависимости от отдаленного прошлого)» значительная часть населения характеризуется высокой религиозно-

стью. Таким образом, социально-экономические и политические причины определяют, возможна ли вообще в данном обществе политизация религии, а наличие религиозности – произойдет ли политизация в данный исторический момент.

Часто феномен политизации религии сводят к использованию религии какими-либо политическими силами, т. е. рассматривают ее как следствие применения политической технологии. Вместе с тем, не исключая возможности политического манипулирования, все же представляется, что говорить о политизации религии можно только тогда, когда политические средства используются в религиозных целях, а не наоборот, в противном случае, необходимо говорить о клерикализации политики, т. к. для религиозно-мотивированного актора политического процесса власть – лишь средство для достижения сакральной цели. Этой целью может быть создание исламского государства, «православного царства», Царства Божьего на Земле, уничтожение сил зла и т. д.

Таким образом, современное понимание сущности религии позволяет говорить о ней как о специфическом видении мира, не предполагающем каких-либо конкретных убеждений. При этом сама по себе религия не может стать непосредственной основой политического действия, для осуществления которого необходима т. н. «политическая религия», возникающая в результате политизации «чистой» религии и представляющая собой особую форму религии, которая обосновывает политическое действие, либо идеологии, которая обосновывает политическое действие через апелляцию к потусторонним силам. Генерацией современного процесса политизации религии является проблема неудачной модернизации западного типа.

Библиографические ссылки

1. Семедов, С. А. Ислам в политике: идеология и практика. – М.: Экон-Информ, 2009.
2. Maier, H. Politische religionen. Die totalitaeren regime und das Christentum. – Freiburg, Basel, Wien: Herder, 1995.
3. Juergensmeyer, M. L. Sacrifice and Cosmic War // Violence and the Sacred in the Modern World. – Ed. by Juergensmeyer M. L.: Frank Cass, 1992.

4. Hoffman, B. Inside Terrorism. – N.Y.: Columbia Univ. Press, 1998.
5. Зуев, Ю. П. Религиозно-конфессиональные отношения и общественная стабильность // Политика. – 1997–1998 (зима).
6. Митрофанова, А. В. Религиозный фактор в мировой политике: на примере православия. – М.: РГБ, 2006.
7. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. – М., 2006.
8. Гараджа, В. И. Религиоведение // Глава 5. Секуляризация. – Режим доступа: <http://наука-i-religia.narod.ru/religilved/garadga/g15.html>
9. Husain, M. Z. Global Islamic Politics. – N.Y.: Longman, 2003.

М. В. Черняк

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПРОСТРАНСТВА КУЛЬТУРЫ

В аспекте развития глобальных социокультурных процессов культурная политика России претерпевает качественные изменения. Ведь, чтобы плодотворно воздействовать на социально-культурную динамику в той или иной стране, ее культурная политика должна отвечать тенденциям и задачам, адекватным масштабу и характеру общественных перемен. В российской культуре в условиях общественных трансформаций принципиальное значение приобретает ориентация на будущее, предполагающая реализацию традиций на новой инновационной основе.

В арсенале гуманитарных наук нет, видимо, более многозначного термина, чем «культура». Под этим словом понимают и художественное наследие, и набор универсальных кодов, обеспечивающий социальную коммуникацию, и систему воспроизводства определенных ценностей, и индустрию, формирующую специфический, но при этом чрезвычайно обширный и потенциально прибыльный рынок продукции.

Ряд известных исследователей в области культурологии полагает, что сущность культуры составляет совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человечеством (А. И. Арнольдов, Ю. И. Ефи-

мов, И. А. Громов, В. А. Малахов и др.). Другой подход состоит в объяснении культуры как специфического способа человеческой деятельности (М. С. Каган, Э. С. Макарян, О. В. Ханова и др.).

Если принять в расчет сложность состояния, в котором находится наше общество, почти полное разрушение институтов, традиционно бравших на себя труд воспитания качественного потребителя культуры, то можно себе представить, с какими трудностями мы сталкиваемся при попытке понять, какое проблемное значение имеет культурная индустрия для российской действительности.

Понятие «культурная индустрия» впервые применил Т. Адорно, критикуя процессы массовизации и тиражирования «культурного производства» в послевоенной Америке. Предметом его критики была стандартизация культурной жизни, связанная с быстрым превращением культурно-художественных продуктов в потребительскую ценность. Концептуальным основанием для этого толкования было принципиальное различие высокой и массовой культуры, что повлекло за собой растянувшуюся на десятилетия дискуссию о массовой культуре, массовых коммуникациях, экономике свободного времени и «новой социологии общества», в основе которой лежат новые форматы культурного потребления.

Однако, спустя некоторое время, термин «культурная индустрия», получивший активное применение в контексте критического анализа социальных противоречий и разрывов, принципиально изменил свое значение и превратился в концепт, удобный для описания работ по изменению элементов социальной среды. Переход от негативного содержания «культурной индустрии» в трактовке Т. Адорно к более прикладному применению этого понятия в его позитивном смысле, как описывающего ряд видов деятельности, связан с исследованиями французских социологов 60–70-х г. XX в. Начинает складываться особое деятельностное пространство, в котором данное понятие конкретизируется и обрывает целым слоем практических значений и смыслов, складывающихся в проектные, а затем и в профессиональные нормы [11, с. 69].

Чтобы как-то сузить круг тем, связанных с интересующим нас аспектом, мы в данной статье решили ограничиться несколькими принципиальными вопросами: какие выделяют аспекты культурной политики

государства и как они влияют на деятельность учреждений культуры в современных условиях.

Когда речь заходит о культуре в целом, то, конечно, имеется в виду главная составляющая культурного производства – производство смыслов, создание культурных кодов, ценностей, образцов, т. е. всего того, что можно назвать культурной аутентичностью.

Кроме текстов, картин, фильмов, опер и балетов существуют не укладываемые в привычную жанрово-видовую классификацию виды культурных продуктов, которые способствуют созданию и поддержанию среды, производящей другие культурные продукты.

Говоря о производстве и потреблении культуры, следует иметь в виду не только творцов и аудиторию, но и посредников – всю многоуровневую инфраструктуру, во многом определяющую содержание, качество, продвижение культурного продукта и, безусловно, экономику, его обеспечивающую. Благодаря этим инфраструктурам, вообще иногда меняется облик мира, возникают новые ценностные иерархии.

Поэтому в осмысленной корректировке общего содержания отечественной культуры видится и культурная политика государства на современном этапе.

Отечественная научная литература традиционно использовала понятие «политика в области культуры».

Так, О. И. Карпухин делает акцент на исследовании механизмов управления в культуре, моделях культурной политики государств [8]. Проблемы культурной политики рассматривают П. С. Жидков и К. С. Соколов. В монографии «Культурная политика России: теория и история» и многочисленных статьях авторы исследуют проблемы культурной однородности общества, межкультурных конфликтов, базовых закономерностей культурного функционирования человеческих сообществ, вопросы управления культурными процессами [6, 7].

А. П. Марков в монографии «Отечественная культура как предмет культурологии» приходит к выводу, что в основу культурной политики государства должен быть положен принцип преемственности и сохранения национальной культуры как основного ресурса духовно-нравственного преобразования человека и общества [9]. М. А. Ариарский в монографии «Прикладная культурология» (2001 г.) дает развернутое определение культурной политики, определяет ее объект, предмет, цель

[2]. Особое место в ряду публикаций о культурной политике занимает докторская диссертация Г. М. Бирженюка «Методология и технология региональной культурной политики» [3]. Г. М. Бирженюк обосновал мировоззренческие основания регулирования культурных процессов на региональном уровне, концептуальные модели и принципы культурной политики, систему приоритетов и пакет технологий формирования и реализации культурной политики. Региональная культурная политика в России, анализ организации, методов деятельности, особенности рассматриваются в статье «Некоторые проблемы анализа социокультурной сферы российских регионов» Г. А. Аванесовой [1].

В сложившихся социальных условиях культурная политика государства должна:

1. Содействовать формированию механизмов для эффективного социального взаимодействия и предполагать, с одной стороны, целенаправленное и более активное укрепление модернизационных тенденций; с другой, – контролируемые социокультурные изменения, обеспечивающие максимально бесконфликтное сосуществование модернизационных и традиционных элементов культуры.

2. Осуществлять модернизационные процессы во всех сферах российской жизни с учетом культурных особенностей современного проблемного поля России в его внутренней и международной обусловленности.

3. Создавать технологическую основу для формирования культурных сообществ самого разного типа. Когда средства массовой коммуникации, информационные магистрали делают всемирное культурное пространство еще более многоплановым, культурная политика должна быть дифференцированной: с одной стороны, быть адресной, а с другой, – опираться на межотраслевое взаимодействие. Вследствие этого следует отказаться от устаревшей практики строить культурную политику на основе усредненных показателей [10, с. 25].

4. Обновлять программы образования, просвещения, помогающие приобретать практические навыки в решении сегодняшних личных проблем социально приемлемыми способами.

Средства культурной политики представляют собой совокупность субъектов (институтов) этой политики, предпочитаемых методов и инструментария по ее осуществлению. Существуют творческие институты,

производящие культурные тексты (произведения, формы, образцы) и институты культурной политики, собирающие, хранящие и распространяющие эти тексты [13].

Сегодня необходимой и приоритетной составляющей государственной культурной политики является организация массового просвещения. Разработка современных адресных просветительских программ позволит в широких масштабах распространять образцы рациональной организации общественной жизни, способствовать созданию новых, социально полезных форм организации информационного общества, помогающих решить ряд приоритетных социокультурных задач.

При этом надо учитывать, что просвещение масс сегодня осуществляется, преимущественно, в формах массовой аудиовизуальной культуры по таким каналам, как радио и телевидение, кино и видео, Интернет. Значительную роль здесь призваны сыграть и традиционные виды искусств: литература, музыка, живопись. Огромное значение в современных условиях имеет формирование жизненной среды человека: архитектура, промышленный дизайн, мода и т. п. [4, с. 49].

По мнению А. Д. Жаркова, культурная политика России должна иметь следующие ориентиры:

- переход от директивного управления к партнерским отношениям всех субъектов культурной политики;
- расширение социальной базы культурной политики при преимущественной ориентации на социальные группы, активно действующие в сфере наследия;
- региональную дифференциацию политики в области культурного наследия, предполагающую совместное развитие социальной и предметной среды наследия;
- стимулирование режима саморазвития культур на базе собственного наследия и установление режима диалога между ними;
- обеспечение государственных гарантий сохранения культурного наследия посредством законодательно-правовых актов, выделения необходимых финансовых и материальных ресурсов;
- формирование оптимального механизма общественно-государственного управления культурой [5].

Таким образом, главный ориентир государственной культурной политики будет заключаться в помощи членам общества в адаптации

к меняющимся условиям общественной жизни средствами культуры (прежде всего массовой), в совершенствовании технологического, кадрового, организационного обеспечения этой сферы. Иными словами, в России должна быть сформирована современная индустрия культуры, которая смогла бы обеспечить массовую аудиторию качественной культурной информацией и помочь ей применить полученные сведения с пользой для каждого члена общества и для общества в целом. Эта задача должна решаться на основе максимально эффективного использования существующих учреждений культуры и средств массовой информации.

Особая роль в становлении и реализации культурной политики принадлежит социально-культурной сфере, призванной разрабатывать целевые культурные программы и социальные технологии их осуществления, стимулировать инновационные движения в сфере культуры, управлять экономическими механизмами организации социально-культурной деятельности, выявлять, удовлетворять и развивать духовные интересы и потребности разных групп населения, вовлекать их в мир культуры и социально-культурное творчество.

Стремительное распространение средств массовой коммуникации и массовых видов искусств, появление экранной культуры (кино, телевидение, видео), радио и звукозаписи, компьютерных и сетевых технологий в корне изменили представления о структуре и функциях культуры. Современная культура характеризуется двумя взаимодополняющими тенденциями: интеграцией, которая ведет к формированию глобальной массовой культуры, объединяющей людей независимо от пола, возраста, вероисповедания повсеместно распространяемыми мелодиями и текстами, культурными стереотипами и учреждениями, и в то же время диверсификацией, возрастанием многообразия культурных сообществ [12, с. 88].

У подавляющего большинства людей появляются время, деньги, образование, желание, технические, психологические, ресурсные возможности. Все это неизбежно приводит к тому, что мы неуклонно движемся от прежней производительной деятельности, непосредственно связанной с физическим трудом, к деятельности в сфере услуг и досуга, к принципиально новым видам производства (в том числе, и виртуальным), само возникновение которых невозможно вне новых матриц культуры.

Многообразие форм собственности в социально-культурной деятельности повлекло за собой многообразие программ и действий, появление новых организаций, фирм, эффективно заполняющих образовавшиеся ниши сети учреждений культуры. А внедрение новейших достижений науки и техники стало стимулировать рост новых форм досуга: аттракционы, залы игровых автоматов, компьютерные центры, шоу в ночных клубах. И не всегда учреждения культуры способны конкурировать с альтернативной инфраструктурой. А разнообразные субкультурные группы формируют свою культуру, удовлетворяющую их потребности и предпочтения, т.к. они могут вкладывать в искусство и индивидуальные формы досуга определенные финансовые средства.

Поэтому при формировании новой культурной политики государства определяющим является содержание социальных теорий, норм, ценностей, образцов культуры, символов веры, всего того, что входит в понятие «культура».

Библиографические ссылки

1. Аванесова, Г. А. Некоторые проблемы анализа социокультурной сферы российских регионов // Панорама культурной жизни РФ: информ. сб. / РГБ; НИО Информкультура. – 2001. – № 2. – С. 2–31.

2. Ариарский, А. И. Прикладная культурология монография. Изд. 2-е. – СПб., 2001. – 561 с.

3. Бирженюк Г. М. Методология и технологии региональной культурной политики: дис. ... д-ра культурологи. 24.00.04. – СПб., 1999.

4. Громько, Н. В. Интернет и постмодернизм – их значение для современного образования // Вопросы философии. – 2002. – № 2. – С. 48–54.

5. Жарков, А. Д. Теория и технология культурно-досуговой деятельности: учебник для студентов вузов культуры и искусств.– М.: Издательский дом МГУКИ, 2007. – 480 с.

6. Жидков, В. С. Государственная культурная политика // Ориентиры культурной политики. – 2001. – №6. – С. 49–86.

7. Жидков, В. С. Культурная политика России: Теория и история: учеб. пособ. для вузов / В. С. Жидков, К. Б. Соколов. – М.: Академический проект, – 2001. – 592 с.

8. Карпухин, О. И. Культурная политика и менеджмент. – М.: Экономика, 2004. – 174 с.

9. Марков, Л. П. Отечественная культура как предмет культурологии. – СПб.: СПбГУП, 1996. – 285 с.
10. Местное телевидение, власть, население: информационная открытость, как основа социального партнерства. – М.: Правозащитный фонд «Комиссия по свободе доступа к информации», 2001. – 160 с.
11. Розанова, Ю. Телевидение как субъект государственной публичной политики // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 10. – С. 63–74.
12. Разлогов, К. Э. Экран как мясорубка культурного дискурса // Вопросы философии. – 2002. – № 8. – С. 87–94.
13. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов. – М.: Академический проект, 2000.

Р. А. Нуртазина

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
(Астана, Казахстан)*

СОВРЕМЕННЫЕ МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ И ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Какие специфические особенности имеет информационное общество?

Это, прежде всего, – занятость основной массы населения в информационных сферах деятельности. Сегодня использование инновационных информационных и коммуникационных технологий и новые области их применения на основе мультимедиа – работа на дому, покупка товаров через информационную сеть, обслуживание клиентов в режиме реального времени (on-line), кабельное и спутниковое телевидение – является характерной чертой современного государства. В информационном обществе большая часть работающего населения занята в области производства, обработки, управления и обмена информацией. Производство и распределение товаров все больше становятся зависимыми от эффективной информационной и коммуникационной сети. Общество пользователей встанет перед необходимостью создания так называемых «информационных магистралей», которые приведут к изменению эконо-

мической, политической структуры индустриального и обслуживающего общества.

Одной из основополагающих характеристик СМК в условиях глобализации является превращение медиарынков в информационно-богатые. В число параметров, измеряющих уровень информационного богатства, можно отнести:

- насыщенность медиарынка каналами традиционных СМИ – газетами, журналами, радио и телестанциями, книжными издательствами, кинотеатрами, провайдерами доступа к Интернету;
- насыщенность медиарынка производителями содержательных продуктов – журналистами, писателями, создателями телепрограмм, актерами, режиссерами, профессиональным техническим персоналом;
- свободный доступ аудитории к медиаканалам и содержанию СМИ, как в количественном, так и в качественном измерении;
- уровень потребления продукции СМИ;
- объем затрат на СМИ – процент семейного бюджета, затрачиваемого на СМИ;
- объем национального рекламного рынка в СМИ;
- технологический и инновационный уровень СМИ;
- интегрированность национальных СМИ в глобальную коммуникационную инфраструктуру.

Создающийся единый медиарынок сегодня занимает одно из первых мест в национальных экономиках государств, так как производит важнейшие ресурсы современности – информационные продукты и коммуникационные услуги.

Для успешного осуществления демократических преобразований в Республике Казахстан все большее значение приобретает политика государства в сфере современных массовых коммуникаций.

Обретение Республикой Казахстан независимости и суверенитета послужило мощным созидательным импульсом для проведения коренных преобразований в сфере массовой информации, являющейся своего рода общественной трибуной происходящих в стране радикальных перемен. Процессы рыночного реформирования экономики, демократизации политической системы и общественных отношений, становления гражданского общества формируют новые потребности в свободном информационном обмене, в получении оперативной и многоплановой инфор-

мации о состоянии дел и событиях во всех сферах жизни республики. Наличие же развитых, организационно сильных и свободных средств массовой информации – один из основных показателей демократического общества.

Сегодня Казахстан стал развивать свою структуру СМИ. Наряду с государственными появились коммерческие каналы, газеты, журналы. В 1998 г. был принят «Закон о СМИ», регулирующий правоотношения СМИ как юридического субъекта с властями и общественностью. Меняется формат вещания электронных СМИ. Появляются новые рубрики. Происходит существенное изменение тематики материалов СМИ. В вопросах внутривластной жизни Казахстана СМИ полномасштабно освещают проблему межнационального согласия и политической стабильности. В целом с изменением политико-экономической жизни общества в корне меняется инфраструктура СМИ. Кроме традиционно сложившейся типологической структуры появляются новые специализированные издания, базирующиеся на рыночных отношениях, являющиеся атрибутами новой экономической политики. Возрастает роль СМИ в демократических преобразованиях общественной жизни. Масс-медиа приобретают новые функции, подчеркивающие самостоятельность СМИ как социального института.

Внешнеполитический курс государства получает разнообразные оценки СМИ. В первую очередь, в них преобладают общенациональные интересы и общечеловеческие ценности. Существенное место в жизнедеятельности СМИ играет реклама. Особенности рекламной индустрии газетной строкой, видео- и аудиорядом прокладывают ее историю становления и развития. Злободневной темой сегодняшних СМИ становится их ангажированность, подчиненность олигархическим группировкам. Это, в свою очередь, поднимает проблему корпоративности и солидарности журналистского корпуса в целом. Существенным является доступ к информации. В историческом прошлом печатным изданиям было гораздо легче получить информацию из первых рук. В информационный век зависимость СМИ от доступа к новостям существенно влияет на живучесть того или иного издания, канала. В период глобализации возрастает роль СМИ и по причине роста интереса к ним как главному фактору формирования новой политической культуры общества. СМИ становятся индикатором нового мышления и социальным институтом, формирую-

щим общественное сознание в новых условиях глобализации. Какова роль СМИ в жизни человека, как влияет СМИ на аудиторию: создают они космополита или девианта, эрудита или шарлатана, затворника или человека, который спешит увидеть весь мир своими глазами? На эти вопросы пытаются сегодня ответить ученые, исследователи, политологи и философы.

СМИ формируются как общественный институт и их социальная сущность состоит в том, что это мощное средство воздействия на аудиторию с целью оптимизации ее деятельности, социализации личности и развития интеграционных процессов в информационном обществе.

Исследование роли СМИ в обществе показало наличие различных точек зрения, которые связаны с многогранностью аспектов влияния массовой информации на духовный мир человека. Приведем некоторые позиции ученых о социальной роли средств массовой информации.

Английский ученый, представитель культурологического направления в исследовании средств массовой информации А. Моль определяет роль СМИ как транслятора культуры или, как это звучит в его интерпретации, памяти мира.

А. Моль обратил внимание на тот факт, что, благодаря развитию электронных СМИ, информационный материал стал носить фрагментарный характер. По мнению ученого, сообщения, которые транслируются через газеты, телевидение или радио передаются в статистическом состоянии, в форме факта, что лишает их динамичности. Восприятие события становится похожим на стоп-кадр, нивелируя его временные и пространственные характеристики. В итоге культурные ценности наследуются не в исторической перспективе, а в виде энциклопедического сборника – «понемногу обо всем».

Своеобразен и культурологический подход к вопросу о роли СМИ представителя французской школы Т. Адорно. Он стоит на позиции «разрушительного воздействия СМИ на личность» посредством распространения стереотипов массовой культуры. Оппонентом данного подхода выступил американский социолог С. Холл. Ученый исследовал роль СМИ в процессе взаимодействия массовой культуры и различных социальных структур, подчеркнув при этом интегрирующую роль первой.

И все же остановимся на основных социальных функциях СМИ в условиях глобализации, которые признаются большинством ученых мира. Первая – СМИ как транслятор культурных ценностей. Вторая – СМИ как механизм управления массовым сознанием. Как видим, эти определения о роли СМИ в обществе подразумевают участие масс-медиа в демократических процессах, а также в управлении социальными взаимоотношениями в современном обществе.

Можно ли определить влияние СМИ на общественное сознание наших граждан, исходя из стратегических и тактических задач массовой коммуникации? Чтобы ответить на этот вопрос обратимся к некоторым аспектам, которые могут создать картину демократических процессов в Республике Казахстан.

Первый аспект. Законодательная база

Сегодня в рамках государственной политики Казахстана заложены основы для формирования единого информационного пространства Казахстана, обеспечение информационной безопасности личности, общества и государства, формирование демократически ориентированного массового сознания, становление отрасли информационных услуг, расширение правового поля регулирования общественных отношений, в том числе, связанных с получением, распространением и использованием информации.

Государственная информационная политика служит инструментом укрепления связи центра и регионов, обеспечивающим проведение единой политики на всей территории страны.

Правовой основой деятельности СМИ Казахстана является Конституция РК, гарантирующая свободу мнений, суждений и право свободно их распространять и признающая идеологическое и политическое многообразие. Статьей 20 Конституции Республики запрещена цензура, каждый имеет право получать и распространять информацию любым не запрещенным законом способом. Не допускаются пропаганда или агитация насильственного изменения конституционного строя, нарушение целостности республики, подрыв безопасности государства, войны, социального, расового, национального, религиозного, сословного и родового превосходства, а также культа жестокости и насилия.

Казахстан придерживается мнения, что обеспечение прав и свобод граждан в получении и распространении информации является необхо-

димым условием построения демократического государства. Республика всецело разделяет ст. 9.1 Документа Копенгагенского совещания по человеческому измерению («Право на свободное выражение убеждений включает свободу придерживаться своих убеждений, а также свободу получать и распространять информацию и идеи...») и ст. 24 («Государства-участники будут обеспечивать, чтобы осуществление всех прав человека и основных свобод... не могло быть объектом никаких ограничений, кроме тех, которые предусмотрены законом и соответствуют их обязательствам по международному праву»).

В числе первых законов суверенного Казахстана был закон «О печати и других средствах массовой информации» 1991 г., новизна и демократичность норм которого послужили мощным фактором бурного развития казахстанской прессы, а также принятый в 1999 г. закон «О средствах массовой информации», в разработке которого участвовали представители международных организаций, средств массовой информации, неправительственных организаций. Данный закон запрещает цензуру и вмешательство в деятельность организаций СМИ со стороны государственных должностных лиц, направлен на защиту прав журналистов. Также в числе мер, предусмотренных данным нормативно-правовым актом, можно отметить упрощенный порядок регистрации СМИ и налоговые послабления.

Еще одним шагом по законодательному закреплению отношений, возникающих в процессе получения, использования, распространения, хранения информации, а также защиты информации является разработка проекта закона Республики Казахстан «Об информации и защите информации». Данный законопроект определяет основные виды доступа к информации, права и обязанности субъектов информационных отношений, обеспечивает конституционные права граждан на свободу слова, получение информации, правовое регулирование информационной безопасности личности, общества и государства, защиту конституционных прав физических и юридических лиц на сохранение конфиденциальной информации, личной тайны граждан, предотвращение несанкционированного доступа, порчи, искажения, утечки, хищения, блокирования информации и других форм неправомерного вмешательства в информационные ресурсы.

Основные принципы информационной политики государства.

Процесс формирования масс-медиа страны не был простым, в то же время он не был стихийным или однозначно predetermined, а обуславливался целенаправленной государственной информационной политикой, основными принципами которой являются:

- законодательные гарантии принципов свободы слова, свободного получения и распространения информации;
- совершенствование законодательной базы деятельности СМИ;
- справедливое размещение финансируемого из государственного бюджета социального заказа для СМИ;
- прозрачность процесса получения частот для телевизионного и радиовещания;
- создание экономических условий для динамичного развития СМИ;
- конструктивное взаимодействие государства с общественными объединениями, ассоциациями, международными организациями, институтами медиа-исследований.

Второй аспект. СМК в укреплении межэтнической толерантности

Современные массовые коммуникации стали неотъемлемым атрибутом политической жизни, и степень влияния информационных ресурсов на государственную политику по мере развития демократических институтов возрастает. Необходимость нового осмысления роли СМК в регулировании межэтнических отношений также обусловлена общественно-политическими преобразованиями, изменениями в этнокультурном пространстве новых независимых государств.

В средствах массовой информации идет непрерывный процесс выработки принципов освещения событий в сфере толерантности, взаимопонимания и единства людей, принадлежащих к разным этносам концессиям, убеждениям. Так, в 1978 г. ЮНЕСКО была принята декларация об основных принципах СМИ в укреплении мира, согласия и развития прав человека. Затем в 1983 г. в Париже Международная организация журналистов совместно с мировыми медиа-организациями разработала принципы профессиональной этики СМИ.

В 2005 г. результатом седьмой Центральноазиатской конференции СМИ стало единодушное принятие Алматинской декларации по вопросам плюрализма СМИ и Интернета.

В соответствии с Хельсинским Заключительным актом и Стамбульской декларацией 1999 г. все страны ОБСЕ обязались гарантировать свободу прессы как основополагающее условие развития демократического общества. Хорошая информированность гражданского общества, открытость правительства, которым помогают независимые профессиональные и ответственные СМИ, необходимы для обеспечения адекватных ответов на современные вызовы миру, межэтническому и межконфессиональному диалогу, партнерству цивилизаций, стабильности и процветанию.

За время независимости в Казахстане не возникало межэтнических либо межконфессиональных столкновений. Конституция нашей страны изначально закрепила неукоснительно соблюдающееся положение о запрещении дискриминации в любой форме по мотивам расы, национальности, языка, религии. Президентом страны Н. Назарбаевым была выстроена четкая политика в рассматриваемой сфере, создан беспрецедентный орган – Ассамблея народа Казахстана, отстаивающая интересы представителей полиэтничной республики. Опыт Республики Казахстан по выстраиванию грамотной политики в области межэтнических и межконфессиональных отношений предложен Европе как председателю ОБСЕ в 2010 г.

Современные процессы глобализации размывают границы и контуры медийного пространства в отдельно взятой стране, изменяют параметры и динамику его развития. Сегодня в мире можно наблюдать ситуацию, когда действительность, предоставляемая СМИ, способствует формированию и актуализации различных стереотипов, в том числе, этнических. Но те медиаресурсы, которые способствуют актуализации негативных этнических стереотипов могут стать позитивным фактором в предотвращении конфликтов, способствуя установлению общественного согласия и межэтнического мира.

Выражением особого внимания мирового сообщества к межкультурному общению стала выдвинутая в 1996 г. Генеральной Ассамблеей ООН инициатива отмечать 16 ноября как Международный день толерантности. В Казахстане таким праздником стал день 1 Мая – день единства народа Казахстана. В России важнейшим символом внутренней консолидации общества становится отмечаемый с 2005 г. День народного единства, который постепенно приобретает черты настоящего общенационального праздника.

Обеспечение межэтнического и межконфессионального согласия, гражданского единства является важным условием развития Казахстана, реализации стратегических задач социально-экономической и политической модернизации страны.

В целях удовлетворения духовных и интеллектуальных потребностей этносов, проживающих в республике, осуществляется выход теле-, радиопрограмм и печатных изданий на 11 языках. Основная цель – освещение деятельности национально-культурных объединений республики, Ассамблеи народа Казахстана, пропаганда языка, культуры и обычаев представителей различных национальностей, вероисповеданий, представленных в Казахстане. На телеканале «Казахстан» действует специально созданное творческое объединение «Ел», выпускающее передачи на немецком («Казахстан – им бликпункт»), уйгурском («Висал»), корейском («Ури миндэг») языках. Один раз в неделю на государственном и русском языках выходит передача «Достык», направленная на поддержание культуры этносов Казахстана, формирование казахстанского патриотизма. Кроме того, телепрограмма «Казахстан – им бликпункт» включена в сетку вещания Актюбинской, Акмолинской, Восточно-Казахстанской, Карагандинской, Костанайской, Павлодарской, Северо-Казахстанской областных телерадиокомпаний.

На Казахском радио также создана специальная рубрика «Достык», в рамках которой выходят в эфир передачи на немецком, уйгурском, корейском, татарском, турецком и азербайджанском языках, общим объемом 90 минут еженедельно (15 минут – каждая студия). Суммарный ежегодный объем вещания на Казахском радио на национальных языках составляет 81 час. Телеканал «Хабар» выпускает программу «Біздің көшенің тұрғындары», посвященную обычаям, традициям, культурным особенностям этносов, проживающих в Казахстане. В Северо-Казахстанской области в местах компактного проживания польской диаспоры (Петропавловск, Чкаловск, Узынокль) транслируется телепрограмма «Полония» (Польша). Продолжают свою деятельность газеты «Коре ильбо», «Украински новини», «Уйгур авазы», «Дойче альгемайне цайтунг».

Третий аспект. Евразийский медиа-форум – интеграционная форма информационного поля в эпоху глобализации

Процесс развития СМИ на евразийском пространстве повлек за собой объективные процессы поиска путей дальнейшего взаимодействия. Велением времени, очевидно, стал Евразийский медиа-форум, значимая международная медиа-инициатива, целью которой является поддержка профессионального развития евразийских СМИ и распространение информации об особенностях развития Евразийского региона.

Евразийский медиа-форум создает новую возможность для свободного и открытого диалога политиков, журналистов и экспертов по мировым проблемам современного развития и влияния на них со стороны СМИ в поисках новых возможностей обеспечения политической стабильности и безопасности в регионе. Большой интерес со стороны международного сообщества к конференциям Евразийского Медиа Форума, состоявшимся в 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009 гг. в Республике Казахстан с участием делегатов многих стран мира, свидетельствует о том, что широкая плюралистичная дискуссия на важные политические и медийные темы реально содействует укреплению взаимопонимания и взаимного доверия на Евразийском континенте. Таким образом, можно констатировать, что действия государства направлены на формирование открытого информационного общества на основе развития единого информационного пространства, интегрированного в мировое информационное пространство, учитывающего национальные особенности и менталитет при обеспечении информационной безопасности на личностном, общественном, внутригосударственном и международном уровне. Этому свидетельствуют следующие комплексы мер и мероприятий, отраженных в Концепции развития конкурентоспособности информационного пространства Республики Казахстан на 2006–2009 гг.:

- меры организационно-управленческого характера;
- усовершенствование нормативной правовой основы регулирования взаимоотношений уполномоченного государственного органа и субъектов сферы государственных СМИ;
- совершенствование практики взаимодействия уполномоченного государственного органа и субъектов сферы государственных СМИ;
- обеспечение подотчетности государственных СМИ перед государством и обществом;
- структурная реорганизация с четким определением функциональных рамок и задач государственных СМИ (управленческих, редакционных, творческих, производственных, хозяйственных и пр.);

- меры по модернизации и развитию: выработка концептуальных подходов к определению миссии, принципов работы, целей и задач государственных СМИ на новом этапе развития государства;
- создание условий для эффективного взаимодействия государства в лице государственных органов и государственных СМИ, в том числе путем отлаживания механизмов взаимного обмена информацией, быстрого и полного информирования о действиях органов государственной власти и управления и т.п.;
- организация стратегического планирования деятельности государственных СМИ и внедрение современного менеджмента;
- совершенствование управления материальными и нематериальными активами государственных СМИ;
- дальнейшее развитие региональных СМИ.

Библиографические ссылки

1. Концепция развития конкурентоспособности информационного пространства Республики Казахстан на 2006–2009 гг. – Режим доступа: www.kazpravda.kz/pdf/aug2006/220806law.pdf
2. Симакова, О. А. О социальной роли СМИ в обществе // Вестник КазГУ. Серия психология и социология. – 2001. – № 1(6). – С. 174.
3. Вершинин, М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе. – СПб.: Изд. Михайлова, 2001.
4. Сарсенбаев, А. С. Формирование информационной политики Республики Казахстан. – Астана: Елорда, 1998.

С. В. Бирюков

Кемеровский государственный университет

СОВРЕМЕННЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИИ

Динамизм формирования федеративных систем и включение элементов федерализма в другие политические системы после Второй мировой войны способствовали интенсивному распространению по всему миру идей и практики федерализма как модели. Этот процесс нередко

называют «федералистской революцией», которая, наряду с другими революциями, меняющими мир, трансформирует политический облик земного шара. Ныне почти 80 % всего мирового населения проживает либо в федеративных государствах, население которых составляет более 2 миллиардов человек (Индия, США, Россия, Бразилия и т. д.), либо в децентрализованных государствах с федеральным реструктурированием, самыми крупными из которых являются Китай, Великобритания и Испания. С позиций такого рода изменений властно-управленческие механизмы федерализма все чаще привлекают внимание правящих кругов в различных странах, давая повод ученым рассматривать их как наиболее подходящую форму политической интеграции общества, обеспечивающей многообразие форм жизнедеятельности различных групп и общностей в рамках единого политического пространства [1, с. 22].

Мощным фактором, стимулирующим заинтересованность различных стран в применении методов федерализма при урегулировании внутренних дезинтеграционных конфликтов, является и то, что федерализм представляет собой своеобразную альтернативу «спонтанной глобализации», поскольку предусматривает такой политический порядок, который в состоянии обеспечить свободу политического самовыражения как небольшого сообщества, так и объединенного многообразия сообществ посредством распределения власти снизу вверх. Ибо с глобализацией традиционно связывают неопределенный, неуправляемый и саморазвертывающийся характер мировых дел; отсутствие «центра», контрольного пульта, директорского стола и управляющего офиса, то есть известную модель «нового мирового беспорядка» [2, р. 59].

И неслучайно, что в современную эпоху, которую многие исследователи определяют как «переходную», начинают разрушаться важнейшие принципы, формирующие социально-политический контекст индустриального общества: стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация, централизация [3]. Структурное многообразие и организационная гибкость становятся характерными чертами человеческого бытия. Общество все чаще и чаще оказывается в неравновесном состоянии, состоянии внутренних конфликтов и бифуркации (разветвления, множественности путей развития), когда случайность, неопределенность, риск начинают играть в нем заметную роль [4, р. 8]. Это неизбежно ведет к плюра-

лизму в структуре власти, усложнению властных отношений, их дифференциации и неустойчивости, когда даже слабые воздействия могут дать непропорционально сильные эффекты. Власть приобретает значительную подвижность, гибкость, изменчивость, становится многокомпонентной, осуществляется ее субъектами в условиях дефицита или даже цейтнота времени, может служить источником как порядка и стабильности, так и хаоса, и неустойчивости [5, с. 48].

В результате этих изменений меняется образ социальной и политической власти, что связано с ослаблением начал централизации, иерархии и дисциплины, с усилением веса неформальных отношений в структуре властных организаций. По мнению американского футуролога Олвина Тоффлера, «именно в наше время начинается эра смещения власти, когда постепенно распадаются все существовавшие в мире прежде властные структуры и зарождаются принципиально новые. “Смещение власти” означает не перемещение власти, а ее трансформацию» [6, с. 332–333].

Современное государство, основанное на устаревшей концепции «единого источника суверенитета, власти и управления» [7, р. 182], по мнению американского политолога Дж. Розенау, переживает кризис и не способно как прежде эффективно выполнять свои функции [8, р. 3–17]. Поскольку бюрократический централизм, предполагавший продвижение инноваций из единого «столичного» центра на региональную периферию, оказался в итоге банкротом, все более актуальной становилась проблема, сформулированная американским социологом Д. Беллом: государство слишком велико для решения незначительных проблем и слишком мало для решения больших [9]. Общество больше не нуждается в едином центре, концентрирующем социальный капитал и способном его перераспределить. Это вынуждает государство передавать часть своих полномочий, с другой стороны, наднациональным организациям (например, Европейскому союзу), а с другой, – регионам, что повышает роль региональной власти и ее институтов. Как следствие, все страны отныне должны стремиться примирить локальные и региональные свободы с единством государства [10, р. 74].

В ситуации снижения эффективности централизованного государства, когда формальные институты оказываются не в состоянии обеспечить искомые акторами региональной политической системы результаты, неизбежно возникают «замещающие их неформальные институты» [11, р. 15]. По мнению немецкого политолога М. Франца, современное государство можно определить как «кооперативное государство», в рамках которого государственные акторы, частные предприниматели и граждане взаимодействуют на основании неформально установленных принципов [12, s. 47].

Развивая этот подход, испанский политолог С. Петчен выделяет три модели, сосуществующие в рамках современного политического процесса:

- традиционная, государственно-централизованная модель, которая делит планетарное человеческое сообщество на суверенные государства;
- модель, отрицающая географическую связь и исходящая из человеческой индивидуальности;
- модель регионов, которая постепенно, особенно в Европе, побеждает [13, s. 123].

В заявленном контексте весьма перспективной выглядит модель федерализма, который в классическом его понимании принято рассматривать как «принцип, режим и форму государственного устройства, позволяющий обеспечить единство и разделение государственной власти в условиях ее территориальной организации на нескольких уровнях» [14, с. 17].

Как особый тип социально-политического института федерализм способствует решению целого спектра социально-политических и специальных задач. К числу социально-политических задач федерализма, соответственно, относятся:

- обеспечение и гарантирование основных прав и свобод человека и гражданина независимо от места его проживания;
- создание единых условий для участия населения в осуществлении политической власти на разных уровнях ее территориальной организации – федеральном и региональном;
- обеспечение реализации принципов политического и идеологического плюрализма, демократии, правового, социального и светского го-

сударства, свободного развития экономики, местного самоуправления и иных ценностей конституционализма и гражданского общества;

- обеспечение свободного и мирного развития различных наций и народностей, этнических, культурных, языковых, религиозных и иных общностей, проживающих на его территории.

В свою очередь, специальными задачами федеративного государства являются:

- создание условий для эффективного управления государством со сложным территориальным строением;

- обеспечение нецентрализованного самоуправляемого режима осуществления государственной власти на местах в сочетании с сохранением государственного суверенитета и целостности страны;

- учет этнического, культурного, национального, религиозного разнообразия страны в условиях компактного проживания определенных групп населения, отличающихся по национальной или этнической принадлежности, языковыми, религиозными, культурными и иным особенностям [15, с. 47].

В свете федералистского и регионалистского подходов современный Европейский союз может рассматриваться как постмодернистская форма транснационального управления, а складывающаяся на его основе «Единая Европа» – как пространство, воспроизводимое через транснациональные, региональные и локальные сети и взаимодействия, вовлекающие, например, культурных, коммерческих, научных, финансовых и образовательных акторов и их интересы [16, р. 173–206].

Особую актуальность в этих условиях приобрели понятие «регион» и связанная с ним концепция «регионализации». Приверженцами данной концепции высоко оцениваются заслуги «локальной демократии», поскольку она оказывается ближе к рядовым гражданам, нежели парламентская демократия, чересур отдаленная от нужд простых людей [17]. Так, еще в 1963 г. швейцарский философ Д. де Ружмон, выдвинувший идею «Европы регионов», утверждал, что переход от нации к регионам станет «величайшим феноменом XX в.» [18, р. 35].

Согласно автору термина «глокализация» Р. Робертсону, сегодня в качестве центров мирового развития выступают не государства, а наднациональные (международные организации) и территориальные общности (регионы) [19, р. 27]. По мнению А. Г. Гранберга, территориальные обра-

зования, как входящие в состав государств, так и сформированные на транснациональной основе (еврорегионы), «являются прообразом элементов будущего экономического районирования, а возможно, и административно-территориального деления объединенной Европы» [20, с. 416].

Однако утверждение нового типа политического пространства не протекает бесконфликтно. Расширение рамок публичного действия в рамках общеевропейского пространства бросает вызов многим сложившимся национальным политическим практикам, трансформируя не только её некоторые привилегированные связи экономическим сектором и его бюрократическими посредниками, но и сложившиеся традиционные модели национального управления. Подобная сложная и непредсказуемая игра меняет не только сложившиеся «правила». В политический оборот вводятся новые принципы и категории («субсидиарность», «сбалансированность» и др.), существенно изменяющие политико-административную культуру, что иногда приводит к слому глубоко укоренившихся традиций и практик, ранее установленных влиятельными политическими общностями. В силу этого, имеет смысл проанализировать общие особенности положения регионов в рамках различных моделей государственно-территориального устройства.

В унитарном государстве руководство регионами осуществляется руководителями, назначаемыми из центра, и подчиняется центральному руководству (как это было с французскими префектами, возглавлявшими до реформы 1982 г. департаменты). Законодательные (представительные) органы регионов в унитарных государствах либо отсутствуют, либо имеют совещательный и подчиненный характер по отношению к региональным органам исполнительной власти. Органы судебной власти, действующие в регионах унитарного государства, входят в единую вертикаль общегосударственной судебной власти и также находятся в подчиненном положении. В то же время процессы децентрализации, протекающие сегодня во многих унитарных государствах, существенно изменяют этот порядок.

Иной порядок институциональной организации региональной политической власти принят в **федерациях**, что вытекает из самой природы федерализма как «системы взаимоотношений между различными элементами власти» [21, Introduction]. По отношению к государству федеративного типа также нередко употребляют понятие «федерализм». В отличие от термина «федерация», который харак-

тризует, прежде всего, статическое, организационное, институциональное состояние государства и общества, федерализм соотносится с динамикой, процессом, определенного рода отношениями и в целом обозначает более широкое явление. Однако во многих аспектах эти понятия совпадают: федерация создается путем установления определенных отношений между государством в целом и его составными частями, а федерализм неизбежно подразумевает федеративную организацию государства [22, с. 6].

Один из ведущих исследователей федерализма Д. Элейзер называет ключевой его чертой партнерство, которое «подразумевает распределение реальной власти между несколькими центрами, которые должны путем переговоров вырабатывать соглашения друг с другом для достижения общих целей» [23, р. 2].

Как следствие, для федеративного государства характерно наличие нескольких уровней системы власти: федерального, регионального (субъектов федерации) и местного (органов местного самоуправления). Именно федеральная демократия делает невозможным суверенитет одного из уровней сложной системы власти. Федеральное государство и субъекты федерации основываются на двух разных типах легитимности, при этом в основе обоих лежит народный суверенитет, однако он относится к двум разным «народам»: народу федерации и народам отдельных субъектов федерации.

Основные системообразующие элементы суверенитета в рамках федерального государства, по мнению исследователей, таковы:

- государственный характер субъектов федерации;
- автономия и финансовый суверенитет;
- децентрализация процесса принятия решений;
- участие субъектов федерации в установлении новых норм;
- ответственность субъектов перед национальными властями

[24, с. 30].

В то же время, ключевым проявлением федерализма как социально-политического феномена, по мнению баскского исследователя Ж.-Л. де Кастро-Руано, является автономия, выступающая в таких основных аспектах, как:

1. Самоутверждение территориальных групп и коллективов, которые способны утверждать свою политическую субъектность.

2. Самоустановление – способность индивидов и групп определенным образом устанавливать свой политический статус, действуя в определенных конституционно-политических рамках.

3. Самоопределение – способность регионов утверждать свой статус через механизмы публичной политики.

4. Самоорганизация – способность регионов устанавливать собственные нормы и правила жизнедеятельности.

5. Самоуправление – способность регионов самостоятельно реализовывать имеющиеся у них властно-управленческие полномочия [25, p. 61].

В то же время, следует отметить, что отношение государств к территориям неодинаково, и это дает основания различать типы местного управления. Вместе с тем, тип регионального управления дает лишь формально юридическую характеристику и не позволяет составить точное представление о действительной степени свободы местных коллективов. В политико-административной науке выделяются четыре разновидности местного управления: федерализм, самоуправление, децентрализация и централизация, которые могут существовать и в рамках унитарного государства [26, с. 125–133]. В свою очередь, французский государствовед Ж. Ведель строит свою классификацию типов региональной администрации на основе различения двух возможных принципов их конституирования – **деконцентрации и децентрализации**. Таким образом, в одном государстве иногда могут сосуществовать несколько режимов регионального управления: **федерализм, централизация (унитаризм), деконцентрация, децентрализация**. С учетом избранной нами темы исследования мы сосредоточимся на характеристике федеративного типа государственного устройства.

Так, в **федеративных государствах** распределение полномочий между центром (федерацией) и субъектами закреплено на конституционном уровне [27]. Субъекты федерации имеют местные парламенты, издают свои законы, иногда принимают собственные конституции, избирают президентов, обладают другими атрибутами государственности, однако государственная власть субъектов федерации имеет ограниченный и в определенной мере подчиненный характер. Это находит свое выражение в закреплении на конституционном уровне сферы исключительной компетенции федерации, в принципе верховенства федерально-

го права, в применении установленного конституциями права федерального принуждения, в вертикальном подчинении органов исполнительной власти.

При этом федерация всегда имеет **исключительные полномочия** (предметы ведения), к числу которых отнесены наиболее важные вопросы, имеющие общегосударственное значение. Регулировать их своими актами, осуществлять в этой сфере управленческую деятельность может только федерация. Субъект федерации может издавать акты и предпринимать управленческие действия в этой сфере, если соответствующие отношения не урегулированы федеральным законом или федеральные органы не действуют в данной сфере. Принятие федерального акта для регулирования совместной компетенции отменяет действие закона субъекта федерации, а мероприятия, предпринятые управленческими органами субъекта, могут быть отменены вышестоящими (по вертикали) органами федерации [28, с. 122]. Следует отметить, что, с точки зрения административно-правового режима, в рамках которого функционируют институты региональной власти, федерализм (особенно в рамках высокоцентрализованных федераций) может рассматриваться как особый вид режима децентрализации, доведенной до своего логического завершения.

В то же время, ни один из вышеназванных подходов пока не признан универсальным в государственном строительстве, и поэтому спор о путях оптимизации национальных систем управления регионами и наилучшей системе такого управления пока далек от завершения. Американские ученые традиционно более оптимистично оценивают нынешнее состояние и перспективы федерализма в США, не предвидя значительных реформ в этой сфере [29, р. 4–10]. В то же время, их европейские коллеги не столь оптимистичны. Так, например, голландский политолог, профессор Амстердамского университета А. Моммен полагает, что традиционные формы федерализма переживают на Западе кризис [30], а его французский коллега Ж.-Л. Шабо убежден в том, что «вектор эволюции федеративных систем исторически направлен на расширение центральной власти» [31, с. 158–165].

С точки зрения немецкого эксперта по федерализму Б.-И. Хоффа, основным результатом процесса становления современной модели германского федерализма начиная с 1949 г. стал переход от «сепаратистского федерализма» к «кооперативному союзному федеративному государству». Процессы межрегиональной кооперации в рамках формируемого

общего пространства Европейского Союза («Европы регионов») ставят вопрос о возмещении ФРГ компетенций, перешедших в сферу «внутренней политики ЕС», а также вопросы о границах внешней политики ФРГ и внутренней политики ЕС, о гарантиях сохранения суверенитета немецкого федеративного государства [32, s. 205].

Характеризуя существующие в рамках современной немецкой федеративной системы тенденции и альтернативы, Б.-И. Хофф, соответственно, называет:

1) Унитаризацию как ключевое направление развитие конституционного законодательства ФРГ, регулирующего отношения федерации и земель [32, s. 15–16].

2) Последовательную реализацию принципов «федеративного союзного государства» [32, s. 17].

3) Кооперацию как альтернативу процесса переустройства земель [32, s. 150–151].

В свою очередь, даже в рамках устоявшейся модели «многоуровневого федерализма» в Швейцарии отношения между тремя уровнями управления – федерацией, кантонами и коммунами – сегодня более сложны и противоречивы, чем в прошлом веке. «Кооперативный федерализм» становится все более нетранспарентным, и возникает потребность в новых формах управленческой координации. Попытки 1970-х гг. ликвидировать коммунальный уровень власти провалились. Соответствующие предложения включали в себя конституционную реформу с перераспределением прав и обязанностей в пользу двух верхних уровней управления, что не принесло, однако, ожидаемого эффекта [33, s. 95–99].

Осмысляя характер современных трансформаций, профессор Дортмундского университета Л. Рэмхельд, по сути дела соглашаясь с ним, считает, что выход из современного кризиса предоставляет так называемый «интегральный федерализм». Он предусматривает распространение федералистских принципов на все уровни управленческой иерархии – от коммун до общеевропейских органов и ориентирован на активное участие граждан в процессе управления [34], что в рамках нашей концепции означает дальнейшее распространение принципов децентрализации на все уровни государственного и местного управления.

Неслучайно, что в течение двух последних десятилетий многие страны-члены Евросоюза реализовали целый спектр децентралистских реформ,

нацеленных на расширение полномочий регионов и региональных органов власти, что, в частности, включало в себя: расширение сферы их компетенции (Франция, Португалия, Испания [35, с. 128–129], Италия [36, р. 66]), упразднение контроля а ргіогі (Франция и Греция), усиление автономии в сфере налогообложения (Испания и Италия), уменьшение объема связанных финансовых трансфертов с увеличением объема несвязанных (Нидерланды), создание новых разновидностей местных коллективов [37, р. 141].

Особого внимания заслуживает в этом контексте федеративная реформа в Бельгии, которая после 1993 г. превратилась в федеративное государство, поделенное на три территориальных (Фландрия, Валлония, Брюссель) и три этнолингвистических региона-субъекта (нидерландоязычный, франкоязычный и германоязычный) [38, р. 404–444].

Подобное многообразие существующих и переходных форм федеративного устройства государства требует, в свою очередь, нахождения комплексной методологии изучения федеративного феномена, обобщающего существующие методы его исследования.

Библиографические ссылки

1. Столяров, М. В. Теория и практика федерализма. – М.: РАГС, 2008. – С. 22.
2. Bauman, Z. Globalization. The Human Consequences. – Oxford Polity Press, 1998. – P. 59.
3. Тоффлер, О. Третья волна. – М., 1999.
4. Beck, U. The World Risk Society. – Cambridge: Blackwell, 1999. – P. 8.
5. Гомеров, И. Н. Структура и свойства власти. – Новосибирск: СибУПК, 2000. – С. 48.
6. Тоффлер, О. Эра смещения власти // Философия истории. Антология / под ред. Ю. А. Кимелева. – М., 1995. – С. 332–333.
7. L'Etat moderne: horizon 2000. – P., 1985. – P. 182.
8. Rosenau, J. N. Distant Proximities. Dynamics Beyond Globalisation. – Princeton and Oxford, 2003. – P. 3–17.
9. Bell, D. The cultural contradictions of capitalism. – N. Y.: Basic Books, 1976.
10. Vallet, O. L'Etat et le Politique. – Paris: Dominos-Flammarion, 1994. – P. 74.

11. Helmke, G. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Working Paper. – 2003. – № 37. – P. 15.
12. Franz, M. Kooperative Koordination. – Deutscher Universitaet Verlag GmbH, 1996. – S. 47.
13. Petchen, S. Nationalismus und das Evropa der Regionen // Welt Trends. – 1994. – № 4. – S. 123.
14. Конюхова, И. А. Современный российский федерализм и мировой опыт. – М., Городец, 2004. – С. 17.
15. Конюхова, И. А. Современный российский федерализм и мировой опыт. – С. 18–20.
16. Axford, B., Huggins, R. Towards a post-national polity: the emergency of the Network Society in Europe // Smith D., Wright S. (Ed.). Whose Europe? The turn towards democracy. – Oxford: Blackwell Publishers, 1999. – P. 173–206.
17. Giblin, B. Langues et territoires: une question géopolitique // Herodote. – 2002. – April.
18. Rougemont, D. De. Vers une fédération des régions // Naissance de l'Europe des Régions. – Genf, 1968. – P. 35.
19. Robertson, R. Globalisation: Social Theory and Global Culture. – L.: Sage, 1992. – P. 27.
20. Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 416.
21. Hall, Cf. K. Federalism: a Nation of States. – N. Y., 1987. – Introduction.
22. Чиркин, В. Е. Современное федеративное государство. – М., 1997. – С. 6.
23. Elazar, D. American Federalism. A View from States. 3rd ed. – N. Y., 1984. – P. 2.
24. Фляйнер, Т., Баста, Л. Региональная власть в федеративном государстве: опыт Запада // Органы государственной власти субъектов Российской Федерации / под ред. В. Гельмана, А. Кузьмина, Г. Люхтерхандт, С. Рыженкова. – М.: ИГПИ, 1998. – С. 30.
25. Castro Ruano de J.-L. La emergente participation politica de las regiones en el proceso de construction europea. – Bilbao: Eusko Yarlzaritza, 2007. – P. 61.
26. Драго, Р. Административная наука. – М., 1982. – С. 125–133.

27. Смаков, В. А. Теория и практика разграничения полномочий между федеральным центром и регионами / МВД России. – СПб., 2004.
28. Чиркин, В. Е. Государственное управление. – М., 2002. – С. 122.
29. Anton Th. (ed.) American federalism & policy. How the system works. – N.Y., 1989. – P. 4–10.
30. Mommen, A. Federalism at bay? An essay on the historical roots of the federal state // Paper presented for delivery at seminar «Regional studies on the eve of XXI century». – Nizhny Novgorod, 1994. – June, 21–23.
31. Шабо, Ж.-Л. Государственная власть: конституционные пределы и порядок осуществления // Полис. – 1993. – № 3. – С. 158–165.
32. Hoff, B.-I. Laenderneugliederung. Ein Modelle fuer Ostdeutschland. – Oplanden: Leske+Budrich, 2002. – S. 205.
33. Gabriel, J.-M. Das politische System der Schweiz. – Bern und Stuttgart: Haupt, 1990. – S. 95–99.
34. Roemheld, L. Integral federalism. – Frankfurt am Main, 1990.
35. Данилевич, И. В. Автономизация Испании // Полис. – 1995. – № 5. – С. 128–129.
36. Gobetti, D. La Lega: Regularities and Innovation in Italian Politics // Politics&Society. – 1996. – Vol. 24. – № 1. – P. 66.
37. Richard, P. Les citoyens au coeur de la décentralisation. – Paris: Editions de l'aube, 2003. – P. 141.
38. Mabile, X. Histoire politique de la Belgique. Facteurs et acteurs de changement. – Bruxelles: GRISP, 1997. – P. 404–444.

С. В. Ивлев

Кемеровский технологический институт пищевой промышленности

МОДЕРНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В последнее время в центре внимания ученых находится феномен глобального мира. Политологи, экономисты, культурологи заняты осмыслением всех тех последствий, которые вытекают из современного процесса глобализации. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть модернизацию социально-политического процесса в трансформирующихся

ся государствах в контексте глобализации. Этот вопрос имеет и практическую значимость в условиях современной России. Последнее послание Президента России Д. А. Медведева Федеральному Собранию посвящено именно данной проблематике. В частности, в послании отмечается, что «в XXI в. нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация. И это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии. Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания, новые вещи и технологии, полезные людям» [1, с. 1]. На наш взгляд, возникает необходимость проанализировать специфику модернизации социально-политических процессов в рамках современных политологических подходов, а также сопоставить их с процессом глобализации.

В политической науке теория модернизации начала формироваться в 50–60-х гг. XX в. Ее создатели опирались на теоретическое наследие известных исследователей XIX – начала XX в. Во многом теоретической базой для исследователей процессов модернизации послужили работы М. Вебера, которому принадлежит идея развития европейской цивилизации в направлении от традиционного общества к современному на основе рационализации поведения и заслуга сравнительного изучения духовных факторов роста капитализма в Европе и негативного влияния этих факторов на динамику восточных обществ. Тем не менее, на протяжении первой половины XX в. проблематика социокультурной специфики выпадала из поля зрения большинства исследователей, и в концепциях модернизации стала преобладать идея универсальности западной цивилизации. Однако в 60–70-х гг. XX в. многочисленные трудности, срывы модернизации и застойные явления в большинстве стран заставили исследователей пересмотреть прежние универсальные модели и обратиться к сравнительному изучению процессов модернизации. Эмпирические данные позволяли постоянно коррелировать теорию модернизации на протяжении второй половины XX в.

Развитие теории модернизации характеризовалось появлением более взвешенных трактовок, основанных на разнообразных факторах политического, социального и экономического развития (в частности, на таком факторе, как политическая культура). Российский политолог Р. Т. Мухаев отмечает, что «сам термин “модернизация” оказался расплывчатым, поскольку подразумевал разнообразие множества субъектов

исторического действия разного уровня – этнического, национального, государственного или цивилизационного.

Самобытность стала ключевым началом для выявления сущности тех процессов, которые развертывались в ходе модернизации, для оценки их адекватности и перспектив» [2, с. 472].

В связи с этим встает вопрос об использовании мирового опыта моделирования социально-политических процессов, о возможности, закономерности и способах заимствования этого опыта. Историческое развитие конца XX в. значительно актуализировало и во многом видоизменило эту проблему. Речь идет, прежде всего, о глобализации, резко интенсифицировавшей мировые связи, быстро превращающей планету в единое экономическое и информационное пространство. Глобализация и развитие современных форм информатизации не только сильнейшим образом подхлестнули процесс заимствования культурных и институциональных образцов, но, обострив конкуренцию за место в новом миропорядке, сделали совершенствование национальных экономических и политических механизмов категорическим императивом для каждой страны, условием ее выживания.

Одним из итогов XX в. стало относительное, но весьма важное преимущество демократической модели социально-политических институтов, взаимоотношений управляющих и управляемых, которая утвердилась в странах Запада. Ее преимущество, обнаруживаемое прежде всего в долгосрочном плане, заключается в гибкости и эластичности, обеспечиваемой за счет эффективной обратной связи. Возможность общественной консолидации, оптимизации управления и взаимодействий социальных и политических субъектов, дифференцированная система демократических представительных институтов значительно подкрепила то выигрышное положение, которое дал Западу эффективно работающий рынок. Тем самым еще больше увеличился разрыв между Западом и остальным миром.

В процессе модернизации представительная демократия для многих трансформирующихся государств выступает в качестве эталона. Однако политические институты требуют своего укоренения в санкционированных обществом нормах, правилах поведения. Встает вопрос о соотношении западных образцов не только с социально-экономическими условиями, но и с иными цивилизационными основами незападных стран. В этом контексте можно согласиться с позицией отечественного

исследователя А. С. Ахиезера. Он, в частности, отмечает, что «глобализация – это процессы, получающие стимулы из разных цивилизаций и идущие навстречу друг другу. Тем не менее векторы этих процессов могут резко расходиться. Это требует превращения глобализации в процесс диалогизации отношений, что в конечном итоге должно стимулировать формирование в каждой культуре своей версии глобализации, концепции своего места в этом процессе [3, с. 15].

В рамках исследуемой темы возникает еще одна проблема. Центры западного модерна сегодня выступают в мире с совершенно новой миссией – не модернизации и развития, а демодернизации и строительства огромных резерваций для народов, не входящих в состав «золотого миллиарда». Ясно, что это формирует совсем другую картину мира, обещает другое будущее, нежели то, что вытекало из знакомой логики классического модерна [4, с. 182–183]. Возникающая цивилизация пишет для нас новые правила поведения и ведет нас за пределы стандартизации, синхронизации и централизации, за пределы стремлений к накоплению энергии, денег или власти. По-мнению американского ученого Э. Тоффлера, «это – цивилизация со своим собственным представлением о мире, со своими собственными способами использования времени, пространства, логики и причинности» [5, с. 34].

Таким образом, противопоставление модернизации и самобытности не позволяет адекватно описать современные реалии незападных обществ. На современном этапе наиболее актуальна, на наш взгляд, теория структурной модернизации (Ш. Эйзенштадт), подразумевающая развитие на основе единства дифференциации и интеграции собственно модернизационных процессов и поддержание самобытности общества. Структурная модернизация не противопоставляет традиционность и современность, а распределяет их по уровням и нишам социальной жизни, признает необходимость перехода к современности, но при условии сохранения предела самобытности.

Библиографические ссылки

1. Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ 2009 г. // Российская газета. – 2009. – 16 ноября.
2. Мухаев, Р. Т. Теория политики / Р. Т. Мухаев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 623 с.

3. Ахиезер, А. С. «Глобализация» и другие категории // «Глобализация, Культура, Цивилизация». Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 7(30). – М.: Институт микроэкономики, 2003. – 108 с.
4. Панарин, А. С. Глобальное политическое прогнозирование. – М.: Алгоритм, 2002. – 352 с.
5. Тоффлер, Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2004. – 781 с.

А. М. Барсуков

Кемеровский государственный университет

ФЛАМАНДСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: СУЩНОСТЬ И ЭВОЛЮЦИЯ

У фламандского национализма длинная история, почти такая же, как у истории Бельгии, с которой непосредственно связано это движение. По мнению бельгийского политолога Криса Дешувера, эволюция фламандского национализма и движения должна исследоваться во взаимосвязи с акторами общепольской политики, а само фламандское национальное движение – в качестве альтернативы идее однородной франкоговорящей Бельгии [1].

Фламандский национализм, как полагают его адепты, в первую очередь, выражает волю фламандцев жить в их собственной стране. Он последовательно вызревал с момента отделения от Нидерландов в 1830 г. и сложился вследствие тех ущемлений, которые они претерпели в дальнейшем от бельгийского государства, и первоначально представлял собой движение не желавшей культурной ассимиляции фламандской интеллигенции, поддерживаемой другими категориями населения.

Первая мировая война трансформировала фламандский национализм из чисто культурного движения (с целью сохранения нидерландского языка, культуры и наследия) в мирное политическое движение, борящееся за широкую автономию для Фландрии. Широкое социальное движение, объединявшее фламандофонов, формировалось из различных социальных групп, профессиональных и религиозных общностей и получило условное название **Фламандское национальное движение**.

Когда в 1830 г. возникла Бельгия, большинство ее населения говорило на многочисленных фламандских диалектах, используемых в стране [2]. Вследствие экспансии французского языка, принятого монархией и элитой, возник языковой конфликт. Лингвистическое противостояние стало особенно заметным в бельгийской политике с момента начала Первой Мировой войны. Отношения между фламандской и франкоговорящей общинами периодически были напряженными, но языковые споры никогда не принимали насильственной формы. В 1794 г. Франция аннексировала Южные Нидерланды (ныне известные как Бельгия). Языковая граница, часть прежней границы между зонами распространения германских и романских языков, пролегла через бельгийскую территорию. В северной части страны люди говорили на некотором числе местных (фламандских) диалектов нидерландского языка; на Юге, в Валлонии утвердились диалекты французского языка. За рамками подобного территориального деления также проходила своя лингвистическая граница. На севере страны высший слой общества (составлявший в 1846 г. 3 % от населения, за исключением столицы Брюсселя) был франкоязычным. Здесь, начиная с эпохи Средних веков, аристократия и епископат говорили на французском, который постепенно стал языком «цивилизованного общения». Однако первоначально, до начала эпохи Нового времени, французский язык имел весьма ограниченное влияние на государственные институты, которые преимущественно использовали национальный язык.

Исключением в этом отношении являлся Брюссель. Расположенный в самом сердце нидерландоговорящего Севера, он стал столицей Южных Нидерландов с XIV в., когда герцоги Бургундии ввели французский как официальный язык при своем дворе в Брюсселе. Это обстоятельство привлекло франкоговорящую элиту в столицу. Но первоначально франкофоны оставались в Брюсселе меньшинством, составляя 5–10 % от совокупного населения в 1760 г., 15 % в 1780-м, и 25 % в 1821 г. При этом французский стал официальным языком политики в Южных Нидерландах, а в период нахождения их под властью Франции (1795–1814 гг.) он стал официальным языком государства.

Между 1815 и 1830-ми гг., после поражения Наполеона при Ватерлоо, «Бельгия» и Голландия совместно образовывали Соединенное Королевство Нидерландов. Король Вильгельм I выбрал нидерландский в качестве государственного языка и способствовал его внедрению в шко-

лу, администрацию и судопроизводство в нидерландоговорящих провинциях страны. В целом, франкоговорящая аристократическая элита и буржуазный правящий класс испытывали сильный дискомфорт от языковой политики Вильгельма I. Итогом недовольства высших слоев стала революция 1830 г., и возникшее новое унитарное государство было построено на принципе свободы [3]. В эту эпоху Бельгия приняла одну из наиболее либеральных конституций, гарантировавшую гражданам свободу выбора языка общения, прессы, религии и ассоциаций. Хотя жители Фландрии составляли 56 % населения, среди которых 95 % использовали исключительно фламандские диалекты, французский стал единственным языком государства в соответствии с декретом от 16 ноября 1830 г. временного правительства Бельгии.

Лингвистическая эволюция совпала с экономическим закатом Фландрии. Десятки тысяч фламандцев мигрировали в Валлонию, которая активно индустриализировалась, преимущественно находя себе работу среди мелких торговцев. По этой причине фламандские диалекты стали прочно ассоциироваться с бедностью и отсталостью. Неравномерное экономическое развитие в XIX в. повлекло за собой значительные политические последствия. Во Фландрии церковь и католические партии имели прочную опору в обществе. По другую сторону лингвистической границы либеральные и (с конца XIX в.) социалистические партии приобретали все более массовую поддержку.

Между тем, в «недрах» общества начало складываться фламандское национальное движение. Начиная с 1835 г. фламандские объединения, члены которых впоследствии будут названы фламандоговорящими (*flamingants*), были основаны во многих городах Фландрии. Их членами в основном являлись литераторы и ученые, которые желали развивать их родной язык, фламандскую литературу, обычаи и историю. Их движение одновременно содержало в себе мощный заряд бельгийского национализма: они поддерживали независимость Бельгии и верили в идеалы бельгийской революции, что постепенно изменилось к концу XIX в. [4].

В то же время, влиятельным проводником идей фламандского движения выступала католическая церковь. Общественные организации католиков возглавлялись священниками, привлекавшими во фламанд-

ское движение новых сторонников в католических школах и колледжах. На первое место выдвинулся лозунг «Во Фландрии – фламандский».

Вслед за «этнолингвистической» закономерной наступила и политическая фаза в развитии фламандского национального движения, которая включила в себя создание политических партий с последующей политизацией «языкового вопроса». И неслучайно, ибо наиболее очевидным средством добиться проведения необходимых реформ было создание фламандских политических партий. Но все попытки сделать это оказывались безуспешными (только после Первой Мировой войны фламандцы смогли создать подобную партию). В то же время в рамках мажоритарной системы небольшие группы голосующих, и в том числе политически активные фламандцы, могли своим голосам решать исход общенациональных выборов.

Благодаря этому электоральному влиянию, первый языковой закон, касающийся уголовной юстиции, был принят в 1873 г.. С этого момента фламандцы не могли быть объектами судопроизводства, ведущегося на французском языке, хотя данный закон никогда не применялся в Брюсселе. Судебные процессы для них отныне должны были вестись только на нидерландском. Под влиянием успеха этих начинаний второй языковой закон был принят в 1878 г., он побуждал общественных служащих во Фландрии использовать нидерландский язык в ограниченном числе случаев. Хотя некоторые из «фламандоговорящих» полагали, что применение закона не пойдет слишком далеко, он побудил администрации малых городов постепенно перейти к официальному использованию нидерландского, но центральные государственные службы продолжали использовать исключительно французский.

В конце XIX в. фламандское национальное движение приобрело более ярко выраженный политический характер. После 1893 г. правительство было вынуждено принять нидерландский язык как публичный, используемый в некоторых ситуациях. В эти годы, когда было введено всеобщее равное голосование для мужчин (каждый мужчина обладал определенным числом голосов, если обладал определенным доходом или семейным статусом), число избирателей увеличилось в десятки раз, и в парламент Бельгии попало определенное число лиц, не говорящих по-французски, и, чтобы последние могли полноценно участвовать в парламентской деятельности, нидерландскому языку

в 1898 г. был придан официальный статус. Как следствие, нидерландский язык стал все шире использоваться в публичной сфере. Это не обеспечило фламандскому движению массовой поддержки, поскольку ему не хватало социальной эмансипаторской программы. Однако, несмотря на то, что принятие языкового законодательства стимулировало распространение нидерландского языка после 1893 г., фламандское национальное движение никогда не проводило кампаний за всеобщее избирательное право. Начиная с 1883 г., оно сосредоточилось на введении среднего образования на нидерландском языке для представителей мелкой буржуазии. На исходе XIX в. они обратили свое внимание на университеты и состояние фламандского промышленного класса. Реализация этих начинаний заметно способствовала экономическому развитию Фландрии. В течение двух десятилетий перед Первой Мировой войной во Фландрии были открыты угольные месторождения, а гавань Антверпена была существенно расширена. В то же самое время «третий сектор» в регионе активно возрастал, благодаря модернизации и бюрократизации государства. Возрастающее число фламандских публичных служащих и чиновников активно сопротивлялось языковой дискриминации и поддерживало инициативы Фламандского движения.

Накануне Первой Мировой войны неудовлетворенность, иногда выливавшаяся в антибельгийские чувства, все чаще небеспричинно проявляясь во фламандском национальном движении. Главной причиной этого являлась возрастающая фрустрация и раздражение, вызванные недостаточно быстрым изменением лингвистического законодательства в интересах фламандского большинства населения страны. Так, несмотря на начало процесса «нидерландизации» еще в 1883 г., нидерландский стал языком начального католического образования только в 1910 г. Первая Мировая война лишь обострила подобные настроения, углубив раскол в бельгийском обществе. Само же фламандское национальное движение, сменившее культурные лозунги на лозунг борьбы за автономию Фландрии, стало «матрицей» для формирования национально-региональных партий, которые по мере расширения своей активности изменили политическое «лицо» и государственно-политическое устройство Бельгии.

Политическая стадия фламандского национального движения

В результате сложных коллизий и внутренних противоречий фламандское движение в ходе Первой Мировой войны раскололось на два враждующих лагеря. Один из них был представлен группой молодых интеллектуалов («активисты»), пытавшейся во имя независимости Фландрии разыграть германскую карту. В конце концов, шанс для этого предоставился.

С 1914 по 1918 гг. Бельгия была оккупированной территорией. В рамках проводимой германскими властями «Фламандской политики», фламандцы получили предпочтительное обхождение в сравнении с валлонами, что выразилось, в частности, в создании фламандского университета в Генте. Целью Германии в этом случае было использование «активистов», то есть малых групп фламандских коллаборантов, с целью разрушения Бельгии изнутри [5]. Немецкие оккупанты не препятствовали фламандизации университета в Генте, но в целом Германия не стремилась превратить Фландрию в независимое государство. И хотя в 1917 г. оккупационной администрацией создается Фламандский совет (подготовка к формированию правительства), а Бельгия разделяется Германией по языковому принципу на две административные территории, заветная мечта о «Независимом Фламандском Государстве» так никогда и не воплощается в жизнь.

В то же время, большинство фламандцев оставались патриотами и исходили из убеждения в том, что решение всех острых проблем, включая языковой вопрос, возможно лишь по окончании войны и после восстановления у власти законного правительства Бельгии. Поражение в 1918 г. германской армии означало и конец движению «активистов», которое к концу войны лишилось какой-нибудь значительной поддержки. Однако после войны валлоны представили себя настоящими патриотами (т. е. «настоящими бельгийцами»), в то время как фламандское движение на оккупированной территории стало преподноситься как «предательское».

После войны Бельгия пережила глубокие и масштабные изменения, касающиеся, в первую очередь, политической сферы. Принцип «один человек – один голос» (женщины не имели права голоса до 1948 г.) был введен в действие, однако «языковая проблема» не разрешилась таким же радикальным образом. Напротив, активный коллаборационизм фламандцев

в период Первой Мировой войны отложил решение «фламандского вопроса» еще на семь лет. «Активисты» были наказаны и все фламандофоны, даже сохранившие верность Бельгии, оставались под подозрением. Подобная антифламандская атмосфера породила убеждение о том, что все население Фландрии является «жертвами» жестокой дискриминации. По крайней мере, когда в послевоенное время «фламандский активизм» осуждался официально, многие рядовые фламандцы относились к этому с пониманием. Амнистия в отношении тех, кто был склонен к коллаборационизму в годы войны, стала основным требованием фламандского движения в межвоенный период.

В период с 1920 по 1930 гг. фламандское национальное движение твердо разделилось на требующих автономии националистов и нидерландофонов (*flamingants*), отстаивавших, по преимуществу, культурно-языковые требования. С одной стороны, во Фландрии активно действовала антибельгийская «Партия Фронта» (*Front Party*), первая из числа возникших фламандских национальных партий. Она вела свой исток из Фронтального Движения, которое было основано в окопах солдатами-фламандцами в ответ на дискриминацию со стороны офицеров-франкофонов в рядах бельгийской армии. «Партия Фронта» проводила активные кампании за автономию Фландрии.

С другой стороны, существовали и минималисты, придерживавшиеся так называемой «минимальной программы». Последние верили в единое государственное устройство Бельгии, но хотели лингвистически однородной нидерландоговорящей Фландрии, что на практике означало упразднение французского в администрации, в судопроизводстве и системе образования. Основными приверженцами этой платформы стали фламандские христианские демократы, стремившиеся придать фламандскому движению массовый характер.

В межвоенный период также возникло несколько новых фламандских партий разной степени радикальности. Наиболее влиятельная из них – праворадикальная «Вердиназо» (*Verdinaso – Alliance of Dutch National-Solidarists – Альянс нидерландоязычных национал-солидаристов*), стремившаяся присоединить Фландрию к Нидерландам, по непонятным до конца причинам изменила свою программу в 1934 г., неожиданно превратившись в пробельгийскую партию, нацеленную на создание подобного Бенелюксу союза, включающего в себя и французскую часть

Фландрии. Значительным влиянием также обладал Фламандский национальный альянс (VNA) (Flemish National Alliance) – ярко выраженная фламандская националистическая партия, включившая в себя различные фламандские националистические объединения, от весьма умеренных до крайне радикальных. И хотя «Вердиназо» в период войны выбрала сторону бельгийского правительства, ее лидер Йорис ван Северен был депортирован во Францию и убит французскими солдатами. В свою очередь, Фламандский национальный альянс под руководством Стафа де Клерка пошел на сотрудничество с нацистами, которые после оккупации Бельгии сделали Альянс едва ли не единственной легальной партией в стране.

Несмотря на заметную активизацию, в течение 1920-х гг. фламандское национальное движение не могло, однако, выдвинуть минимальную единую программу. Языковые законы этого периода принимали во внимание существование во Фландрии франкофонного меньшинства и закрепляли билингвизм, в то время как Фламандское движение было недовольно «неполным» введением нидерландского в университетах.

Поворотным пунктом стали выборы 1929 г. «Партия Фронта», которая до этого имела сугубо маргинальный статус в бельгийской политике, шокировала бельгийский истеблишмент, набрав на выборах во Фландрии 11, 6 %. Для большинства жителей Фландрии стало ясно, что нидерландский должен стать единственным официальным языком в регионе. Решающим фактором в этом отношении стала экономика Фландрии, которая получила мощное ускорение вследствие интенсивного развития гавани Антверпена. Сформировавшаяся фламандская индустриальная буржуазия хотела ослабить свою зависимость от вложений из Брюсселя в экономику своего региона. В течение 1930-х гг. нидерландский стал официальным языком фламандской администрации, судопроизводства и школьного образования.

Фламандские националисты, в свою очередь, отвергли языковое законодательство 1930-х гг., поскольку их главной целью оставался демонтаж Бельгии, которую они считали виновницей всех существующих проблем. Антибельгийский настрой стал все более явно смешиваться с антидемократической и фашистской идеологиями. В конце 1930-х гг. Фламандская национальная лига, которая сменила «Партию Фронта» в

качестве главной фламандской партии, имела секретные контакты с правительством нацистской Германии в деле подготовки новой войны. Не удивительно, что в годы Второй Мировой войны эта партия активно сотрудничала с нацистами и восприняла национал-социалистическую доктрину. Это «сотрудничество» отбросило фламандское национальное движение назад в послевоенный период. Таким образом, история снова повторилась, сделав круг [6, р. 24–39].

Благодаря поддержке католического клира, фламандское национальное движение смогло возродиться и вернуться в общественную жизнь. Дальнейшие события, продемонстрировавшие углубляющийся раскол между двумя языковыми группами, стали центральными пунктами этой эволюции. Первым ее пунктом стал вопрос о судьбе монархии. Король Леопольд Третий колебался между коллаборационизмом и поддержкой Сопrotивления в течение всей войны и не желал отказаться от своей линии, выбранной в военное время. Поддержка королю шла, главным образом, из Фландрии, где Католическая партия обладала поддержкой большинства избирателей, и противоположной позиции придерживалась Валлония, которой правили социалисты. Проведенный в 1950 г. референдум показал, что 72 % фламандцев поддерживают возвращение Леопольда на трон, в то время как 58 % валлонов выступают против этого. В итоге Бельгия оказалась на грани гражданской войны. В конце концов Леопольд отказался от престола, что нанесло моральную травму фламандским католикам. Они ясно почувствовали, что валлоны игнорируют мнение фламандского народа, что дало о себе знать в последующие послевоенные десятилетия, когда развернулись экспансия Фландрии и борьба за доминирование в структуре единой Бельгии.

Набиравшее силу фламандское национальное движение черпало свою силу не только из чувства национальной ущемленности, но также и из очевидных экономических успехов Фландрии. После Второй Мировой войны тяжелая индустрия Валлонии переживала глубокий кризис, в то время как новые отрасли промышленности переживали расцвет во Фландрии. Валлонское движение, напуганное тем, что демографический рост во Фландрии ведет к доминированию фламандцев теперь уже в рамках всего государства, стало все активнее склоняться к трансформации Бельгии в федеративное государство.

Тем временем, фламандские националисты также набирали силу. В этот период на базе фламандского национального движения начинают формироваться национально-региональные партии, которые вносят в повестку дня идею государственной реформы с превращением Бельгии в федерацию. В 1955 г. ими был основан «Народный Союз» («*Volksunie*») (People's Union). Его программа концентрировалась вокруг федерализма и амнистии всем коллаборантам. В результате острые дебаты о судьбе коллаборантов привели к заметной активизации праворадикальных партий.

Созданная в 1954 г., «Фольксюни» смогла добиться электорального успеха только в 1971 г., побудив большинство партий Бельгии поддержать переход к федеративному государственному устройству, но отказалась от своей «души», будучи вынужденной подписать с бельгийским правительством соглашение, нанесшее значительный ущерб Фландрии. Из правого крыла «Фольксюни» в 1979 г. возникла новая праворадикальная партия – «Влаамс Блок» («*Vlaams Blok*») (Flemish Bloc). Это была консервативная националистическая праворадикальная партия, впервые поставившая вопрос о полной независимости Фландрии. Эта партия оказалась успешной, и бельгийский истеблишмент рассматривал ее как реальную угрозу, а традиционные бельгийские партии решили не сотрудничать с ней. Официальным основанием для подобного отношения был ее «расистский» характер. Совсем недавно, когда подобная деятельность была истолкована как «расизм» (когда один из лидеров партии призвал к депортации криминальных иммигрантов в страны их происхождения), партия была вынуждена переписать свою программу и сменить свое имя на «Влаамс беланг» («*Vlaams Belang*») («*Flemish Interest*» – «Фламандский интерес»). Сегодня «Влаамс Беланг» является ведущей фламандской партией, пользующейся поддержкой почти миллиона избирателей во Фландрии.

«Фольксюни», которая сегодня сосуществует и конкурирует с «Влаамс беланг», теряет поддержку избирателей, в то время как «Влаамс» неуклонно расширяет свои ряды. Многие из ее политиков были ангажированы другими партиями, и сейчас «Фольксюни» растаскивается в двух направлениях: с одной стороны, Новым фламандским альянсом – «N-VA» (*Nieuw-Vlaamse Alliantie*, New Flemish Alliance), который радикальнее ее самой, но менее радикален, чем «Влаамс блок», и с другой, –

партией «Спирит» («Spirit») – очень маленькой леволиберальной партией, которая почти полностью утратила свою связь с фламандским национализмом.

Так или иначе, сдвиги в экономике, демографический перевес Фландрии над Валлонией способствовали подъему массовых национальных движений.

Изменившийся социально-психологический климат в стране явился в 1970-е – 80-е гг. одной из самых серьезных причин валлоно-фламандских трений. Экономическое лидерство Фландрии закрепляло ее политическое лидерство в стране. Это оказалось едва ли не самым болезненным фактором для «привилегированного» населения Валлонии и франкофонов Брюсселя, где растущее, а подчас решающее влияние фламандских партийных и деловых кругов на политику страны ощущалось уже в 1970-е гг. В 1980-е – 90-е гг. оно стало неоспоримым, что нарушило равновесие всей политической системы. Фламандские национальные партии, доминирующие на федеральном уровне власти, пока еще вынужденные учитывать мнение валлонских партий, превращаются в ключевой фактор и институт федеративного государства, которое они столь страстно стремятся трансформировать в квазигосударственное образование конфедеративного типа.

Библиографические ссылки

1. Deshouwer, K. Comprendre le nationalisme flamand // *Federalisme-regionalisme*. – Volume 1: 1999–2000. Nationalisme et démocratie.

2. Morelli, A.(ed.). *Les grands mythes de l'histoire de Belgique, de Flandre et de Wallonie*. – Brussels, 1995.

3. Wils, L. *Histoire des Nations belges*. – Ottignies/Louvain-la-Neuve, 1994.

4. Stengers, J. *Histoire du sentiment national en Belgique des origines à 1918*. 1: *Les racines de la Belgique jusqu'à la Révolution de 1830*. – Brussels, 2000.

5. Dolderer, W. *Deutscher Imperialismus und belgischer Nationalitätenkonflikt. Die Rezeption der Flamenfrage in der deutschen Öffentlichkeit und deutsch-flämische Kontakte 1890–1920*. – Melsungen, 1989.

6. Wils, L. Introduction: a brief history of the Flemish movement, in: Hermans T., Vos L., Wils L. (eds.). *The Flemish movement: a documentary history: 1780–1990*. – London 1992. – P. 24–39.

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ РЫНОК ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Хотя отношения между Европейским союзом и США являются достаточно развитыми, европейские масс-медиа имеют немного поводов говорить о «трансатлантическом партнерстве» как о состоявшемся факте. Последняя резолюция Европейского парламента о состоянии трансатлантических отношений [1], за которую проголосовали почти единогласно, с 501 голосом «за» («правые», Европейская социалистическая партия и «зеленые») и только с 53 голосами «против» (европейские «левые»), предполагает замену современной трансатлантической «повестки дня» новым соглашением о стратегическом партнерстве, которое предстоит согласовать к 2012 г., достигнув цели по созданию «трансатлантического рынка» к 2015 г. Это решение Европарламента также предполагает создание «Трансатлантического политического совета», который будет наделен соответствующими полномочиями в вопросах международной политики и безопасности. Характерно, что это решение было принято депутатами Европарламента без консультации с собственными гражданами, но при весьма активной поддержке мондиалистского лобби. Оно легитимирует стратегические усилия Соединенных штатов по интеграции экономического, юридического и оборонного пространства ЕС Соединенными Штатами.

Сила трансатлантического партнерства

Являясь настоящим «краеугольным камнем» для международной политики ЕС, «трансатлантическое партнерство» основано на общих разделяемых ценностях, общих целях, а также на принципах открытой и интегрированной экономики. Подобное «стратегическое партнерство» является наиболее значимым для ЕС, и оно не ставится под сомнение из-за разногласий последних лет. В связи с этим Европарламент напомнил, что новый американский президент Барак Обама в ходе своего визита в Берлин в августе 2008 г. подтвердил, что «у Америки нет лучшего партнера, чем Европа», – полагая, что именно Обама способен дать новый импульс этому партнерству.

Трансатлантическое партнерство является долгосрочным проектом. Так, уже вскоре после падения «Восточного блока» в 1990 г., подписанная тогда «Трансатлантическая декларация» устанавливала режим консультаций между председателем Европейского союза, главой Еврокомиссии и президентом США один раз в два года. После неудачи с подписанием Многостороннего соглашения об инвестициях (АМІ), Организация по сотрудничеству и экономическому развитию и европейский комиссар по внешней торговле предложили проект «нового трансатлантического рынка», против которого своим правом «вето» воспользовался бывший президент Франции Жак Ширак. В конечном итоге, «Трансатлантическое экономическое партнерство» было учреждено в Лондоне на саммите ЕС и США в 1998 г.

В результате публикации доклада германского депутата Эрики Манн, настаивающей на создании «трансатлантического рынка без промедления к 2015 г.» [2], Европейский парламент проголосовал в июне 2006 г. за резолюцию об улучшении отношений между ЕС и США в рамках соглашения о «трансатлантическом партнерстве». Резолюция о трансатлантических отношениях (апрель 2007 г.), подписанная президентом США Джорджем Бушем, германским канцлером Ангелой Меркель и председателем Еврокомиссии Жозе Мануэлем Баррозо, учредила «Трансатлантический экономический совет» (СЕТ), который провел свою первую рабочую встречу в ноябре 2007 г.

Согласно плану европейских законодателей, Европарламент в развитие положений декларации о «Трансатлантическом диалоге законодателей» (DTL) инспирирует доклады Комиссии по международным делам и консультации между Комиссией по международной торговле и Комиссией по экономическим и бюджетным вопросам, выводы которых отражаются в заключениях Совета Европы. В области обороны, фактической и юридической силой обладают такие источники, как декларация Совета по североатлантическому сотрудничеству, принятая на саммите НАТО в Бухаресте в апреле 2008 г., и резолюции о стратегии Европейского союза.

Европейские депутаты также планируют «радикальную» реформу международных экономических институтов с целью создать «объединенный трансатлантический рынок к 2015 г.». Многочисленные заключенные соглашения уже применяются в таких областях, как инвестиции, расчетные и регулирующие нормы, или усиление защиты права интел-

лектуальной собственности. Происходящие сегодня процессы «конвергенции» регламентарных норм и адаптации законодательства имеют экстерриториальный характер и не сопровождаются никакими консультациями либо предварительными соглашениями, способствуя усилению интеграции финансовых рынков.

При этом Европейский парламент не обладает формальной властью принуждать кого-либо к выполнению этих норм. В то же время, подобные политические инициативы в отношении Совета Европы и Европейской комиссии, содержащиеся в перечисленных резолюциях, благодаря многократному повторению их на практике, постепенно приобретали легитимный характер. В свою очередь, ратификация «Лиссабонского договора» (одобренного Советом Европы и подписанного 27 главами европейских государств и правительств в Лиссабоне в 2007 г.) каждым из государств-членов ЕС, в соответствии с его собственной процедурой, позволит этому договору играть более важную и объединяющую роль на международном уровне.

«Трансатлантическая политика»

Европейский союз и Соединенные Штаты разделяют ответственность за утверждение стабильности, они объединились с целью «совместно формировать свое международное окружение». Европейские институты прибегают к международному праву и к помощи международных институтов, особенно ООН, реформу которых они активно поддерживают; можно сюда включить реформу Совета Безопасности, цель которой, изменяя распределение постоянных мест, – изменение «дипломатического баланса» под сенью Совета Безопасности, привнося в итоге «интенсивную координацию» в сферы «кризисной» и «превентивной» дипломатии.

В свою очередь, «Трансатлантический экономический совет» и «Трансатлантический парламентский совет» (СРТ) предлагают трансформировать современный «трансатлантический диалог законодателей» с целью создания «Трансатлантической ассамблеи». Эта ассамблея будет составлена из равного числа депутатов Европейского парламента и Конгресса США и будет работать над созданием «рамочного законодательства» по всем вопросам, касающимся углубления интеграции «трансатлантического рынка».

Объединенный посредством выравнивания законодательства, «трансатлантический рынок» позволяет сохранить верховенство над существующими государствами, избегая конкуренции, которая может ослабить трансатлантическое партнерство. «Новая трансатлантическая повестка дня» (NAT), принятая и адаптированная в 1995 г. в Мадриде бывшим председателем Еврокомиссии Жаком Сантером, председателем Совета Европы Фелипе Гонсалесом и президентом США Биллом Клинтон, устанавливает в качестве цели «создание открытой мировой системы торговли и инвестиций» [3].

При этом ВВП Европейского союза и Соединенных Штатов составляет сегодня более половины мирового ВВП и, несмотря на периодически возникающие напряжения, трансатлантические отношения остаются одной из главных «осей» внешней политики Союза [4]. Европарламент предлагает, чтобы процесс подобной интеграции стал более систематическим, адаптировать общие позиции и инициативы в отношении общих торговых интересов, таких, как доступ «без дискриминации» на мировой рынок природных ресурсов, обеспечение права интеллектуальной собственности, взаимное мировое признание дипломов и аттестатов или усиление сотрудничества в области космических исследований. Параллельная ревизия регламентарных норм и законодательства о контроле над финансовыми рынками призвана исключить препятствия, которые затрудняют процесс инвестирования и предоставления финансовых услуг в рамках формирующегося «трансатлантического пространства». Систематическое и открытое сотрудничество в сфере законодательства призвано устранить непринципиальные различия между соответствующими законами и способствовать снижению цен, благодаря законодательному регулированию отношений между производителями и потребителями.

Политика «запуска» экономического роста США интересует ЕС, который также заинтересован в нахождении «трансатлантического ответа» на кризис. Следуя за властями Соединенных Штатов, Европейский парламент с целью «реформировать международную финансовую систему» призывает к устранению необоснованных налоговых льгот. Недавние атаки властей США и Франции против экономического суверенитета Швейцарии показывают, что эта резолюция обладает фактической силой. Правительство США воспользовалось информацией о банках, а Евро-

пейский союз задним числом модифицировал свое законодательство, чтобы предоставить американской стороне это право. Таким образом, Соединенные Штаты сегодня обладают системой контроля не только над европейской финансовой системой, но и над системами легитимации и законодательства.

Глобальные стратегии

Европейский парламент подчеркивает, что обмен данными и информацией является одним из ключевых инструментов в международной борьбе против терроризма и международной преступности и полагает, что подобный обмен должен быть вписан в приемлемые правовые рамки и основываться на международных соглашениях, обладающих императивным характером. Доклад, представленный экспертами из шести стран-членов ЕС предполагает создание благоприятной среды для трансатлантической кооперации в области обеспечения свобод, безопасности и правосудия к 2014 г., с целью реорганизовать полицию и юстицию в соответствии «с целями и характером внешнеполитической стратегии Европейского союза», т. е., фактически, в соответствии с интересами Соединенных Штатов.

В докладе, опубликованном совместно с руководством Департамента безопасности и Министерством юстиции Соединенных Штатов и представителями ЕС, отстаивается идея о передаче административных и юридических данных, а также сведений, касающихся «защиты территории» [5], что включает информацию о банковских данных, транспортные дороги и сети Интернет, этнические, политические и религиозные данные. Речь, в данном случае, идет не о возможности передачи этих данных, что уже широко практикуется, а о легализации этой передачи во избежание любых препятствий при распространении частной информации.

Европарламент также призывает к тому, чтобы считать всех граждан Евросоюза равными «на основе полной взаимности» с американскими гражданами. Он выражает удовлетворение недавним расширением функционирования программы безвизового режима между государствами-членами Союза, и подчеркивает важность быстрого ввода в силу соглашений об экстрадиции и юридической взаимопомощи между Евросоюзом и США. После определения трансфера личных данных и установления сотрудничества между полицейскими службами, речь отныне идет о легализации выдачи преступников, находящихся под юрис-

дикцией Союза, властям Соединенных Штатов. Европейский ордер на арест упраздняет, таким образом, гарантии процедуры экстрадиции, так как в соответствии с этим принципом взаимного признания соответствующие юридические нормы государства-заявителя немедленно объявляются соответствующими принципам правового государства. Так, акт Военной комиссии разрешает США разыскивать и заключать под стражу любого человека, которого власти объявили врагом [6].

Как предполагается, члены партнерства несут одинаковую «ответственность по отношению к международному порядку». «Новый трансатлантический план» 1995 г. утверждает «нераздельность трансатлантической безопасности» под эгидой Организации Североатлантического договора (НАТО), «краеугольного камня» трансатлантической безопасности.

Одновременно с этим Европейский парламент настаивает на ускорении темпов создания группы на высшем уровне Евросоюз-НАТО для улучшения сотрудничества между этими двумя организациями. Оборонная политика НАТО будет получать «систематические консультации» в отношении позиций внешней политики в рамках «Трансатлантического политического совета». Европейский парламент также настаивает на необходимости продолжать усиление гражданских и военных возможностей Европы и желает усилить трансатлантическое сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом, что касается аспектов обороны и безопасности.

Европейский Союз планирует заключение нового соглашения для создания консультационного органа по системной координации в области внешней политики и безопасности. Он поручает возглавить этот орган верховному представителю Комиссии (для Евросоюза) и госсекретарю (для США) и предлагает назвать этот механизм Трансатлантическим политическим советом (ТПС). В данное время США и Евросоюз уже приступили к разработке общего плана и целей работы на краткосрочную и долгосрочную перспективы как по двусторонним вопросам, так и по проблемам и конфликтным ситуациям мирового и регионального уровней.

Европарламент нацелен «привлечь развивающихся акторов к разделению ответственности в деле обеспечения мирового порядка», к выработке и реализации общего подхода по отношению к другим значимым

геополитическим акторам, таким, как Китай, Индия, Африка (южнее Сахары), Латинская Америка, и настаивает, в частности, на реализации «Целей тысячелетия во имя развития» (ОМД), которые связаны с политикой осушения земель для хозяйственных целей.

Депутаты Евросоюза удовлетворены тем фактом, что президент Соединенных Штатов отмечает, что он продолжит «консультировать» союзников по НАТО, а также Россию по проблемам ПРО. Они желают «поставить на ноги» стратегию, касающуюся шести государств Восточной Европы (Молдавии, Украины, Грузии, Армении, Азербайджана и Белоруссии) в рамках европейской политики «соседства», чтобы достигнуть значительных и долговременных результатов в рамках реализации «Нового восточного партнерства» и «Черноморской синергии». Европейские парламент также желает, чтобы трансатлантические партнеры стремились «широко координировать их политику по отношению к России» – соседнему государству, связанному отношениями взаимозависимости с ЕС. Конечной целью является интенсификация сотрудничества в рамках совета «НАТО-Россия» и широкая координация совместных действий в рамках процесса реформирования европейской структуры безопасности, в соответствии с принципами ОБСЕ и с целями НАТО.

Трансатлантизм и мондиализм

Пожелав иметь более сильное лобби для европейских организаций в Вашингтоне, Евросоюз, однако, прежде всего преуспел в постоянном наращивании численности американских организаций в Брюсселе и принятии на себя обязательств в интересах усиливающегося партнерства Евросоюза и США.

Деятельность американских групп влияния в процессе трансатлантической интеграции имеет давнюю историю. На саммите США-Евросоюз в июне 2005 г. в Вашингтоне были приняты предложения лоббистов из так называемого «Трансатлантического бизнес-диалога» (ТАБД). Европейская комиссия преследует цель создания зоны свободной торговли внутри этой многонациональной группы стран Европы и США. Доклад Эрики Манн был, в основном, вдохновлен отчетом ТАБД 2005 г.

«Трансатлантическая сеть полиции», основанная в 1992 г., включает в себя членов парламента Европы и США, а также деловых людей. Призывая к созданию трансатлантического политического, экономического и военного сообщества, она получает поддержку многочисленных

мондиалистских think-tanks, таких как, например, Совет по международным отношениям, Европейско-американский бизнес-совет, Аспен-институт, Институт Брукингса, фонд Германа Маршалла или многонациональных компаний, таких как Boeing, IBM, Microsoft, Ford, Siemens, Deutsche Bank, Michelin или BASF.

Фонд Bertelsmann, в частности, поддерживает «Трансатлантическую сеть полиции» и продвигает идею объединенного трансатлантического экономического и финансового рынка в рамках своей рабочей группы «Экономия, торговля и финансы». Эти работы послужили базой для создания «Трансатлантического экономического совета». В Европе двигателем трансатлантического партнерства выступает Германия, ставшая главным партнером Соединенных Штатов. Торговые отношения этих двух стран играют важную роль, и Германия в наибольшей степени взяла на себя обязательства в отношении Восточной Европы, которая представляет собой «стратегическую зону интересов» для США. Американцы рассчитывают на помощь Германии в целях усиления интеграции Европы и в деле сдерживания России.

Для того чтобы трансатлантическая интеграция стала реальностью де-факто раньше, чем де-юре, Европейский Парламент ждет от совета более эффективного осуществления координации и формирования политики Евросоюза в отношении Соединенных Штатов. Парламент, в частности, предлагает наладить обмен персоналом, требует от Конгресса США изучить возможности создания бюро по связям с Конгрессом в Брюсселе и приглашает руководство Европарламента назначить ответственного в Вашингтоне.

В то же время для членов «Европы 15-ти», занятых в основном обеспечением армией Соединенных штатов и входящих в состав НАТО, вопросы внешнего суверенитета долгое время оставались приоритетом американской внешней политики. Трансатлантические отношения в настоящее время опираются на постепенный отказ от внутреннего суверенитета стран-членов Евросоюза. Американское право приобретает легальный статус на территории Евросоюза.

Казалось бы, реализация проекта по созданию интегрированного трансатлантического рынка идет вразрез с процессами объединения Европы. Но Евросоюз – прежде всего объединенное экономическое пространство, в то время как трансатлантический рынок строится прежде

всего на основе политической общности, предполагая создание в обозримом будущем «Трансатлантической ассамблеи». Для достижения своих целей лоббисты этого интегрированного трансатлантического рынка достигают сегодня фактического суверенитета над европейскими гражданами и добиваются легитимизации своей, пока не официальной, власти европейскими институтами. И если трансатлантический рынок все же удастся превратить в единое интегрированное целое, в его основе не будут лежать отношения двух равных сторон.

Пер. с фр. Сергея и Натальи Бирюковых

Библиографические ссылки

1. Resolution du Parlement europeen sur l'etat des relations transatlantiques apres les elections qui ont eu lieu aux Etats-Unis, 26 mars 2009 (2008/2199/(INI)).

2. Mann, E. Sur les relations transatlantique Union europeenne Etats-Unis, avril 2006.

3. Nouvel agenda transatlantique. Sommet Union europeen et Etats-Uni. – Madrid, 1995.

4. Rapport d'information sur les relations entre l'Europe et les Etats-Unis, Axel Poniatowski, Commission des affaires etrangeres, Assemblee nationale, 2005. – 152 p.

5. Freedom, security, privacy. Europeans home affairs in an open world, 2008. – Juin. – P. 10.

6. Military commission act of 2006. – S. 390.

Пьер Илляр

Высшая школа внешней торговли (ESCE) (Париж, Франция)

МЕНЬШИНСТВА И «РЕГИОНАЛИЗМЫ»

В «ЕВРОПЕ РЕГИОНОВ»

Современная «повестка дня» в Европе побуждает нас задаться непростыми вопросами. Действительно ли Германия является привилегированным союзником Франции в Европе? И в самом ли деле процесс «европейского строительства» продвигается вперед, благодаря слажен-

ной работе франко-германского «мотора»? И действительно ли то, что, в конечном итоге, Европа реально движется по направлению к «федерации национальных государств»? Не являются ли эти продекларированные цели лишь прикрытием для реализации других, не признаваемых целей?

Но ведь именно тот вопрос, который опасаются задавать даже те из французских политиков, которые безоговорочно признают себя приверженцами «национального суверенитета», следует поставить сегодня со всей серьезностью и ответственностью. Главное же заключается в том, что Европа, о которой мы говорим, на сегодняшний день, фактически, предана своими прежними приверженцами, и речь больше не идет о действительной реализации проекта, воспламеняющего умы в течение последних десятилетий. Вовсе не стремясь к слиянию воедино существующих национальных государств, современные европейские элиты вовлекаются в колоссальный разрушительный процесс, призванный способствовать возникновению «подлинной Европы регионов».

Подобные устремления преобладают сегодня как в рамках Европейского Союза, так и под эгидой Европейской комиссии. Все связанные с этим проекты вращаются вокруг двух основных принципов: развитие регионализма и защита этнических, лингвистических и религиозных меньшинств.

Ряд базовых правовых актов Европейского Союза способствует реализации этих проектов: Европейская хартия региональных языков, Европейская конвенция о защите прав меньшинств, Европейская хартия о местной и региональной автономии, равно как и Мадридская хартия о трансрегиональном сотрудничестве, которая призвана способствовать выходу регионов из-под власти национальных правительств с их последующим присоединением к сопредельным регионам соседних государств под надзором ЕС. Подобная политика далеко не является продуктом заблуждений европейских руководителей, но она обладает собственной логикой и представляет собой целостную систему. Она проводится в жизнь европейскими институтами, изначально поддерживается европейскими странами, целью которых является упразднение существующих национальных государств во имя создания «Европы регионов», которая позволит им утвердить собственную гегемонию на европейском континенте.

Скрытые интересы Германии

Наиболее очевидным здесь является «немецкий интерес». Ибо Германия – наиболее влиятельная и населенная страна Европы, континентальная политика которой, начиная со времени ее последовательного «собрания» в XIX в. (1848–1871 гг.) до момента объединения «двух Германий» в 1990 г., и последовательно проходя через эпохи Второй Империи, Веймарской республики и Третьего Рейха, всегда имела своей целью «демонтаж» системы существующих в Европе национальных государств. Следуя своей традиционной этнокультурной расовой концепции, основанной на понятии Volk, после окончания всех развязанных ею войн, Германия терпеливо и последовательно реализовывала посредством европейских коммунитарных и межправительственных институтов секулярную политику, истоки которой кроются в Средневековье и во временах Священной Римской империи германской нации. Именно эта концепция и направляет сегодня политику Германии, нацеленную на всемерную поддержку регионализма и меньшинств в Европе.

Особого внимания в этом отношении заслуживает «краеугольный» для всей германской политики феномен *Drang nach Osten*, который на протяжении всей германской истории, от эпохи Священной Римской империи до времен Третьего Рейха, предполагал колонизацию германским населением всей Центральной и Восточной Европы, вплоть до Казахстана и Сибири.

Обращение к концепции *Drang nach Osten* необходимо для того, чтобы понять, почему Германия, в противоположность Франции, которая неизменно отождествляет нацию с территорией и никогда не преуспевала в «насаждении» ее в чужих краях за пределами своих границ (исключение – случай Квебека), всегда использовала свои государственные границы для того, чтобы представители немецкой диаспоры могли сохранять связь с родиной-матерью (*Heimat*) в рамках государств своего проживания.

Действительно, с момента окончания Второй мировой войны массовое изгнание, депортация и «чистка» немецкого населения в Восточной Европе, равно как и политика ассимиляции, проводимая их социалистическими режимами, заметно уменьшила численность в них немецкого населения. В то же время, политика Западной Германии была нацелена на сохранение связей с немецким меньшинством на Востоке вопреки су-

ществованию «Железного занавеса». Падение Берлинской стены, объединение Германии и окончание существования «разделенной Европы» снова дало Германии «карт-бланш» на продолжение многолетней политики по конституированию региональных и этнических меньшинств, минуя границы национальных государств.

«Троянский конь» для Европы

На протяжении долгого периода времени Германия предлагает себя Европе в качестве «Троянского коня», распространяя свою этно-регионалистскую концепцию на весь Старый континент. Очевидно, например, что Европейская хартия о языках меньшинств и региональных языках продвигалась, в первую очередь, Германией, проявлявшей особую активность в рамках таких общеевропейских инстанций, как Федеративный союз этнических общин (UFCE) или Европейский центр по проблемам меньшинств (ЕСМІ). Политика регионализации Европы и практика создания «еврорегионов» также были инспирированы Германией посредством таких институтов, как Ассоциация приграничных регионов Европы (ARFE), Ассамблея регионов Европы (ARE), Конгресс местных и региональных властей Европы (CPLRE) и Комитет регионов (CdR). Не встречая сопротивления со стороны своих европейских «партнеров» и не ставя открыто под сомнение реальность «франко-немецкого тандема», немцы оказались в состоянии проводить в жизнь свою политику.

Последствия этой деятельности уже очевидны: крушение бывшей Югославии, продолжающееся разделение Бельгии, разрушение Испании через «центробежные устремления» привилегированных регионов. И если современная тенденция сохранится, реальностью может стать сецессия «периферийных» регионов Франции, реализация проекта «Лиги Севера» в Италии, автономия с «прицелом» на независимость «кельтских» территорий Великобритании.

Балканизация

Подобный сценарий неоднократно описывался на примере Бельгии, и также – в связи с недавним провозглашением независимости Косова, в которой нашла проявление подлинная балканизация европейского континента. Весьма желательный для Германии и для тех европейских институтов, в которых она занимает доминирующие позиции, этот процесс в равной степени поддерживается и ООН, последовательно защи-

щающей лингвистические, этнические и религиозные меньшинства по всему миру. Стремление Германии реорганизовать Европу в соответствии с этнокультурными и региональными критериями с целью успешной реализации своих собственных интересов, в конечном итоге, подготавливает площадку для подлинной рефеодализации Старого Континента. В результате – единое федеративное государство, как некогда Священная Римская империя германской нации, превратится в сюзерена для многочисленных региональных, этнических, лингвистических и религиозных общностей.

Для унитарных национальных государств, к числу которых относится и Франция, подобная политика означает *casus belli*, равнозначный смертному приговору. Весьма примечательно, что распад национальных государств, как показывает протекающая сегодня «англицизация» Брюсселя, весьма благоприятствует торжеству «англицизма» в Европе. И поскольку Старый Свет не способен создать достаточно однородные и прочные общности, именно «англосаксонское» влияние сможет обеспечить равновесие между Европой и США в рамках «западного мира». Показательно, что потрясения, которые могут произойти из-за ущемления интересов Европы и которые уже были предопределены войной в Югославии, угрожают как самой Европе, так и цивилизации в целом.

Мы не верим, что большинство немецкого народа знает и тем более одобряет мечты, вынашиваемые некоторыми представителями национальной элиты. В то же время, не преувеличение ли полагать, что сталкивающаяся с демографическими проблемами Германия способна реализовать подобную политику в Европе? Смертность, действительно, превышает рождаемость в Германии – это правда. Но, прежде чем уйти в небытие, германские руководители имеют возможность рассеять свой «яд». Даже в условиях снижения рождаемости, Германия способна создать систему, которая в состоянии инфицировать весь европейский «организм».

Изгнание, депортации, «чистки» в отношении немцев, проводившиеся в Европе после Второй мировой войны, уменьшили потенциал подобной политики. Однако германское население Восточной Европы предоставляет Германии великолепную сеть «торговых агентов», даже невзирая на их малую численность.

Ось «Берлин-Лондон-Вашингтон»

Следует разобраться в том, обязано ли развитие европейского «коммунитаризма» влиянию Германии, и не обнаруживается ли в этом процессе влияние других внешних сил, например, англосаксонского мира и ООН? В действительности, две этих тенденции обоюдно усиливают друг друга.

При этом сегодня часто говорят об оси «Париж-Берлин-Москва», которая проявила себя в период «иракского кризиса» 2003 г. В то же время, реальная «ось» европейской политики включает в себя Берлин, Лондон и Вашингтон. При этом заслуживает внимания событие, о котором ни одним словом не было упомянуто во французской прессе. 27 февраля 2004 г., всего лишь через год после «иракского кризиса», канцлер Герхард Шредер направился в Вашингтон для подписания вместе с Джорджем Бушем соглашения о германо-американском союзе для XXI в. Это соглашение увязывало расширение Европейского Союза с усилением трансатлантического партнерства. Еще более любопытная деталь связана с тем, что заключенный союз также предполагал расширение влияния США на Ближнем Востоке. Сам документ, датированный февралем 2003 г., то есть временем разгара иракского кризиса, и обнародованный лишь в 2006 г., касается условий деятельности агентов германской разведки в Багдаде, призванных разрабатывать для американцев планы защиты иракской столицы.

В современной ситуации Германия призвана перестроить Европу в соответствии с этнорегиональными критериями, связывая, таким образом, «объединенный европейский блок» с «североамериканским блоком», как и предполагает Соглашение о партнерстве в вопросах безопасности и благосостояния, заключенное в 2005 г. в Техасе. Это соглашение также предполагает создание в 2015 г. Трансатлантического союза, после введения общеамериканской валюты – амеро, которое было запланировано на 2010 г. Современный экономический кризис лишь расчищает площадку для создания этого союза, в котором Соединенное Королевство будет играть роль «связующего моста».

В связи с этими планами возникает вопрос о том, существует ли в действительности риск «балканизации» национальных государств, подобных Франции, в то время как во многих сопредельных с Францией регионах существует устойчивое франкофонное большинство? «Запуск»

процессов децентрализации, произведенный Жан-Пьером Раффареном, известным поборником идеи «Европы регионов», равно как и «размораживание» 308 миллиардов евро в европейских структурных фондах с направлением этих средств непосредственно регионам, делает последние напрямую зависимыми от Брюсселя. В 2003 г. региональный совет департамента Эльзас-Лотарингия получил право вести дела непосредственно с Европейской Комиссией. В свою очередь, в 2006 г. глава департамента Пуату-Шаранте Сеголен Руайяль посетила Брюссель с целью добиться аналогичного разрешения. Занимавший в то время пост премьер-министра Доминик де Вильпен отказал ей, однако еще до этого дав поручение бывшему министру внутренних дел Николя Саркози распространить «эльзасский прецедент» на все остальные регионы. Сегодня эта реформа находится в стадии реализации. В случае ее успеха, «европоцентристы» получают в свои руки все необходимые средства для завоевания Франции. Единственное, во что нам сегодня остается верить, – это «инстинкт выживания» французского народа, который способен сорвать эти планы.

Предательство элит

Достиг ли сейчас Европейский Союз масштабов влияния, позволяющих ему «взорвать» существующие национальные государства, в то время как государства-члены контролируют Совет Европы, а комиссары – члены Европейской Комиссии – назначаются в результате борьбы и сложных согласований? Да, поскольку во Франции имеет место подлинное предательство со стороны элит, как это было при заключении в 1420 г. договора в Труайе, по которому трон и корона были переданы англичанам. И сегодня вопрос стоит о том, найдет ли Франция свою новую Жанну д' Арк.

Другой важный вопрос связан с тем, почему Германия фактически продолжает проводить в Европе пангерманистскую политику, хотя неплохо знает, к чему привела подобная политика в прошлом? Прежде всего, это происходит потому, что, несмотря на всю откровенность своих действий, она не встречает никакого серьезного сопротивления. Так, например, бывший министр иностранных дел Германии Йошка Фишер недавно все же вынужден был признать, что «процесс европейского строительства должен принести Германии все то, чего она не добилась в итоге двух мировых войн». В сходной манере, немецкий

историк Рудольф фон Тадден заявил в 2002 г. в интервью французской газете «Фигаро» о том, что необходимо «немного разрушить Францию для того, чтобы создать Европу».

Наконец, многие задаются вопросом о том, не могла бы Франция, в случае создания Европы на основе этнокультурных критериев, присоединить к себе Валлонию и Романдию, в случае, если Швейцария все же приняла бы решение о вхождении в Европейский Союз? Едва ли, поскольку практика создания «еврорегионов» взорвала бы, в первую очередь, саму Францию.

Сегодня на всем пространстве от Греции на Западе до Индии на Востоке в повестку дня поставлен вопрос о полной реорганизации государственности

Существует ли связь между недавней войной в Ливане и запланированной «перестройкой» на Ближнем Востоке? Безусловно, обнародование подобных планов в специализированном американском военном журнале в июне 2006 г. не является случайностью. Кроме того, теперь уже бывший госсекретарь США Кондолиза Райс на своей пресс-конференции 21 июля 2006 г., еще до окончания войны в Ливане, открыто заявила следующее: «Я не вижу никакого интереса для дипломатии стремиться к возвращению довоенного статус-кво в отношениях между Ливаном и Израилем. Я считаю, что это было бы ошибкой. То, с чем мы здесь сталкиваемся, является средством инициировать процесс, итогом которого станет обновленный Ближний Восток, в отношении которого можно быть уверенным, что он будет устремлен вперед, и возврат к прошлому станет невозможен». Принимая во внимание эти заключения, закономерен вопрос, не была ли война в Ливане инициирована сознательно, с целью продвинуть вперед политику разрушения? Пугает лишь то, что избранный путь ведет к масштабному кровопролитию.

При этом даже колонизаторы XIX в., стремившиеся к перекройке границ, не заходили так далеко, и подобные планы выглядят вовсе не безопасными. При этом главной целью и Вашингтона, и Брюсселя является разрушение как государств Ближнего Востока, так и Европы. Все делается в духе так называемой «глобализации» и в соответствии с ее философией, основанной на «универсальных ценностях».

Современная немецкая политика играет ключевую роль в осуществлении этой этнической агрессии, активно пропагандируя концепцию «Европы регионов». Подтверждением этому является деятельность «Фонда Бертельсманна» (Bertelsmann-Stiftung), под эгидой которого, в рамках так называемых «Кронбергерских бесед» (Kronberger Gespraechе), разрабатывался весь комплекс мероприятий, реализуемых сегодня на Ближнем Востоке. Влияние этого фонда остается весьма значительным, независимо от того, какое правительство находится в данный момент у власти в Берлине. Область интересов фонда в период 2002 –2003 гг. была четко определена: Европа, Средиземноморье и Ближний Восток, укрепление ответственности ради стабильности и развития (материалы «Седьмой Кронбергской беседы») и «Будущее европейской политики на Ближнем Востоке накануне иракской войны» (материалы «Восьмой» Кронбергской беседы»). Установки фонда свидетельствуют о том, что полное переустройство политических, экономических и религиозных институтов в странах «Большого Ближнего Востока» так же желательно, как и встраивание этих государств в евроатлантическую ось.

Оказывают ли разработки Фонда Бертельсманна влияние на разработку официальной германской внешней политики? Подобное влияние подтверждается многочисленными примерами. Так, еще в январе 2004 г. министр иностранных дел Йошка Фишер выступил с речью о так называемой «модернизации ислама» и активно поддержал «реформы» в Турции. При этом Фишер особо подчеркивал, что Турция должна соответствовать «Копенгагенским критериям». Эти критерии напрямую связаны с «правами меньшинств», истолкованными так немецкими законодателями. Они были официально провозглашены Германией и по ее настоянию включены в документы ЕС. Формирование predetermined этническими мотивами политики в отношении меньшинств стало составной частью «политики добрососедства» в рамках ЕС, которая распространяется как на восточноевропейских кандидатов, так и на страны-члены Евросоюза. Это неизбежно ведет к торжеству этнорегионалистской концепции и к разрушению суверенных государств.

Пер. с фр. Анны Шуклиной.

С. Т. Мейрманов

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

(Астана, Казахстан)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ КОГОРТ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

В современных условиях главным богатством страны является человеческий потенциал; интеллект нации становится реальным двигателем и определяющим фактором прогресса. В условиях глобализации человеческий и интеллектуальный потенциал как важный ресурс общества не имеет никаких способов замещения. Поэтому всякая потеря людских ресурсов, независимо от характера и конкретных причин, имеет не только демографические, но и социальные, экономические, политические, геополитические и иные последствия.

Демографическая проблема затрагивает все страны мира, для одних стран она заключается в быстром росте числа населения и высокой рождаемости, для других – в ее падении и депопуляционных процессах. Из всех демографических процессов, по мнению некоторых специалистов, рождаемость менее всего поддается регулированию и прогнозированию.

Снижение численности населения происходит из-за снижения естественного прироста и отрицательного сальдо миграции населения. После распада СССР происходило снижение естественного прироста населения из-за растерянности от происходящих перемен, отсутствия стабильности, экономического спада. Все это не способствовало желанию обзаводиться потомством в эту эпоху перемен.

Для демографической ситуации 1990–1999 гг. для Казахстана характерна естественная убыль и снижение качественных характеристик населения. В 1992 г. возник «эффект депопуляции» населения Казахстана; только в 2000 г. превышение умерших над родившимися составило 957,7 тыс. чел. Часть этих потерь была покрыта положительным сальдо миграции, но миграционный эффект имеет тенденцию к снижению. Одновременно происходит старение населения, что снижает долю детей и молодежи, а в дальнейшем, как «эхо» демографической волны, приведет к снижению доли трудоспособного населения. Другими следствиями снижения рождаемости при некотором повышении средней продолжительности жизни станет диспропорция полов (к 2025 г. на 100 женщин

будет приходиться 80–85 мужчин); снижение трудового потенциала страны (в 2005 г. численность трудоспособных достигнет пика, а затем будет снижаться); демографическая нагрузка, т.е. нагрузка престарелыми на трудоспособное население. Эти проблемы поднимают также демографы ООН. Они отмечают, что в Казахстане наметилась тенденция старения населения из-за поколения людей рожденных после второй мировой войны. Программа развития ООН предложила рассчитывать индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) как совокупность четырех показателей: ожидаемой продолжительности предстоящей жизни, грамотности взрослого населения, средней продолжительности обучения в стране, дохода (валового внутреннего продукта) на душу населения. Если в Казахстане будет происходить снижение ИРЧП, то в таких условиях имеет место социальный раскол общества и социальный конфликт. На данном этапе стоит задача социальной консолидации как фактора укрепления государственности, реформирования социальной сферы, которое должно исходить из следующих принципов: недопустимость снижения уровня жизни большинства населения; обеспечение всеобщей доступности социальных благ; усиление адресности социальной поддержки; постепенный переход на принцип платности социальных услуг и ликвидации системы перекрестного субсидирования. Успешность стратегии развития государства по принципу «благополучие для большинства» при этом будет определяться темпами экономического роста и динамикой формирования массового среднего класса.

Уменьшение численности населения страны – угроза национальной безопасности. Наряду со снижением численности населения имеет место снижение качества трудовых ресурсов. Методология оценки качественных характеристик населения включает исследование трех составляющих: здоровья населения (физического, психического и социального); профессионально-образовательных способностей людей, образующих их интеллектуальный потенциал; культурно-нравственных ценностей и духовности граждан, их социокультурной активности.

Лишь с 2000 г. ситуация начала выправляться и сегодня рождаемость в республике превышает смертность. Увеличение рождаемости, пусть пока не столь значительное, вселяет определенные надежды на то, что мы вступили на путь выхода из демографического кризиса.

Динамика демографических показателей

	1999	2002	2004	2005	2007
Все население, на начало года, человек	14 955 106	14 851 059	14 951 200	15 074 767	15 396 878
В том числе:					
Городское население	8 414 472	8 429 331	8 518 242	8 614 651	8 833 249
Сельское население	6 540 634	6 421 728	6 432 958	6 460 116	6 563 629
Родившиеся	217 578	227 171	273 028	278 977	321 963
На 1000 человек	15	15	18	18	21
Умершие, человек	147 416	149 381	152 250	157 121	158 297
На 1000 человек	10	10	10	10	10
Естественный прирост населения, человек	70 162	77 790	120 778	121 856	163 666
На 1000 человек	5	5	8	8	11
Число браков	85 872	98 986	114 685	123 045	146 379
На 1000 человек	6	7	8	8	9
Число разводов	25 583	31 236	31 492	32 377	36 107
На 1000 человек	2	2	2	2	2
Миграция населения, всего, человек					
Прибыло	273 747	327 303	386 247	373 434	365 137
Выбыло	397 374	389 315	383 458	350 766	354 175
Сальдо миграции	-123 627	-62 012	2 789	22 668	10 962
Внешняя миграция					
Иммигранты	41 320	58 211	68 319	74 807	53 397
Эмигранты	164 947	120 223	65 530	52 139	42 435
Сальдо миграции	-123 627	-62 012	2 789	22 668	10 962
Источник: http://www.stat.kz					

Демографический рост – это общенациональная задача, бремя ее выполнения должно быть распределено на всех: те, кто не имеет детей и не желает их иметь, включая и усыновление, должны финансово участвовать (налог на бездетность, повышение пенсионного возраста и т.д.) в поддержке тех, кто несет основную нагрузку в воспроизводстве населения (семьи с двумя-тремя детьми).

И депопуляция, и старение, порожденные глубокими изменениями демографических процессов, неразрывно связанными с модернизацией хода воспроизводства человеческих поколений, получившей название «демографического перехода», принадлежат к числу главных вызовов, на которые предстоит ответить казахстанскому обществу в XXI в. Оно сможет это сделать, если объединит ответы двух типов, которые условно можно назвать «качественным» и «количественным».

Уменьшение численности молодежи, вступающей в трудоспособный возраст, вызовет опасность обострения проблемы комплектования вооруженных сил, правоохранительных органов и иных силовых структур, что представляет угрозу сохранения оборонного потенциала страны, охраны государственных границ и проведение других мер, связанных с национальной безопасностью. Сокращение численности детей и подростков приведет к возникновению проблем формирования трудовых ресурсов, способных воспроизводить и развивать материальный и интеллектуальный потенциал РК. Реальная экономическая угроза связана с уменьшением численности населения рабочих возрастов и, соответственно, с сокращением экономического потенциала страны, что вызовет дефицит рабочей силы, который может покрываться за счет нерегулируемой миграции из Узбекистана, Китая и т. д.

Суть демографического перехода заключается в смене типов воспроизводства населения от традиционного, основанного на высокой рождаемости и высокой смертности, а, следовательно, быстрой смене поколений через ряд переходных этапов к современному типу воспроизводства населения, основанному на низкой рождаемости и низкой смертности, обуславливающих высокую экономическую эффективность поколений. Страны первого мира уже осуществили демографический переход и характеризуются новым режимом воспроизводства населения: для них характерен рост, близкий к нулевому. Страны второго мира во многом повторяют «демографическую бурю»

в Европе. Население этих стран представляет собой популяции в фазе демографического перехода. Поэтому следует ожидать сохранения высоких темпов демографического роста, по крайней мере, в течение ближайших двух-трех десятилетий. В пример можно привести ныне сложившуюся демографическую ситуацию и «демографическую весну» в Казахстане.

Страны третьего мира начинают входить в фазу демографического перехода. Эти страны сохраняют высокие темпы демографического роста при крайне низком уровне экономического развития, следствием чего становится пауперизация и маргинализация населения.

Факторами, влияющими на рождаемость, являются: 1. демографические волны, т. е. колебания численности смежных репродуктивных когорт; 2. эффект исчерпанной плодовитости когорт; 3. политический и социально-экономический кризис; 4. продолжающийся демографический переход и т. д.

В демографии, как и в физике, и в океанологии, есть свои волны. Любое драматическое событие, наложившее свой отпечаток на жизнь определенного поколения, влияет затем на судьбу детей, внуков, правнуков. Так, многим приходилось слышать словосочетание «эхо войны». Демографический смысл этого «эха» (а в физической природе эхо не что иное, как затухающее возвращение звуковых волн) можно описать следующим образом. В годы войны, по понятным причинам, резко упала рождаемость. Большая часть мужчин ушла на фронт, сохранившиеся в тылу семьи бедствовали, и всем было не до детей. В результате, количество казахстанцев, появившихся на свет в 1942–1945 гг. почти втрое меньше, чем число наших соотечественников, впервые увидевших мир в 1937–1940 гг. Уровень довоенной рождаемости удалось восстановить только к 1950 гг.

Малое количество рождений в начале 40-х гг. привело к тому, что к началу 60-х в стране оказалось мало юношей и девушек, вступающих в совершеннолетие. Следовательно, в этот период в СССР играется меньше свадеб и рождается меньше детей. Войны нет, уровень жизни советских людей довольно динамично растет, но «эхо войны» дает о себе знать. В 1970 г. рождаемость достигла минимальной отметки, сократившись в полтора раза по сравнению с 1960-м.

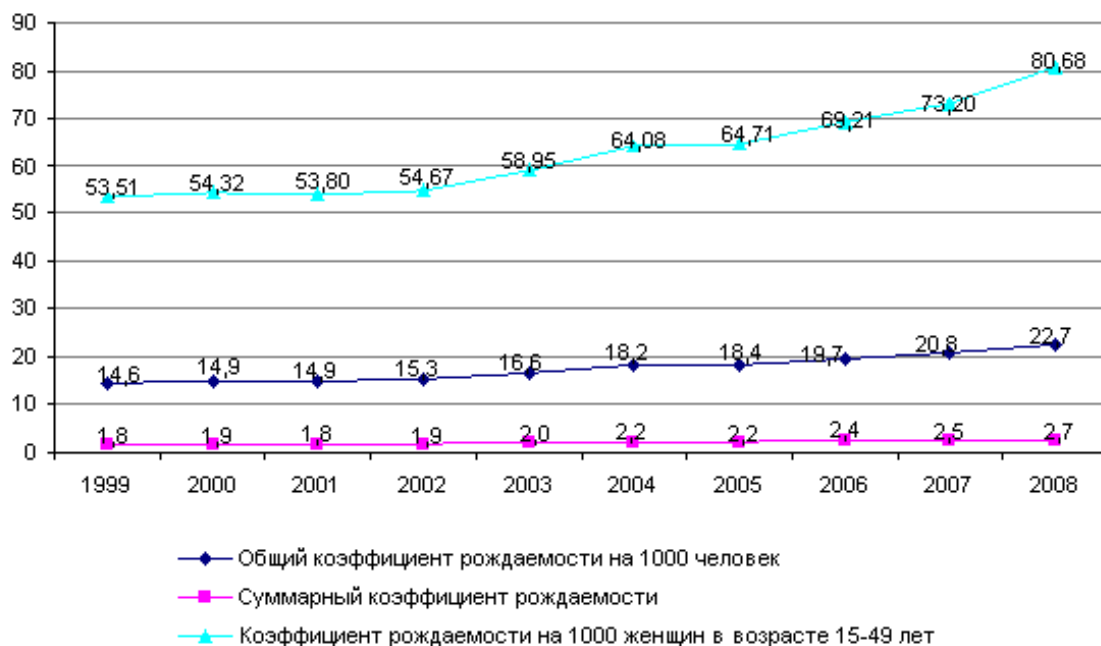
В конце 70-х родильные дома снова наполнились: это становились папами и мамами дети послевоенного «бэби-бума». Потому что в 1980-е гг. государство предоставило женщинам оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до года и частично оплачиваемый до полутора лет, что способствовало рождению 7 млн. детей. Так «эхо войны» во второй раз отозвалось в конце 80-х – начале 90-х, когда пришла пора обзаводиться потомством поколению 60-х гг. А с 2003–2005 гг. в репродуктивный возраст начало вступать многочисленное поколение, родившееся во второй половине 80-х гг., что способствовало увеличению рождаемости в Казахстане и в странах СНГ. Однако уже в 2008–2010 гг. в полную силу проявятся последствия того резкого снижения рождаемости, которое наблюдалось в начале 1990-х гг. Таким образом, конец 80-х – 90-е гг. можно охарактеризовать как особый этап в развитии рождаемости, спецификой которого стал самый резкий спад рождаемости за всю ее многовековую историю. Но следует учесть еще то, что женщины, которым в 1979 г. – от 15–20 лет, покинут пределы репродуктивного возраста не раньше 2009 г. А те женщины, которым в 2005 г. было 20 лет, покинут пределы репродуктивного возраста не раньше 2035 г. Поэтому эти волны могут восполнить пробел 1990-х гг., если будут приниматься меры для стимулирования рождаемости. При спаде демографической волны государственные меры будут очень своевременными и эффективными.

Рождаемость в Республике Казахстан до 2009 г. показывает устойчивую положительную динамику. Общий коэффициент рождаемости населения на 1000 жителей с 14,6 человек в 1999 г. увеличился до 22,7 человек в 2008 г. За 2008 г. в стране родилось 356,6 тыс. детей, их число увеличилось на 10,8 % в сравнении с 2007 г., на 27,8 % – с 2005 г. и на 63,9 % – с 1999 г.

Суммарный коэффициент рождаемости (сколько в среднем родила бы детей одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода – 15–49 лет – при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости того года, для которого вычислен данный коэффициент) стабилизировался и в 2008 г. достиг 2,7 против 1,8 в 1999 г.

Коэффициент рождаемости женщин в репродуктивном возрасте 15–49 лет на 1000 женщин увеличился с 53,51 в 1999 г. до 80,68 в 2008 г.

Общий, суммарный и специальный коэффициенты рождаемости

В январе-ноябре 2009 г. в республике отмечается некоторое снижение числа родившихся по сравнению с январем-ноябрем 2008 г. на 0,7 %, за 11 месяцев 2009 г. родилось 332,1 тыс. детей (в январе-ноябре 2008 г. родилось 334,5 тыс.). Коэффициент рождаемости населения на 1000 жителей в целом по республике составил 22,5 человек против 22,6 человек в январе-ноябре 2008 г.

На 1 января 2009 г. доля детей до 15 лет в общей численности населения республики составила 24,2 %, доля лиц в возрасте 15–64 года и в возрасте 65 лет и старше 68,4 % и 7,4 %, соответственно. Численность молодежи (14–28 лет) на начало 2009 г. по сравнению с началом 1999 г. возросла на 12,6 %, а численность людей в самом активном возрасте 20–30 лет – на 15,6 %.

Имеющиеся данные на 1 января 2009 г. о половозрастной структуре населения показывают, что диспропорция в численности мужчин и женщин начинает складываться с 30 лет, тогда как на 1 января 1999 г. она имела место с 22 лет.

В 2008 г. в республике по сравнению с 2007 г. отмечается некоторое снижение смертности населения с 10,2 до 9,7 умерших на 1000 человек, в январе-ноябре 2009 г. также наблюдается ее снижение до 9,0 человек против 9,8 человек в январе-ноябре 2008 г.

Начиная с 1998 г., в республике наблюдается тенденция повышения показателя продолжительности жизни. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2008 г. составила 67,1 лет против 65,6 лет в 1999 году. При этом существующий разрыв между продолжительностью жизни мужчин и женщин имеет неоднозначную динамику. Превышение продолжительности жизни женщин над соответствующим показателем мужчин с 10,3 лет в 1999 г. увеличилось до 11,9 лет в 2007 г., а в 2008 г. наблюдается некоторое его снижение до 10,5 лет.

С 1999 г. число зарегистрированных браков возрастало вплоть до 2008 г., в 2008 г. оно снизилось и составило 135,3 тыс. Общий коэффициент брачности на 1000 человек увеличился с 5,8 до 8,6 промилле. В январе-ноябре 2009 г. он составил 8,8 против 8,7 в январе-ноябре 2008 г. Число зарегистрированных разводов увеличилось с 25,6 тыс. в 1999 г. до 35,9 тыс. в 2008 г. Общий коэффициент разводимости на 1000 человек увеличился с 1,7 до 2,3 промилле. В январе-ноябре 2009 года он составил 2,4 промилле против 2,3 в январе-ноябре 2008 г.

Сохранение здоровья населения – главная демографическая задача XXI в. Для достижения этого необходимы следующие меры: улучшение качества и повышение доступности медицинской помощи, развитие профилактики, диагностики и лечения социально значимых заболеваний; внедрение автоматизированной системы мониторинга за состоянием населения страны; разработка и реализация региональных программ укрепления репродуктивного здоровья и планирования семьи; внедрение механизмов экономического стимулирования улучшения условий и обеспечения безопасности труда; усиление просветительской и образовательной деятельности среди разных слоев населения по распространению знаний по профилактике заболеваний, по формированию и распространению здорового образа жизни.

Для создания благоприятных условий полноценного функционирования семьи необходимо: совершенствование системы пособий на детей путем усиления ее адресности; развитие долгосрочного кредитования жилищного строительства молодых семей с частичным погашением долга по кредиту при рождении очередного ребенка и кредитования образования; стимулирование развития различных форм добровольного страхования, особенно детей и молодежи, для создания дополнительных возможностей поддержки семьи на определенных этапах ее жизненного

цикла; расширение государственной поддержки развития новых форм семейного воспитания детей.

В Казахстане ситуация усугубляется высоким уровнем заболеваемости репродуктивной системы, а также тем, что аборт продолжает оставаться одним из основных методов регулирования деторождения. Следствием абортов являются нарушения в репродуктивной сфере и бесплодие. Необходимо активизировать политику, направленную на сохранение репродуктивного здоровья и противодействие абортам. Основное внимание следует сосредоточить на проведении комплекса профилактических мер, помогающих предупреждать нежелательные беременности.

Итак, история рождаемости в нашей стране в XX в. явственно демонстрирует нам демографическую волну: провал в 40-е – пик в 50-е – провал в конце 60-х – пик в начале 80-х – провал в 90-е. При этом расстояние между «волнами» равно примерно 25 годам, то есть одному поколению.

Говоря о факторах рождаемости, обычно говорят о каких-либо аспектах жизни общества (стабильности, наличии льгот и пособий, социальном обеспечении матерей и т. п.), но всегда следует учитывать, что все факторы внешнего мира так или иначе влияют именно на две выделенные составляющие. То есть, если ставить целью выход из демографического кризиса «за счет» повышения рождаемости, следует учитывать, что необходима разработка такого комплекса мер, которые не только повышали бы полноту реализации существующей потребности в детях, но и воспитывали бы новые поколения, ориентированные на рождение 2–3 и более детей, «прививали» им нормы среднететности.

Поэтому первая мысль по поводу преодоления возникшего кризиса, возвращения к растущему или хотя бы не убывающему населению заключается в том, что надо повысить рождаемость. И тут приходится констатировать, что попытки добиться устойчивого повышения рождаемости, не раз предпринимавшиеся во многих странах, оказались малоуспешными. По-видимому, демографическое поведение во всех промышленных, городских обществах изменилось необратимо: рождение детей стало делом свободного выбора родителей и регулируется только господствующей системой ценностей и предпочтений. Те и другие подвержены, конечно, определенной эволюции и со временем могут изменить-

ся, но сейчас они таковы, что рассчитывать на серьезное повышение рождаемости в ближайшие десятилетия едва ли возможно. Приоритет национальной безопасности перед безопасностью и правами отдельного человека не новость. Отечественный и мировой опыт указывают на то, что эта цель может оказаться недостижимой. Тогда единственным источником пополнения скудеющих демографических ресурсов Казахстана становится иммиграция.

Судя по мировому опыту, добровольное значительное повышение рождаемости сейчас маловероятно. Неэффективны и попытки добиться ее подъема с помощью прямого или косвенного принуждения, всякого рода запретов. К тому же попытки такого рода создают угрозу правам человека и в этом смысле подрывают социальный аспект человеческой безопасности.

Экономический кризис, серьезно поразивший государство, не должен мешать демографическому возрождению. Сегодня у государства нет больших средств на материальное поощрение многодетности, но у государства есть право кредитования. Тут можно использовать опыт зарубежных стран о предоставлении более раннего выхода на пенсию женщинам, имеющим троих и более детей, расширении льгот и т. д.

Ценностные ориентации влияют не только на потребность в детях, но и на оценку условий ее реализации. Их восприятие зависит не только от этих условий (например, уровня дохода, жилищных условий, занятости и т. д.), но во многом и от ценностных ориентаций.

Политика по стимулированию рождаемости, способная вывести страну из состояния депопуляции, чтобы быть действительно эффективной, должна быть ориентирована не только на создание семьям условий для реализации имеющейся потребности в детях, но и на усиление самой этой потребности.

Повышение рождаемости может быть обеспечено при одновременном росте уровня жизни большинства семей, создании благоприятных условий для рождения вторых и третьих детей в тех семьях, которые реально хотели бы их иметь, но стеснены неблагоприятными жизненными обстоятельствами; формировании ориентаций на двух-трехдетную семью у поколений, которые достигнут активного репродуктивного возраста в 2020–2024 гг.

Зная закономерности демографических приливов и отливов, можно прогнозировать не только спрос на рынке пеленок, учебников и подвенечных нарядов. Можно также попытаться предсказать степень политической стабильности в обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Мейрманов, С. Т. Қазақстан Республикасының қауіпсіздігі контекстіндегі миграциялық саясатының қалыптасу мәселелері: монография. – Алматы, 2005.
2. Демографический ежегодник Казахстана: стат. сб. – Алматы, 2008.
3. <http://www.stat.kz>

С. Т. Мейрманов

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
(Астана, Казахстан)*

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАЗАХСТАНА И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Демографический фактор играл фундаментальную роль в тысячелетней истории всякого государства, в том числе и Казахстана. В возрождении народонаселения Казахстана должны быть заинтересованы все: и личность, и общество, и государство. Нельзя использовать огромную территорию Казахстана, ее недра и богатства в качестве сырьевого придатка.

Демографическая политика – это целенаправленная деятельность государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования воспроизводства населения, призванная сохранить или изменить тенденции динамики его численности и структуры. Иными словами, это политика, воздействующая на процессы рождаемости, брачности, разводимости, смертности, на возрастную структуру населения [1].

Демографическая политика является составной частью государственной политики Казахстана. В послании Президента страны «Казахстан –

2030» сильная демографическая политика выдвинута в ранг ведущих приоритетов национальной безопасности страны [2].

Продуманная на стратегическую глубину, рафинированная демографическая политика – это основа внутренней безопасности страны, важнейшая предпосылка ее исторического выживания. Жизненно важным демографическим интересом государства является поддержание такой численности населения, которая не привела бы к постепенному обезлюдиванию территорий, поддержанию соответствующего уровня трудоспособного населения, которое не испытывало бы дополнительной экономической нагрузки. Только многочисленное население может сохранить государственные территории (такие территории, которыми обладает Казахстан), кроме того, высокая доля трудоспособного населения может выполнить имеющиеся экономические и социальные программы, а значит, способствовать укреплению позиций (политических, военных, экономических и др.) собственной страны. Таким образом, только при наличии демографического потенциала государства можно рассчитывать на достижение его процветания.

В сегодняшнем мире, как и всегда в истории человечества, тем более для страны с такой территорией, переполненной столь соблазнительными для окружающих природными ресурсами, внешняя безопасность также является категорическим императивом национальной стратегии.

Демографическая политика обычно основывается на комплексе различных мер: экономических, административно-правовых, воспитательных и пропагандистских. К числу экономических мер, направленных на стимулирование рождаемости, относятся оплачиваемые отпуска и различные пособия при рождении детей, пособия на детей в зависимости от их количества, возраста и состава семьи – по прогрессивной шкале, различные ссуды, кредиты, налоговые и жилищные льготы и т. д.; на снижение рождаемости направлены меры, создающие преимущества для малодетных семей. Административно-правовые меры включают законодательные акты, регулирующие возраст вступления в брак, разводимость, отношение к абортам и применению контрацептивов, имущественное положение матери и детей в случае распада семьи, режим труда работающих женщин и др. Воспитательные и пропагандистские меры направлены на формирование общественного мнения, норм и стандартов демографического поведения, определение отношения к религиозным и

другим традициям и обычаям воспроизводства населения и к политике планирования семьи (внутрисемейное регулирование деторождения), к половому воспитанию и образованию молодежи и др.

В развивающихся странах, еще находящихся на стадии демографического взрыва, основная цель демографической политики заключается в снижении коэффициентов рождаемости и естественного прироста населения. Рождаемость уменьшается в результате популяризации и распространения контрацептивов, санитарного просвещения, консультирования по вопросам планирования семьи, пропаганды преимуществ малодетной семьи, а также стимулирования малодетности при помощи разного рода экономических и административных мер. Некоторые страны в качестве одной из таких мер не только допускают, но и всячески приветствуют добровольную стерилизацию мужчин и женщин.

Наиболее яркий пример осуществления демографической политики являют собой развивающиеся страны Азии. Там она охватывает подавляющее большинство жителей. В первую очередь, это относится к странам с самой большой численностью населения – Китаю, Индии, а также к Индонезии, Пакистану, Бангладеш, Малайзии, Таиланду, Филиппинам. Довольно активную демографическую политику проводят также в странах Латинской Америки, некоторых странах Северной Африки.

В большинстве экономически развитых стран, вступивших в полосу демографического кризиса, осуществляют демографическую политику, преследующую цель повышения коэффициентов рождаемости и естественного прироста. В первую очередь, это относится к странам Европы.

Особенно активную демографическую политику до конца 1980-х гг. проводили страны Восточной Европы. К числу основных ее мер относились: единовременные ссуды молодоженам, пособия в связи с рождением каждого ребенка по прогрессивно возрастающей шкале, ежемесячные пособия на детей, длительные отпуска по беременности и родам, преимущественное право на приобретение квартиры, на устройство детей в детские учреждения.

В странах Западной Европы система мер демографической политики сходная, хотя, конечно, различается размерами разного рода выплат и других льгот. Например, единовременные пособия при рождении ребенка в ФРГ в начале 1990-х гг. составляли 100 марок, в Великобритании –

25 фунтов стерлингов, во Франции – 2600 франков, в Испании – 3000 песет. Ежемесячные пособия выплачивали в ФРГ в размере 50 марок на первого ребенка, 100 марок – на второго, 200 марок – на третьего и каждого последующего. Во Франции подобные ежемесячные пособия возрастают с 500 франков на двух детей, до 3000 франков на шестерых детей, причем их выплачивают до достижения детьми 16 лет. В Швеции отпуск по беременности и родам составляет 32 недели и оплачивается из расчета 90 % заработной платы. Демографы считают, что политику поощрения рождаемости и естественного прироста наиболее активно проводят Франция и Швеция.

Реальную демографическую ситуацию в любой стране определяют три главные демографические процесса: рождаемость, смертность, миграция. Рассмотрим эти процессы сквозь призму проблемы безопасности применительно к Казахстану.

Противостоять тенденциям депопуляции в большей мере способно снижение смертности. Конечно, задача снижения смертности от основных причин смерти до уровня высокоразвитых стран и преодоления отставания от них по ожидаемой продолжительности жизни непростая, но все же более реальная, чем значительный рост рождаемости. Для этого должен существенно повыситься уровень жизни населения, улучшена экология, повышена доступность качественного здравоохранения. Для снижения заболеваемости и смертности необходимо также принципиально изменить самоохрнительное поведение и образ жизни населения. Следует учитывать и то, что здоровье населения было подорвано в годы экономического кризиса и в условиях неблагоприятной экологической обстановки. Восстановить же его не так просто. Поэтому приоритетным направлением демографической политики на ближайшую перспективу становится укрепление здоровья и снижение смертности населения, особенно сверхсмертности мужчин в трудоспособном возрасте.

Причиной сверхсмертности в Казахстане могут быть продукты, являющиеся генетически модифицированными организмами (ГМО) или содержащие ГМ-компоненты. В последние годы все больше появляется трансгенных продуктов таких как ГМ-кукуруза, ГМ-картофель, ГМ-помидоры и так далее, или продуктов, содержащих генетически модифицированные компоненты в виде соевой муки, картофельного крахмала, томатной пасты и др.

Наша страна должна принять все меры, чтобы остановить ввоз импортных трансгенных продуктов и ГМ-лекарств в страну, обеспечить жесткий контроль за имеющимися в стране ГМ-сырьем и ГМ-продуктами, организовать тщательные лабораторные исследования по проверке влияния каждой ГМ-культуры на растения, животных и человека. Развитие экологически чистой и безопасной продукции должно стать приоритетным направлением для Казахстана, важным для сохранения населения нашей страны, природы и жизни на планете.

Депопуляция не просто неизбежное следствие того типа демографического воспроизводства, который установился в большинстве промышленно развитых стран. Она еще – и сигнал опасности, угроза демографическому благополучию. Долговременная, затяжная депопуляция вообще ставит под вопрос «бессмертие» популяции – главную цель демографической безопасности. Депопуляционные процессы в странах постсоветского пространства во многом обусловлены физической деградацией населения.

Примером такого подхода к анализу постпереходной демографической реальности могут служить взгляды американского политика, который дважды пытался баллотироваться в президенты США, П. Дж. Бьюкенена, изложенные им в книге «Смерть Запада» с характерным подзаголовком «Чем вымирание населения и усиление иммиграции угрожают нашей стране и цивилизации»: «Запад умирает. Народы Запада перестали воспроизводить себя, население западных стран стремительно сокращается. Нынешний кризис грозит уничтожить западную цивилизацию...».

Противодействие процессу депопуляции происходит, преимущественно, за счёт снижения заболеваемости и смертности в популяции, возрастание репродуктивной и социальной её активности. В связи со складывающейся обстановкой в Казахстане необходимо принять специальный закон о демографической безопасности, направленный на решение вопросов депопуляции, старения населения, нерегулируемых миграционных процессов, деградации института семьи. Широкомасштабное внедрение западных (в основном американских) проектов в ключевые сферы нашей жизнедеятельности – экономической, социальной, культурной – с заранее заданным и успешно реализуемым разруши-

тельным результатом подрывает корневые основы существования казахской нации.

Сокращение численности населения и изменение места в мировом «табеле о рангах» неминуемо ведет к падению экономической значимости государства, снижению ее сравнительной военной мощи и, как следствие, к ослаблению политического влияния в мире.

В современном Казахстане величина средней ожидаемой продолжительности жизни чрезвычайно низкая: для мужчин она составляет 61,9 лет, а для женщин 72,4 лет. Такие показатели не только значительно ниже показателей развитых стран и не только ниже тех показателей, которых удалось достигнуть к концу 1980-х гг. прошлого века.

В настоящее время происходят существенные изменения в возрастной структуре населения: численность и процентная доля пожилых растет, что требует повышенного внимания к изучению проблем демографического старения. Возрастная пропорция РК крайне изменилась, старение на лицо. Число смертей неизбежно повысится из-за быстрого старения населения, в частности – из-за перехода в разряд пожилых, а затем – стариков, многолюдного поколения, рожденного в первые 15 послевоенных лет.

Структура населения и демографическая динамика дают возможность сделать вывод о том, что старение населения остается необратимой тенденцией. Количественный рост геронтогруппы рассматривается как отрицательный фактор. В научный оборот в середине XX в. вошло понятие «эйджизм» – дискриминация по возрасту.

Какой бы сценарий демографического прогноза ни реализовался, XXI в. будет веком продолжающегося старения населения Казахстана, а это также порождает многочисленные вызовы, на которые должно найти ответы казахстанское общество.

В связи со старением населения возникнет опасность дефицита рабочей силы, увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население, повысится нагрузка на систему здравоохранения и социальные органы. Особую обеспокоенность чаще всего вызывает увеличение экономической нагрузки на трудоспособное население из-за быстрого роста числа и доли пенсионеров, хотя иногда называют и другие последствия (старение самого трудоспособного населения, за-

медление обновления знаний и идей, ослабление напора поколений, геронтократия и пр.).

Во многих странах Европы законодательный возраст выхода на пенсию выше, чем в Казахстане: как правило, для мужчин и даже для женщин – 65 лет, иногда и выше. Следует внести коррективы в законодательство РК, определив законом срок выхода на пенсию в возрасте 65 лет как для мужчин, так и для женщин. Социальная активность и возможность ее проявить сама по себе является фактором продления жизни. Выход на пенсию для многих олицетворяет полное выпадение из социума, одиночество, резкое старение. Эта мера могла бы послужить рычагом для представителей молодого и среднего поколений заняться своим здоровьем, на практике исповедовать здоровый образ жизни. Одновременно необходимо законодательно «сломать» тенденцию «выдавливания» людей старшего поколения из производственной деятельности, либо запретить частным компаниям отказывать в приеме на работу по возрастному признаку, что сегодня вошло в практику повсеместно.

Но в Европе, благодаря более высокой продолжительности жизни, до возраста выхода на пенсию доживает гораздо больше людей. В Казахстане шансы дожить до пенсии, по сравнению с европейскими странами, весьма невелики, и уже на протяжении нескольких десятилетий они не только не повышаются, но даже имеют тенденцию к снижению.

Таким образом, при нынешнем казахстанском уровне смертности мужчин даже пенсионная граница, приходящаяся на возраст 63 года, несправедливо высока. Любое повышение пенсионного возраста лишь усилит эту несправедливость.

В условиях демографического старения и депопуляции существенным направлением увеличения численности работающих становится привлечение лиц старше трудоспособного возраста к участию в экономической деятельности. Ресурсный потенциал старшего поколения – это качественные характеристики индивида, значимые для него лично и дающие возможность эффективно взаимодействовать с другими людьми, участвовать в социально-экономической жизни общества.

В пространственном отношении миграционные перемещения распределяются между двумя полюсами перемещений: полюсом выбытия и полюсом прибытия. По обстоятельствам выезда/въезда миграции распадаются на недобровольные и добровольные; разница между ними в том,

что при недобровольных доминируют факторы выталкивания (push) на полюсе выбытия, а при добровольных – факторы притяжения (pull) на полюсе прибытия.

Иммиграция – наиболее быстрый путь восполнения недостатка в трудовых ресурсах, успешного решения демографических проблем. Однако на этом пути есть неожиданные повороты, которые следует учитывать при разработке и реализации государственной миграционной политики.

Проблема нелегальной миграции все явственнее выходит на первый план, включается в число проблем, в наибольшей степени занимающих политиков и общественное мнение в странах-реципиентах. За всем этим стоит демографическое давление перенаселенного «третьего мира» на страны «золотого миллиарда», все больше превращающегося в мировое меньшинство.

Массовая иммиграция надолго остается серьезнейшим вызовом, уйти от которого не может никто. XX в. стал веком небывалого в истории роста мирового населения, XXI будет, скорее всего, веком нового великого переселения народов, расширения иммиграции. А поиски ответа на этот серьезнейший вызов XXI в. в ближайшие десятилетия станут одной из центральных задач внутренней, а возможно, и внешней политики Казахстана.

Либерализация миграционной политики и визового режима, «прозрачность» казахстанских границ со странами СНГ, географическое положение, удобное для транзита из Азии в Европу, – все это способствует наплыву в Казахстан нелегальных мигрантов из стран СНГ и других государств. Нелегальная иммиграция превзошла легальную и по масштабам, и по силе угроз, создаваемых ею для экономического и других аспектов безопасности. В отдельных районах Казахстана рынки труда начинают деформироваться под натиском нелегальной трудовой миграции. Противодействовать ему в условиях безвизового режима въезда из стран СНГ чрезвычайно трудно.

Внешняя миграция, в настоящее время, может рассматриваться как один из реальных компонентов сокращения масштабов депопуляции и удовлетворения потребностей рынка труда в трудовых ресурсах.

Но замещающая миграция несет в себе целый ряд социальных рисков, которые ощущаются уже сегодня (чем и объясняется рост так назы-

ваемой «мигрантофобии в казахстанском обществе»). Эти риски, как выясняется, по своему негативному эффекту перекрывают все весьма спорные преимущества, связанные с массовым привлечением мигрантов. Замещающая миграция, когда естественная убыль компенсируется иммиграцией, ведет не к сохранению популяции, а к ее изменению со всеми этнокультурными и социальными последствиями. В этом случае через определенное время кардинально меняется этнический и генетический облик населения страны. Например: нарушение этнокультурного воспроизводства может привести группу к таким негативным явлениям, как психологическая дезориентация, распространение девиантных форм поведения, социальная маргинализация и т. д. Что, в свою очередь, угрожает этнокультурной идентичности.

Ошибочно полагать, что мигранты заполняют пустующие территории, они концентрируются в тех местах, где не наблюдается оттока местного населения, в крупных мегаполисах, густонаселенных регионах страны. Из-за этого возникают перекосы, растут цены на жилье, возникает перенаселение на фоне продолжающегося демографического упадка. Миграционные потоки могут вызывать не только экономический рост, но и большие проблемы, пример этому – ситуация в Косово.

Опыт переселенческих стран, которые входят в число наиболее процветающих государств мира, показывает, что само по себе материальное благосостояние не ведет к автоматическому снятию угроз безопасности, создаваемых миграцией. В 1930-е гг. в США была разработана концепция «плавильного тигля». Предполагалось, что иммигранты будут ассимилироваться на новой почве ускоренными темпами и, в конце концов, полностью утратят прежнюю этническую идентичность. Спустя 30 лет представление об американской нации в самих США радикально стало меняться: заговорили уже не о «тигле», а об «этническом салате», о единстве, позволяющем сохранить разнообразие. Во многом этот поворот был следствием «феномена третьего поколения» – настойчивого обращения внуков переселенцев к своим этническим истокам. До тех пор пока количество таких иммигрантов невелико, они достаточно быстро ассимилируются местной культурной средой, растворяются в ней и серьезных проблем межкультурного взаимодействия не возникает. Когда же абсолютное и относительное число иммигрантов становится значительным, а главное, быстро увеличивается, и они образуют в странах прибы-

тия более или менее компактные социокультурные анклавы, ассимиляционные процессы замедляются, и возникают межкультурные напряжения, усиливающиеся объективно существующим экономическим и социальным неравенством «местного» и «пришлого» населения. Доминирование «анклавного» типа расселения гастарбайтеров, представителей этнических групп в Казахстане в будущем может создать эффект «пятой колонны». Со временем, она может обернуться отторжением от Казахстана территорий компактного проживания многочисленной диаспоры [3].

Казахстан имеет общую границу с государствами Центральной Азии и особенно с перенаселенным Китаем. Иммиграция из Китая уже порождает серьезную обеспокоенность. С возрастанием ее масштабов, она может стать источником международной напряженности. Некоторые авторы пишут о призраке «демографического империализма», начавшейся «тихой экспансии» Китая. Мировой опыт свидетельствует: китайские мигранты чрезвычайно медленно ассимилируются местным населением. «Чайна-тауны» существуют веками, сохраняя национальную самобытность.

Все это указывает на необходимость продуманной миграционной политики, не закрывающей двери для желательной по демографическим соображениям иммиграции, но и не открывающей их слишком широко и бесконтрольно. Надо к тому же иметь в виду, что иммиграционный контроль не всегда эффективен. Рядом с легальным потоком мигрантов всегда имеется нелегальный, а с нелегальным просачиванием мигрантов из соседних стран бороться довольно сложно. Об этом говорит опыт США: им так и не удается остановить поток нелегальной иммиграции из сопредельной Мексики. Вообще, период с начала 1960-х гг. называют «мирной Испанской Реконтистой» Юго-Западной части Соединённых Штатов, имея ввиду неуклонный рост доли испаноязычного населения.

Казахстан рассматривается нелегальными мигрантами как своеобразный перевалочный пункт, лежащий на пути на Запад. Они не связывают с ней свое будущее и не чувствуют по отношению к ней никаких обязательств. Поэтому поток нелегальной миграции, нацеленный за пределы Казахстана, объективно способен ухудшить криминальную обстановку в стране. Он также представляет угрозу для здоровья казахстанцев,

поскольку может стать (и уже становится) разносчиком многих забытых в Казахстане инфекционных и эпидемиологических заболеваний.

Республика Казахстан	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Прибыло						
	357 342	386 247	373 434	361 788	365 137	390 777
Выбыло						
	365 648	383 458	350 766	328 747	354 175	389 660
Сальдо миграции						
	-8 306	2 789	22 668	33 041	10 962	1 117
Внешняя миграция						
	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Иммигранты						
	65 584	68 319	74 807	66 731	53 397	46 404
Эмигранты						
	73 890	65 530	52 139	33 690	42 435	45 287
Сальдо миграции						
	-8 306	2 789	22 668	33 041	10 962	1 117
<i>Источник: http://www.stat.kz</i>						

По мнению доктора политических наук, ректора Центрально-Азиатского университета, академика Макаша Татимова, среди всех стран СНГ Казахстан идет по оптимальному пути решения демографических проблем. «Мы не впадаем теперь в депопуляцию, как случилось в России, Беларуси, Грузии, на Украине. У нас не наблюдается такого большого оттока населения, как, предположим, в Армении, Азербайджане. Но у нас нет и такой аграрной перенаселенности, как в Узбекистане, Таджикистане, Туркмении и Кыргызстане. То есть та самая “золотая середина”, что позволяет нам называть нашу демографию “золотой”», – считает М. Татимов [4].

Решению демографических проблем, в первую очередь, будет способствовать нормализация социально-экономического развития страны. Казахстан, в силу своих экономических успехов, является, по большей части, страной-реципиентом мигрантов из соседних республик, да еще и транзитной территорией для мигрантов в Россию и Европу. Поэтому ак-

туальность продуманной и эффективной государственной демографической политики для Казахстана очень высока.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Народонаселение. Энциклопедический словарь. – М., 1994.
2. Назарбаев, Н. А. Стратегия «Казахстан – 2030». – Алматы, 1997.
3. Мейірманов, С. Т. Қазақстан Республикасының қауіпсіздігі контекстіндегі миграциялық саясатының қалыптасу мәселелері: монография. – Алматы, 2005.
4. Тодорова, Н. О демографических перспективах Казахстана // Казахстанская правда. – 2005. – 16 февраля.

Ю. В. Чирухина

Кемеровский государственный университет

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН: ПРЕДПОСЫЛКИ ДОСТИЖЕНИЯ РЕАЛЬНОГО РАВНОПРАВИА

В настоящее время проблема соотношения прав и реального участия женщин в процессе разработки и принятия решений все больше привлекает внимание мирового сообщества и является одной из приоритетных для большинства развитых государств и политических институтов. Можно констатировать, что женщины стали не только объектом политики, важным элементом электората и адресатом целенаправленных, государственных программ, но и активными и влиятельными участниками самого политического процесса и государственного управления. Однако, несмотря на то, что во многих странах мира в профессиональную политику и управление за последние десятилетия пришли миллионы женщин, проблема равноправного участия женщин на разных уровнях власти остается все еще нерешенной. К сожалению, утверждение «Женщины – это единственное большинство, которое позволяет обращаться с собой, как с меньшинством» актуально до сих пор. Это высказывание было сделано в Германии и относится Германии, но при анализе ситуации в других странах можно придти к подобному же утверждению. Исключение составляют северные страны, в первую очередь, Швеция, в ос-

тальных же странах по-прежнему имеется дефицит политического участия женщин.

Так же и в Германии, где впервые канцлером стала женщина, подавляющее большинство депутатов федерального и местного уровня по-прежнему составляют мужчины. Но остается надеяться, что сегодняшняя ситуация будет развиваться в сторону нормализации этого соотношения. Так, из четырнадцати членов кабинета министров семь – это женщины. Разумеется, самые влиятельные кабинеты управляются мужчинами. Тем не менее, можно говорить, что абсолютно все спектры жизни имеют «женский» аспект, поскольку женщины составляют более половины населения и электората.

Целью данной статьи является анализ проблемы обеспечения полноценного и равноправного участия женщин в политической жизни современных развитых стран.

Проблему низкого влияния женщин на процесс разработки принятия политических решений исследователи традиционно связывают с недостаточностью количественного представительства женщин в институтах власти, с влиянием механизмов скрытой дискриминации со стороны мужчин-политиков. На взгляд автора, для выявления причин ограниченного влияния женщин на политическую жизнь и выявления путей и средств оптимизации политического участия женщин необходим комплексный анализ механизмов оптимизации политического участия женщин, который включает в себя следующие основные компоненты:

- **Правовой**, включающий в себя специальное законодательство, гарантирующее женщинам равные возможности для политического представительства и участия в политике и в принятии значимых решений.

- **Институциональный**, предполагающий определенный порядок деятельности политических институтов, обеспечивающий женщинам равные возможности политического участия и влияния.

- **Культурно-образовательный**, связанный с системой политического образования и формированием политической квалификации у женщин.

- **Социокультурный**, предполагающий формирование социально-культурной сферы, благоприятствующей политическому продвижению женщин.

- **Социально-экономический**, связанный с наличием у женщин финансово-экономических ресурсов, необходимых для осуществления ими, в том числе, и политической деятельности.

В зависимости от того, как соотносятся между собой различные элементы данного механизма, зависит масштаб реального влияния женщин на политику и процесс принятия властно-политических решений.

Прежде чем анализировать эту проблему в контексте современной политики, необходимо рассмотреть такие термины, как политическое представительство, политическое участие и политическое влияние.

Понятие **«политическое представительство»** отражает количественные и формальные характеристики политической деятельности женщин и не дает целостной картины их реальных политических возможностей.

«Политическое участие» является более широким и комплексным понятием, требующим анализа дополнительных параметров для создания целостной картины политической деятельности женщин. Политическое участие представляет собой действие или совокупность действий, являющихся ответной реакцией на политические события, процессы и т.д. с целью оказания влияния на позицию и деятельность субъектов политики.

Политическое участие может быть индивидуальным или коллективным, организованным или стихийным, постоянным или спорадическим, мирным или насильственным, законным или незаконным. Примеры проявления политического участия – участие в выборах в роли избирателя (электоральное поведение), участие в митингах, собраниях, выполнение политических функций в рамках институтов, входящих в политическую систему или действующих против нее и т. п. Другой формой реализации политических интересов является политическая деятельность как особая, специфическая сфера общественной деятельности. Близкое по смыслу понятие – политическая деятельность – представляет собой совокупность действий общественных групп по реализации своих политических интересов по поводу завоевания, использования и удержания власти. Отсутствие у женщин на протяжении столетий реального доступа к механизмам реализации политических интересов являлось основной причиной их политической, гражданской и правовой дискриминации.

Понятие «**политическое влияние**», на наш взгляд, является более существенным и значимым, поскольку характеризует не только формальные и количественные характеристики политической деятельности женщин, но и уровень их реального воздействия на формирование государственной политики, на процесс разработки принятия и реализации значимых политических решений, отражающих интересы женщин как отдельной социальной группы.

Правовой компонент политического участия женщин

Рассмотрим проблемы политического участия, деятельности и влияния женщин на примере Германии. ФРГ – одно из первых государств в Европе, отличительной чертой которого стало провозглашение в Основном законе концепции правового государства. Главным аспектом правового государства является подчинение всех институтов и процессов закону, соблюдение основных прав и свобод граждан, в том числе, прав политических. Правовая основа государственной политики Германии закреплена в Конституции в статье 3 абзац 2 («Мужчины и женщины равноправны») и в статье 3 абзац 3 («Никто не может ставиться в неравное положение на основе его пола и никому на основе этого не может отдаваться предпочтение»). Формально конституцией гарантируется равноправие полов: нет больше законов, непосредственно фиксирующих неравенство женщин или отводящих им определенную роль, но фактически эти положения далеко не всегда реально работают в этих областях, так как социальное неравенство, причина которого кроется в сложившихся структурах мира, труда и общества, в стереотипах мышления и поведения еще существует. Как и прежде, в сферах экономики и политики предпочтение отдается мужчинам и, не исключено, что женщины редко видят себя в роли ведущего политика.

Одна из известных представительниц феминистской лингвистики ФРГ Дебора Таннен заметила, что конфликт между женственностью и авторитетом особенно ярко проявляется у женщин, которые идут в политику: «Признаки хорошего мужчины и хорошего политика идентичны, а вот женщине приходится решать, хочет ли она слыть сильным руководителем или добропорядочной женщиной. Если мужчина умеет отстаивать свое мнение, мыслить логически, если он компетентен и властен, это повышает его “ценность” как мужчины. Если

те же качества присущи женщине, она рискует потерять свою “ценность” как “женщина”». Вплоть до сегодняшнего дня нормы поведения в политической жизни Германии контролируются мужчинами, которые ставят знак равенства между понятиями «мужчина» и «борец». Уход от борьбы рассматривается как трусость и считается свойством слабого пола, неспособного ни отстоять свою точку зрения, ни осуществлять властные функции. Таким образом, политика приобрела мужское лицо, а женщины не поощряются к политической деятельности, и мир политики является чуждым их социализации, поэтому участие и карьера в политике не рассматриваются многими женщинами в качестве возможной жизненной ориентации.

Таким образом, гендерные роли и стереотипы служат усилению мнения о том, что политика не женское дело, поскольку ограничивают возможности женщин к активной общественной деятельности. Женщины связаны ответственностью за детей и семью, которые ограничивают их время и возможности для индивидуального роста и приобретения опыта, необходимых для политической деятельности, например, повышение образования, карьерного роста или участия в общественных организациях. Семь из десяти женщин прерывают свою трудовую деятельность после рождения первого ребенка, в то время как многие мужчины в этот период жизни продвигаются по карьерной лестнице. В старости пенсия составляет у женщин в среднем примерно 475 евро, что ниже чем у мужчин.

Институциональный компонент политического участия женщин

Низкую представленность женщин в политике объясняет институциональный подход, анализируя как социальные (особенно влияние социализации, гендерных ролей и стереотипов), так и политические факторы. Иными словами, институциональный подход объясняет разрыв в количественной представленности женщин и мужчин в политической сфере структурными, ситуационными и культурными объяснениями. Акцентируя внимание на роли социализации и гендерных стереотипов и ролей, данный подход показывает, что культурные нормы определяют идентичность и ожидания, предъявляемые женщинам и мужчинам, начиная с самого детства, в ходе социализации и адаптации ими того, что приемлемо для мужчин и для женщин как культурная норма их поведения в социуме. На протяжении многих веков «женское» ассоциируется с

приватной сферой, делая женщин ответственными за воспитание детей и домашний быт, в то время как «мужское» ассоциируется со сферой общественного, только мужчин представляют в качестве граждан, наделенных всеми гражданскими правами. Сфера домашнего и частного, соответственно, играет определяющую роль при формировании ролей, обязанностей и ценностей женщин. Что же касается мужчин, то, поскольку им доступ в политику всегда был открыт, в политике доминируют маскулинные ценности, например, рациональность, независимость, агрессивность, состязательность и т. д.

Институциональный подход также акцентирует внимание на том факте, что политическая сфера в большей степени толерантна к мужчинам, чем к женщинам, что проявляется в виде барьеров для возможностей политического участия, например, правил или предрассудков против женщин в политике.

Исследователи отмечают боязнь мужчин допустить женщин в институты власти, поскольку они могут разрушить их гегемонию и существующие партии, голосуя внутри партий против партийной линии. Поэтому мужчины-политики используют различные электоральные правила с тем, чтобы ограничить возможности избрания женщин-кандидатов, например, помещая имена женщин-кандидатов в конец партийных списков. Другая тенденция – выдвигать женщин на посты, являющиеся непривлекательными для мужчин в силу отсутствия денег и реальной власти, например, социальная политика, здравоохранение, культура, образование и т. д.

Институциональное содержание прав человека зависит от уровня демократичности существующей политической системы, сложившихся традиций и обычаев населения, от наличия материальных ресурсов в стране, степени ее вовлеченности в систему мировых хозяйственных и политических отношений. Такое определение права помогает, на наш взгляд, более тесно увязать проблему политического участия женщин с процессами развития политической системы.

Социокультурный компонент политического участия женщин

Весьма существенным для формирования ценностей и общественных норм на европейском пространстве является значение церкви. Церковное учение и связанная с этим картина мира оказывали и до сих пор частично оказывают решающее влияние на формирование общества и на

распределение ролей внутри него. Это станет очевидно, если вспомнить, как долго религиозные установки были в состоянии тормозить даже научные открытия. А еще до начала XIX в. бытовало твердое убеждение в том, что женщина была сделана из ребра мужчины. Это привело к тому, что женщина не рассматривалась как самодостаточное существо. Насколько сильным было и остается это влияние, можно понять из того, что понимание роли женщины и мужчины в обществе пережило различные общественные системы, от абсолютистского господства в средневековье и ранней эпохи нового времени и до различных капиталистических и социалистических систем XX в.

В связи с этим особенно важно, в какой степени женщины и мужчины осознают свои роли и захотят достичь изменений. Добиться изменений – значит пройти длительный путь. Будет недостаточно, если носители решений сменяют свои посты, необходимо изменение в общественных установках. Исследования, например, подтвердили, что большинство женщин на выборах отдают свои голоса в пользу мужчин, а не женщин.

При принятии политических решений, безусловно, эффективным мог бы быть принцип равноправия полов, то есть, при принятии всех решений организационные посты традиционно занимают мужчины. Не последнюю роль в этом играет то, что женщины и мужчины, как правило, имеют разный доступ к политике. Для женщин часто поводом является интерес к политике. Поэтому многие себя находят в социальной и образовательной сфере, политически «мягких» темах. Однако решение, какая свобода действий возможна в этих сферах, затрагивает и другие ведомства: бюджет, финансы, строительство и транспорт. Если для моего ведомства я не располагаю достаточным количеством денежных средств, не помогут и самые блестящие идеи, так как невозможно будет их реализовать.

Описанная выше ситуация частично связана с распределением ролей. Женщины, как правило, подают заявление о приеме на работу, когда считают, что для работы на этой должности у них есть все предпосылки и знания, мужчины же, скорее, исходят из того, что они смогут усвоить необходимые знания. Кстати, этот феномен можно наблюдать и по оценке извне. У женщин значительно чаще спрашивают, насколько они ква-

лифицированы, про мужчин же говорят: «Он сможет это сделать», – кстати, так говорят и сами женщины.

Итак, мы добрались до последней важной проблемы: сплоченности женщин между собой и умения разрешать конфликтные ситуации. По-прежнему можно констатировать, что успешным женщинам завидуют, поэтому они не рассчитывают на поддержку, а должны самоутверждаться. Кроме того, к сожалению, успешные женщины забывают, кто их поддерживал в свое время. Кроме того, мужчины способны намного лучше, чем женщины, – даже при личных разногласиях – прийти к совместному решению. Женщинам реже удается найти компромисс.

Социально-экономический компонент политического участия женщин

Очевидно, что право на участие в принятии решений неразрывно связано с соблюдением социально-экономических прав женщин.

Международная практика свидетельствует о том, что есть тесная зависимость между высоким статусом женщин в обществе и их участием в принятии важных государственных решений. Общеизвестно, что для активизации политического участия женщин необходима поддержка со стороны социальных и экономических структур, отсутствие дискриминации женщин на уровне законов, а также устранение негативных стереотипов в отношении женщин в системе образования и в средствах массовой информации.

Несомненно, что Германия смогла за последние десятилетия добиться значительных результатов по участию женщин в процессе принятия политических решений. Однако, еще не скоро настанет то время, когда женщины смогут быть равноправными партнерами на разных уровнях власти. Как показывает история, недостаточно только признать равные права женщин на уровне законов, но необходимо также создать равные возможности для их реализации.

Итак, несмотря на существование юридического равенства, распределение полномочий, обязанностей и прав на доступ к экономическим, социальным и культурным ресурсам между женщинами и мужчинами остается неравным вследствие сохранения широко распространенных традиционных представлений о роли женщин и мужчин в общественной жизни и в политике.

Раздел II. ТОЛЕРАНТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ СОВРЕМЕННОСТИ

В. И. Марков

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ДИСКУССИИ О ТОЛЕРАНТНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ

Для современных дискуссий по поводу понятия и смысла толерантности характерны, по мнению автора, две тенденции. С одной стороны, удивляет резкая реакция значительной части российской научной общественности на внедрение в научный дискурс невинного, вроде бы, понятия «толерантность», связанного, в буквальном переводе, с такими естественными для цивилизованного человека нормами, как терпимость, уважение к Чужому и Иному, их понимание и приятие. С другой стороны, ярые пропагандисты толерантности окутали и само понятие, и практику его введения в общественную жизнь такими мифологизированными представлениями, что поневоле захочется критиковать эту самую толерантность. Рассмотрению этих крайностей и посвящена данная работа.

Итак, отрицание толерантности «в принципе» парадоксально, поскольку российская традиция даже в ее имперском варианте всегда включала в себя, в отличие от ряда других империй, опору на местные традиции, которые, кстати, охотно осваивались русским населением, отсутствие привилегий для великорусского народа, развитые межнациональные браки и другие признаки реально практикуемой межкультурной толерантности.

В аспекте собственно человеческих отношений внешних наблюдателей всегда поражало, например, сострадательное отношение к преступникам. Бредущий по бескрайним дорогам России этап каторжников в каждом селе встречал не хмурое отвержение и осуждение, а сочувствующих людей с куличами хлеба.

Если же брать основу терпимости – понятие терпения, то терпеливость русского народа, иногда излишняя, а иногда переходящая в свою противоположность, большинством авторов отмечается как фундаментальная черта национального характера великороссов.

В основе таких отношений, естественно, не только ряд особенностей российской истории, но и фундаментальная христианская традиция милосердия и равенства всех народов перед лицом бога, ибо для него «несть ни эллин, ни иудей».

С учетом этого тем более становится неясно, что же вызывает, собственно, такую волну критики самого понятия «толерантности». Ведь она, по сути, прочно закреплена в нашей исконной культурной традиции, вошла в плоть и кровь жизни народа. Может быть это тот случай, когда культурное свое, родное, явившись в ином облике, оказалось просто незнанным? Или же этот новый облик оказался действительно настолько чуждым, что вызвал такое отвержение? Тогда надо говорить о двух разных типах толерантности и выяснять причины таких метаморфоз.

Для уточнения ситуации посмотрим, каковы же основные возражения против исследуемого термина, а точнее, концепта, поскольку это понятие влечет за собой значительный ряд логических следствий в случае его принятия. На наш взгляд, основные из них являются следующими.

Во-первых, оно рассматривается как чисто идеолого-пропагандистский конструкт, оружие, своеобразный «троянский конь» в мировоззренческой борьбе современных цивилизационных миров. Его особая опасность при этом – именно в благовидной оболочке. Напрашивается сравнение с идеей «общечеловеческих ценностей» в той форме, в которой они пропагандировались во времена М. Горбачева, когда под именем таковых имелись в виду фактически ценности только одной культуры. Такая борьба действительно имеет место и толерантность в принципе вполне способна играть подробную роль при определенных обстоятельствах.

Во-вторых, обычно отмечается несовместимость ряда акцентов западного понимания толерантности системе ценностей российской культурной традиции (однополые браки и т. д.).

В-третьих, в политике настойчивого продвижения толерантности общественное сознание, и особенно в систему образования, обычно обнаруживаются знакомые двойные стандарты. Призывы и конкретное давление в пользу принятия совершенно определенной трактовки толерантности сопровождаются явно нетолерантной реакцией на то, что, вроде бы, не подходит под именно такое понимание. В этом моменте уже напрашивается аналогия с концептом демократии, когда эпитет «демо-

кратический» произвольно приписывается режимам и странам в зависимости не столько от их подлинной демократичности, сколько от словесной приверженности именно западной форме демократии и, более того, практическим интересам своих покровителей.

С учетом различий систем ценностей такой подход оказывается толерантностью к меньшинствам различного рода, но нетерпимостью к традиционным системообразующим представлениям данной культуры. Тогда получается, что скрытая цель политики толерантности не столько защита прав меньшинств, сколько именно развал культурной системы.

В дополнение к этому, сугубо конспирологическому взгляду на проблему, многие авторы аргументируют позицию о том, что и в самом западном мире политика толерантности все более играет разрушительную роль, и тогда ее исток – мондиализм как таковой, стремящийся к разрушению любых государств и культурных систем ради построения нового космополитического мира в интересах наднациональных финансовых структур.

Итак, такова, на наш взгляд, ситуация с пониманием толерантности в критически к нему относящейся части научного сообщества.

Не претендуя на раскрытие всех аспектов этой нетривиальной проблемы, попробуем раскрыть ее под углом зрения определенной гипотезы.

Гипотеза эта состоит в том, что толерантность, действительно, выступает, по меньшей мере, в двух различных ипостасях в зависимости от того, в контексте каких глобальных процессов мы ее рассматриваем.

Методологически мы используем в анализе определенные моменты системного видения современных реалий. И, в частности, – известное положение о том, что любой элемент, в том числе идея, понятие, качественно меняются, оказываясь в другой системе отношений и связей. При этом потенциально заложенные собственные качества реализуются в зависимости от отношений, складывающихся в этих системах.

С этой точки зрения необходимо, прежде всего, разделить два современных глобальных процесса, накладывающихся один на другой, что затрудняет их осознание.

Речь идет о разделении понятий глобализма и глобализации. Глобализация есть объективный и в целом позитивный процесс сближения народов и культур, образования еще одного этажа культурной системы человечества, который, по идее, не должен подавлять ни развитие культур отдельных государств, ни этнических культур. Глобализм же – это

сознательная политика ряда государств и финансово-экономических групп, паразитирующая на данной объективной тенденции в целях укрепления своего господства за счет культурной унификации мира. В итоге естественно возникающего сопротивления такой политики затрудняется развитие глобализации, подлинного единства человечества. Таким образом, глобализм есть не что иное, как использование в практически-политических целях естественно-исторической и необходимой тенденции к глобализации, к нарастающему единству человечества.

Собственно говоря, в этом нет ничего принципиально нового с исторической точки зрения. И ранее неоднократно возникали предпосылки такого единства в определенных регионах планеты. Этому способствовали торговые связи, межнациональное разделение труда и т. д. Но реализовались они всегда только тогда, когда имелся в наличии некий достаточно мощный и заинтересованный в этом субъект соответствующего уровня. Проявлялось это обычно в стремлении к созданию «мировых» империй, стремящихся оседлать эту объективную тенденцию и приспособить ее в своих интересах, в интересах собственного господства. Известно, что Л. Н. Гумилев усматривал подобную логику даже в завоеваниях Чингисхана, созидавшего, по его мнению, необходимый для торговли порядок на гигантских пространствах Великой Степи. И это естественная логика событий. В истории вообще объективные тенденции реализуются только через интересы и деятельность определенных субъектов, а субъекта, озабоченного искренне благом всего человечества, что-то до сих пор не возникало.

Все это обычно заканчивалось одинаково. Империи Чингисхана и Александра Македонского тому пример. На время проект иногда удавался, особенно если объективные основания были действительно достаточно фундаментальны, а силы субъекта действия соответствовали исторической задаче. Но потом исторически-конкретные формы реализации тенденции, связанные с господством одного субъекта, вызывали отторжение у тех, кому в новом «единстве» предназначалось отнюдь не господствующее положение. Возникало противоречие между объективной тенденцией к единству и формой ее политической реализации. И все в итоге кончалось крахом.

Отличие современной ситуации только в том, что в основе тенденции к глобализации – не только позитивные объективные моменты (вы-

годы единства), но и негативные – глобальные угрозы и риски, которым можно противостоять только вместе. А также в мощности экономико-технически-информационного базиса тенденции, в ее поистине глобальном характере и, наконец, в огромной потенциальной мощи субъекта (субъектов), пытающихся использовать ее в своих целях. Но, в принципе, ситуация, и, скорее всего, итог, аналогичны прошлым историческим попыткам. По крайней мере, нарастающее сопротивление глобализации, реализующейся в форме политики глобализма, совершенно очевидно.

Соответственно и все идейные основы и элементы глобализации, при вхождении в мировоззренческую систему глобализма, являющегося отчужденной формой глобализации, претерпевают искажение, отчуждение от своей подлинной сущности, встраиваясь в рамки этой политики. Толерантность не исключение. Идеологема толерантности, против которой высказываются основные возражения, это не подлинная толерантность, а именно извращенная ее форма, возникшая за счет включения понятия в систему глобалистских устремлений.

В качестве итога наших рассуждений хотелось бы отметить, что фактически уже включенное в общественное сознание и в научный дискурс понятие толерантности не может уже и не должно восприниматься только как коварная и не обоснованная инокультурная инновация. Эта консервативно-охранительная тенденция, возможная как первая реакция, является, в принципе, бесперспективной с любых, даже ультрапатриотических позиций. Нужна не оборона и защита, а творчество. Только творчеством можно добиться освоения Чужого. С позиций системной методологии это понятие, включившись в отечественную мыслительную среду, уже начало претерпевать преобразование, меняясь в окружении новых системных связей и по форме, и по существу.

Этот естественный процесс должен быть дополнен сознательной разработкой иначе акцентированного, по сути другого понятия толерантности, соответствующего нашей моральной, культурной и интеллектуальной традиции, представлениям о мире человеческих отношений и взаимодействиях, о пределах допустимой терпимости к Иному, определяющих возможность сохранения исторически изменчивой, но реальной идентичности.

Педантизм, в данном случае, неуместен. Право на подобное перетолкование дает хотя бы то, что и в истории западной культуры толе-

рантность радикально изменила смысл. Родившись как символ веротерпимости на волне усталости от религиозных войн и распрей, оно сейчас изменило суть. И Дж. Локк не узнал бы своей идеи в нынешнем безграничном понимании этого слова.

Критика «лукавых смыслов» толерантности, действительно, во многом справедлива. Но нельзя отдавать на откуп само понятие. Чужое надо не отвергать, а делать своим в процессе творческой разработки и преобразования. Иначе можно и не успеть. Ведь уже сейчас ретивые новаторы и реформаторы всюду вводят идеологему толерантности в систему школьного образования, не задумываясь о многообразных оттенках и коннотациях этого термина.

И, в частности, внедрение толерантности ее апологетами во многом основано на мифических представлениях о культуре вообще, о ее развитии, о многообразных взаимодействиях.

Термин «миф» не предполагает, в данном случае, строго научное звучание, а, скорее, связан с его повседневным использованием в качестве синонима слову «общественная иллюзия». Рассмотрим только некоторые из подобных мифов.

Миф первый. В культуре открытость внешним влияниям – это всегда хорошо. Иногда ее даже полагают основой развития. Закрытость замкнутость, хотя бы частичная изоляция – это всегда плохо.

Такой стереотип, прежде всего, нарушает основы научного мышления. Если что-либо всегда и везде, при всех возможных обстоятельствах, объявляется «хорошим» или «плохим» (не говоря уж о неприменимости в науке вообще разделения на «плохое» и хорошее»), – это уже признак отхода от научной рациональности. Получается, общие, внешние и внутренние условия, контекст, вообще не играют никакой роли. Научный вывод по форме должен звучать иначе: «При таких условиях, при таком-то внутреннем состоянии объекта, данный фактор, явление, может иметь позитивное в таком-то отношении значение для объекта».

Культура – это система, *отграниченное* множество элементов. Понятие границы с необходимостью входит в определение системы. Система без границ – это нонсенс, она растворится в окружающем мире, перестанет быть самой собой. А любую границу надо охранять.

Культура – это живая система. Живой организм должен обязательно иметь защитные механизмы, предохраняющие его от бесконтрольного, стихийного внедрения внешнего мира, Чужого.

С другой стороны, и полная, и постоянная закрытость – это тоже нонсенс, организм без питания и всякой связи с окружающей средой и другими организмами.

Следовательно, речь может идти не о том, что хорошо, и что плохо, а о соотношении открытости и закрытости в данной исторической ситуации. О том, что хорошо, и что плохо для данной культурной системы в данных условиях.

По общему правилу тот, кто силен в настоящий момент, всегда требует открытости. Любые препоны мешают ему. Так, Англия, господствовавшая в мире в XIX в., требовала реализации принципа свободной торговли. Под этим же предлогом США насильственно «вскрыли» Японию. Но в трудные времена эти страны спокойно прибегали к протекционистским мерам. В частности, в торговых войнах XX в. с Японией и Китаем.

В идейной сфере в первой половине XX в., когда левые и даже коммунистические идеи были весьма модны среди интеллигенции и встречали сочувствие масс, правительственные круги Запада кричали о защите от коммунистической угрозы и создавали соответствующие защитные механизмы. И в период маккартизма 50-х гг. в США, например, эта защита частенько принимала комичные формы. Например, требование запрета на импорт красного перца из Болгарии. Под тем предлогом, что он красный, а Болгария коммунистическая. Тогда информационная открытость была выгодна скорее коммунистическому миру. Потом все поменялось.

Культура – это органическая система, которая развивается во многом подобно любому живому организму. Человек как общественное существо, в принципе, не может стать человеком вне общения. Но это не отменяет того, что при определенных условиях ему просто необходима временная изоляция. Так изолируют больного, родители бережно предохраняют от излишних контактов новорожденного младенца и т. д. Следовательно, и по отношению к культуре рационально говорить о том, при каких условиях благоприятна открытость, а при каких – хотя бы временная изоляция, закрытость. По общему правилу, последнее иногда

необходимо при любом кризисе, временном ослаблении защитных механизмов культурной системы. А такие механизмы нужны и существуют в разных формах в каждой культуре. Цензура – только один, наиболее жесткий, несовременный и не самый эффективный вариант иммунной защиты культуры. Но совсем без защиты культура не выживет. Когда новая Россия в 90-е гг. сняла абсолютно все преграды, сами европейские деятели говорили: «Вы мечтали о европейской цивилизации, а получили европейскую канализацию». И сейчас, каждый раз, когда в Госдуме поднимается вопрос о какой-то форме общественного контроля СМИ, раздаются крики: «Цензура! Зажим демократии!». Но с таким пониманием демократии долго существовать невозможно.

Япония в XVII в. более, чем на 200 лет, закрылась от влияния Запада. Но это был особого типа «железный занавес». Скорее – мембрана, которая пропускала под строгим контролем в Японию все необходимые технические и научные новшества, но не допускала стихийного проникновения. Благодаря этому она никогда не была чьей-либо колонией, и вышла в открытый мир, когда элита убедилась в способности страны выжить и уверенно конкурировать в этом мире.

Для российской же истории, к сожалению, характерны своеобразные циклы, резкие переходы от полной открытости к почти полной закрытости. И это вместо тщательного фильтрования, отбора как по количеству, так и по качеству того, что, как, какими темпами, и стоит ли вообще заимствовать.

С этим мифом логически связано жесткое закрепление толерантности за полюсом добра, и, соответственно, ксенофобии – зла. Налицо тоже забвение одного из принципов системной диалектики: любое явление, переходя за некие рамки, границы меры, превращается в противоположность. Первично Дж. Локк применил понятие толерантности только в одном отношении – веротерпимости. И это было понятно в Европе, измученной религиозными войнами. Он был бы поражен, узнав, насколько безмерным, безграничным стал его термин в современной Европе, применяющей его и к личностным отношениям, и к сексуальным отклонениям, и ко всему на свете.

Приведенная выше логика должна применяться и к соотношению толерантности, которая есть полная открытость и доверие к окружающему миру, и ксенофобии. Уроки истории на этот счет тоже не так просты.

Религиозная и вообще культурная абсолютная толерантность Рима в свое время привела его к забвению своей религии, подмене своей культурной традиции греческой, что и стало одним из факторов гибели. А ксенофобия в определенных условиях, при наличии угрозы идентичности, есть защитный механизм противостояния и недоверия к Чужому, способному разрушить устои Своего. Кстати, в разных социальных слоях она может быть разной. Можно говорить о недоверчивости к чужакам, свойственной крестьянам всего мира. Но националистические и ксенофобные настроения очень часто разжигает и поддерживает как раз национальная интеллигенция становящейся нации или же, опять-таки, при ощущении угрозы своей культурной традиции. Ведь знать и хранить эту традицию на осознанном уровне – как раз ее функция. Так что связывать ксенофобию напрямую с невежеством и дикостью просто наивно. Так же наивно и бороться с ней просто просветительскими мерами.

Когда угроза реальна, никакие разговоры о толерантности не помогут. Только на основе специфической религии, утверждающей евреев как богоизбранный народ, на закрытости, включая запрет на браки, и напряженно-презрительное отношение к чужакам, не ведающим истинного бога, сохранился еврейский этнос. В Китае идея превосходства китайцев играла в одни периоды наступательную роль, а в другие – спасала от иноземного культурного покорения. Своеобразный образ жизни и система ценностей сохранили цыган. Вспомним поэму А. С. Пушкина «Цыганы», в которой как раз и говорится о культурных границах в их соотношении с логикой эгоистичной воли чужака.

Снять угрозу – единственный выход. Когда-то ксенофобия как защитный механизм была характерна только для малых народов. Но специфика современного мира как раз в том, что угрозу сохранению собственного лица, национально-культурной идентичности сейчас ощущают все, даже самые крупные народы. И в этом одна из причин разрастания ксенофобных настроений среди русских, для которых это в целом не характерно. Помимо усиливающегося давления мигрантов, угроза эта связана с глобальными процессами, о которых говорилось выше.

Таким образом, дискуссии о толерантности нуждаются сейчас, по нашему мнению, не столько в политико-идеологических крайностях, сколько в спокойном и серьезном анализе, основанном на добротном методологическом фундаменте.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В РОССИИ: ЗА И ПРОТИВ

В настоящее время проблема необходимости формирования толерантности очень остра. В российском обществе сложились полярные точки зрения: от однозначного ее принятия до резкого отрицания. Интернет пестрит высказываниями как по поводу определения толерантности, так и необходимости ее воспитания.

Одни однозначно видят в толерантности воспитание, в том числе, и в подрастающем поколении, необходимости, потребности и готовности к конструктивному взаимодействию с людьми, независимо от их национальной, социальной, религиозной принадлежности, взглядов, мировоззрения, стилей мышления и поведения, воспитания миролюбия, умения позитивно с ними взаимодействовать, формирование негативного отношения к насилию и агрессии в любой форме, уважения и признания к себе и к людям, к их культуре, формирование умения определять границы толерантности.

Другие настроены резко негативно к толерантности, клеймя само понятие как «вредоносное западное изобретение» (епископ Пермский и Соликамский Иринарх (Грезин), призывая «родительскую общественность» требовать запрета уроков толерантности в школах «без согласия родителей» [1], определяя «толерантность» как терпимость ко злу [2], считая ее пороком, равнодушием, вседозволенностью, отсутствием какой-либо позиции, пустотой [3] и т. п.

Третьи противопоставляют понятия «толерантность» и «терпимость» (терпимость – это милосердие, снисхождение, понимание, многообразие и мультикультурность, понимание чужого и др.) [3].

Есть и те, кто не является сторонником ни толерантности, ни терпимости, но считают необходимым воспитания в нашем обществе уважения: «...Почему толерантность, почему терпимость? Почему мы должны терпеть друг друга? Нужно не терпеть, а уважать и любить...» [4].

Мы не ставим задачи сравнения и анализа понятий «терпимость» и «толерантность». В большей степени вызывает интерес, какие факторы повлияли на формирование столь полярных точек зрения на проблему толерантности.

Одним из факторов является неоднородность российского общества. Социально-экономические реформы 1990-х гг. привели к резкой стратификации российского общества: ухудшению качества жизни, появлению слоя богатых и слоя бедных, такого явления, как безработица, с чем население не сталкивалось ранее, и т. д. Миграции населения не столько межрегионального характера, сколько из бывших республик СССР, а ныне стран СНГ, также дестабилизируют обстановку.

Но, говоря о стратифицированности нашего общества, не следует забывать и еще об одном факторе: российское государство изначально формировалось как многонациональное, многоконфессиональное и поликультурное. И как раз в связи с этим можно говорить о терпимости и толерантности. Советские и российские историки отмечали высокую степень толерантности еще у восточных славян и, прежде всего, веротерпимость руссов по отношению к инаковерующим, будь то иноземцы или соплеменники. По мнению И. Я. Фроянова, «именно веротерпимостью объясняется тот факт, что в Киеве еще за полвека до «крещения Руси» сложилась христианская община и была построена соборная церковь» [5]. Или согласно рассказу летописца «закоренелый язычник» князь Святослав Игоревич не запрещал обращение в христианство своих соотечественников. А веротерпимость едва ли совместима с озлобленностью, мстительностью и проявлениями какой-либо агрессии.

Древнерусское государство Киевская Русь изначально развивалось как объединение славянских, финно-угорских и других племен. Это наложило отпечаток на всю дальнейшую историю, культуру, язык, межнациональные и конфессиональные связи как русских, так и других народов. Разными путями народы оказывались в составе России. Некоторые народы вставали «под державную руку» могущественного российского престола, стремясь защитить себя от внешнего врага или отстоять православную веру. Часть была присоединена в результате военных действий.

Как и в любом многонациональном государстве, российская имперская политика была направлена на культурную ассимиляцию национальных меньшинств. Однако в отличие от европейских и азиатских стран русское правительство не проводило политики геноцида не только по отношению к народам, добровольно вошедшим в состав Российской Империи, но и насильственно присоединенным – народам Северного Кавказа и Средней Азии. Почти все окраины вплоть до начала XX столетия сохраня-

ли традиционный образ жизни, национальную культуру, религию, систему местного самоуправления и судопроизводства, а национальная элита получала статус российского дворянства. Уже, начиная с XVI в., с присоединения Казанского и Астраханского ханств, земель башкир, затем в XVII в. присоединяя Западную и Восточную Сибирь, земли Донского и Яицкого казачьих войск, Украины, Русское государство в этих землях начало юридическое оформление сословий бояр и дворян с правовым оформлением привилегий в монопольном владении землей, освобождением от повинностей, преимуществ в судебном процессе и в праве занимать административные должности. Т. е. в феодальное сословие России включалась феодальная знать присоединенных народов, которая пользовалась общегосударственными льготами. Она сохраняла привилегии на своих этнических территориях по мусульманскому и обычному праву. Иноэтничные купцы и ремесленники также получали права и привилегии.

Но достаточно высокий уровень толерантности можно отметить не только со стороны российского правительства по отношению к имущим слоям инородческого населения. В приграничных районах формировались «интернациональные» поселения. Постепенно это явление распространялось на русские города.

Конечно же, элементы борьбы присутствовали и на уровне национальных элит как в центре, так и на местах, однако вражда собственно между народами в российской истории не стала преобладающей. Многочисленные волнения в национальных районах, в большей степени, были реакцией на попытки государства унифицировать правовую систему (согласование традиционных правовых систем народов России с общероссийской), судопроизводство и ограничить национальные формы самоуправления. Поэтому они реформировались медленно, и вплоть до 1917 г. реформирование не было завершено. Требований же выхода из состава России не было (за исключением Украины в XVII – начале XVIII вв.) [6]. Более того, вхождение в состав Российской Империи способствовало исчезновению стычек и войн между малочисленными народами и племенами. Национальные элиты же выступали за предоставление большего правового статуса, прав в сфере развития национальной культуры и языка.

Частично опыт сосуществования народов разных культур и религий, сложившийся в царской России, использовался и в советскую эпоху, закрепленный общим вкладом всех народов в защиту Отечества в 1941–1945 гг.

Корни дружбы, сотрудничества народов России были рождены и возвращены многовековой историей сосуществования сотен народов, когда на территории России формировалась их *историко-культурная общность*, когда судьбы народов были неразрывно связаны с судьбой Отечества, объединяющего их, когда представители всех национальностей самоотверженно служили чести, достоинству и благополучию своей страны.

Современная Россия имеет шанс наследовать эти традиции и опыт межнационального и межкультурного сотрудничества и дружбы. Негативный же опыт истории может привести к растрачиванию интеллектуальных, нравственных, культурных и материальных сил народов, к конфликтам, ксенофобии. Это подтверждают и недавние события на Северном Кавказе, и тенденция, появившаяся в отдельных социальных группах – сращивание шовинизма и патриотизма – движение скинхедов.

Поэтому сегодня для России большое значение имеет определение основных ориентиров, приемлемых для всех населяющих нашу страну народов и социальных групп. Таким ориентиром может стать *толерантность*, отвечающая интересам страны в целом и реализуемая через культуру, пропаганду, образ жизни и традиции сохранения мира в многонациональном, многоконфессиональном и многокультурном государстве. Она может содействовать поиску компромиссов, преодолению конфликтов, предотвращению конфронтаций и войн.

Однако, говоря о толерантности, не стоит, на наш взгляд, забывать и об оборотной стороне: подчеркнутое внимание к проблеме межэтнических отношений в целом и толерантности в частности не только не создает предпосылок к преодолению «межэтнических граней», но, наоборот, «порождает» условия для их обострения. С этим суждением трудно не согласиться, т. к. обращение к идее толерантности подчеркивает неоднородность этносов, во многом способствует их обособленности, и, наконец, может принять односторонний характер и превратиться в средство агрессии одних этносов по отношению к другим в требованиях предоставления особых прав и привилегий этнических меньшинств. А это бы нарушало права большинства государства, хотя может и соответствовать международным предоставлениям о правах национальных меньшинств. В качестве примера можно привести требования статуса коренных малочисленных народов малочисленными этносами, предоставления возможности льготного поступления в ВУЗы моло-

дежи из их среды, налоговых льгот для развития предпринимательства или гарантированной доли от прибыли предприятий, находящихся на «этнической территории» [7].

В российской действительности толерантность сегодня может сыграть важную роль как одна из основ демократического процесса и процесса укрепления позиций Российской Федерации в международном сообществе с имиджем государства, ориентированного на мирное, конструктивное сотрудничество. В то же время важно понимать, что только эмоционального декларирования принципов толерантности недостаточно. Важно научиться самим и помочь другим видеть и понимать толерантность не как беспринципность, а как глубинное понимание мира, культуры. Любое общество, которое не является однородным с этнической, социальной и культурной точек зрения, нуждается в толерантности для того, чтобы обеспечить себе стабильность.

Библиографические ссылки

1. Минин, С. «Пермские боги» заговорили. – Режим доступа: <http://www.google.ru/search?hl=ru&lr=&newwindow=1> – Загл. с экрана.
2. Толерантность означает «смерть русским!», или кто кого должен терпеть? – Режим доступа: <http://www.ldpr.ru/press/analitics/13720/> – Загл. с экрана.
3. Всем выйти из толерантности! – Режим доступа: <http://www.livejournal.ru/themes/id/13157> – Загл. с экрана.
4. Южноуральских общественников стало раздражать слово «толерантность». – Режим доступа: <http://www.nr2.ru/chel/255618.html> – Загл. с экрана.
5. Фроянов, И. Я. Начало христианства на Руси. – Режим доступа: <http://www.allk.ru/books/363.html> – Загл. с экрана.
6. Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия / отв. ред. В. В. Трепавлов. – М., 2003. – С. 25, 27.
7. Белозёрова, М. В. Проблемы межнациональной напряженности и толерантность: XX столетие // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2008. – № 5. – С. 17–18.

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Межкультурное взаимодействие осуществляется наряду с экономическим и политическим, между собой они взаимозависимы. Взаимодействие культур, с большей или меньшей степенью интенсивности, осуществляется при различных политических системах и идеологиях. В тех редких случаях, когда общество вело политику автаркии, культурного изоляционизма, наблюдались процессы стагнации общества, культурная отсталость и т. п. В то же время культурное взаимодействие носит относительно самостоятельный характер по отношению к государственному регулированию и оказывает влияние на политические процессы.

Одними из первых проблему взаимодействия культур в XX в. рассматривали диффузионисты, которые объясняли явления культуры, исходя из географических условий ее бытования, географической среды, к которой адаптируется то или иное общество. Диффузионисты предполагали, что отдельные элементы одной культуры могут проникать в другую. Пространственное распространение культур, или культурная диффузия, происходило из одного или нескольких центров, поэтому диффузионисты ставили своей задачей выявление эпицентров возникновения культурных моделей и путей их распространения. Немецкий ученый и географ Ф. Ратцель «реконструирует» пути расселения народов и распространения культур. Культурное взаимодействие, по мнению эволюционистов, ведет к обогащению культур, поэтому они всячески подчеркивали важность культурных связей и пытались проследить «диффузию» элементов культуры: предметов, идей, художественных образов, хотя иногда это происходило с некоторыми натяжками и было далеко от истины. Так, например, выдающийся исследователь африканской культуры Л. Фробениус, познакомивший европейцев с ее достижениями, этнографическим и фольклорным материалом, считал, что африканская деревянная скульптура была получена в результате контактов с этрусками, покинувшими итальянскую землю, обогнувшими на судах Африку с запада и создавшими колонию в устье Нигера.

Первобытная культура, по мнению некоторых диффузионистов, сводилась к культурным кругам, которые характеризовались определенными сочетаниями элементов, и из одного географического пространства перемещались в другие, чаще всего происходило это комплексно. Один «культурный круг» взаимодействует с другими кругами.

Элементы культуры, возникнув в одном месте, многократно перемещаются (теория миграций). Этим и объясняется сходство культур. В других географических условиях культура, привнесенная извне, развивается по-новому, и из элементов разных культур возникает самобытная культура. Один «круг» накладывается на другой, один культурный слой во времени сменяется другим. Взаимодействие «кругов» интерпретируется как «напластование», а история культуры – как история перемещения «культурных кругов». Искусственность построения «культурных кругов» подвергалась критике со стороны многих исследователей, в том числе и функционалистов.

Вторым этапом исследования межкультурных взаимодействий были работы функционалистов, которые рассматривали их не как распространение элементов культуры, а как взаимодействие культурных целостностей. Задачей этнологов являлось изучение функций культурных явлений, их взаимосвязей в рамках отдельной культуры.

Третьим этапом стали исследования по аккультурации, основанные на полевых материалах, наблюдениях, исторических источниках и документах. В исследованиях акцентировался конкретно-исторический характер взаимодействия культур. Усиленный интерес к проблеме межкультурного взаимодействия испытывали американские культурантропологи с конца XIX в. в связи с изучением индейских культур и их трансформации при столкновении с культурой белых американцев. Исследования по аккультурации, первоначально понимаемой как ассимиляция, проводились М. Д. Херсковицем, М. Мид, Р. Редфилдом, М. Хантер, Л. Спайером, Р. Линтоном, Б. Малиновским. Типовую модель аккультурации в 1936 г. разработали Редфилд, Линтон и Херсковиц. Они интерпретировали аккультурацию как «совокупность явлений, возникающих вследствие того, что группы индивидов, обладающие разными культурами, входят в перманентный непосредственный контакт, при котором происходят изменения в изначальных культурных паттернах одной из групп или их обеих»

[1]. Исследовательский интерес заключается не в самом факте контакта культур, а в динамических эффектах, которыми он сопровождается.

Анализировалось взаимодействие культуры-реципиента, культурные паттерны которой изменяются, и культуры-донора, выступающей как источник новых культурных паттернов, материалом исследования служили небольшие этнические группы, соприкоснувшиеся с западной индустриальной культурой. Культура-реципиент реагирует на культурный контакт несколькими способами.

1. Принятие, под которым Редфилд, Линтон и Херсковиц понимали замену старого культурного паттерна новым, взятым у культуры-донора.

2. Адаптация или неполное изменение культуры-реципиента традиционного паттерна под влиянием культуры-донора.

3. Реакция – отторжение культурных паттернов донорской группы и сохранение собственных культурных паттернов группой-реципиентом.

Внимание исследователей обращалось на то, каким образом происходило заимствование культур, где осуществлялись культурные контакты, кем они реализовывались.

Типы аккультурационного контакта, по мнению американских культурантропологов, сводятся к следующим.

1. Отчуждение (alienation) – потеря народом своей культуры под воздействием чужой.

2. Новая ориентация (reorientation) – культура-реципиент существенно изменяется под воздействием культуры-донора.

3. Почвенничество (nativism) – сознательная попытка членов общества возродить какие-либо аспекты своей культуры.

4. Новообразование (reconstitution) – возникновение совершенно новых культурных элементов в результате осуществления межкультурных контактов [2].

Несмотря на то, что в целом культурный обмен народа и культурные традиции складываются в самой толще народной жизни под влиянием исторического бытия многих поколений, существенное значение имеет процесс заимствования, детерминируемый общественными потребностями. Если в обществе назревает определенная потребность, а необходимый культурный элемент, способный удовлетворить ее, отсутствует, то он берется из другой культуры и вживляется в свою.

В американской социологии и антропологии культурное заимствование рассматривается как частный случай инновации, оно происходит в том случае, если приносит практическую пользу, выгоду. Как и любое новшество, культурное заимствование должно иметь своих сторонников, активно внедряющих его в культурный процесс, преодолевающих негативную установку консервативно настроенных людей и их психологическое неприятие, связанное с эмоциональными вкусами, настроениями, зачастую неосознанными.

Культурные достижения, требующие огромных затрат (материальных и духовных), времени, таким образом, могут быть заимствованы, что дает значительный выигрыш культуре-реципиенту, обогащая и совершенствуя ее.

Контакт двух культур может носить не только добровольный и мирный характер, основанный на равноправном сотрудничестве, но и принудительный, насильственный характер, как это бывает в результате колониального захвата, войн и т. п.

Культурные контакты приобрели интенсивный характер в конце XV столетия, когда была «открыта Америка». При встрече двух культур более сильная культура пытается навязать собственное видение мира, культурные ценности и традиции, образ жизни и манеру поведения и т. п., что приводит к девальвации культурных ценностей более слабой культуры, трагическим последствиям для «бесписьменных народов» (Леви-Стросс), а порой и к их исчезновению.

Негативную реакцию «примитивных культур» на контакт с западной индустриальной культурой исследовали Р. Линтон и Б. Малиновский. В 1940 г. Р. Линтоном в работе «Аккультурация в семи племенах северо-американских индейцев» были выделены два типа условий, в которых может происходить аккультурация:

1) свободное заимствование элементов культуры при взаимодействии культур друг с другом, протекающее мирным путем, без наличия военно-политического господства;

2) насильственная культурная ассимиляция более слабой культуры, проводимая культурой, доминирующей в военном и политическом отношении.

Б. Малиновский исследовал аккультурационные процессы на примере межплеменных культурных контактов островитян Тихого

океана. Поздние работы исследователя были основаны на изучении колонизации Африки европейцами. Межкультурное взаимодействие или «культурный обмен» приводит не к механическому слиянию «черт культуры», а к уникальной, новой культуре: «Действительная суть «культурного обмена» между европейскими и неевропейскими народами заключается в том, что европейцы предлагают духовные ценности и присваивают землю, минеральные ресурсы, дешевый труд» [3]. Он считал, что столкновение и антагонизм двух рас и культур вызваны конфликтом между двумя системами общественно-правовых интересов.

Б. Малиновский в работе «Научные принципы и методы исследования культурного изменения» отмечал, что две культуры – африканская и европейская – встречаясь друг с другом и оказывая влияние, «порождают третью культурную реальность». Африканская культура не может рассматриваться как нечто целостное, необходимо рассматривать культурные контакты конкретно, так как «различия между исламскими общинами Западного Судана, готтентотами, баганда и конголезскими пигмеями настолько значительны, что помещение их в одну культурную категорию могло бы свести на нет всякие обобщения. Следовательно, при рассмотрении каждого региона, где европейское влияние встречается с племенной реакцией, необходимо проводить специальный анализ. Однако остается неизменным один фундаментальный факт: в каждом случае мы должны соотносить западное влияние с особой племенной культурой» [4]. При этом необходимо отдавать себе отчет, что племенная культура африканцев достаточно укоренена в сознании и практической жизнедеятельности африканцев, они подчинены своему собственному «культурному детерминизму», и процесс замены одних культурных реалий другими происходит поэтому достаточно сложно, приводя порой к конфликтам, как это было в случаях с насильственным обращением африканцев в христианскую веру, гонениями на колдовство, на древние обычаи и традиции.

В работе 1939 г. «Динамика современной диффузии» Малиновский, рассматривая культурное изменение, отмечает, что оно может вызываться внутренними факторами и силами, которые присущи данному сообществу, и тогда это – «независимое изобретение», или же происходит вследствие культурного контакта с другими культурами, именуемого «диффузией» [5].

В целом термин «аккультурация» («культурный контакт») употребляется в самых различных контекстах. Под аккультурацией в 50–60-е гг. XX в. понималось взаимодействие незападных культур, процессы японизации, китаезации и т.п., которые происходили в отдельных регионах. К аккультурационным исследованиям относятся и те, что посвящены проблеме взаимодействия городской и народной, сельской (folk cultures) культур. Р. Билз считает, что к аккультурационным процессам относится и динамика иммигрантских групп в США, и процесс урбанизации, и использует соответствующие аккультурационные методы исследования. Г. Бейтсон предложил употреблять термин «аккультурация» и при изучении контактов между группами в рамках одной культуры.

Р. Турнвальд подчеркивает динамичный, процессуальный характер аккультурации и отмечает такие ее свойства, как «изменение функций; вариативность рамок принятия разных культурных черт; частичная зависимость отбора элементов от условий контакта; непредвиденные последствия адаптации новых черт; взаимодействие между традиционно значимыми группами детерминант; анализ обстоятельств контакта; степень реакции на контакт – от полного отторжения неизвестного до не критического восприятия, полной ассимиляции и формирования новых культурных образований» [5].

Большое внимание даже в среде функционалистов уделяется реконструкции состояния культуры, в котором она пребывала до культурного контакта, использованию исторических данных и исторического подхода, что позволяет проследить культурную динамику.

Аккультурационные процессы имеют агентов, поведение которых детерминировано психологическими влияниями, поэтому американские исследователи уделяют серьезное внимание изучению структуры личности и ее изменению в ходе межкультурных взаимодействий, основываясь на том положении, что конкретной культуре соответствует определенный тип личности. Масштабы и скорость изменения личности, а также реакция носителя данной культуры на культурные изменения в ходе межкультурного контакта были рассмотрены американскими антропологами зачастую с использованием в качестве исследовательского материала документов и фольклора. Признание личностного фактора в межкультурном взаимодействии и его разработка являются значимым

вкладом американских антропологов в науку, как и концепция плюрализма культур, их уникальности и взаимодействия.

Другой характерной чертой данного рода исследований является их прагматический характер. Так, М. Хантер отмечает: «И администратор, и миссионер, и торговец в равной мере заинтересованы в выяснении того, какими санкциями регулируется поведение в условиях племенной жизни и как сказывается на этих санкциях контакт с европейцами. Социальные санкции, то есть узы, интегрирующие общество, можно понять лишь путем изучения функционирования и взаимосвязи общественных институтов; и нам необходимо определить, какое изменение в функционировании и взаимосвязь этих институтов вносит контакт с европейцами» [6].

Все большее значение приобретают исследования, посвященные обратному влиянию культуры-реципиента на доминирующую культуру, особенно в сфере художественного творчества. Так, общепризнанным фактом является влияние африканской музыки на музыкальную культуру Европы и Америки, что выразилось, в частности, в появлении джаза, или воздействие африканской скульптуры и масок на живопись XX в., проявившееся в творчестве П. Пикассо, и др.

Любое межкультурное взаимодействие носит двусторонний характер, в результате культурного контакта происходит изменение и более сильной, и более слабой культур. Взаимодействия локальных культур являются адекватной единицей подобных социокультурных процессов, при этом понятие «локальная культура» сближается по своему значению с понятием «этническая культура», это дает возможность реально выделить и конкретизировать объект исследования и проводить проверку теоретических конструкций с помощью обращения к эмпирическим данным. Вполне достижима и задача выявления взаимодействия субкультур в рамках единой национальной культуры.

Чем ближе по типологическим характеристикам культуры, тем сложнее последствия взаимодействия: «Распространение в какой-либо культуре удобных для работы орудий труда, современных технологий, новых оценочных критериев повседневного поведения людей, взятых из монокультурного опыта, не может быть признано позитивным или негативным, пока не станет ясно, какое именно воздействие оказали те или иные заимствования на глубинные качества культурной жизни данного народа. Новые предметы и явления культурной практики должны быть

оценены не сами по себе, но лишь с позиций того, насколько они помогли данной культуре адаптироваться к изменениям внешнего мира, развить ее творческие потенции» [7].

Взаимодействие культур является чрезвычайно важным и результативным способом коммуникации. Существование и функционирование любой культуры есть способ осуществления коммуникативных связей различного масштаба и уровня, это связь между различными субъектами (этнoсами, нациями, цивилизациями, социальными группами, поколениями, индивидами). Межкультурная коммуникация проявляется в форме межличностной коммуникации. Процесс взаимодействия культур диалогичен по своему характеру, как и процесс преемственности. Содержательная сторона диалога культур заключается в коммуникации и обмене смыслами и культурными ценностями, которые закреплены в форме традиций. Если культурный контакт приводит к взаимопониманию сторон, то осуществляется заимствование элементов чужой культуры, способов деятельности, ценностей, знаний, если понимание не достигнуто, чужая культура отвергается. Следует помнить, что субъект заимствования не всегда бывает в состоянии адекватно и органично освоить новшества, привнесенные из другой культуры, что, в свою очередь, может привести к кризису в различных областях общественной жизни.

Заимствованное новшество может не только не соответствовать уровню развития субъекта заимствования, но и подвергаться коренной трансформации, обретать новые культурные конфигурации, порой принципиально отличаясь от объекта заимствования. В этом случае в культуре-реципиенте нарушается культурная преемственность. Примером такого рода заимствования в XX столетии может служить освоение и практическое воплощение идей марксизма в России, построение социализма в государствах Азии и Африки и т. п.

Взаимодействие культур имеет диалоговый режим. Диалог подразумевает равноправие партнеров и имеет ценностную природу. Это всегда обмен идеями, смыслами. Культура в качестве информации существует на уровне процесса, она бесконечно изменяется и выступает фоном для самоопределения человека, генезис и существование смысла связаны с субъектом, его отношением к миру и самому себе. Культура обладает смысловым потенциалом, который заложен в нее человеком, а челове-

ская деятельность и бытие определяются смыслом. Диалог по своей природе – это обмен смыслами.

Взаимодействие культур раскрывает динамичный характер социокультурных процессов, культура рассматривается в современных исследованиях не как объект, а как процесс, т. к. «изменение присуще самой природе вещей» (Альфред Н. Уайтхед). Место системно-организационных моделей общества заняла альтернативная модель, заключающаяся в признании того, что общество, группа, организация представляют собой не «жесткую» систему элементов, а «мягкое» поле взаимоотношений. В культурологии особое место занимает изучение культурной динамики, под которой понимаются изменения внутри культуры и взаимодействия разных культур, имеющие направленный и целостный характер, в отличие от более широкого по содержанию термина «культурные изменения». «Культурная динамика» – это изменения, имеющие характер упорядоченности и направленности. Взаимодействие различных, в том числе и национальных, культур, безусловно, входит в число факторов, определяющих культурную динамику в целом. Национальное государство или этническая группа рассматривается не в качестве реального объекта, а как постоянные процессы организации и реорганизации, группировки и перегруппировки, как изменчивые «фигуры», а не жестко сконструированные модели. Причиной культурных изменений является реальная деятельность людей, совокупность множества предпринятых индивидуальных действий. Взаимодействие культур, представляя собой определенные функциональные отношения, выделяется как вид культурной динамики, в основе которой лежат не идеи и желания людей, а необходимость адаптации, приспособления людей, общества к постоянно меняющимся условиям существования, жизнедеятельности.

Если же мы попытаемся оценить результаты взаимодействия культур, то столкнемся с тем, что критерии безусловно положительного или негативного влияния культур в рамках краткосрочной перспективы отсутствуют. Любое взаимодействие культур вызывает целый комплекс последствий, характер которых, как правило, можно оценить лишь по прошествию многих лет, конечно, за исключением тех случаев, когда одна культура оказывает очевидно негативное влияние, приводящее к исчезновению другой культуры. В любом случае, инновации, привнесенные доминирующей культурой, оказывают значительное влияние на развитие культуры, с которой они взаимодействуют.

нирующей культурой, необходимо оценивать с точки зрения адаптации культуры-реципиента к изменяющимся условиям жизнедеятельности.

С помощью системы защитных механизмов культура сопротивляется инокультурному воздействию, идущему вразрез с культурными традициями и содержанием культурного ядра. Если же наблюдается необходимость внесения изменений в цели и способы своей жизнедеятельности, а опыт иной культуры может помочь в творчестве необходимых культурных форм, то инокультурное воздействие осознается как необходимое для трансформации культуры.

Результативность воздействия культуры донора на культуру реципиента определяется следующими факторами:

а) сложностью и степенью дифференциации культуры-реципиента. Чем больше в культуре специализированных областей, уровней, ступеней, единиц культурной активности, чем более развита система морали, религии, искусства, права, философии, художественной культуры, тем легче происходит адаптация нововведений, не входя в противоречие с культурным ядром;

б) длительностью контакта. Более длительный мирный контакт культур приводит к более органичному, постепенному принятию новых культурных элементов, в противном случае межкультурное взаимодействие может привести к культурному шоку;

в) политическими условиями культурного взаимодействия. Если они развиваются в ситуации господства и подчинения, то возникает протест и борьба за независимость общества, поставленного в условия угнетения, колонизации и т. п.

Взаимодействие культур со сходной духовной шкалой ценностей происходит более успешно, чем между культурами, нуждающимися, в силу различий, в длительном налаживании взаимопонимания.

Что же касается межнациональных отношений, то их гармонизации могут содействовать следующие меры: равенство статусов, единство целей, зависимость от сотрудничества, а не от соперничества, позитивная поддержка обеих сторон властями, законом, обычаем, т.е. придание интересам сторон легитимности.

Библиографические ссылки

1. Николаев, В. Г. Аккультурация // Культурология. XX век: словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 20.
2. Артановский, С. Н. На перекрестке идей и цивилизаций. – СПб., 1994. – С. 15–16.
3. Malinowski, B. The Dynamics of Culture Change / An Inquiry into race relations in Africa. – New Haven, 1945. – P. 11, 71.
4. Малиновский, Б. Научные принципы и методы культурного изменения // Антология исследований культуры. – СПб.: Университетская книга, 1994. – Т. 1.: Интерпретация культуры. – С. 377.
5. Билз, Р. Л. Аккультурация // Антология исследований культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – Т. 1: Интерпретация культуры. – С. 349.
6. Там же. – С. 35.
7. Билз, Р. Л. Аккультурация // Антология исследований культуры. – Т. 1: Интерпретация культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 365.
8. Аванесова, Г.А. Взаимодействие культур // Культурология. XX век.: словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 71.

Д. В. Думанский

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ЛИНЕЙНАЯ И МНОГОЛИНЕЙНАЯ МОДЕЛИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МАКРОДИНАМИКИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В современном мире идет поиск новых путей развития, новых аксиологических ориентиров, способных обеспечить стратегию выживания человечества. Этот поиск обнаруживает себя в различных сферах – в науке, в искусстве, в религии и философии. В данном контексте проблемы взаимоотношения человека и мира, взаимопроникновения и взаимодействия культур, основанных на совершенно различных традициях, приобретают особую значимость. Не случайно проблема диалога культур является столь актуальной в наши дни. Однако решение данной проблемы во многом зависит от того, какую модель социокультурной макроди-

намики мы считаем верной, в рамках какой научно-исследовательской программы мы работаем. Остановимся на этом тезисе подробнее. Для этого рассмотрим две модели социокультурной макродинамики – линейную и многолинейную, а также попытаемся определить состоятельность постановки проблемы диалога культур в контексте этих научно-исследовательских программ.

Линейная модель социокультурной макродинамики представлена рядом теорий. Наиболее полное и последовательное свое выражение она находит в классическом культурном эволюционизме, который представлен такими именами, как Г. Спенсер, О. Конт, Дж. Мак-Леннан, Э. Тайлор, Дж. Фрезер, А. Бастиан, Л. Г. Морган и др. Определяющей чертой теорий классического эволюционизма является их ориентация на линейную модель в развитии культуры. Для данной модели характерна ориентация на идею единообразия развития культур, из чего и вытекает тезис о прямой однолинейности этого развития – от простого к сложному, от низшего к высшему и т. д. Это развитие постоянно и необратимо. Принцип эволюции прекрасно иллюстрирует выражение Тайлора «В целом представляется, что в тех случаях, когда мы наблюдаем развитые искусства, тайные знания, разветвленную систему общественных институтов, – все это является результатом постепенного развития ранних, более простых и грубых форм жизни. Ни одна стадия развития цивилизации не возникает сама по себе, но вырастает или развивается из предыдущей стадии» [1, с. 538.]. При этом утверждается наличие магистрального эволюционного пути развития культур, который является образцом прогресса. Другие же, менее развитые культуры, находятся на периферии эволюции, но и они, по мнению Тайлора, должны пройти примерно те же стадии в общекультурном развитии, что и цивилизованные страны, – от невежественного состояния к просвещенному. Принцип эволюции является универсальным. Тайлор распространяет его на все области культуры – от орудий труда до религиозных форм.

Во Франции эволюционизм формировался в рамках социологии и связан с работами О. Конта, которого часто называют «отцом социологии». Линейно-прогрессивная модель развития является базовой для контовской социологии. И здесь нужно отметить, что взгляды Конта и Тайлора на социокультурную эволюцию практически не различаются. Так, Конт пишет: «Каждая социальная инновация имеет свои корни в про-

шлом; от самых примитивных этапов в жизни дикаря тянется цепочка всех последующих улучшений» [2, с. 59]. И снова магистральная линия прогресса. В развитие общества О. Конт выделяет три стадии: теологическую, метафизическую и позитивную. Основой развития является эволюция человеческого разума. Теологическая стадия характеризуется антропоморфизмом. Люди осваивают мир, уподобляя его своим собственным свойствам, мыслят в категориях трансцендентных существ. Эволюционный предел этой стадии – переход от политеизма к монотеизму. Вторая, метафизическая, ступень характеризуется деперсонализацией всех трансцендентных существ, и заменой их абстракциями. Т. е. божества становятся субстанциями. Предел этой ступени – замена разнообразных существ одной, например, природой. На третьей, позитивной, ступени достигается высшее знание. Появляется возможность мыслить в категориях причинно-следственных связей. Теперь законы видятся в неизменных отношениях последовательности и подобия явлений. Однако по Конту это не есть предел эволюционной стадии. Он считает, что наука должна стремиться к «глубинному» казуальному объяснению всех явлений. Т. е., по аналогии с предыдущими стадиями, наука должна стремиться свести число естественных законов, которым подчиняются все явления до определенного минимума. Каждая стадия умственной эволюции имеет свои социальные, экономические и культурные характеристики. Так, теологическая ступень является авторитарной и военной, метафизическая – легистской и церковной, а позитивная ступень характеризуется научно-промышленной активностью и прагматичностью. Три ступени умственной эволюции человечества являются одновременно фазами, или этапами, развития современного человека. При этом порядок этих этапов строго необходим, он вытекает, согласно Конту, из самой природы человеческого разума. От стадии к стадии реализуется главная цель всей жизни человека, личной и общественной, – постоянное улучшение и совершенствование человеческой природы. Человеческая природа включает в себя чувство, разум и деятельность. В позитивном обществе эти три начала находятся в гармонии, взаимно укрепляя друг друга. Однако полноценное единство человеческой природы, по мнению Конта, должно обеспечиваться четырьмя началами. Четвертое есть великое понятие Человечества, заменяющее Бога. Конт уверен, что «постоянное поклонение человечеству воспламенит и очи-

стит все наши чувства, возвысит и осветит наши мысли, облагородит и украсит все наши действия» [2, с. 60]. Таким образом, можно говорить, что речь идет о новой религии Человечества. Однако это не современное Конту человечество, речь идет скорее об идеальном объекте, о совокупности наиболее достойных представителей человеческого рода, мертвых и живых, культ которых должен послужить примером для дальнейшего прогрессивного социокультурного развития.

Иным содержанием обладает линейно-прогрессивная модель в работах Г. Спенсера. Основа эволюции, с его точки зрения, это процесс усложнения общества, усиление его дифференциации, в отмирании неприспособленных социальных институтов, культур и процветании приспособленных. Сущность эволюции в переходе от однородного к разнородному. Спенсер делает акцент не на том, что изменяется в процессе эволюции, а на том, почему происходят социальные перемены и почему в обществе возникают конфликты и катаклизмы. Для Спенсера общество и культура есть сверхорганизм, который, однако, развивается также, как и все остальные организмы. Развитие начинается с количественного роста, увеличения числа элементов культуры. Далее эти элементы начинают выполнять специфические функции и становятся все более непохожими, происходит процесс дифференциации. И тогда возникает потребность в интеграции, в объединении разнородных частей в единое целое. Причина эволюции, по Спенсеру, заключается в том, что любое изменение сопровождается более чем одним изменением. Постоянно множась цепочки изменений и обеспечивают прогресс, увеличивая разнообразие социокультурной реальности. Таким образом, Спенсер приходит к следующей мысли: «прогресс не есть ни дело случая, ни дело, подчиненное воле человеческой, а благотворная необходимость» [2, с. 64]. Нетрудно заметить, что для эволюционистов характерно выводить идею линейно-прогрессистского развития из сути самой человеческой природы. Безусловно, рассмотренные здесь примеры не являются исчерпывающими, однако суть линейной модели социокультурной макродинамики они отражают довольно ясно. Более того, рамками эволюционизма идея линейного развития культуры вовсе не ограничивается. Достаточно вспомнить К. Маркса и Г. В. Ф. Гегеля, в основе их воззрений на социокультурную динамику лежит линейная модель. Содержание теорий, в основе которых лежит идея линейного развития, может отли-

чаться, они могут быть по-разному детерминированы. Однако суть остается неизменной – наличие магистральной линии развития человечества, ее целесообразность, и, главное, – наличие шкалы оценки в категориях «развитый – менее развитый». Популярность этого подхода в XIX в. была очень высока. Так, например, П. Сорокин пишет: «Находясь во власти таких линейных представлений о социокультурном изменении, большинство социологов и ученых-обществоведов XIX в. сводили изучение динамики социокультурных явлений даже в чисто фактографических исследованиях главным образом к выявлению и определению различных линейных тенденций, последовательных стадий развития, исторических тенденций и законов эволюции исследуемых явлений» [3, с. 374]. Так или иначе, популярность данной модели исторического развития обусловила идеологию европоцентризма, влияние которой мы испытываем и по сей день.

Другая, не менее развитая, модель социокультурной макродинамики – многолинейная. Данная модель предполагает существование нескольких линей развития культур, заданных самобытными цивилизациями. Линии могут располагаться хронологически и параллельно. Соответственно, возможны исторические периоды, когда несколько самобытных культур развиваются одновременно, и ведущей может стать линия, игравшая ранее второстепенную роль. Принято считать, что само понятие многолинейного развития возникло в среде неозволюционистов и с Дж. Х. Стюардом, который предложил различать однолинейную, универсальную и многолинейную эволюцию [1, с. 552]. Стюард позиционирует себя как приверженца многолинейной эволюции. Он читает, что закономерности исторических изменений нужно изучать на различных культурах, а не на единственной, всеобщей культуре человечества. Культуры рассматриваются как дискретные протяженности, которые занимают различные экологические ниши и приобретают определенные формы, адаптируясь к тем или иным условиям [4, с. 154]. Центр внимания переносится на различия между культурами, которые выявляются в ходе сравнительных исследований. Эволюционное развитие, считает Стюард, характерно для культуры в целом, однако в каждом случае процесс протекает по-своему, подчиняясь действию специфических механизмов. Следовательно, эволюционные изменения многолинейны. Однако, при всем многообразии эволюционных изменений и эволюционных линий, в основе их, считает Стюард, можно выделить несколько общих

причин. На первый план здесь выходят технико-экономические факторы, которые чаще всего играют определяющую роль в развитии той или иной культуры (хотя эти факторы и не носят строго обязательного характера для всех типов культур). Культурная основа, по мнению Стюарда, это совокупность черт, тесно связанных с поисками средств к существованию и экономическими установками. Она имеет также социальные, политические и религиозные аспекты, связь которых с этими установками в той или иной культуре определяется эмпирическим путем. Другие черты могут быть чрезвычайно разнообразными. Они обусловлены сугубо культурно-историческими факторами – случайными новациями или заимствованием культурных образцов, но именно они обуславливают внешние различия культур со сходной основой [4, с. 155]. Многолинейная модель развития, на наш взгляд, характерна не только для школы мультилинейного эволюционизма. Она также лежит в основе теорий А. Тойнби, Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера. Традиционно их относят к циклическим теориям, однако мы предполагаем, что речь идет, скорее, о многолинейном типе развития человеческой истории. Попробуем аргументировать это предположение. Модели социокультурной макродинамики должны абстрактно описывать то, каким образом развивается человеческая культура в целом. Как мы уже выяснили, однолинейная модель является таковой, поскольку предполагает наличие магистральной линии развития – от простого к сложному. Если говорить о том, что история развивается циклично, необходимо, чтобы ее магистральное развитие описывалось строго циклично. Такое описание социокультурной макродинамики мы можем обнаружить у Дж. Вико. Цикл у Вико составляют три фазы, последовательно сменяющие друг друга – «Век богов», «Век героев» и «Век людей». Каждая фаза обладает собственной содержательной характеристикой. Таким образом, когда «Век людей» заканчивается, снова наступает «Век богов», далее – «Век героев» и снова – «Век богов». Социокультурная макродинамика действительно предстает в виде циклического развития. Схожую модель мы можем обнаружить у П. А. Сорокина, у Р. Ю. Виппера и других [5]. Что же касается, например, теории Данилевского или Тойнби, то они предполагают развитие человеческой истории по нескольким направлениям или линиям, эти теории принципиально отличаются от теорий Дж. Вико, П. А. Сорокина и др. Так, Данилевский писал, что «Прогресс состоит не в том, чтобы

всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях, ибо доселе он таким именно образом проявлялся» [5, с. 87]. При этом Данилевский отказывался воспринимать социокультурную макродинамику как процесс общеисторический, никакой магистральной всеобщей линии в истории он не видел. Однако он и не отрицал возможность доминирования того или иного культурно-исторического типа в определенный период времени. Основной причиной, на наш взгляд, по которой теории подобного ряда относят к циклическим, является то, что каждый культурно-исторический тип проходит несколько обязательных стадий – зарождение, расцвет, упадок, смерть (вариации могут быть различные). Эти фазы иногда называют циклами, иногда циклом называют последовательность стадий [4, с. 191–192]. Однако является ли это достаточным основанием говорить о теориях подобного рода как о циклических? Ведь ни Данилевский, ни Шпенглер, ни Тойнби не рассматривали социокультурную макродинамику как процесс последовательно сменяющихся друг друга фаз, обладающих определенной содержательной характеристикой. Просто линии развития культур не бесконечны, однако этот факт недостаточен для того, чтобы их называть циклами. Иначе теорию Спенсера, например, можно было бы назвать концепцией глобального цикла. Потому как у Спенсера развитие культуры ограничивается стадией «культы Человечества». Более того, поступательное движение того или иного культурно-исторического типа является еще одним аргументом в пользу того, что мы имеем дело именно с линией развития. Так, например, Данилевский пишет: «Поэтому, собственно говоря, только внутри одного и того же типа, или, как говорится, цивилизации, – и можно отличать те формы исторического движения, – которые обозначаются словами: древняя, средняя и новая история. Это деление есть только подчиненное, главное же должно состоять в отличении культурно-исторических типов, так сказать, самостоятельных, своеобразных планов религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития» [5, с. 68]. Таким образом, модель социокультурной макродинамики, которая лежит в основе теорий Данилевского, Шпенглера, Тойнби, не отличается принципиально от модели, предложенной Стюардом. Итак, поскольку, основной целью данной работы не является дока-

зательство того, что в основе теорий Данилевского, Шпенглера, Тойнби лежит многолинейная модель развития культуры, далее развивать это предположение не имеет смысла. Думается, приведенных аргументов достаточно хотя бы для того, чтобы данный тезис можно было воспринимать как гипотетичный.

Возвращаясь к проблеме диалога культур, попытаемся определить ее состоятельность в рамках той или иной научно-исследовательской программы. Что касается модели однолинейного развития культур, может показаться, что она не столь актуальна сегодня. Однако это не совсем так. Достаточно обратиться к такому известному мыслителю как, Ф. Фукуяма, который положил данную модель в основу своей работы «Конец истории и последний человек». Чтобы как-то проиллюстрировать это утверждение, обратимся к его собственным словам, которыми он оценивает свой труд. Так, Фукуяма пишет: «Хотя данная книга наполнена последними мировыми событиями, тема ее возвращает нас к очень старому вопросу: действительно ли в конце двадцатого столетия имеет смысл опять говорить о логически последовательной и направленной Истории человечества, которая, в конечном счете, приведет большую часть человечества к либеральной демократии? Ответ, к которому я пришел, утвердительный...» [6, с. 9–10]. Ссылаясь на авторитет Гегеля и Маркса, Фукуяма пришел к выводу, что существует два объективных фактора, обеспечивающих эволюцию человеческого рода, – экономический и, так называемая, «борьба за признание». Речь идет о признании человеческого достоинства. По мнению Фукуямы, идеальная реализация этих двух человеческих устремлений возможна лишь в рамках либеральной демократии, которая уже достигнута в «развитых» обществах. Таким образом, возникает вопрос, возможен ли диалог между культурами? М. М. Бахтин считает, что «при диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [7, с. 360]. Думается, что такая форма диалога просто невозможна в рамках линейной модели социокультурного развития. А если и возможна, то только на ранних стадиях формирования культуры как таковой. Может ли состояться диалог между «примитивными» формами культуры и «развитыми»? Скорее речь может идти только лишь об экспансии. А между двумя развитыми культурами? В чем необходимость такого диалога, если они являются, по

сути, одними и теми же формами культур. Несостоятелен диалог и в рамках европоцентризма, в основе которого также лежит однолинейная модель социокультурной макродинамики. Однако идеология европоцентризма сегодня также актуальна, как и в XIX в. Так, С. Кара-Мурза пишет: «Европоцентризм, получивший мощную идеологическую поддержку от науки (в виде дарвинизма), широко распространился в XIX в. Но основные его положения остались неизменными и сегодня» [8, с. 10]. Достаточно вдуматься в столь распространенное определение, как «страны третьего мира», чтобы понять, что представления об однолинейном развитии культуры сегодня весьма актуальны. Когда внешняя политика основана на подобных взглядах, культурного диалога как такового не может быть. Вспомним, каким путем Америка приобщала к своим культурным достижениям Ирак. Безусловно, данная ситуация ни сколько не опровергает положения теорий в основе которых лежит представление об однолинейном развитии. Основная мысль заключается лишь в том, что исходя из основы подобного ряда теорий, идея диалога культур логически трудно выводима. Конечно, эта проблема, как и некоторые другие, поднятые в данной работе, требует более детального исследования, поэтому здесь они носят исключительно постановочный характер. Что же касается рассматриваемой проблемы, то ее решение возможно в рамках многолинейного подхода. Когда в основе лежит представление о самобытности и разнообразии культур, о специфических механизмах их развития, действительно возможно говорить о взаимобогащении в процессе диалога. Ведь чему-то научиться можно лишь у того, кого действительно ценишь и уважаешь или, хотя бы, осознаешь его уникальность. Таким образом, мы предполагаем, что проблема диалога культур, так или иначе, зависти от того, какую модель культурно-социальной макродинамики мы воспринимаем как объективную.

Библиографические ссылки

1. Уайт, Л. Концепция эволюции в культурной антропологии // Антология исследований культуры. – СПб: Университетская книга, 1997. – Т. 1: Интерпретация культуры. – С. 559–591.
2. Гречко, П. К. Концептуальные модели истории. – М.: Логос, 1995. – 141 с.

3. Сорокин, П. А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. – М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 1996. – С. 372–392.

4. Штомпка, П. П. Социология социальных изменений / пер. с англ., под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.

5. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 574 с.

6. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. – М.: АСТ: ЗАК НПП Ермак, 2004. – 588 с.

7. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, – 1986. – 445 с.

8. Кара-Мурза, С. Г. Европоцентризм – эдипов комплекс интеллигенции. – М.: Алгоритм, 2002. – 256 с.

Е. А. Троценкова

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИННОВАЦИЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ

Одной из самых популярных тем в современном научном сообществе является тема глобализации. При анализе литературы, затрагивающей данное явление, обнаруживается широкий спектр направлений социально-гуманитарного знания, изучающих феномен глобализации, и тенденция постоянного расширения посвященного ему научного дискурса. Это связано с тем, что в XXI в. человечество оказывается в принципиально новой конкретно-исторической реальности, становление которой достигло того момента развития, когда она делается очевидной абсолютно всем. Так, З. Бауман, пишет, что глобализация есть «необратимый процесс, в равной степени и равным образом затрагивающий каждого человека» [1].

Этот факт делает востребованным осмысление глобализации в ракурсе социокультурной парадигмы. Именно социокультурный аспект глобализации получает все большую степень актуализации, помимо ее трактовки в русле экономико-политических взаимодействий, господствующей ранее [7].

Обращение глобализации как социокультурного процесса к инновационному измерению обусловлено следующим:

– во-первых, – особой ролью в современной постиндустриальной реалии самой инновации. Инновация сегодня сознательно продуцируется обществом и культурой, и предстает как своеобразный «регулятив», некое формообразующее начало социокультурного развития, если не полностью вытесняющее в этом качестве традицию, то, по крайней мере, доминирующее над ней;

– во-вторых, – спецификой данного феномена. Особенность инновации такова, что, возникая в общественно-культурной среде, она вызывает широкий резонанс и образует явления и процессы, трансформирующие реалью.

Радикальные инновации последних лет связаны с информационно-технологической революцией, во многом определившей глобализационные процессы. Помимо персонального компьютера и различных микропроцессорных технологий, к их числу относится мобильная телефонная связь, электронная почта, глобальная информационно-коммуникативная сеть Интернет, спутниковое телевидение и т. д.

Возникшие в производственной сфере первичные информационно-технологические и информационно-коммуникативные инновации, постепенно распространились на остальные области жизнедеятельности и спровоцировали инновационные процессы в области культуры в целом, среди которых – такие, как информатизация, виртуализация и др. В данном контексте глобализация предстает инновационным процессом, который в ходе своего становления трансформирует общественно-культурную среду [7].

Для аргументации этого утверждения раскроем предпосылки возникновения глобализации в социокультурной среде и обоснуем в качестве его основы информационно-технологические инновации, рассмотрим становление глобализации и определим характер изменений, проистекающих от данного явления в различных сферах культуры, выявим специфику глобализации как современного социокультурного инновационного процесса.

Установим причину актуализации в социокультурной среде конца XX столетия дискурса глобализации, а также вскроем связи, объеди-

няющие данный процесс с информационно-технологической революцией и последующей чередой информационно-коммуникативных инноваций.

Во второй половине XX столетия в рамках общечеловеческого общества происходит ряд объективных общественно-культурных трансформаций, которые выдвигаются различными исследователями в качестве предпосылок глобализации. К их числу относят:

– В социально-экономической сфере – возникновение мощных транснациональных корпораций, которые сегодня являются главными действующими лицами не только на мировой экономической, но и политической сценах. Согласно У. Беку, глобализация включает в себя процессы, в которых «национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных факторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности» [2].

– В политической сфере – развал СССР и трансформация развития ряда государств Восточной Европы, что обусловило утверждение на геополитической мировой арене лидерство США. «Рассматривая процесс глобализации, – пишет В. Л. Иноземцев, – мы можем констатировать, что к началу XXI в. в него в той или иной степени было вовлечено практически все человечество» [4].

– В научно-технической сфере – информационно-технологическая революция, появление компьютера, новых коммуникативных технологий, образование глобальной сети Интернета. Глобализация определяется как объективное явление, обусловленное технологической революцией в сфере информатики и телекоммуникаций.

– В мировоззренческой сфере – крах западноевропейской Нововременной парадигмы, опирающейся на объективные рациональные основы. Воцарение постмодерна, основообразующим принципом которого провозглашается плюрализм. А. И. Шендрик подчеркивает, что глобализация есть «комплекс процессов..., которые развернулись в последнее десятилетие как следствие перехода абсолютного большинства стран “фаустовской цивилизации” на принципиально новую стадию их развития» [5].

– В производственной сфере – переход западноевропейского общества от индустриализма к постиндустриализму, технико-технологический базис которого составляют информационные инновации, связанные с информационно-технологической революцией. Так,

М. Г. Делягин определяет глобализацию как «процесс лавинообразного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых преимущественно компьютерных технологий» [3].

При рассмотрении глобализации в социокультурном аспекте мы считаем, что ни одно из обозначенных обстоятельств не может абсолютизироваться и выдвигаться в качестве единого предпосылочного условия глобализации как социокультурного процесса, а должны приниматься во внимание в своей совокупности. И если учитывать все выделенные факторы, то нельзя не согласиться с Н. В. Тишуниной, которая определяет глобализацию как объективный этап развития мирового сообщества, оказывающегося в состоянии транснациональных, трансконтинентальных и транскультурных связей [8].

Мировое сообщество уже давно существует в системе международных связей, и решающим фактором в объективации данного процесса выступило образование глобальной инфраструктуры, вызванной современными информационно-коммуникативными инновациями и, в частности, Интернетом. И именно информационно-коммуникативные инновации, путем трансформации пространственно-временных границ мирового универсума становятся средством реализации социокультурного процесса глобализации и, более того, делают его реально ощутимым для каждого. Следовательно, мировое сообщество переходит в качественно новое состояние, и глобализация предстает, прежде всего, инновационным процессом, основополагающим базисом которого выступают инновации. При этом как инновационный процесс глобализация трансформирует общественно-культурную среду.

Анализ современного научного дискурса глобализации и ее становления в социокультурном континууме раскрывает двуполярность протекания данного явления, характеризуемого интеграцией и унификацией. Как унификация, процесс глобализации проявляется, прежде всего, в культурном плане, где происходит объективный процесс «американизации» и стирания культурно-национальных особенностей; а как интеграция, данный процесс реализуется в общественном плане, где посредством единого финансового рынка, усиления роли межнациональных и транснациональных политических факторов идет оформление

единого мегаобщества. Как интеграционный процесс глобализация начинается свое становление в сфере мировой экономики.

Процесс глобализации, первоначально формирующийся в среде экономико-финансовых отношений, постепенно начинает проявлять себя не только в экономике, но и в других сферах общества. Так, в политике формируется глобальная международно-политическая система. Происходит изменение социальной роли и суверенитета национальных государств. Межправительственные и неправительственные международные организации, транснациональные корпорации, международная политическая элита, центры мировой информации, наряду с государствами, становятся важными субъектами мирового политического процесса. В сфере производства, с приходом и доминированием транснациональных компаний, производственный процесс территориально разделяется по всему миру, и производственные структуры принимают форму глобальной сетевой организации [7].

Всеохватность интеграционных процессов глобализации позволяет исследователям определять ее как главную приметку нашего времени и трактовать в качестве новой ступени интернационализации всех сторон общественной жизни. Наряду с этим, одним из животрепещущих на сегодняшний момент вопросом глобализации становится провоцируемый данным явлением процесс унификации культуры. Культура, в данном случае, понимается как самобытная исторически сложившаяся система ценностей, норм, обычаев, поведенческих стереотипов отдельной нации.

Осмысление данного вопроса происходит в ракурсе американизации и вестернизации локальных культур под воздействием глобализации, выражающей интересы и культуру, прежде всего, геополитического лидера, которым, после распада Советского Союза, является США. Как отмечает в своей работе отечественный исследователь В. А. Кутырев, в глобально целостной системе этносы не обогащают друг друга, а взаимопоглощаются, культуры не получают импульс для самораскрытия, а нивелируются, страны не коэволюционируют, сотрудничая, а унифицируются. Везде то же самое надевают, едят, пьют, поют, везде Диснейленд и Макдональдс» [5].

Одна из острых проблем глобализации сегодня – это проблема сохранения, наряду с процессом социокультурной унификации, многообразия культур, взаимоотношений и сосуществования отдельных культурно-

исторических общностей. Выделяемая опасность культурной унификации, «американизации» и вестернизации, т. е. утверждения в качестве всеобщих культурных универсалий системы ценностей западноевропейской культуры, активно внедряющихся посредством широкого распространения СМИ, порождают такое общественно-культурное движение как антиглобализм. Вместе с этим сегодня широкую пропаганду в СМИ приобретают идеи культурной толерантности и мультикультурализма как особой практики и политики бесконфликтного сосуществования в одном жизненном пространстве множества разнородных культурных групп.

Таким образом, начав свое становление с утверждения в социокультурной среде информационно-коммуникативных инноваций, глобализацию как процесс характеризует чрезвычайно быстрая прогрессия в движении, которая также проявляется и в широте охвата различных срезов современной жизнедеятельности: экономического, политического, социального, культурного. Вместе с тем, общественно-культурный резонанс в целом и явное прослеживание в различных социокультурных сферах трансформаций и переориентация их практик, вызванных становлением процесса глобализации, делает очевидным инновационный характер последнего.

Глобализация, понимаемая как интернационализация международных хозяйственных систем и прочих культурно-общественных связей, отнюдь не новость в истории человечества. И подтверждение этому мы найдем в работах исследователей, которые рассматривают процессы глобализации, начиная с древнего мира; колониальных завоеваний Западной Европы и эпохи Великих географических открытий (В. Л. Иноземцев); возникновения глобальных связей начала XIX столетия (А. С. Панарин), их утверждение на рубеже XIX–XX вв. (А. И. Уткин). Приводя исторические факты многие из них, вместе с этим, отрицают как специфическую роль в утверждении глобализации информационно-технологических инноваций, так и саму «инновационность» данного процесса.

Выражаемое подобным образом скептическое отношение понятно, поскольку мы давно уже живем в мировом обществе, в том смысле, как справедливо замечает У. Бек, что «представление о замкнутых пространствах превратилось в фикцию. Ни одна страна или группа стран не может отгородиться друг от друга» [2].

При подробном анализе современных социокультурных трансформаций, по нашему мнению, следует занять позицию, согласно которой, во-первых, глобализация является современным инновационным процессом, и, во-вторых, решающая роль в становлении современных глобализационных процессов приписывается именно информационно-технологической революции и расходящимся от нее в культурно-общественной деятельности инновационным волнам, следствием которых стало сжатие пространства и времени.

Подводя черту в анализе инновационного ракурса социокультурного процесса глобализации, представим следующие выводы.

Глобализация – это социокультурный инновационный процесс, имеющий в качестве своего основания и средств реализации информационно-коммуникативные инновации, который в ходе своего становления трансформирует общественно-культурную среду.

На современном этапе развития глобализация как единый процесс объективирует себя в двух взаимосвязанных аспектах: интеграционном и унификационном, которые, если конкретизировать, можно определить как общественную интеграцию и культурную унификацию.

Формируемое сегодня мировое сообщество – это отнюдь не межнациональное сообщество, вбирающее в себя и ликвидирующее все национальные культуры, а, прежде всего, «отмеченный многообразием и не поддающийся интеграции мировой горизонт, который открывается тогда, когда создается и сохраняется в коммуникации и действии» [2].

Процесс социокультурной глобализации еще только начал свое становление, и в его определении не стоит упускать из вида и не придавать существенного значения такому порождаемому им же и стремительно набирающему обороты в своей прогрессии общественно-культурному феномену как антиглобализм. Как замечает Н. А. Неклесса, «многозначный и многомерный в своем естестве антиглобализм – часть какого-то гораздо более широкого феномена, мутант и пионер новой «неопознанной культуры», его корни в «молодом, незнакомом» племени Нового мира – плеяде разнообразных сетевых организаций» [6]. И, следовательно, будущее современной глобализации, прежде всего как культурного процесса, скрывается за ним и сетевой основой социокультурного взаимодействия.

Библиографические ссылки

1. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2004. – С. 9.
2. Бек, У. Национальное государство утрачивает суверенитет // Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста: сб. / сост. А. Ю. Ашкерова – М.: АСТ: ЗАО НПП Ермак, 2004. – С. 50.
3. Делягин, М. Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: курс лекций. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 768 с.
4. Иноземцев, В. Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – Режим доступа: <http://deja-vu4.narod.ru/Globalization.html>
5. Кутырев, В. А. Культурологический смысл глобализма. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/kutyrev/globalism.html>
6. Неклесса, Н. А. Неопознанная культура / раб. мат-лы науч. совета по проблеме мировой культуры при Президиуме РАН, препринт 30.10.2001. – М: РАН. – С. 7.
7. Теркина, А. В. Глобализация в зеркале инноваций // Представительная власть-XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – М, 2006. – № 4 С. 44–46
8. Тишунина, Н. В. Современные глобализационные процессы: вызов, рефлексии, стратегии // Глобализация и культура: аналитический подход. – СПб.: Янус, 2003. – С. 5–24.

В. Н. Порхачёв

Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ

Очевидным фактом для современного мирового сообщества стала необходимость решения так называемых глобальных проблем и связанных с ними все более усиливающихся негативных процессов. К глобальным проблемам человечества принято относить целый комплекс задач, не решаемых в силу их сложности и многозначности. Речь идет не только о климатических аномалиях, но и об элементарном биологическом выживании голодающих. Ситуация в мире подошла к своей критической точке: либо человечество каким-то образом находит решение глобаль-

ных проблем современности, либо исчезает само общество. Многочисленные бурные дискуссии на эту тему, ставшие в последнее время междисциплинарными, выявили тот факт, что вариантов решения глобальных проблем всего два: концепция устойчивого развития и ноосфера.

Известно, что понятие концепции устойчивого развития появилось в 1987 г. в докладе Г. Х. Брутланд, чему предшествовала работа Римского клуба – общественной организации, подробно исследующей глобальные проблемы. В 1992 г. в Рио-де-Жанейро прозвучал призыв ко всему человечеству сплотиться перед лицом глобальных проблем и попытаться решить их всем вместе с помощью концепции устойчивого развития общества, которая в последующем получила широкое распространение на разных общественных и политических уровнях. В 1996 г. концепция устойчивого развития принимается и в России.

В 2002 г. в Йоханнесбурге (ЮАР) проходит, по сути дела, последний саммит, посвященный этой проблематике. Затем интерес к концепции устойчивого развития слабеет в связи с политическими акциями США, единолично решившими проблему независимости некоторых стран. Концепция устойчивого развития в первоначальном своем виде, обозначенном в 1992 г., предполагала, что «ресурсов должно хватить не только нынешним, но и последующим поколениям». Т. е. человечество должно было добровольно принять в качестве образа жизни самоограничение и экономию, но результат на сегодняшний день получился обратный. Обвал процессов глобализации, навязывающих нормы потребления, привел к тому, что потреблять стали еще больше. А после 2003 г. появилось понимание того, что в концепции речь шла об американских поколениях, что именно им суждено использовать те мировые ресурсы, которые еще остались. Таким образом, из-за политических разногласий был приостановлен процесс формирования концепции устойчивого развития. Однако при ООН пока существует комиссия по устойчивому развитию, результатом деятельности которой являются регулярные отчеты о существовании устойчивого развития. Последний саммит по глобальному потеплению, проходивший в Копенгагене, призванный вернуть человечество к устойчивому развитию, не привел ни к каким результатам.

Ноосфера как концепция в настоящее время существует в виде неоформившегося фантома, так как, с одной стороны, о ней много говорят и пишут, а с другой, – говорят и пишут непонятно о чем. Идея ноосферы

появилась в начале XX в. и была озвучена Т. де Шарденом и В. И. Вернадским. Они говорили о том, что человечество – это уже геологическая сила, и, чтобы не разрушить планету, человеку необходимо понять себя, свое сознание, свои цели и эффективно вписаться в природу. Одни исследователи полагают, что ноосфера – это итог устойчивого развития, вторые считают её совершенно другим вектором эволюции. На наш взгляд, на сегодняшний день это два удачных концептуальных изобретения человечества с возможным проектным потенциалом. Цель статьи состоит в рассмотрении устойчивого развития и ноосферы с точки зрения их выполнимости.

Для того, чтобы говорить о проекте, необходимо разобраться с его исходным определением. Проект – это понятие, сейчас совершенно трансформированное и не дающее понимания сути. В современной трактовке понятие «проект» репрезентируется как программа по освоению определенных финансовых ресурсов в течение установленного временного отрезка. Мы будем понимать под проектом создание прообраза, предполагаемого либо возможного состояния объекта. Только при наличии понятного образа можно начинать проектирование, так как мы должны точно знать, что получится, как это примерно будет выглядеть, и как это возможно будет использовать. Нас будет интересовать совокупность признаков, которые при определенных обстоятельствах дали бы необходимое состояние объекта. Проект – это всегда будущее, возможность не просто предугадать, а рассчитать не только собственно объект, но и его функции и возможное социальное окружение. Методология, дающая возможность работать с обществом, с его сложной многоярусной системой, поведение которой невозможно предугадать, называется социальным проектированием.

Социальное проектирование возникло не только как способ конструирования исходного начального состояния социального объекта, но и как способ задания социальной реальности определенных параметров будущего состояния системы. Социальное проектирование является значимой социальной потребностью. Заданные свойства разрабатываемого социального проекта позволяют управлять социальными процессами. Социальное проектирование лежит на границе научно-теоретической и предметно-практической деятельности. Без социального проектирования невозможно осуществление поступательного развития общества.

Социальное проектирование ведет свою историю с возникновения проблемы создания крупных социальных объектов, когда ставились задачи создания не только некоторого объекта, но и всей инфраструктуры, связанной с ним. Данный процесс отличался сложностью и неопределенностью. Социальное проектирование – одна из форм социальной деятельности, которая способствует реализации в действительности некоторого прогноза, модели, сценария, плана или прообраза в виде их теоретического или практического осуществления.

Итак, можно сделать вывод о том, что социальное проектирование является оптимальным инструментом, регулирующим и гармонизирующим в социальной среде взаимоотношение процессов устойчивости и изменчивости. Возможность социального проектирования вытекает из динамической природы социальных явлений, так как формирование будущего в предпочитаемых конструктивных формах – это реальный социальный прогресс.

Возвращаясь к заявленной теме, мы предполагаем, что концепция устойчивого развития также является проектом, хотя и не вполне четко оформленным. Соответственно, можно сказать, что такого рода проектом может служить и ноосфера. Это предположение можно определить как достаточно спорное, но на сегодняшний день практически не существует проектов настолько объемных, как предлагаемые.

Устойчивое развитие как проект в качестве базовой цели имеет сохранение современного уровня потребления на более длительный срок. В этой связи особенное значение приобретают понятия «возможности» и «ресурсы». Данная концепция весьма экономична и не просматривает общество, человека и их окружение в перспективе. Априори предполагается, что концепция выступает в качестве реализационного потенциала в ликвидации системного кризиса. Сама возможность решения является проективной. Но все же устойчивое развитие – это борьба за ресурсы, а не за новые идеи. Как проект устойчивое развитие имеет всего одну плоскость: от прошлого к будущему, где через минимум понятий идет отображение сложных связей в системе «общество-природа». Поскольку не совсем понятно, что есть устойчивое развитие, в данный термин пытаются внести смыслы, связанные с распространением информации и технологических сетей, так называемую инфосферу, что, естественно, не

совсем корректно. Важно заметить, что природа как понятие в устойчивом развитии часто подменяется окружающей средой.

Ноосфера – проект объемный, предполагающий множественность действия и возможных вариантов решения. Кстати, определение ноосферы, в принципе, до сих пор непонятно. Нет ни четкого и ясного образа, ни, тем более, уже существующей и работающей модели. Ноосфера – это новая геологическая ступень развития природы, следующая за биосферой. Человек есть часть биосферы, и, если она изменяется, то, значит, изменяется и человек для того, чтобы встать на новую ступень эволюции. Вполне очевидно, что человек должен стать иным по отношению к себе современному. Вектор подчинения сил природы исчерпан, необходимо другое направление развития. Управлять человечеством возможно, но преступно управлять природой, так как природа сложнее любой человеческой мысли. Человек должен вписаться в природу, стать гармоничной её частью.

Примеры, которые мы позволим себе привести ниже, являются современным видением проектной проблематики. Имеется достаточно обширная литература и по устойчивому развитию, и по ноосфере, поэтому подробно описывать историю нет нужды. Нас интересует именно реализационный аспект, к решению которого исследователи подходят различными путями, едины они в одном – в необходимости начинать работать над неосуществленными проектами.

Существует следующая точка зрения, которая основывается на том очевидном положении, что ноосфера – это планетарный проект [1, 2]. Предполагается, что проект содержит в себе следующие принципы: 1. социальное равенство всех рас, религий и государств; 2. активная народная дипломатия и гражданский контроль официальных межгосударственных организаций; 3. формирование и налаживание деятельности надгосударственных институтов цивилизации; 4. всемерное содействие разработке, финансированию и осуществлению социальных, экологических, экономических и политических планетарных проектов и программ гармоничного развития Земли.

Инфраструктура всемирного планетарного управления может включать следующие институты.

1. Духовно-идеологические институты

1.1. Всемирная Академия Наук;

1.2. Всемирное информационное образовательное пространство (система);

1.3. Всемирный Совет Церквей.

2. Политические институты

2.1. Модернизированная ООН;

2.2. Всемирный Парламент;

2.3. Континентальные парламенты (Европарламент и др.);

2.4. Планетарные политические партии и общественные движения.

3. Экономические институты

3.1. Институт планетарной собственности;

3.2. Единый планетарный бюджет;

3.3. Система планетарных и континентальных программ и проектов.

4. Надгосударственные властные институты

4.1. Планетарный (ноосферный) совет;

4.2. Совет безопасности;

4.3. Региональные Советы.

Финансирование проекта происходит через планетарную ренту. Значительная часть настоящих ресурсов находится в частной, корпоративной или национально-государственной собственности. Выгоды от эксплуатации данной части ресурсов приобретают частные лица, корпорации или государство.

В качестве высказанной идеи проект позволяет генерализировать современную мысль, направленную на планетарное мышление. Но возникает опасение, что рента усложнит экологическую и политическую ситуацию. Планетарное управление через институты – это утопия по каждому из вышеперечисленных пунктов. Невозможно создать на сегодняшний день планетарный институт, учитывающий все мнения. В настоящее время идут процессы, скорее, разукрупнения, чем интеграции. Последние политические события не только в Ираке, но и в Сербии ставят под вопрос «модернизированную ООН» и т. д. Почему данная схема не может работать? Потому что глобализация – это экономический процесс. Экономика не может выступать интегратором духовной жизни общества, которая способна генерировать то, что и можно назвать глобальным мышлением. Решить такую довольно сложную задачу должны долговременные изменения сознания и культуры, которые приведут к пониманию необходимости планетарного управления. Идея конструк-

тивная, но невыполнимая в силу того, что пока отсутствует индивидуальное и общественное сознание, способное взять ответственность за этот сложный планетарный проект.

Существует другая, более интересная точка зрения на эту проблему [3]. Она дана группой конструкторов, которые исходили из того, что необходимо рассматривать тех, кто будет занимается проектированием, а параллельно этому можно говорить о будущей структуре и иерархии создаваемого объекта. В принципе, может и не быть узнаваемых структур, но будет работающее «устойчивое развитие», а не декларация того, что такое развитие существует. То есть конструируется будущий конструктор, который и запустит устойчивое развитие. Само проектирование уравнивается с творчеством в виде производства изменений. Источником этого процесса являются идеи, а целью – материальное воплощение идеи в работающую конструкцию, которая и дает обществу новые возможности удовлетворять свои потребности, как текущие, так и будущие. Для проектировщика предполагаются следующие принципы.

1. Думай глобально, а действуй локально.
2. Думай системно.
3. Думай на перспективу.
4. Думай в целом.
5. Думай естественно.
6. Думай с позиций общества.
7. Думай общечеловеческими ценностями.
8. Думай изменениями.

Принципы могут быть и другими, но здесь отмечено главное. Субъект, который сможет создать объект «устойчивое развитие», должен мыслить именно в этом «коридоре», или, по крайней мере, начинать свои мысли с приведенных выше принципов. Первый принцип «думай глобально, действуй локально», предложенный Римским клубом, предполагает соизмерить любой глобальный проект с точки зрения воздействий на локальном уровне. Он показывает, как работа на локальном уровне может повлиять на глобальный уровень. Проследить это достаточно сложно, но возможно. Современное общество расколото, не системно. Ни религия, ни наука, ни экономика не могут мобилизовать человека на решения глобальных проблем. Человек, и вслед за ним общество, погружаются в виртуальный мир с нереальными проблемами. Соответственно,

настоящие проблемы не воспринимаются как таковые, а потому нет необходимости искать их решения. Экологический кризис, который сейчас очевиден, обнажил ряд моментов. Вместо кооперации стран с целью решения этого кризиса происходит дезинтеграция. Глобальные проблемы пущены на самотек, в основном, по политическим мотивам. Ситуация неопределенная, но, так или иначе, решение должно быть найдено. Если говорить о том, каким оно будет, то можно предположить «копернианский» прорыв, т.е. такую ситуацию, когда происходит резкая смена картины мира. Предлагается методология, доказывающая изменения и воспринимаемая всеми как должная. Примерно схожая ситуация происходила на рубеже эпохи Возрождения и Нового Времени. Именно тогда произошедшие перемены в картине мира подтолкнули к технологической революции, которая на сегодняшний день себя исчерпала. Сейчас наступает новая фаза мышления, и, поскольку эволюция всегда вписывается в предлагаемые обстоятельства, можно допустить, что следующий виток истории мысли человечества будет связан с разрешением глобальных проблем. Существующее схоластическое мышление, профанация смыслов, стереотипы поведения будут преодолены, что и даст энергию для будущего прорыва.

Таким образом, устойчивое развитие и ноосфера предстают как реальные проекты, но возможность их воплощения зависит от ряда условий, которые при нынешнем развитии общественного и индивидуального сознания пока что невыполнимы.

Устойчивое развитие – технологическая реальность, и для её выполнения необходимым фактором является максимально возможная экономия мировых ресурсов. На современном этапе развития цивилизации общество в целом и человек в частности пока отвергают этот бескомпромиссный вариант. Данное противоречие служит заметным тормозом на пути реализации концепции устойчивого развития

Ноосфера – проект ценностный, здесь важна не столько технология, сколько сама цель, ради которой технология будет развертываться. Поскольку на сегодняшний день эта цель не совсем очевидна, ноосфера пребывает в теоретически нереализованном аспекте, что мешает представить её в реальности. Но многочисленные попытки теоретизировать ноосферу говорят о том, что это может быть преодолено.

Библиографические ссылки

1. Безгодов, А. В. Ноосфера: от идеи к планетарному проектированию / А. В. Безгодов // Экос. – 2005. – № 10. – С. 10–14.
2. Безгодов, А. В. Интеллектуальные силы человечества и гармония мирового развития / А. В. Безгодов // Материалы международной интернет-конференции: Вып. I (февраль-апрель 2006 г.). – СПб., Орел: НЦ «Планетарный проект», ОрелГТУ, 2006. – 349 с.
3. Кузнецов, О. Л., Кузнецов, П. Г., Большаков, Б. Е. Устойчивое развитие: научные основы проектирования в системе природа-общество-человек / О. Л. Кузнецов, П. Г. Кузнецов, Б. Е. Большаков. – СПб., М.: Дубна, 2001. – 696 с.

В. В. Поддубиков

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ КАК ФАКТОР РОСТА ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В МЕСТАХ ТРАДИЦИОННОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ (по материалам Алтае-Саянского экорегиона)

Дискурс по проблемам толерантности в сфере межэтнических отношений в последние десятилетия принимает отчетливо выраженный общественный характер. Он давно вышел за рамки академических дискуссий в среде обществоведов, этнологов и историков о теоретических аспектах исторического развития, взаимодействия и взаимовлияния этносов, перейдя в область практической деятельности, осуществляемой общественными организациями и органами государственной власти. Идеи толерантного взаимодействия народов и культур при обеспечении их представителям равных возможностей и прав сегодня определяют содержание этнонациональной политики в ряде многонациональных государств. Они же, по сути, прямо ведут к появлению новых форм категоризации этнического и наполняют новым смыслом устоявшееся понимание характера развития общества в условиях многонациональности.

Однако практическая реализация принципов толерантности в сфере межэтнических отношений и государственной этнонациональной политики далеко не всегда представляется простой и ясной задачей. Ей нередко препятствует целый комплекс сложнейших проблем, большинство которых фактически не решено на протяжении длительного времени. Эти проблемы, как правило, имеют критическое значение для значительной части населения отдельных этнических групп, являются предметом нескончаемых политических дебатов и в некоторых случаях формируют конфликтные ситуации, проявляющиеся либо в открытом противостоянии, либо в постепенном обострении этносоциальной напряженности.

Для российской действительности XX–XXI столетий одной из таких «застарелых» фундаментальных проблем, которые в заметной степени дестабилизируют этносоциальную ситуацию, является вопрос о земле и этнической территории. Он до сих пор не снят с повестки дня, несмотря на все попытки 1990-х гг. и новейшего времени определить государственно-правовой статус этнических территорий и перевести в правовое поле процессы использования отдельными этническими группами некоторых категорий земель. Фактически, эффективных правовых механизмов в данной области в России не создано. Существующие на уровне Федерального и регионального законодательства соответствующие нормы неконкретны и провоцируют больше вопросов, чем фактически решают.

Сказанное наиболее характерно для ситуации вокруг мест компактного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов российского Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее КМН). Здесь нерешенность вопроса о статусе земель традиционно-хозяйственного назначения, которые большей частью коренного населения воспринимаются не иначе, как земля предков (т. е., по сути, этническая территория), приводит к возникновению поземельных, иногда достаточно острых конфликтов. Такие проблемы не только выходят на уровень противостояния локальных групп КМН и иных категорий пользователей (распорядителей) конфликтных земель, таких как промышленные предприятия, природоохранные учреждения и т. д. Они могут также выливаться в межэтнические столкновения, которые в официальных источниках принято обозначать как отдельные (причем, весьма редкие) проявления бытового национализма. Более внимательный анализ

ситуации заставляет отметить, что в данном случае перед нами, скорее, устойчивая закономерность, нежели бессистемные и к тому же крайне редкие случаи проявления необоснованного национализма на бытовой основе. Далее обоснуем сказанное на материале, полученном в ходе реализации Программы Развития Организации Объединенных Наций и Глобального Экологического Фонда «Сохранение биологического разнообразия в российской части Алтае-Саянского экорегиона».

Автор настоящей работы принимал прямое участие в указанной программе в 2007–2009 гг. в качестве эксперта по изучению отношения локальных групп коренных этносов к деятельности особо охраняемых природных территорий. Среди прочих проблем в программу социологических опросов [1], проведенных в среде сельских сообществ шорцев, этнотерриториальных групп алтайцев, хакасов и тувинцев, входили вопросы о степени конфликтности их взаимоотношений с иными категориями землепользователей, присутствующими в местах компактного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренного населения.

Полученные результаты, а также материалы других научно-исследовательских работ [2–5], заставляют, во-первых, констатировать, что сохраняющиеся в наши дни системы традиционного хозяйствования локальных групп сибирских народов во многих случаях сопряжены с латентными процессами роста этносоциальной напряженности, а иногда и с открытыми конфликтами вокруг проблемы регуляции поземельных отношений. Во-вторых, причины возникновения данных конфликтов, равно как и субъекты конфликтных ситуаций, достаточно разнообразны. В настоящей статье постараемся выделить и охарактеризовать основные причины, способствующие обострению поземельных отношений с участием КМН в местах их традиционного природопользования и привести некоторые иллюстрирующие примеры на материале Алтае-Саянской историко-этнографической области.

Прежде всего, стоит сказать об экстенсивном характере исконных форм хозяйствования коренных народов рассматриваемого региона. В историческом прошлом в их культурах жизнеобеспечения решающую роль играло широкое использование возобновимых природных ресурсов, от наличия и доступности которых зависел вопрос выживания и сохранения локальных этнических групп. Это характерно, к примеру, для тра-

диционных форм охоты, рыболовства и кочевого скотоводства, широко распространенных у народов Алтая и Саян. В современных условиях часть коренного населения в сельских анклавах компактного проживания по-прежнему сохраняет исконную хозяйственную специализацию. Последняя в большинстве случаев уже не является единственным источником жизнеобеспечения на фоне растущих возможностей постоянного трудоустройства или индивидуального предпринимательства. Вместе с тем, доходы от традиционной хозяйственной практики, судя по имеющимся статистическим данным, по-прежнему составляют важную часть семейных бюджетов именно в среде коренных этнических групп [6, с. 32, 182]. На исследуемой территории можно даже выделить отдельные районы с высоким уровнем значимости традиционного природопользования в системах жизнеобеспечения сообществ коренных народов. Такая попытка, к примеру, предпринята по отношению к территории Республики Алтай [7], где, по мнению некоторых специалистов, отчетливо выделяется несколько качественно различных этнохозяйственных ареалов. Содержание используемого исследователями подхода, на наш взгляд не лишено определенных слабостей, а также конкретные особенности выделяемых этногеографических таксонов в данном случае не имеют принципиального значения. Гораздо важнее несомненный факт наличия в пределах Алтае-Саянского экорегиона целых территориальных анклавов с высокой степенью сохранения коренным населением и выраженным экономическим значением исконных форм материального жизнеобеспечения на основе экстенсивного природопользования.

Сохраняющаяся у народов Алтая и Саян роль традиционных форм природопользования влечет за собой два важных для нас обстоятельства. Во-первых, для устойчивого жизнеобеспечения локальных групп КМН на основе экстенсивного хозяйства населению необходимы значительные территории, включая пригодные для хозяйственного освоения охотничьи участки, кедровники, пастбища и другие угодья. К примеру, средняя протяженность охотничьего маршрута у шорцев и народов северного Алтая в зимний период составляет 150–200 км [8, с. 212]. Продвигаясь по нему, охотники осуществляют промысел на всей прилегающей территории. Еще больших площадей требуют модели экстенсивного скотоводства, распространенные у народов центрального и южного Алтая и Тувы. Во всех случаях экономическая эффективность экстенсивного хозяйства

находится в прямой зависимости от площади осваиваемой территории. При ее сужении по каким-либо причинам неизбежно сокращаются доходы коренного населения, падает его прожиточный уровень, растет социальная напряженность.

Во-вторых, пригодных для практики традиционного природопользования территорий не всегда достаточно. Некоторая их часть оказывается недоступной для населения, ведущего традиционное хозяйство, что, по сути, и является самой распространенной причиной поземельных конфликтов. Так, значительная часть территорий с высоким уровнем биоразнообразия находится в составе особо охраняемых природных территорий (ООПТ), закрытых для массового хозяйственного использования. В российской части Алтае-Саянского экорегиона в настоящее время имеется 2 национальных парка, 9 заповедников, 56 заказников. Существуют также памятники природы и другие формы охраняемых природных территорий [9]. Многие из них представляют собой серьезную преграду для практики традиционного природопользования, поскольку созданы с целью сохранения биологического разнообразия. Жизненные потребности населения в освоении имеющихся природных ресурсов почти никогда не принимаются во внимание при выделении ООПТ и определении их режима. Это, в частности, просматривается в несоответствии действующих схем функционального зонирования ООПТ исторически сложившимся системам традиционного хозяйствования коренного населения.

Примером сказанному может служить ситуация, отмеченная по территории Шорского национального парка в 2007 г. Здесь экспертной группой, составившей план управления (менеджмент-план) на период 2008–2012 гг., было замечено, что, несмотря на установленные запреты, около 75 % особо охраняемой функциональной зоны (экологического ядра национального парка) систематически осваивается охотниками из числа местного населения [10, с. 83]. Причем, по данным социологического опроса, большинство из них умышленно идет на нарушение действующего природоохранного режима. Так, 44 % респондентов выразили свою готовность к нелегитимной практике использования охраняемых видов биологических ресурсов в случае, если увидят в этом возможность улучшения своего материального положения [2, с. 21].

По сути, перед нами социально предопределенный механизм формирования резидентного браконьерства. Причина – в не вполне продуманной схеме функционального зонирования охраняемой природной территории: экологическое ядро в данном случае территориально совпало с местом расположения наиболее продуктивных охотничьих угодий, что само по себе вполне закономерно. Однако в ситуации крайней материальной заинтересованности населения в занятии охотой никакие запреты не останавливают людей от правонарушения. Если к этому добавить и существенное культурно-историческое значение охоты в рамках этнической культуры шорцев, остается еще меньше сомнений в необоснованности расположения строго охраняемых участков территории национального парка именно в тех местах, где на протяжении многих веков осуществлялся традиционный охотничий промысел.

Очевидно, что при образовании парка не принимались в расчет особенности форм хозяйствования коренного населения. С течением времени это не могло не привести к возникновению поземельных конфликтов. На территории Шорского национального парка были отмечены три конфликтные зоны [11, с. 33]. Из них две имеют трансграничный характер и локализованы вдоль административных границ Кемеровской области, Республики Хакасии и Республики Алтай. В рамках третьей зоны отмечены поземельные конфликты между локальными сельскими сообществами и группами приезжих охотников, а также заготовителей кедрового ореха.

С принятием в 2009 г. нового менеджмент-плана, подготовленного с участием экспертов-этнологов, часть отмеченных поземельных конфликтов стала последовательно сниматься. Этому способствует найденная руководством парка форма регуляции традиционного природопользования совместно с уполномоченными представителями локальных сообществ коренного населения. В границах национального парка выделена отдельная функциональная зона, предназначенная для развития традиционного хозяйства шорцев [10, с. 85–86]. Заключаются двусторонние соглашения по совместной охране территории с разрешением местному населению использовать ее в традиционно-хозяйственных целях в случае, если такое использование не наносит очевидного ущерба охраняемым экосистемам [12, 13]. Эффективность такого подхода, с точки зрения нейтрализации поземельных конфликтов с участием коренного

населения, а также в отношении соблюдения требований природоохранного законодательства, еще предстоит оценить по прошествии некоторого времени. Тем не менее, в данном случае перед нами вполне показательный пример альтернативного решения земельного вопроса на основе двустороннего взаимодействия природоохранной организации и заинтересованных групп населения. Данный опыт во многом уникален и соответствует лучшим мировым практикам.

Схожие проблемы, связанные с традиционной хозяйственной практикой коренного населения, характерны не только для Шорского национального парка, но и других ООПТ Алтая и Саян. Локальные группы тубаларов, к примеру, не имеют возможности заниматься рыболовством на продуктивных участках акватории Телецкого озера по причине запретов, установленных Алтайским государственным биосферным заповедником. Примечательно, что данные запреты возникли не на момент образования заповедника, а всего несколько лет назад. Руководство заповедника и сотрудники службы охраны территории, комментируя свое решение ограничить рыболовство коренного населения на охраняемых участках акватории, указывают на его «нетрадиционный» характер, под которым понимается значительный уровень товарной ориентированности отлавливаемой рыбы. С развитием в районе Телецкого озера массового туризма и рекреации у местного населения появилась возможность в больших количествах сбывать заготовленную рыбу. В результате объемы лова резко увеличились до размеров, начавших угрожать истощением запасов наиболее ценных промысловых видов.

Безусловно, подобная мотивация руководства заповедника в данном вопросе вполне обоснованна, как обоснованно и следующее соображение. Если разрешить в сложившихся условиях заготовку рыбы, ставшую прибыльным занятием только для представителей коренной народности, это может вызвать непонимание и неодобрение со стороны других групп населения, а это само по себе ни что иное, как готовая база для межнациональных противоречий и роста этносоциальной напряженности.

В любом случае, сообщества коренного населения ограничены с точки зрения перспектив сохранения традиционной практики природопользования и жизнеобеспечения. Ситуация не переходит здесь в состояние конфликта лишь по двум причинам: во-первых, благодаря лич-

ному авторитету руководителя заповедника, а во-вторых, по причине значительной численной ограниченности лиц из числа коренного населения, готовых к систематической практике промыслового рыболовства.

В значительной степени росту этносоциальной напряженности на основе ограниченности для коренного населения возможностей широко практиковать традиционные виды природопользования в прителецкой области препятствуют также усилия Алтайского заповедника по вовлечению тубаларов в обслуживание туристов и отдыхающих на своей территории. Сезонный заработок, например, имеет часть населения п. Яйлю, содержащая кафе и торговые точки в районе водопада Корбу. Планируется также организация на территории заповедника этнического и этноэкологического туризма. Иными словами, речь идет о развитии альтернативных форм занятости местных групп коренного населения, не связанных с прямым использованием природных ресурсов, но близких к традиционной культуре жизнеобеспечения. Думается, что это вполне оправданный метод решения этносоциальных проблем в тех случаях, когда локальные сообщества КМН не имеют возможности практиковать традиционные виды хозяйствования в масштабах, необходимых для своего устойчивого существования. Вновь создаваемые при этом рабочие места неминуемо будут препятствовать развитию конфликтных ситуаций на территориях традиционного природопользования, поскольку будут способствовать повышению жизненного уровня населения.

Иная ситуация и гораздо более высокий уровень напряженности характеризует отношения Алтайского заповедника с локальными сообществами телесов низовьев р. Чулышман. Согласно данным, полученным автором в полевой сезон лета 2009 г., в среде населения пп. Балыкча и Язула распространена практика промысловой охоты на охраняемых участках тайги в южной части заповедника.

По экспертным оценкам, не менее половины жителей указанных поселков систематически нарушают установленный режим охраны территории на протяжении охотничье-промыслового сезона. Особенно широко здесь распространена охота на копытных, прежде всего на кабаргу, с целью добычи такого высоко товарного продукта, как кабаржина струя. Используемая при этом технология несколько напоминает традиционную технику, по литературным сведениям известную алтайцам еще в середине XIX – начале XX вв. [14, с. 218–220]. В период осенне-зимней

бескормицы в местах вероятного скопления животных охотники устраивают своеобразные «привады», т. е. валят по несколько стволов молодых хвойных деревьев. Животные, подходящие к таким местам и начинающие поедать хвою и ветки, легко умерщвляются при помощи огнестрельного оружия из засады. Иногда в качестве «привад» могут использоваться специально заготовленные копны сена («стожки»), размещенные на звериных тропах и переходах.

Ущерб от отмеченных особенностей применяемой технологии добычи копытных очевиден: негативное воздействие оказывается не только на популяции добываемых видов животных, но и на древесную растительность. По этим причинам данный вид традиционного хозяйствования коренного населения входит в конфликт с задачами сохранения биологического разнообразия на территории заповедника, а попытки незаконной охоты пресекаются. Это, в свою очередь, способствует росту напряженности в отношениях заповедника с местными сообществами, склонными считать своим неотъемлемым правом право на сохранение этнических традиций хозяйствования. Открытых выступлений на этой почве не отмечается, однако недовольство населения сложившейся ситуацией косвенно выражается в проявлениях бытового национализма в отношениях местных жителей с посетителями территории (к примеру, водными туристами, сплавающими по р. Чулышман).

В последнее время руководство Алтайского заповедника совместно с представителями местной общественности отработывает подходы к предотвращению возможных конфликтов местах экономической активности (в т. ч. и традиционно-хозяйственной) коренного населения прителецкой области. Действует Совет Телецкого озера, в котором участвуют сотрудники заповедника, представители муниципалитетов, национальных объединений КМН. На заседаниях Совета в настоящее время обсуждаются проекты социально-экономического развития территории в направлении сбалансированного решения задач сохранения уникальных природных комплексов и объектов, с одной стороны, и содействия устойчивому жизнеобеспечению заинтересованных групп населения, – с другой [15].

Вопросам урегулирования всех возможных конфликтных точек во взаимоотношениях сообществ КМН и заповедника уделяется при этом большое внимание. В частности, планируется организация на прилегаю-

щей к заповеднику территории специальной зоны сотрудничества, в рамках которой в дальнейшем будут осуществляться проекты по содействию устойчивому развитию. Думается, что в данном случае перед нами также вполне удачный пример деятельности охраняемой природной территории в области эффективного взаимодействия с коренным населением. Отсутствие подобных инициатив, во многом принадлежащих руководству заповедника, могло бы существенно обострить имеющиеся этносоциальные противоречия в значительной мере дестабилизировать ситуацию. При этом назревающие поземельные конфликты играли бы не последнюю роль в формировании общей социальной напряженности в среде сообществ коренного населения.

Наличие особо охраняемых природных территорий в местах традиционного природопользования коренного населения – далеко не единственная причина возникновения поземельных конфликтов. Значительную роль в их формировании играют также различного рода проекты и программы социально-экономического развития. К этой емкой категории мы относим обширный перечень инициатив, которые могут исходить от местных органов власти, бизнеса и других заинтересованных сторон. Примеров влияния проектов и программ развития на традиционные формы природопользования коренного населения, а также случаев, когда на этой основе возникали острые конфликтные ситуации, можно привести достаточно много. Строительство новых предприятий добывающей промышленности или проекты развития их инфраструктуры, расширение сети транспортных, энергетических и телекоммуникационных линий, – вот неполный перечень возможных проектов, способных затрагивать интересы коренного населения, ведущего традиционные формы хозяйствования. Нередко на этом фоне возникают чрезвычайно сложные конфликтные ситуации.

Примером сказанному могут служить выступления жителей Чувашской сельской территории муниципального образования «город Мыски» Кемеровской области против строительства технологической дороги и линии электропередач для шахты «Урегольская», по факту которых в 2004 г. была проведена этнологическая экспертиза [4]. Указанные объекты промышленной инфраструктуры частично затрагивали осваиваемые населением сенокосы, которые на несколько лет оказались непригодными для хозяйственного использования. Это вело к недовольству местных жителей, вылившемуся в коллективные обращения граж-

дан на адреса региональных и федеральных органов власти, а также в международные организации по правам человека.

Примером длительного конфликта в отношениях коренного населения и промышленных предприятий может также служить ситуация в местах компактного проживания бачатских телеутов (Беловский и Гурьевский районы Кемеровской области). Здесь в результате многолетней производственной деятельности угольных разрезов существенно сократилась площадь территорий, пригодных для сельскохозяйственного использования. Не занятые угледобывающей инфраструктурой территории подвержены постоянным техногенным загрязнениям, что также снижает качество используемых населением угодий. Все это достаточно давно привело почти к полному отказу местных групп телеутов от практики традиционного природопользования, предполагающего разведение крупного и мелкого рогатого скота. Фактически, в данном случае речь идет о переходном состоянии системы жизнеобеспечения этнической группы, отходящей от традиционного хозяйственного уклада к инновационным формам экономической активности. Среди телеутов имеется достаточное количество людей, занятых на производстве или занимающихся индивидуальным предпринимательством. Вместе с тем, сам факт ограниченности возможностей для развития такого важного элемента народной культуры, как традиционное хозяйство, часто становится причиной для выступлений с требованиями либо прекратить (ограничить) наступление угольных отвалов на «телеутскую землю», либо предусмотреть систему адекватных материальных компенсаций коренному населению за нарушенные земли, выведенные из сферы традиционно-хозяйственного использования. За длительный период своего существования данная ситуация неоднократно обострялась, привлекая к себе внимание не только со стороны местной общественности и региональных органов власти, но и международных организаций по защите прав коренных малочисленных народов. Однако в настоящее время эта проблема не снята с повестки дня.

Как видно из приведенных в настоящей статье материалов, факторов, приводящих к потере коренным населением реально используемых ими территорий традиционного природопользования, достаточно много. Конфликты, возникающие на этой основе, могут существовать как в явной, так и в скрытой форме. Все они, как правило, сложны для разрешения и требуют внимательного изучения. Отмеченный выше опыт, на-

копленный на территории Алтае-Саянского экорегиона, в этом отношении представляется весьма полезным сточки зрения его использования в целях стабилизации этносоциальной ситуации вокруг проблем традиционного природопользования и землепользования представителей коренного населения.

Библиографические ссылки

1. Программа социологического исследования по вопросам отношения населения к деятельности особо охраняемых природных территорий: Программа развития Организации объединенных наций и Глобального экологического фонда «Сохранение биоразнообразия в Российской части Алтае-Саянского экорегиона» / В. В. Поддубиков. – Красноярск, 2007. – 52 с.

2. Результаты социологического опроса по проблемам отношения населения Алтае-Саянского экорегиона к деятельности особо охраняемых природных территорий. Отчет по НИР: Отчет о НИР (итоговый): Программа развития Организации объединенных наций и Глобального экологического фонда «Сохранение биоразнообразия в Российской части Алтае-Саянского экорегиона» / В. В. Поддубиков. – Красноярск, 2008. – 82 с.

3. Отчет по результатам обследования локальных групп коренных малочисленных этносов Кемеровской области по показателям социального и экономического развития в 2008–2009 гг. Отчет по НИР: Отчет о НИР (итоговый); А. Н. Садовой, В. В. Поддубиков и др. – Кемерово, 2009. – 54 с.

4. Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАл», ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» и УК «Южный Кузбасс» на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашенской сельской администрации МО «г. Мыски» Кемеровской области / А. Н. Садовой, О. В. Нечипоренко, В. В. Поддубиков и др. – Кемерово: Изд-во ИУУ СО РАН, 2005. – Вып. 1. – 216 с.

5. Этнологическая экспертиза. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области / В. И. Бойко,

А. Н. Садовой, В. В. Поддубиков, О. В. Нечипоренко, М. В. Белозерова и др. – Новосибирск: Изд-во ИФиП СО РАН, 2008. – Вып. 2. – 257 с.

6. Назаров, И. И., Бельгибаев, Е. А., Садовой, А. Н., Поддубиков, В. В., Кирюшин, К. Ю. и др. Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования. Информационно-методический справочник / И. И. Назаров, Е. А. Бельгибаев, А. Н. Садовой, В. В. Поддубиков, К. Ю. Кирюшин и др. – Барнаул: Азбука, 2009. – 311 с.

7. Манышева, Т. В. Геоэкологический анализ новейших изменений традиционного природопользования в горных районах (на примере алтай-кижи, Республика Алтай): автореф. дисс. ... канд. геогр. наук: 25.00.36 – геоэкология / Т. В. Манышева. – Томск, 2009. – 23 с.

8. Шорский национальный природный парк: природа, люди, перспективы / Л. И. Гвоздкова и др.; отв. ред А. Н. Садовой. – Кемерово: Ин-т угля и углехимии СО РАН, 2004. – 356 с.

9. Система особо охраняемых природных территорий Алтае-Саянского экорегиона / под ред. проф. А. Н. Куприянова. – Кемерово: Азия, 2001. – 176 с.

10. План управления ГУ «Шорский национальный парк» (2008–2012 гг.) / Росприроднадзор МПР РФ; исполн.: Г. Е. Мекуш, В. В. Поддубиков и др. – Красноярск-Кемерово-Таштагол, 2008. – Т. 1. – 98 с.

11. План управления ГУ «Шорский национальный парк» (2008–2012 гг.) / Росприроднадзор МПР РФ; исполн.: Г. Е. Мекуш, В. В. Поддубиков и др. – Красноярск-Кемерово-Таштагол, 2008. – Т. 2: Приложения. – 63 с.

12. В Шорском национальном парке появится охотхозяйство / Проект ПРООН-ГЭФ. – «Сохранение биоразнообразия в российской части Алтае-Саянского экорегиона» // Новости ПРООН-ГЭФ. – 21.08.2009. – Режим доступа: <http://altai-sayan.org/news/detail.php?ID=622>

13. Охотники Горной Шории на защите природы / Проект ПРООН-ГЭФ «Сохранение биоразнообразия в российской части Алтае-Саянского экорегиона» // Новости ПРООН-ГЭФ. – 20.10.2009. – Режим доступа: <http://altai-sayan.org/news/detail.php?ID=644>

14. Потапов, Л. П. Очерки по истории алтайцев /Л. П. Потапов. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953.– 444 с.

15. Прителецкая общественность не согласилась с запретительной концепцией стратегии развития территории / Новости Горного Алтая // Новости Горного Алтая. – 21.12.2009. – Режим доступа: <http://www.gornopaltaisk.info/news/5651>

С. В. Баитанник

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ДИАЛОГ ОСЕДЛО-ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ И КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ «СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ» (ЮЖНЫЙ КАЗАХСТАН)

В средние века вся Среднеазиатско-Казахстанская историко-культурная провинция являлась ареной взаимодействия двух хозяйственных зон и культурных миров: кочевников-скотоводов (саки, массагеты, турки) и оседлых земледельцев, создавших древнее и средневековое Хорезмское государство, Парфянское царство, Бактрию, Согд, Маргиану, средневековую мусульманскую среднеазиатскую цивилизацию. Это определялось территориальным разделением труда, торговым обменом между земледельческими оазисами и обширными пастбищно-животноводческими территориями пустынь и степей.

Изучение истории комплексного хозяйства, рассматриваемого в противопоставлении «кочевой – оседлый», является односторонним в том смысле, что кочевой мир представлен как отсталый, менее развитый по сравнению с оседлым, и обязан он в своем развитии оседлым соседям. Уходящее корнями во времена античности представление о варварах-кочевниках укоренилось в науке, стало аксиомой, не требующей доказательств. С XIX в. в науке установилось предвзятое мнение, согласно которому только оседлые народы создали прогрессивную цивилизацию, а в Центральной Азии будто бы царили либо застой, либо варварство и дикость.

В археологической и этнографической литературе выделяются три типа производящей экономики: кочевое «номадное» скотоводство в

степной зоне, яйлажное полукочевое скотоводство с элементами оседлости и земледелия в предгорной зоне, и земледелие, центрами которого были города или более мелкие поселения, расположенные в предгорной зоне у водных источников или на трассах ирригационных систем [1, с. 8–11, 136–149]. Оседлое население имело избыток земледельческой продукции, полуоседлые кочевники обладали ею только в пределах, необходимых для обеспечения собственных потребностей, «чистые» кочевники-номады не имели ее вовсе. В городских центрах не все население было связано с земледелием: исключение составляли ремесленники, администрация, воины, служители культа. Разнообразие хозяйственной деятельности населения приводило к установлению прочных связей между отдельными районами, а её специализация – к формированию экономических районов, центром которых становился город или селение, где находился рынок. Перераспределение земледельческой и скотоводческой продукции происходило не только путем торгового обмена, но и посредством внеэкономического государственного принуждения, например, налоги в натуральной форме, содержание и фуражировка воинских контингентов.

В I тысячелетия н. э. материальная культура кочевников достигла самого высокого уровня, получили распространение легкое разборное жилище с решетчатым остовом, жесткое седло со стремянами, различные виды легкой и прочной утвари из кожи, дерева, металла и войлока [2, с. 9].

Во II тыс. до н. э. местные степные коллективы жили еще оседло, и некоторые из них широко практиковали земледелие и оседлое скотоводство. Но жестокая засуха середины I тыс. до н. э. вызвала дефляцию около водопоев нарушенного почвенного слоя, прикрывавшего песок. Пришлось перейти на скотоводство, а т. к. травы в засушливые эпохи было мало, то надо было перегонять скот туда, где она есть. Перейдя к кочевому образу жизни, люди изменили свой быт и деятельность в соответствии с условиями природы.

Хозяйство продолжало оставаться комплексным, при этом одни виды деятельности занимают подчиненное положение, тогда как другие становятся основными способами жизнеобеспечения. У кочевников, помимо их основной скотоводческой деятельности, развивались и другие виды хозяйствования.

Так, земледелие практиковали саки, хунны, тюрки и уйгуры. К археологическим находкам, датируемым I в. до н. э. – I в. н. э., относятся остатки древних оседлых поселений эпохи Хань, что указывает на начало у хуннов частичного перехода к оседлости. Сопоставление находок с упоминаниями о неурожае и саранче, истребившей посевы проса, дает возможность заключить, что наряду со скотоводством хунны начали осваивать земледелие [3, с. 130–131]. Аналогичная ситуация наблюдалась в Южном Казахстане.

В раннем железном веке, известном как «период ранних кочевников» (сакский период VI–II вв. до н. э. и усуньский период (кангюйский в присырдарьинском регионе) II в. до н. э. – IV–V вв. н. э.), существовали две экономические системы: полуоседлое земледелие с элементами кочевого скотоводства и полностью кочевое скотоводство с перекочевками на длинные дистанции. Материалы о начальных этапах земледелия у усуней получены при раскопках поселений в горах Тянь-Шаня. На одном из них – поселении Актас-II (V–VI вв. н. э.) в ущелье Курайлы – произведены раскопки и получены свидетельства наличия земледелия – каменные мотыги для обработки почвы и бронзовый серп. Вблизи поселения прослежены остатки примитивных ирригационных сооружений – арыков – для полива небольших участков. Данные письменных источников не только подтверждают археологические наблюдения, но и сообщают о наличии у усуней городов [4, с. 69–78].

Переходу к оседлости способствовал особый тип кочевания - вертикальный. Скотоводство здесь имеет вертикально-полукочевую форму и предполагает переходы с летних на зимние пастбища на 50–150 км между пустынями и полупустынями Прибалхашья и высокогорного плато Тянь-Шаня.

В средневековье появление оседлых поселений на средней Сыр-Дарье и в западном Семиречье происходит в VI–VIII вв., в восточном Семиречье – в конце VIII в.

Средневековая оседло-земледельческая культура северовосточного Семиречья сформировалась позднее из-за следующих причин: во-первых, удаленности этого района от городских центров Средней Азии; во-вторых, отсутствия или слабого развития до X–XII вв. транзитных торговых путей, которые в VII–X вв. и последующее время проходили через Чуйскую долину по южному берегу оз. Иссык-Куль через пе-

ревал Бедель в Аксу. Наблюдаемый хронологический разрыв между оседло-земледельческими памятниками древних усуней и средневековыми поселениями, объясняется теми же обстоятельствами, которые вызвали кризис оседлости и городской жизни Семиречья после монгольского нашествия, и прежде всего – массовым переселением сюда кочевых племен.

Поселения, возникшие в VIII–X вв. занимали самые удобные для земледелия предгорья и выгодное стратегическое положение, контролируя проходы на высокогорные летние пастбища. Такие городища, как Талгар, Чилик, Оххум, Орнек и др., стоят у горных перевалов, соединяющих Илийскую долину с Чуйской. Это были кочевые ставки, которые явились основой формирования городов, что характерно для районов, населенных полуоседлым и переходящим к оседлости населением.

В средневековье уже не только вертикальное кочевание, обусловленное природно-географическими условиями, способствовало оседанию кочевников, но и ряд социально-экономических факторов. Они нашли отражение как в письменных источниках, так и в типологических особенностях археологических памятников.

Представление о седентеризации кочевников, переходе к комплексному хозяйству и возникновению поселений тюркских скотоводческих племен во второй половине I тыс. н. э. дает автор X в. Мухаммед Нершахи в сочинении «Тарих-и Бухара» («История Бухары»): «Люди, приходившие сюда из Туркестана, селились в этой области потому, что здесь было много воды и деревьев, были прекрасные места для охоты; все это очень нравилось поселенцам. Сначала они жили в юртах и палатках, но потом стало собираться все больше и больше людей, и переселенцы стали заводить постройки...» [5, с. 18].

Расширение оседлости указано в источниках XV в. В одном из них, например, население Сыгнакского вилайета (средняя Сыр-Дарья) четко подразделено на «аймаков» – кочевое смешанное население, переходящее к оседлости; «дихнишин» – людей, живущих в селениях постоянно; «кишлакнишин» – живущих в зимовках; «сахранишин» – продолжающих кочевать. Причем отмечено увеличение первых, как и городского населения, за счет осевших казахов. Как это происходило?

Зажиточным скотоводам было невыгодно расставаться со своим привычным занятием, которое давало им излишки скота для сбыта и обмена. Кочуя со своими многочисленными стадами на большие расстояния, они занимались земледелием как подсобным промыслом. Посеяв хлеб на призимовочных участках, они отправлялись в дальние кочевья, и возвращались к своим полям не ранее 60 дней, т. е. ко времени сбора урожая. Эта традиция устойчиво бытовала и позднее. А. Левшин в начале XIX в. писал, что казахи «кочуют около пашен своих до того времени, пока хлеб спеет». Земледельческий труд – полив, охрана посевов и пр. – лежал на бедняках (джатаках), которые отрабатывали свою задолженность зажиточному сородичу, пользуясь в своем хозяйстве его инвентарем и рабочим скотом.

Земледелие в Южном Казахстане в конце XVII – первой четверти XVIII в. не было основной отраслью хозяйства всего казахского населения, занимавшегося преимущественно кочевым скотоводством. Но оно уже в это время становится основным занятием джатачества, оторвавшегося от кочевничества. Джатаки, проживавшие около своих зимовок, создавали здесь небольшие очаги оседлости.

Средневековый арабоязычный автор Масуди констатирует, что огузы Приаралья делились на кочевых и оседлых. Огузам в низовьях Сыр-Дарьи принадлежали города Дженд, Янгикент, Джуvara и в среднем течении – Карнак, Сюткент, Фараб, Сыгнак, Сауран. Их основными жителями были ятуки (джатаки). По определению Махмуда Кашгари, «вид огузов, который живет в их городах, не переезжает в другие места и не воюет, называется ятук, то есть заброшенные, ленивцы» [6, с. 21].

Но если джатаку удавалось обзавестись некоторым количеством скота, он снова начинал кочевать, время от времени возвращаясь к своему хозяйству на зимовке. «Только безвыходная бедность может заставить кайсака обратиться к хлебопашеству, которое он оставляет при малейшей возможности обойтись без него», – писал В. Старков, отметив устойчивость этой древней традиции [7, с. 102]. Но здесь выступает и другое: обеспечение скотом ведет к возврату в кочевое состояние. Это явление свидетельствует не только о взаимосвязанности кочевого и оседлого хозяйства, но и о глубокой консервативности кочевого скотоводства. Ведь, по существу развитое, кочевое скотоводство в условиях патриархально-феодалного Казахстана было возможно лишь при нали-

чии большого количества скота, расширенное воспроизводство которого неминуемо вело к захвату обширных и лучших пастбищ и к эксплуатации широких масс основных производителей путем поборов скотом. Чистое кочевание было привилегией только узкого круга очень богатых скотоводов, располагавших большими стадами овец и лошадей, остальным же приходилось вести комплексное хозяйство.

Археологически оседание кочевников и их переход к земледелию зафиксирован в размещении и топографических особенностях некоторых памятников. В сырдарьинском регионе отмечается перемеженность оседлых поселений и огромных курганных могильников, расположенных в непосредственной близости от них, и сходство материальной культуры по находкам артефактов с городищ и курганов. Так, городища Джуван-тобе и Караспан-тобе расположены в непосредственной близости Бори-жарского курганного могильника и отделены от него руслом древнего арыка.

Оба городища расположены в Ордабасинском районе Южно-Казахстанской области, около аула Кольтоган, в среднем ее течении р. Арысь. Городище Джуван-тобе отождествляется со Субаникентом – главным городом области Кенджде. Область Кенджде, по определению В. В. Бартольда, находится в среднем течении р. Арысь. Это двухчастное городище с кольцевым рабадом состоит из высокого бугра в центре (цитадель) и рабада. В 1950-х гг. на городище работала Южно-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевич, которые отмечают находки зерновок ячменя и проса (без видового определения), а так же косточек дыни.

О значении земледелия говорит находка сосуда, при украшении которого был использован оригинальный способ орнаментации – прокатка сосуда в полусыром состоянии по плоскости, покрытой остатками плодоножек виноградных ягод, что говорит о развитии виноградарства. А наличие крупных сосудов с несколькими отверстиями на их стенках говорит о развитии виноделия [8, с. 25–30].

В последние годы на городищах для археоботанического анализа было отобрано несколько проб. Интересны находки риса. Но наиболее вероятно, что земледелие основывалось на возделывании двух злаков – просо и ячмень. Во всех изученных слоях на обоих памятниках присутствует горох и другие культурные бобовые. Обращает внимание большое

количество семян винограда. Морфологически они делятся на две группы: более мелкие, округлые (винные сорта) и более крупные и вытянутые (столовые сорта). По мнению известного ботаника П. М. Жуковского, близлежащие горы Каратау входят в ареал распространения дикого винограда и в зону введения в культуру этого вида.

Дикие и сорные виды могут использоваться для реконструкции палеоландшафтов и оценки степени антропогенного влияния на природу. В слоях городищ встречается водный перец и другие виды семейства гречишных, которые предпочитают влажные местообитания и произрастают на берегах водоемов. Их наличие указывает на достаточную увлажненность в округе городища. Обнаружены так же воробейник полевой – растение, характерное для пастбищных лугов, присутствие которого указывает на выпас скота в округе городищ; верблюжья колючка и дикие бобовые; гадючий лук – растение сухих местообитаний, рудеральное, т.е. произрастает на засоренных или заброшенных местах, подвергшихся антропогенному воздействию; бузина черная – рудеральный кустарник, произрастающий на заброшенных местах, подвергнутых антропогенному воздействию; марь белая, сорное растение-космополит, произрастающее на засоренных или заброшенных местах, подвергшихся антропогенному воздействию – на свалках, перекопанной почве, руинах.

К. М. Байпаковым был выделен особый тип городищ – «торткуль», который позволяет проследить развитие оседло-земледельческой цивилизации с самой ранней ее стадии, начиная от кочевья. Несколько таких торткулей расположены в Таласской долине – городища Оххум, Таймакент, Кырккыз, Орнек. Раскопки проведены на одном из них – городище Орнек, расположенном в 6 км к югу от одноименного села, на р. Алтынсу в ущелье Солутор. Городище отождествляется со средневековым городом Куль-Шуб, упоминания о котором есть в сочинениях Ибн-Хордадбега и Ал-Идриси. Обнаружены мечеть «столпного» типа, мавзолей, казармы, остатки мощных укреплений, указывающих на то, что Куль-Шуб (Орнек) являлся ставкой кочевого правителя [9, с. 110].

Сходны с постройками Орнека жилые и хозяйственные помещения, исследованные Т. В. Савельевой на Талгарском городище в предгорьях Заилийского Алатау [1, с. 61–85]. Близка планировка домов, в строительстве которых и там, и там применялся камень. Характерная особенность планировки городской усадьбы – комплекс жилых построек

с большим двором-загоном для скота. В предгорьях Заилийского Алатау и Центрального Тянь-Шаня такая планировка известна с первых веков нашей эры. В усуньском поселении Актас II (III–V вв.) раскопаны жилые и хозяйственные помещения, а также загон для скота, сложенные из камня на глиняном растворе. Камень широко используется в XIX–XX вв. оседлыми и полuosедлыми казахами Илийской долины. Если обратиться к планировке казахских зимовок, то и здесь наблюдается принцип объединения жилого помещения с двором-загоном для скота, характерный для недавних скотоводов [10, с. 112–115].

Новые раскопки дали интересную информацию о внутренней планировке дворов. Выяснилось, что это были не просто свободные участки-загоны для скота, а сложные комплексы с четким разделением помещений для крупного и мелкого рогатого скота, стойлами для лошадей, отапливаемыми отсеками для молодняка. В современных казахских зимовках сараи во дворах так же специализированы для различного вида скота, а для молодняка устраивались отапливаемые помещения. Как правило, выделялись сараи для верблюдов, коров (или общий для тех и других), телят, быков и овец. Объединение жилья с двором-загоном характерно для кочевников, переходящих к оседлости, и свидетельствует о традициях кочевого быта, сохранившегося в оседлой и городской среде исследуемого района в средние века. Еще одним подтверждением этому является сочетание стационарных жилищ и юрты. Например, при раскопках загородного дворца X–XI вв. на Краснореченском городище во дворе было найдено основание юрты. Две каменных выкладки оснований юрт обнаружены в Талгаре. Из этнографических наблюдений за жизнью оседающих кочевников известно, что у них наряду со стационарными домами еще долго в качестве летнего жилища использовалась юрта.

В Таласской долине выявлены так называемые «городища с длинными стенами». Изучение аэрофотоснимков в сочетании с визуальными исследованиями позволило открыть вокруг двух городищ, расположенных в 30 км от Тараза, Каракенир-1 и Каракенир-2, длинную стену, когда-то ограничивавшую сельскохозяйственную округу. Возникает предположение о существовании своеобразного оазиса, который может быть отождествлен с местностью Кевакиб, упоминаемой в маршрутных записках Ибн-Хордадбега и Кудама. Сходную планировку имеет городище Торткультобе (средневековый город Нижний Барсхан): вокруг центральных

развалин, отступая от них на 1,5–2 км, тянется длинная стена, окружающая сельскохозяйственную территорию. В степной зоне Семиречья похожую топографию имеет Актобе Степнинское, расположенное при впадении р. Аксу в р. Чу. Городище окружено двумя кольцами стен: внутренние имеют диаметр 5,5 км, внешние – 10 км. Возведение длинных стен вокруг городищ относится к VII–IX вв. Они являлись не только крепостными сооружениями, но и символизировали рубежи, или «административно-полицейские границы города» [9, с. 92–93].

В источниках первой трети VII – середины VIII в. подчеркивается независимость каждого города и говорится, что у правителей городов Семиречья «по несколько десятков тысяч войска. Они живут смешанно в городах и селениях и часто воюют. Вообще же все землепашцы носят шлемы и щиты, берут друг друга в плен и обращают в рабство» [11, с. 90–93].

То есть, не только от кочевников возводились эти укрепления, и не только кочевые племена были деструктивной силой, замедлявшей поступательное развитие оседло-земледельческого хозяйства, но и сами земледельцы (в значительной мере недавно осевшие на землю кочевники), находившиеся под властью противоборствующих правителей. VII–IX вв. – это время существования в Южном Казахстане и последовательного падения под натиском извне Тюргешского, Карлукского, Огузского и Кимакского каганатов и феодальных междоусобиц внутри этих государств.

На основе подсчета количества разных типов поселений – укрепленных, неукрепленных и крупных городищ, с учетом средней площади, плотности застройки и количества домовладений на каждом типе памятников, принимая размер семьи в 5–6 человек, общее количество оседлого населения в только Илийской долине оценивается в 44–64 тысячи человек. Из них 13–18 тысяч человек проживало в неукрепленных сельских поселениях, столько же – в укрепленных, около 1000 – в городищах-убежищах, остальное население проживало в крупных городах. Сельское население несколько превосходило по численности городское. Следует так же учитывать и кочевое население, численность которого пока не определялась [12, с. 74]. Аналогичные соотношения должны быть и в других районах Семиречья. В Южном Казахстане, учитывая большую степень его урбанизации, возможно преобладание по численности городского населения. С учетом этого, чтобы удовлетворять спрос горо-

жан и кочевников на земледельческую продукцию, земледелие обладало высокой степенью товарности.

Земледелие, будучи специфической и специализированной формой трудовой деятельности, отделенной от других ее видов, выработало комплекс терминов и понятий, который отражает многообразие трудовых операций, связанных с посевом, уборкой, хранением и переработкой урожая. Эти термины сложились еще в IX–X вв. и употреблялись огузскими и кимеко-кыпчакскими племенами и сохранились в словарях. Все они тюркского происхождения: экин – посев, бугдай – пшеница, тару (тарыг) – просо, арпа – ячмень, тутарган – рис, мерджамак – чечевица, ирдан – гумно [13, с. 336].

Таким образом, появление оседло-земледельческой культуры в изучаемый период времени в Присырдарьинском регионе связано с восстановлением с VII в. и продолжением местной линии развития хозяйства отарско-каратауской, каунчинской культур и государства Кангюй, которая была кратковременно прервана в VI – начале VII вв. массовой инфильтрацией тюрков-кочевников из Центральной Азии. В VII–VIII вв. здесь наблюдается бурное развитие урбанизационных процессов, ирригационного строительства и земледелия. В разных районах Семиречья: Таласской, Чуйской, Илийской долинах, Приджунгарье – развитие оседло-земледельческой культуры начинается позже, с VII–IX вв. и связано с седентеризацией кочевого населения вокруг ставок кочевых феодалов. К земледелию переходили обедневшие скотоводы-джатаки, не имевшие достаточного количества скота для ведения кочевого хозяйства в чистом виде. Со временем они стали играть существенную роль в социально-экономических процессах в регионе, поставляя продукцию полеводства и плодоводства на рынок для денежного или натурального обмена на продукцию ремесленников, на экспорт в другие регионы.

В Южном Казахстане на протяжении всего средневекового периода наблюдается различное соотношение населения, занимающегося земледелием, и населения, ведущего скотоводческое хозяйство. Как вторжение кочевников-тюрков в VI в. привело к гибели древних земледельческих культур региона и установлению в качестве основного хозяйственного уклада экстенсивного скотоводства, так и нашествие монголо-татар в начале XIII в. остановило развитие средневековой

оседло-земледельческой и городской культуры. Кочевое или полuosедлое скотоводство стало основным хозяйственным укладом. Некоторое ее возрождение происходит только в конце XIII – начале XIV вв. в Присырдарьинском регионе. Своего наивысшего подъема земледелие достигает в X – начале XIII вв.

Библиографические ссылки

1. Савельева, Т. В. Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII–XIII вв. – Алматы, 1994.
2. Вайнштейн, С. И. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации. – М., 1979.
3. Салгарина, К. К. К вопросу о кочевничестве // Шелковый путь и Казахстан. Материалы научно-практической конференции. – Алматы, 1999.
4. Акишев, К. А., Кушаев, Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата, 1963.
5. Нершахи, М. История Бухары / пер. Н. С. Лыкошина. – Ташкент, 1987.
6. Кашгарский, М. Диван лугат ат-турк. – Т. III. – Стамбул. – 1915.
7. Старков, В. Краткое обозрение Киргизской степи в географическом, историческом и статистическом отношениях. – Тобольск, 1860.
8. Агеева, Е. И., Пацевич, Г. И. Отчет Южно-Казахстанской археологической экспедиции. – Алма-Ата: Архив Института археологии МОН РК, 1953.
9. Байпаков, К. М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. – Алматы, 1998.
10. Баскаков, Н. А. Жилища приилийских казахов // Советская этнография. – 1971. – № 4.
11. Зуев, Ю. А. Китайские известия о Суябе // Изв. АН КазССР: серия истории, археологии, этнографии. – Алма-ата, 1960. – Вып. 3 (14).
12. Байпаков, К. М., Савельева, Т. В., Чанг, К. Средневековые города и поселения северо-восточного Жетису. – Алматы, 2002.
13. История Казахстана. – Алматы, 1993.

ПРОЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Современный глобальный мир амбивалентен. Культурную глобальную ситуацию анализируют с двух противоположных позиций. Первая утверждает, что глобализация нивелирует национальную специфику, а культурную самобытность сводит до узнаваемого туристами набора достопримечательностей. Второе утверждение основано на том, что глобализация является вызовом не западному миру, поэтому только ярче проявляет самобытность культур, при условии их ответа. Приведем некоторые примеры из экономической жизни. Почему именно из этой сферы? Торговля, экономика всегда были каналами межкультурной коммуникации. Исторические примеры подтверждают это: первыми на Руси, кто принял православие, были купцы. «Когда народы живут в мире друг с другом, они обычно не стремятся ни к общению, ни к знакомству. Как правило только единицы – купцы, исследователи, дипломаты – имеют доступ к чужим нациям» [5, с. 44]. В. Шубарт, исследователь взаимоотношений Запада и Востока, в начале XX в. отметил эту особенность. Современная глобальная ситуация – пример постоянного взаимодействия культур. Это может быть поверхностное проникновение, эклектика восточного и западного стилей, не только в экономике, но и в сфере образования, политики, художественной жизни. Приведем примеры. Современные российские режиссеры В. Адабашьян и Ю. Грымов работали с французскими и американскими актерами. Их рассуждения ярко демонстрируют культурные отличия, интересно то, что американские актеры используют при подготовке к роли систему Станиславского, но перерабатывают ее в соответствии со своим культурным мироощущением. В своем интервью режиссер Юрий Грымов (телеканал «Культура» 15.11.2008 г.) отмечал разницу в игре, вживании в роль двух школ: американской и русской. Он считает, что «русские актеры немного сказочники... Они сначала играют в эту роль, додумывают, что бы сделал их герой, т. е. представляют то, чего нет в сценарии, поэтому на освоение роли у русского актера уходит больше времени, ...американские актеры вживаются в роль на раз, без разных

размышлений, а что бы сделал мой герой?...». В интервью телеканалу культура режиссер В. Адабашьян также отмечал разницу игры французских и русских актеров. Главное отличие состоит в том, что французы механически и очень быстро осваивают роль. Предложение режиссёра представить, что было с героем до момента, описанного в пьесе, первоначально вызвало непонимание, культурный шок. В примере с американцами главное – это прагматизм, быстрота и качество игры. Это отношение американцев к работе, а, в свою очередь, размышления о персонаже, его переживаниях отступают на второй план. Для американцев приоритетным является результат, для русских – действие, процесс.

В современной массовой культуре тоже можно отметить столкновение противоположных систем ценностей. Поэтому утверждение, что массовая культура унифицирует национальную специфику, требует корректировки. Этот тезис подтверждает прошедшая дискуссия на страницах журнала «Фома» о «герое нашего времени», персонаже фильма «Брат» и «Брат-2» Даниле Бодрове. Не смотря на давность дискуссии (18.07.2001 г.), обсуждаемая тема в контексте столкновения русской и американской традиции продолжает оставаться значимой для нашей культуры. Участники дискуссии – актер, журналист Сергей Бодров, психолог Илья Стрелец, студент МГИМО Георгий Казанцев, главный редактор журнала «Умники и умницы» Владимир Легойда – согласились с мнением профессора Свято-Тихоновского богословского университета диаконом Андреем Кураевым. Он считает, что «...у Данила нет внутреннего конфликта. Согласно русской традиции, не может быть героем человек, у которого нет рефлексии, у которого нет стука совести... Но Данила беспроblemen – в нём нет внутреннего кризиса, внутренней оценки того, что происходит» [2, с. 83]. Мы думаем, что режиссер фильма Алексей Балабанов только зафиксировал, что именно такой герой сейчас востребован. Этот персонаж противоречит русской традиции, он пытается вписаться в существующую культуру. Этот эпизод – пример заимствования чужого героя, который вписывается в современный контекст нашей культуры и отражает смену ценностей, утверждение нового героя.

Американский фильм режиссеров братьев Вайчовских «Матрица» по разному проанализировали американские и русские киноманы. Для американцев это был очередной качественный боевик, с новейшими спецэффектами, для русских – повод для размышления о буддистской и христианской

философии. Вспомним эпизод из фильма, когда главный герой приходит к прорицательнице и встречает мальчика, который говорит Нео, что главное – это понять, что предмета (в фильме это ложка, на которую он воздействует) не существует. Некоторые русские киноманы отметили, что это главный буддистский постулат об иллюзорности мира, а значит это многослойный кинематограф, и режиссерские размышления о бытии, которые воплощены в узнаваемую для современного человека форму, важнее спецэффектов. Различия представлены не только в художественной культуре, но и в культуре потребления. Массовая культура концентрирована, представлена в рекламе. Иностранные производители отметили, что россияне, чей рынок завален импортными товарами и продуктами захотели своего родного, национального. Ведущие иностранные фирмы поэтому стали демонстрировать свою приверженность русской культуре, русскому стилю. «Россия – щедрая душа» – это слоган швейцарской кампании Nestle; иностранная табачная кампания назвала сигареты «Петр I». Как отмечает филолог, исследователь в сфере межкультурных коммуникаций С. Г. Тер-Минасова, «языковые просчеты в рекламе недопустимы, особенно если за ними скрываются культурные западни». Она рассматривает следующие примеры: американская фирма пыталась продать в Японии автомобиль под названием «Рэндан», что на японском языке означает «идиот». Фирма «Паркер» из-за своей небрежности также пострадала на латиноамериканском рынке, пытаясь выйти на него со своими всемирно известными ручками. Ее реклама, сделанная на испанском языке гласила: «Избегайте беспокойства – пользуйтесь ручкой “Паркер”». Из-за двойного значения слова «беспокойство», под которым в испанском языке понимается также «беременность», рекламный текст стал двусмысленным [4, с. 236–237]. Одинаковые образцы массовой продукции не получается автоматически распространять, механически переводя с одного языка на другой, т.к. этому препятствуют культурные коды и символы.

Мы думаем, что об абсолютной унификации не может быть речи, язык как носитель национальной культуры традиции сопротивляется, а носители языка создают свои формы. Например, американское «окау», в русском варианте превратилось в «океюшки», и сегодня это слово ни в американском, ни в обрусевшем варианте практически не услышишь.

Интересные примеры проявления национального в условиях глобализации можно рассмотреть в китайской и арабской культурах. Например, глобализация в Китае, вопреки опасениям китайских традицио-

налистов не привела к унификации и вестернизации традиционных ценностей. В Пекине открыт «Макдоналдс», Шанхай называют «китайским Парижем» из-за богемной атмосферы, царящей в этом городе. Тексты песен западных рок-групп, выступающих в Шанхае, не подлежат цензуре, в отличие от остальных городов Китая, в которых эта процедура является нормой. Цензура в этом случае – механизм защиты собственной культуры от распространения через музыкальную субкультуру чужих культурных образцов. Включение Китая в глобальный мир происходит на базе национального менталитета, на основе ценностей китайской культуры. В арабских странах распространена материальная культура Запада и техника, но образ жизни и обычаи основаны на исламской традиции. Даже массовая культура в арабском мире находится под контролем цензуры. Например, американские продюсеры смогли запустить на арабском телевидении музыкальный проект MTV при соблюдении двух условий. Первое – это контроль видео продукции арабскими цензорами, для которых главным критерием является мусульманская нравственность. Второе – до 80 % музыки должно звучать на арабском языке.

Приведенные примеры подтверждают, что в условиях современной глобальной культурной ситуации национальный характер языка, культурная специфика проявляются ярче.

Таким образом, глобальная межкультурная коммуникация – процесс двухсторонний, она приводит к появлению так называемой «диффузной институционализации» – проникновению и устойчивой адаптации культурных элементов противоположных по ценностям культур, например, арабо-мусульманского Востока во Франции. В Европе, США появились мнимые и истинные ценители буддийской культуры и другой восточной экзотики, например, голливудские актеры. В условиях глобализации, не только Запад навязывает свои ценностные установки, стереотипы поведения, но и Восток проникает в западную культуру, а иногда Восток предлагает Западу собственные духовно-нравственные ориентиры. Поэтому глобализация не всегда односторонний процесс, связанный с тем, что Запад поставляет другим продукты массовой культуры, иногда сомнительного качества в одностороннем порядке, как утверждают апологеты традиционализма. Современная глобальная ситуация характеризуется проблемами соотношения традиции и инновации, противостояния Востока и Запада. Такая проблема существовала со времен античности и была выражена из-

вестной культурной антитезой «цивилизованные греки и варварский мир», но специфика современности – это скоростной темп распространения информации и культурных образцов. Национальная уникальность обозначена многими факторами: образом жизни, традициями, национальным характером, который проявляется в фольклоре, языке, национальной литературе, стереотипах поведения. Приведенные примеры указывают на его существование в современном мире.

Библиографические ссылки

1. Гачев, Г. Д. Ментальности народов мира / Г. Д. Гачев. – М.: Эксмо, 2003. – С. 544.
2. Кураев, А. Кино. Перезагрузка богословия / А. Кураев. – М.: Эксмо, 2003. – С. 187.
3. Мельникова, А. А. Язык и национальный характер. Взаимодействие структуры языка и ментальности / А. А. Мельникова. – СПб.: Речь, 2003. – С. 318.
4. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур / С. Г. Тер-Минасова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – С. 286.
5. Шубарт, В. Европа и душа Востока / В. Шубарт. – М.: Эксмо, 2003. – С. 480.

Г. П. Ковалева

Кемеровский технологический институт пищевой промышленности

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В РУССКОМ КОСМИЗМЕ: АНАЛИЗ ФУТУРОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ

Проблема будущего человеческой цивилизации является в современных условиях глобальных проблем одной из самых актуальных. Ученые всех направлений пытаются сделать прогноз планетарного человеческого развития на ближайшее будущее и отдаленную перспективу с целью выработки стратегии дальнейшего развития. Многие исследователи признают, что «краеугольным камнем» в этих футурологических по-

строениях и прогнозах является философия русского космизма, рассматривающая природу, общество и человека как коэволюционную систему.

Философия русского космизма оформилась в самобытное течение во второй половине XIX в. Основоположником русского космизма считают Н. Ф. Федорова, заложившего в своем главном произведении «Философия общего дела» идеи, получившие дальнейшую разработку в трудах целой плеяды русских, советских и современных мыслителей. А. Ф. Гиренок, первым употребивший термин «русский космизм», выделил в нем три направления: 1) поэтически-художественное (А. В. Сухово-Кобылин, В. Ф. Одоевский и др.); 2) религиозно-философское (Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев и др.); 3) естественно-научное (К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский, В. И. Вернадский и др.) [3]. На рубеже XX–XXI вв. труды русских космистов изучали Н. Н. Моисеев, А. П. Казначеев, П. П. Гайденок, С. С. Хоружий, С. Г. Семенова, Л. В. Фисенко, Э. А. Бальбурова, В. Д. Московченко и др. Их внимание было направлено на рассмотрение онтологии, гносеологии, аксиологии русского космизма. Проблемы праксиологии, которые включают в себя футурологические проекты, остаются малоизученными. Поэтому целью статьи является сравнительный и системный анализ взглядов русских космистов на проблему будущего человеческой цивилизации.

Отправной точкой исследования является творчество Н. Ф. Федорова. Его «Философию общего дела» можно рассматривать в качестве комплексного футурологического проекта. Суть федоровского проекта – объединение всех людей общей целью, общим делом, выработка единой для всего человечества нравственности, морали, физическое и духовное преобразование человека и человечества в целом, одухотворение материальной природы Земли и всего космоса, благодаря человеку. Общее дело, по мнению Н. Ф. Федорова, должно быть направлено на создание «Царствия Небесного» на Земле, то есть создания совершенного государства и общества, гармоничное преобразование природы и космоса. Общее дело превратит человечество в коллективный субъект, а планету Земля и весь космос – в интегрированный объект.

Исходя из поставленной цели – объединение всего человечества общим делом, Н. Ф. Федоров развивает следующие идеи: 1) о Троице как нравственном объединении человечества; 2) о всеобщем воскрешении; 3)

об активной эволюции человечества. Рассмотрим эти идеи с точки зрения футурологии.

Центральной темой учения о Троице является нравственное преобразование человека через «супраморализм». Здесь имеется ввиду христианская Троица: Бог-Отец – Бог-Сын – Святой Дух, и взаимосвязь человека с этой триадой. Согласно Федорову, «супраморализм» означает «всеобщий синтез», то есть всеобщее объединение людей и их будущее воссоединение с «воскресшими отцами» (согласно библейскому пророчеству о втором пришествии Христа и воскрешении всех ранее умерших для Божьего суда). Федоров утверждает «супраморализм», или сверхморализм, не просто как христианскую нравственность, а «как само христианство», в котором догматика превращается в этику, выражая синтез науки, искусства, культуры, религии. Таким образом, Н. Ф. Федоров рассматривает понятие «нравственность» более широко, чем было общепринято. Он относил нравственность, прежде всего, к общественному сознанию, а не просто к морали, более близкой к личностному поведению человека. Поэтому Федоровский «супраморализм» – это совокупность норм поведения человека, регламентируемых общественным сознанием – нравственностью.

Сегодня мораль и нравственность рассматриваются практически как идентичные. В западноевропейских языках эти понятия вообще не различаются: они переводятся одним словом. Процесс становления нравственности и морали является длительным историческим процессом, связанным со становлением и развитием общественных отношений, и, прежде всего, с общественной трудовой деятельностью. Без нравственности человечество не смогло бы сохраниться как биологический вид, эволюционировать как общественное существо, передавать накопленные знания, умения и навыки. Н. Н. Моисеев считал возникновение нравственности, важнейшей «бифуркацией» в истории человечества, приведшей человека «к перестройке сознания – ощущения новой общности: не семьи или рода, и даже не страны, а общепланетарного единства, что должно породить совсем новую систему отношений между людьми» [6, с. 248].

Н. Ф. Федоров понимал нравственность не просто в планетарном, а во вселенском масштабе. Он провозглашал «супраморализм» как высшую, духовную (божественную) нравственность в человеке, которая приведет ко всеединству Бога, человека и Природы, согласно библей-

скому принципу: «Да будут все едины, как Ты, Отче...». Реализация «супраморализма» приведет, по мысли Федорова, к общественным улучшениям: ликвидации бедности и богатства, социального расслоения, замене «искусственной жизни» и «искусственного дела» «естественным делом» одухотворения и преобразования земной и космической природы на нравственных началах. Философ считал, что одухотворенная благодаря человеку природа начнет преобразовывать сама себя, направляя свои ранее разрушающие силы на созидание, превратившись из врага человека в его вечного друга.

Таким образом, нравственное человечество, объединенное общим делом творческого созидания, должно стать «сознанием природы» и решить проблемы голода, болезней, старости, смерти, регуляции природных явлений, освоения космоса. С. Г. Семенова так подчеркнула этот аспект федоровского учения: «Здесь стремление к жизни, к совершенствованию, к сознанию, которым движется материя, становится отчетливым, ...идеальная движущая сила бытия стремится к осознанию себя и дальнейшему развитию... В материю вливается узкий световой туннель сознания, через который вся она когда-нибудь проснется в другом, одухотворенном состоянии» [10, с. 24–25]. Главенствующую роль в своих футурологических построениях Федоров отводит религии. С его точки зрения, она должна стать объединяющим фактором науки, культуры, искусства и практики «как совокупная молитва всех живущих». При этом религию он понимает широко, как связь с Богом, с высшим духовным миром, в который должно войти будущее совершенное человечество.

В русле религиозного сознания рассматривает Н. Ф. Федоров построение нового общества. Он уверен, что только нравственное преобразование человека и общества сделает возможным дальнейшие вселенские преобразования. Являясь гуманистом, он не приветствовал революционные социальные потрясения. Принцип «небесного» иерархического устройства распространялся им и на человеческое общество. По его мнению, социальные изменения должны начаться с утверждения самодержавия как «сыновства и отечества»: «Не народ для царя и не царь для народа, а царь вместе с народом как исполнитель дела Божия, дела всечеловеческого» [11, с. 37]. В размышлениях Н. Ф. Федорова о государстве прослеживаются нотки конфуцианства, также провозглашающего его основой нравственные отношения между государем и народом по

принципу семейно-родственных. Социальные преобразования, по мысли Н. Ф. Федорова, в конечном счете, приведут к тому, что человечество *объединится в братство*. Мыслитель утверждает, что «смысл братства заключается в объединении всех в общем деле обращения слепой силы природы в орудие разума всего человеческого рода» [11, с. 112].

В рассуждениях Н. Ф. Федорова относительно общечеловеческого общественного устройства прослеживаются противоречия. С одной стороны, по его замыслу, объединение народов в братский союз будет совершаться через «конференцию мира». По мере объединения народов, орудия истребления обращаются в орудия управления, в силу чего устранится причина войн. С другой стороны, братский союз народов будет представлять собой государство, во главе с самодержцем, который «как восприемник всех рождающихся» принимает на себя долг просвещения всего народа через ученых и интеллигенцию. Всем «общим делом», в том числе «воскрешения умерших», тоже руководит самодержец. Непонятно, по какому принципу будет избираться самодержец человеческого братства, как будет формироваться власть. Если к тому времени люди станут бессмертны, означает ли это, что самодержец будет править вечно? Несмотря на идеалистичность и мозаичность построений, важным в Федоровском «проекте» является то, что он провозглашает нравственность, знание и труд в качестве единственных факторов совершенствования, которое сделает человека подобным Богу.

Второй аспект федоровского учения – вопрос о всеобщем воскрешении – еще при жизни философа был непонятен. Недоумение вызывала не сама постановка вопроса, а способ его реализации. Например, С. Н. Булгаков высоко оценивал «проект» «о воскрешении». Но при этом он считал, что «мысль о воскрешении возможна только при вере в бессмертие, и идея Н. Ф. Федорова должна быть понята так, что посредством воссоздания тел отцов трудом сыновним будут вызваны к новой жизни и их усопшие души. Согласно этому пониманию, воскресению подлежит собственное тело, душа же возвращается в него в силу некоторой природной необходимости, как только оно восстановлено» [1, с. 310]. Но для Н. Ф. Федорова успех развития земного человечества исходил именно из идеи воскрешения всех ранее умерших поколений. По его мнению, только «воссоединенное с отцами человечество» может достичь совершеннолетия и стать Богочеловечеством, жить единым

братством, объединить в братской любви все миры, которые будут управляться «коллективным разумом», то есть всеми возвращенными к жизни поколениями.

Разработка третьего аспекта учения – об «активной эволюции» – является наиболее философски глубокой и оригинальной. Здесь Н. Ф. Федоров развивает мысль о переходе к новому типу «органического» прогресса, противоположному современному техническому – «орудийному, протезному». Органический прогресс предполагает два типа регуляции: внешней (природной) и внутренней (психофизиологической). Психофизиологическая регуляция приведет к переходу человека на новый способ питания по типу растений, умеющих синтезировать необходимые органические соединения из окружающей среды; «тканетворению», то есть умению «строить» свои ткани из элементов среды и солнечного света; «полноорганичности», дающей человеку возможность бесконечного перемещения в пространстве и др. Позднее эти идеи будут разрабатываться П. А. Флоренским в учении «об органопроекции» и В. И. Вернадским в учении об автотрофности.

Внешняя регуляция, по мысли Н. Ф. Федорова, развертывается «от единой Земли к целостному мировому пространству». Она состоит из следующих ступеней развития: 1) «метеорической регуляции», объектом которой является планета Земля; 2) «планетарной астрорегуляции», объектом которой является солнечная система; 3) «всеобщей космической регуляции», объектом которой является бесконечная Вселенная. «Метеорическая регуляция», например, включает в себя управление всеми стихийными силами природы: землетрясениями, вулканической деятельностью, засухой, ураганами и т. д. В конечном счете, планета Земля превращается в космический корабль («земноход»), сходит со своей земной орбиты и уходит в космические просторы по самостоятельно прокладываемому курсу. Но к этому времени все народы Земли являются единым братством и несут за свои деяния всю меру ответственности. В ходе освоения космического пространства, по мысли Н. Ф. Федорова, вся Вселенная превратится в «Храм», самым священным местом будет Земля, а небесною иконописью станут «лучевые образы отцов» [11, с. 159].

По оценке С. Н. Булгакова, федоровский проект «отличается экономизмом и магизмом». Он одной своей стороной связан с хозяйственной «регуляцией природы», поэтому представляет собой экономический

материализм, «проведенный с такой решительностью, которая оказалась далеко не по плечу Марксу... Учение Федорова и есть именно то, о чем смутно мечталось марксизму, что составляет его бессознательный, но интимный мотив» [1, с. 315–316].

Футурологические проекты Н. Ф. Федорова наивны, полны противоречий, не проработаны системно, не подтверждены научно, во многом религиозно окрашены. Но его заслуга в том, что в своих футурологических проектах он внес требование преобразовательной активности со стороны человечества (соборного микрокосма), направленной на Макрокосм. Первостепенное значение для современного человечества является постановка вопроса о нравственном преображении («внутренняя регуляция»). Чтобы успешно управлять внешней природой, человек должен сначала научиться управлять своей внутренней природой, раскрыть заложенные в себе способности. Вслед за Н. Ф. Федоровым все русские космисты стали отмечать первостепенность нравственно-этических вопросов для дальнейшей эволюции человечества.

Футурологические проекты русских космистов естественнонаучного направления отличаются большей проработанностью, системностью, практической значимостью. Рассмотрим взгляды на будущее человечества К. Э. Циолковского. Центральными идеями в его космической философии являются идеи «монизма» и «панпсихизма» Вселенной. «Монизм Вселенной», то есть единство всего сущего, он выводит из монизма материи. «Панпсихизм» означает, что материальная Вселенная является живой одухотворенной сущностью [13, с. 264–281]. Циолковский утверждает, что в мироздании существуют: Причина космоса (духовное начало), материальная Вселенная, Разумные Силы космоса (все разумные существа Вселенной, частью которых является человечество Земли). В своих футурологических построениях философ исходит из того, что Вселенная бесконечна, вечна, не сотворена, не уничтожаема, жизненна, социально организована. Бесконечные миры заселены существами разной степени развития. По мнению Циолковского, «зрелыми планетами», солнечными системами и т. д. управляют избранные советы со своими президентами. Вся эта иерархия развивается до Разумных Сил космоса. Земля тоже участвует в этом вселенском процессе: клеточки низших существ объединяются и образуют животных с единым управлением (мозг, душа), объединяются люди в обществе, постепенно произойдет объеди-

нение всей Земли, выработается разумное и умеренное социальное устройство. В ходе эволюции «качество людей» будут усовершенствоваться. Со временем естественный отбор заменится искусственным – выявлением и оставлением в обществе только физически и психически здоровых, умных и талантливых людей. Вслед за Землей, постепенно произойдут подобные объединения разумных существ на других планетах. «Несовершенные миры» будут ликвидироваться и заселяться «лучшими породами».

В работе «Горе и гений» К. Э. Циолковский рассуждает, каким образом может происходить искусственный отбор лучших людей. Основой его построений является тезис: «нет ничего важнее, чем наше счастье и счастье всего живого в настоящем и будущем» [12, с. 245]. По его мнению, человеческую эволюцию продвигают вперед только гении, поэтому социальная организация должна обеспечить «отбор» гениев и условия их плодотворной работы. Философ называет гениев «апостолами ума и нравственности», которые благодаря целомудрию сохраняют «умственные силы, бодрость и здоровье», учат людей размышлять, и тем самым дают им «кротость, мир и любовь». От гениев исходит «нравственный и всяческий свет», «мысли гениев бессмертны, так же как и дела их, потому что и после смерти они продолжают и дают бесконечный и беспредельный плод», так как «высокая мысль бессмертна и служит неисчерпаемым источником благ» [12, с. 246–247]. Чтобы выявить гениев, человечество сначала должно научиться жить «артельной жизнью», то есть составлять союз «близко стоящих общежитий для использования ими общих учреждений...» [12, с. 249]. Из общежитий будут исключаться дети, «выросшие и неподходящие в новой жизни», за которыми «свободно» могут последовать родители и все желающие (хотя при желании они смогут возвратиться). К. Э. Циолковский утверждает: «Понемногу Земля покроется этими общественными домами, так как члены их... по наследству будут хоть отчасти передавать свои добрые свойства детям» [12, с. 251]. Он рисует картину жизни будущего человечества. Члены «новых обществ» будут трудиться недолгим обязательным трудом (6 часов). Остальное время отводится отдыху, свободной деятельности, развлечениям, удовлетворению физических и нравственных потребностей. Общинники, нарушившие нравственные и трудовые нормы, временно исключаются, одновременно принимают новые. Общинников обучают

законам, наукам, ремеслам, убеждают в бессмертии, в непрерывном существовании, исправляют, предупреждают и т. д. Общества возглавляют выборные председатели. К. Э. Циолковский уверен в эволюционном переходе к новой жизни. Он пишет: «Крохотный мир, созданный мыслящим человечеством, постепенно разрастается, усиленно размножается, благодаря хорошим условиям жизни. Напротив, внешний мир, сознавая свою малую пригодность, у малеется все более и более, размножается...все слабее. Он понемногу вымирает, чтобы уступить место высшему. Но те, уступившие, сошедшие со сцены, таинственным образом переселяются в новый мир и, таким образом содействуя созданию нового порядка, жертвуя как будто бескорыстно собою, делают в сущности все это для самих себя» [12, с. 260–261].

Футурологические построения К. Э. Циолковского во многом идеалистичны, фрагментарны, умозрительны. Своими рассуждениями философ рисует, с одной стороны, картину утопического коммунизма, проповедует гуманизм, нравственность, трудолюбие, ответственность в качестве главных факторов дальнейшей человеческой эволюции. С другой стороны, не подводит научно-теоретической базы под свои социальные построения.

В своей космической философии К. Э. Циолковский утверждает бессмертие человека и перевоплощение его для новой жизни. В этих рассуждениях прослеживается влияние идей буддизма. В частности, в примечании к работе «Нирвана» ученый пишет о том, что на жизнь он смотрит как на сон. Как известно, именно буддизм считает изменчивую временную материальную жизнь всего лишь иллюзией, в отличие от вечной жизни в духовном («тонком») мире. Философ уверен, что с окончанием физической жизни начинается «вторая непостижимая жизнь», которая становится видна только «с прекращением грубого материального света нашей жизни» [12, с. 157].

Исходя из того, что современный человек не является вершиной эволюции, что ему предстоит развиваться и совершенствоваться дальше, К. Э. Циолковский в работе «Очерки о Вселенной» создал теорию космических эр. Он разделил человеческую эволюцию на четыре эры: эру рождения, эру становления, эру расцвета человечества, терминальную эру. Терминальная эра, по его мнению, займет десятки миллиардов лет. В течение этой эры человечество «включит» второй закон термодинами-

ки и из корпускулярного вещества превратится в лучевое вещество. Мысль об изменении тела человека является смелой гипотезой об автотрофности человека. Сегодня ученые обнаружили в космосе и на планете Земля помимо органической жизни «полевую» форму жизни (имеется ввиду энергия в состоянии «поля»). Идею автотрофности человека высказывал еще Н. Ф. Федоров, более отчетливую форму эта идея приобретает в трудах В. И. Вернадского.

Особенностью космической философии К. Э. Циолковского является провозглашение синтеза духовных и материальных составляющих мироздания. Решение поднятых проблем он связывает не только с человеком, космосом, но и с Богом. В. В. Козютинский, А. К. Дюнин отмечают, что в некоторых ранних сочинениях К. Э. Циолковский называет Богом Причину космоса [5, с. 10; 4, с. 11]. В частности В. В. Козютинский ссылается на заметку Циолковского «Бог милосерд», в которой философ пишет: «Бог есть причина всех явлений, причина вещества и всех его законов. Происхождение материи до сих пор неизвестно, причина тех или иных ее качеств также. Почему все вышло так, а не иначе? Все зависит от чего-то начального, бесконечно удаленного. Это и есть Бог» [5, с. 11]. В работе «Есть ли бог?» К. Э. Циолковский называет Богом космос. Он утверждает: «...Наш бог (космос) есть вечный, неизменный, живой, а мы его части и, значит, подобны ему... Наш бог (космос), как и мы, его части, всегда были и будем» [12, с. 431]. Но в работах философа отсутствует влияние христианской догматики. Несмотря на мысли о Боге, он называет себя «чистейшим материалистом», «панпсихистом», «чистым источником знания», основывающим свои построения как «строго математический вывод из точного знания» [13, с. 264].

Важной чертой космической философии К. Э. Циолковского является утверждение неизбежности космического будущего человечества, которое, достигнув уровня «совершенной жизни», разнесет эту идеальную организацию жизни по просторам Вселенной. Ученый так оценивал свои взгляды: «Мне хочется, чтобы эта жизнь ваша была светлой мечтой будущего, никогда не кончающегося счастья» [12, с. 264], поскольку целью космоса, с его точки зрения, является гармония и бесконечное счастье человечества. Как и Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский в основу преобразования человека и преобразований в космосе полагает нравственность, науку и трудовую деятельность. Несмотря на идеалистичность ря-

да положений, философия космизма Циолковского провозглашает, по замечанию В. В. Козютинского, «конструктивистский подход к человеку и миру как объектам преобразования, основанного на принципах науки и научной этики» [5, с. 11].

Футурологические идеи, заложенные в философии Н. Ф. Федорова и К. Э. Циолковского, нашли дальнейшее развитие в работах В. И. Вернадского. Ученый утверждал космическую вечность жизни. С его точки зрения, жизнь является «буфером» между космосом и «косным» неживым веществом, «буфером», способным использовать космическую энергию для преобразований планетарного вещества. В этом смысле «жизнь» у Вернадского становится катализатором процесса развития. В своих работах ученый впервые вводит термин «живое вещество», лежащее в основе биосферы, а также понятие «космическая среда мира». Он полагал, что на Землю влияют даже отдаленные звездные скопления, вследствие чего биосфера получает новые свойства для земного вещества.

Созданием науки биогеохимии и учением о биосфере В. И. Вернадский поставил вопрос о месте человека в общепланетарном развитии. Ученый утверждал, что работа «культурного человечества», которая тесно связана с сознанием, проявляется как новая геологическая и геохимическая сила. В «Очерках геохимии» Вернадский определил современное геологическое состояние планеты как *эру Разума*. Похожие понятия уже вводились разными учеными: «современная географическая эпоха» И. П. Бородиным, «сфера разума» и «психосфера» – Дж. Мерреем, «пневматосфера» – П. А. Флоренским, «антропогенная эра» – А. П. Павловым. Работы А. П. Павлова, Шухерта, Ле Конта, Агассиса, Бюффона, Реди, Дана, Бергсона наводят Вернадского на мысль, что объективно констатируемая направленность развития живого не может прекратить свое действие на человеке. Ученый утверждал: «*Homo sapiens* не есть завершение создания» [2, с. 302], оно служит промежуточным звеном в длительной цепи эволюции существ. По мере того как человек будет совершенствовать свой мыслительный аппарат, он со временем изменит форму питания и источники энергии. Тогда произойдет переход человека на более высокую ступень эволюции. Человек освободится от зависимости от других существ, благодаря открытию непосредственного синтеза пищи из окружающей среды по типу растений (фотосинтез) или бактерий хемотрофов (хемосинтез). Из существа социально гетеротрофного

(использующего для своего питания готовые органические соединения) он делается существом социально *автотрофным* (то есть синтезирующим из органических веществ – воды, двуокиси углерода, неорганических соединений азота – все необходимые для жизни органические вещества). Ученый делает вывод: «Последствия такого явления в механизме биосферы были бы огромны. Это означало бы, что единое целое – жизнь – вновь разделилась бы, появилось бы *третье*, независимое ее ответвление. В силу этого факта на земной коре появилось бы в первый раз в геологической истории земного шара *автотрофное животное* – автотрофное позвоночное» [2, с. 302].

Автотрофность человека – это реальный путь преодоления смерти, о котором мечтали космисты Н. Ф. Федоров, Н. А. Сетницкий, А. К. Горский, К. Э. Циолковский, А. К. Манеев и др. Сам Вернадский считал, что создание автотрофного существа даст ему новые возможности использования вековых духовных стремлений и реально откроет пути лучшей жизни. А. Д. Московченко, подчеркивая важность такой перспективы человеческой эволюции, пишет: «Автотрофные представления приведут нас к пересмотру классических взглядов на отношения “человек-человек” и “человек-природа”. Постепенно освобождаясь от зависимости окружающего мира (прежде всего биосферного), человечество научится напрямую преобразовывать природное вещество, энергию и информацию» [7, с. 72].

С идеей автотрофности человека тесно связана идея ноосферы. Термин «ноосфера» В. И. Вернадский заимствовал из трудов Бергсона и Тейяра де Шардена. Тейяр де Шарден выделил в истории эволюции Земли несколько этапов: геогенез, биогенез (или психогенез) и ноогенез. По мнению Шардена, ноогенез, как эра развития духа, создает вокруг Земли ноосферу, то есть «мыслящий пласт», который, зародившись в конце третичного периода, разворачивается с тех пор над биосферой. Ноосфера как «корона», образованная «фосфоресценцией мысли», окутывает Землю [8, с. 148–149]. С точки зрения Шардена, ноосферу можно рассматривать как оболочку над биосферой Земли, созданную энергией человеческой мысли. В отличие от Шардена, В. И. Вернадский в работах «Научная мысль как планетное явление» и «Несколько слов о ноосфере» утверждает ноосферу как переработанную культурной энергией человечества биосферу. Ученый считает, что формирование ноосферы началось

с момента появления вида *homo sapiens*, когда человек сознательно начал преобразовывать природу. Но, по мнению ученого, до сегодняшнего дня формирование ноосферы шло стихийно. Задача состоит в переходе человечества к сознательному преобразованию биосферы в ноосферу. В этом процессе ведущая роль принадлежит науке, ставшей планетарной силой. Ученый утверждает: «Ноосфера – это биосфера, переработанная научной мыслью, подготовлявшаяся шедшими сотнями миллионов, может быть миллиарды лет, процессом создания *homo sapiens faber*, *не есть кратковременное и преходящее геологическое явление*. Процессы, подготовлявшиеся многие миллиарды лет, не могут *остановиться*. Отсюда следует, что биосфера неизбежно перейдет так или иначе, рано или поздно, в ноосферу, то есть что в истории народов, ее населяющих, произойдут события нужные для этого, а не этому процессу противоречащие» [2, с. 335].

В. И. Вернадский, как и Н. Ф. Федоров, считал, что пророчество Апокалипсиса сбыться не может. Цивилизация культурного человечества, как форма организации новой геологической силы, создавшейся в биосфере, образуя ноосферу, всеми корнями связывается с земной оболочкой. А силу этого все страхи по поводу крушения цивилизации лишены основания. Вернадский считал, что в истории человечества создадутся условия, способствующие переходу биосферы в ноосферу, а не препятствующие этому.

Таким образом, футурологические построения русских космистов имеют ряд особенностей: 1) человек рассматривается как промежуточное существо, находящееся в процессе роста своего сознания и творческой деятельности; 2) эволюция человека связывается с сознательным духовно-нравственным преображением его; 3) деятельность человека планируется как активно-эволюционная, направленная на разумное преобразование общества, природы планеты Земля, космоса, использование космической энергии для решения жизненно важных задач; 4) все преобразования основываются на гуманизме, вытекающем из целей и задач природы и космической эволюции; 5) отрицается «конец света» или «конец истории», утверждается светлое и счастливое будущее для всего человечества, его бесконечное совершенствование и космическая эволюция. Проекты русских космистов свободны от религиозной догматики, наполнены верой в силу человеческого разума и его преобразовательную активность.

Библиографические ссылки

1. Булгаков, С. Н. Свет невечерний. – М.: Республика, 1994. – 400 с.
2. Вернадский, В. И. О науке. – Дубна: Феникс, 1997. – Т. 1. – 576 с.
3. Гиренок, Н. Ф. Русские космисты // Философия и жизнь. – 1990. – № 2.
4. Дюнин, А. А. Духовный мир Циолковского. – Новосибирск: Детская литература, 1994. – 102 с.
5. Козютинский, В. В. Человек, мир и Бог в космической философии К. Э. Циолковского // Циолковский К. Э. Космическая философия. – М.: ИДЛи, 2001. – С. 7–24.
6. Моисеев, Н. Н. Человек и ноосфера. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 352 с.
7. Московченко, А. Д. Проблема интеграции фундаментального и технологического знания. – Томск: ТГУСУиР, 2001. – 192 с.
8. Пьер Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Мысль, 1987.
9. Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с.
10. Семенова, С. Г. Тайны Царствия Небесного. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 416 с.
11. Федоров, Н. Ф. Из философии общего дела. – Новосибирск: Наука, 1993.
12. Циолковский, К. Э. Космическая философия. – М.: ИДЛи, 2001. – 496 с.
13. Циолковский, К. Э. Монизм Вселенной // Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – С. 244–277.

В. М. Золотухин

Кузбасский государственный технический университет

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ ОБЩЕНИЯ

Как неотъемлемый атрибут развития и совершенствования человека общение представляет собой взаимосвязь материального и духовного. Оно осуществляется как через материальные посредники (технические

средства, языковые и неязыковые знаки и символы), так и с помощью информационной и коммуникативной связей. Последние имеют значимость для существования и/или сосуществования толерантности в реально сложившихся социокультурных условиях, неотделимы от идеологических установок общества, в котором развиваются или находятся в потенциальном состоянии. Являясь альтернативой единомыслия, мономерной конъюнктурной идеологии, авторитарного мышления, толерантность, в первую очередь, связана с присутствием и возможностью расширения диалога и существования плюрализма в социокультурных, социально-экономических и политико-правовых позициях различных субъектов как на индивидуальном, так и на групповом уровнях.

Представление о толерантности как наличия у человека внутреннего регулятора отношения к другому как автономному и суверенному существу, определяемого границами полагания другого и пределы его признанности (убеждения, верования, желания и т. д.) определяется диалогически-коммуникативной формой общения. От самого человека зависит направленность (позитивность или негативность) социальных процессов. Например, если превозносить в образовательном и информационном пространстве революции и революционеров – тех, кто провел всю свою жизнь в активной, агрессивной борьбе, – то постепенно будет воспроизводиться и поддерживаться культ насилия и преступности. В первую очередь, среди молодежи, для которой он выглядит романтичным.

При развитости коммуникационных связей процесс общения позволяет человеку обрести самого себя, а так как он «всегда больше того, что он знает о себе, следует то, что он есть не только существование, установленное как пребывание, но и имеющаяся в нем возможность, даруемая свободой» [1, с. 378]. Подтверждается пребывание человека в постоянном противоречии с самим собой. Основы данного противоречия находятся в глубине его сущности, а также онтологии самого отношения. Постоянно находясь в состоянии выбора, при обретении свободы субъект толерантности должен быть открыт к восприятию «Другого» таким как он есть, независимо от содержания различных архетипов. Субъект толерантности как носитель толерантных ценностей (каждый «рядовой» человек, «человек с улицы», «человек середины») определяется как саморефлексирующий человек, осознающий не только свои, но и всего

общества (социокультурной среды обитания), каждодневные сомнения, опасения и тревоги.

В процессе диалога происходит переосмысление «Я» в аспекте не только понимания и восприятия «Другого», но и критического осмысления своего «Я», что позволяет сформировать толерантное отношение к «Другому». Моделирование «образа оппонента» становится нормой коммуникативных связей, стандартом межличностного поведения и общения. Моделирование «образа врага», предлагаемое различными СМИ и культивируемое в обыденной жизнедеятельности, недопустимо и опасно даже ради достижения какой-то «высшей» или благородной цели. Никакой новый вид эмпирического не может быть инстанцией, дающей право ликвидировать «идеальный тип» друга, снять его в моральном постулирующем направлении, обогащенном фактами другого рода. Ставшая наличность, т. е. фактическое в буквальном смысле реального положения дел не имеет права выносить решение о «правильности», т. е. истинности или ложности такого постулирования.

В качестве одного из примеров подтверждения этому является процесс формирования образа сумасшедшего у М. Фуко: «Изолировали не каких-то «чужих», которых не распознали раньше просто потому, что к ним привыкли, чужих создавали, искажая давно знакомые социальные обличья, делая их странными до полной неузнаваемости. Этот жест породил Чужака как раз там, где ничего не предвещало его появления, нарушал обычный ход вещей, рвал привычные для всех связи» [2, с. 96]. Здесь мы наблюдаем единство субъекта и объекта, которое поднимается в противоречивом самоосвобождении из отчуждения и через него. Такой процесс наблюдается в завершении объекта в освобожденном субъекте и завершении субъекта в неотчужденном объекте. Растущее самоотчуждение, становление всех людей и вещей в качестве товара есть новая формализация бытия как симптом состояния «быть связанным с чем-то как с чуждым» (Гегель), то есть нашей, еще столь неадекватной, объективизации. Здесь значимым является следующее: само отчуждение нельзя было бы зафиксировать и осудить как лишение человека свободы и обездушивание мира, если бы не было меры ее противоположности, то есть возможного прихода к себе, Бытия-у-себя, которым можно измерять отчуждение.

В обществе мы можем наблюдать две противоположные тенденции в развитии. Во-первых, стремление социальных систем к устойчивости (равновесию). Во-вторых, постоянное стремление к изменчивости (нарушению равновесия). Сочетание этих тенденций возможно только в том случае, когда в процессе развития имеет место «затухание», или «смягчение» (уменьшение остроты) противоречий. «Затухание» противоречий как достижение единства противоположных элементов, с сокращением антагонизма и преодолением агрессивности представляет широкий спектр возможностей для развития толерантности. Существенное влияние оказывают процессы дифференциации и интеграции идеалов. Продуктом такой метаидеализации выступает общечеловеческий («абсолютный») идеал. Это дает основание говорить о толерантности как об общечеловеческой ценности, направленной на «смягчение» (гуманизацию и/или поиск взаимоприемлемых компромиссов) противоречий. Вместе с этим встает вопрос об утопичности реализации толерантности, особенно в условиях социально-экономической нестабильности.

Для эффективного преодоления социальной напряженности, культурной несправедливости и т. д. необходимо избегать применения какого-либо силового давления (агрессии). Различные способы подавления агрессии, механизмы контролирования ее проявлений с помощью физических наказаний являются лишь подкреплением агрессивного поведения человека. В конечном итоге, проблема наказания и его роли в снижении уровня агрессивности становится одной из самых противоречивых. Борясь за безопасность и правопорядок, государство выполняет собой высокую этическую функцию, но достигает ее ценой значительных нравственных потерь. Одним из следствий, исходящего от государства насилия является нравственное падение как самой власти, так и своих граждан. Здесь мы наблюдаем вечный нравственный конфликт между целями и средствами, конфликт, который государство обречено каждый раз вновь воспроизводить. Наиболее эффективным способом наказания (как на вербальном, так и на физическом уровнях) оказывается его последовательность в применении с одновременным предложением альтернативного поведения. Это касается таких форм ограничения свободы, которые по своей сущности выступают в качестве защиты от других ограничений, в том числе и жизни. Например, препятствуя распространению наркотиков, мы защищаем людей от наркомании,

ограничивающей и разрушающей существенным образом человеческую жизнь. Разрушение жизни является, безусловно, уменьшением степени свободы действия. Таким образом, то, что не уменьшает свободы действия, не является фактором, разрушающим жизнь, не принадлежит к насильственным действиям и может быть причислено к ненасильственным действиям. По мнению В. В. Лунева «безнаказанность – одна из основных причин преступности, а субъективный расчет правонарушителя на безнаказанность есть главным образом результат фактической безнаказанности» [3, с. 140].

При ограничении сферы действия насилия необходимым является не только мужество при отстаивании своей позиции, но и то культурное пространство, где это происходит. Иллюстрацией этого может быть тот факт, что на Руси, хотя наши предки издавна, были способны собирать все мужество для борьбы против внешнего завоевателя, отличались внутрисословной и внутриклассовой солидарностью, но уже с XVI в. стало заметно сопротивление народа, постоянно выливающееся в жестокий и кровавый бунт. Это явилось демонстрацией отсутствия способности решать социальные конфликты в этическом ключе. Лишая народа голоса, автономии, инициативы, российская власть планомерно проводила политику ослабления этического сознания, что укрепляло собственную власть, но препятствовало интеллектуальному развитию народа. В качестве примера можно также указать следующее: в России XIX в. проводилась политика терпимости, то есть официального «закрытия глаз» и регулирования на уровне полицейской практики для уменьшения исходящего от них вреда. Существовало что-то вроде консенсуса на уровне негласных соглашений: например, власти не трогали без нужды относительно безобидных сектантов (из числа тех, кто не предавался изуверству – с такими боролись всерьёз), беря с них повышенную дань и ожидая от них приличного поведения.

Немаловажным является и уровень культуры субъекта насилия и его цель. Если толерантность смягчает и углубляет взаимосвязь субъектов, то агрессия – это тенденция к разъединению, хотя возможны и некоторые исключения. Прежде всего, это связано с подавлением или, по крайней мере, снижением уровня насилия при возникновении чувства страха. В механизмах преодоления последнего возможны точки соприкосновения исследуемых нами понятий. В основании агрессивного пове-

дения лежит разочарование, обусловленное неосуществленными ожиданиями, посредством чувственного гнева оно перерастает в открытую агрессию, можно сформулировать общий принцип сохранения ценностно-нормативной стабильности общества как на индивидуальном уровне, так и на коллективном. Это объясняет неизбежность переноса агрессии на всех «других», «похожих» на тех, кто оказал фрустрирующее воздействие (понимаемое в широком смысле) в прошлом, в процессе «социального научения» [4, с. 301–329]. Особую актуальность приобретает «альтернативный уровень сравнения» относительно межгрупповой дискриминации. Дискриминацию можно наблюдать и без объективного конфликта интересов. Иными словами, принадлежность человека к группе содействует развитию позитивной социальной идентификации, если эта группа может быть благоприятно сравнима с другими группами. Межгрупповое восприятие является в большей степени ценностным (оценочным), чем восприятие межличностное. На межгрупповом уровне особую важность приобретает проблема адекватности представлений, относящихся к другой группе, т. е. «адекватности межгруппового восприятия» (Г. Тэшфел).

Как стремление к самосохранению (Б. Спиноза, Т. Гоббс) толерантность направлена на сохранение индивидуальности человека при его открытости всему многообразию мира. На первое место поставлен вопрос о сохранении «Самости» в бытии при необходимости диалога с «Другими». Рамки данного диалога включают в себя нормативность права и характеризуют открытость общества. Этот аспект подтверждается М. В. Рацом, подчеркивающим, что «рамки диалога и права теснейшим образом связаны с характеристикой для открытого общества толерантностью и плюрализмом. Толерантность и плюрализм при этом оказываются необходимыми в рамках права и категорически недопустимыми за его пределами» [5, с. 27].

Актуальным это является сейчас, когда общественная инициатива разбужена, важной становится не только естественная потребность человека в свободе, но и способность к ней. Такие демократические ценности, как выбор, право на собственное мнение, свободу совести, – т. е. все то, что позволяет сохранить разнообразие общества и мира в целом, еще не осознаны и не присвоены российской культурной традицией, а значит и основной принцип толерантности – «гармония в

многообразии» – остается пока за пределами ее социокультурного процесса. На этот момент обращают внимание многие исследователи, в том числе и В. С. Библер: «Основная форма человеческой деятельности (даже в сфере непосредственного производства) должна протекать как деятельность самоустремленная, деятельность свободного времени, в малых динамических группах сосредоточенная... Делом человека оказывается коренное культурное изменение самих изначальных форм деятельности и мышления. Индивиды осуществляют здесь (даже в сфере материального производства) свое общение не как “частицы винтики” единого “совокупного” работника, а как отдельные одинокие люди, замкнутые на свой строй мышления, в контексте всеобщей индивидуальной деятельности и информации» [6, 5].

Ответственность человека перед самим собой и другими, в рамках толерантных отношений, отражает спектр его возможностей к социальной адаптации. При этом человек встает перед выбором оптимального для себя критерия поведения с выбором ценностных ориентиров. Как способ бытия-в-мире это требует от человека проявления мужества как при отстаивании своей определенности, так и в достижении групповой солидарности для достижения устойчивого и уравновешенного развития общества. В акте мужества происходит самоутверждение «вопреки», а именно вопреки тому, что пытается помешать «Я» утвердить самое себя. Индивидуальное «Я» соучаствует в мире как структурном универсуме бытия, а толерантные отношения направлены на достижение конструктивного сотрудничества и способствуют коллективному самосохранению как реакции на существующую деструктивность в обществе. В этом смысле интересным представляются теоретические основы ненасилия и практика его применения.

Усиление агрессивности в поведении обусловлено реакцией человека на окружающие события и действия. Кроме процессов снижения уровня агрессивности, усиление ее возможно и через нагнетание в общественном мнении. Это подтверждает решимость человека на применение насилия для достижения своих целей. В этом случае, во всех намерениях и побуждениях он будет руководствоваться установкой на допустимость насилия, независимо от его применения в конкретном случае. Этот момент актуален, ибо он согласуется не только с моральной и юридической, но и с обыденной точкой зрения, что особенно характерно для современ-

ной России. Например, «по уровню регионального валового продукта самые бедные и самые богатые субъекты Российской Федерации различаются сегодня в 36 раз, по объему инвестиций на душу населения в основной капитал – в 158 раз. Прирост национального ВВП и производства обеспечивают в основном лишь 10 субъектов, большинство же регионов живут на дотации Москвы» [7, с. 10].

Расширение толерантного пространства, т.е. использование в повседневном общении толерантных ценностей и норм, невозможно без наличия плюралистичности межличностных отношений в обществе. Плюралистичность «регулярна» (М. Мамардашвили) и устойчива в бытии как в «должном». Исходя из того, что плюрализм человечески коммуникативен, то и истинно плюралистическая толерантность – содержательно очень богатое основание человеческой коммуникации. Она включает в себя отрицание истинностной привелигированности любой позиции, в том числе и своей собственной, или, по-другому, признание логического первенства («взаимного приоритета») всех выдвигаемых точек зрения. К этому следует добавить, что усиление толерантности есть обретение смысла в результате активного и плодотворного сотрудничества, соучастия, солидарности. На этом фоне успешно проходят процессы адаптации человека в рамках коммуникативных связей, где нормой становится гетерогенность различных форм жизнедеятельности человека. В одном ряду с этим стоит и проблема универсальности (цивилизованности) как достижения глобального консенсуса и отказа от варварства.

Давая определение цивилизации как добровольного стремления к сосуществованию, необходимо подчеркнуть: она есть стиль и символ коммуникации. Приобретают реальное содержание «общественные коммуникации» (Ю. Хабермас), выстраивающие политическую культуру. Здесь демократические убеждения спокойно проникают в умы и сердца людей и становятся их повседневной привычкой. Более того, современная интенциональность бытия обращена «на саму себя, в том смысле, что в своей направленности на другое, на внешний мир вещей, она предполагает осознанную саморефлексию, источник которой находится в самопознании собственной плоти» [8, с. 84]. Характеристикой этого сознания выступает «осознанная коммуникация». Иными словами, образцы цивилизованного общения (терпимость к другому как имеющему право оставаться другим и т. д.) являются элементами фундаментальной демокра-

тии повседневной жизни, о которой каждому известно – ее невозможно организовать. Этому противопоставлено варварство, не предполагающее расширение круга общения. Его появление в современном мире связано с этническим фанатизмом и деструктивной энергией суеверия. Варвару не нужна культурная идентификация, ее заменяет групповая ассимиляция, ибо человек теряет цивилизованность по мере того, как начинает все меньше и меньше считаться с мнением окружающих.

Согласно Дж. Ролзу, принцип равной свободы, применительно к политической процедуре, есть принцип (равного) участия. От наличия механизмов реализации участия граждан, а также их желания это делать, зависит государственное устройство и управление, требующие разработку объединяющих доктрин, политических программ предотвращения и противодействия различным формам ксенофобии, ненависти и экстремизма. От этого зависит эффективное исполнение законов, предотвращающих дискриминацию по полу, этнической и религиозной принадлежности, а также обеспечивающие права граждан, принадлежащих к различным меньшинствам. Как известно, на одной и той же исходной базе можно смоделировать и демократическую тиранию, и либеральную демократию. Например, государству, уничтожившему тысячи и тысячи собственных граждан, даже не принесшему извинения за это, заявлять о монополии на патриотизм отвратительно. Тем более, что, как говорят сторонники коммунитаризма, свободных граждан не нужно принуждать быть патриотами [9, с. 236].

Одной из форм стремления к сосуществованию в политике является либеральная демократия. Как принцип политического права либерализм стремится ограничить свое воздействие, стараясь любой ценой оставить поле (в государственной области) для деятельности тем, кто думает и чувствует не так, как приверженцы либерализма, иначе говоря, не так, как те, за кем стоит сила, не так, как большинство. Совместная деятельность даже с бывшими или мнимыми врагами не является признаком слабости, но способна дать позитивные результаты. Принципы толерантного общения способны облегчить и продвинуть вперед согласительный процесс, устранить различные препятствия и помехи, дать альтернативные решения, казалось бы, неразрешимых противоречий.

Востребованность человеком толерантности, поиск или создание вокруг себя толерантного пространства характеризуют демократическую

личность [10]. Она формируется в процессе «нормальной» социализации и воспроизводит отсутствие этнических предрассудков, широту мышления, признание равенства людей, низкий уровень тревожности, приоритет рационального начала, активную жизненную позицию и чувство ответственности за себя и других. Для соотношения объективной причинной обусловленности мотивации и легитимизации отношения к «Другому» как совершителю ответственного поступка толерантность рассматривается как внутренний регулятор моего (субъекта) отношения к «Другому» как автономному и суверенному существу.

Культурная идентичность представляет собой сложную систему ценностей, убеждений, символов, образцов поведения и т.д., которая развивается в процессах долговременной кристаллизации коллективного опыта членов одного сообщества. Она свидетельствует о принадлежности индивидов к определенной культуре, в которой они не видоизменяются полностью, но, усваивая базовые характеристики, становятся ее неотъемлемой частью. При этом следует подчеркнуть, что усвоение культурной идентичности не подразумевает потерю собственной, а, наоборот, предполагает ее. Сформировав собственную идентичность, индивид сознает, что ему навязывается извне, а что он может выбрать сам, опираясь на интернализированные принципы и ценности.

Данный процесс хорошо иллюстрируется на примере поиска «центра» той или иной культуры, своего рода репрезентаций всех главных национальных стихий мира. По мнению В. Россмана, «вся история русской культуры пробегает перед нами калейдоскопом, отраженным в самоваре», где «самовар – баланс и средоточие русского мира и русского мифа» [11, с. 50]. Более того, «цивилизационные различия могут восприниматься не как отрицание всеобщности прав человека, а как обогащение практики их реализации. В противном случае, защита прав человека грозит превратиться в свою противоположность» [12, с. 41]. То, что для носителя европейской культуры выглядит унижением и неравенством, представитель исламской цивилизации может воспринимать как вполне естественное и даже одобряемое. И, наоборот, нормы, которые для европейца ассоциируются со свободой и правом выбора, мусульманин может считать символом вседозволенности, распущенности, унижения достоинства человека. В современных российских реалиях ценности, представляющие собой соглашение между людьми относительно целей, к ко-

торым следует стремиться, в лучшем случае подменяются инструментальными ценностями, то есть гипертрофированной значимостью средств достижения целей. При этом, ценностные паттерны, которые формировались в течение нескольких поколений, как правило, распадаются или редуцируются до минимального уровня. Значение приобретает только то, что в данный момент выгодно узким группировкам, объединенным ситуативными интересами, либо отдельным личностям, мнящим себя выше правовых и нравственных норм.

Затрагивая вопрос о смысле бытия в аспекте его фактичности, толерантное общение является характеристикой социальной технологии. Перерастает в плоскость реальной практической коммуникации, где рассматривается через призму конфликта «бытия-для-другого» [13, с. 207]. Через механизм разрешения конфликта происходит взаимообогащение человека человеком при условии: этот процесс «должен оставить нетронутой природу другого», ибо «Я» не «перестаю утверждать другого». Актуализация этого момента происходит «в той мере, в какой я являюсь объектом, начинающим существовать для “Другого”, я должен быть пределом, присущим самой его трансцендентности, – так, чтобы “Другой”, восходя к бытию, придал и мне бытие непревосходимого абсолюта, не в качестве уничтожающего для-себя-бытия, но в качестве бытия-для-другого-посреди-мира». В этом случае мы видим проявление плюрализма, который определяет «объективный предел» для свободы «Другого». Сартовская модель коммуникации как пути разрешения конфликта определяет границы собственного полагания субъекта посредством полагания бытия «другого» как признанность его автономии и суверенности. Тем самым «концепция уважения» И. Канта дополняется диалогически-коммуникативной природой проявления отношений, связанных с «долгом».

Любой диалог, имеющий целью расширить сферу влияния одной мировоззренческой парадигмы за счет другой, какими то ни было аргументами, есть разновидность изуверства и должен быть отвергнут в принципе, независимо от аргументов ведущих его сторон. В противном случае, это приведет к разрушению толерантных отношений, социокультурного пространства вместе с культурой и «общечеловеческих ценностей», которые покоятся на освещенных всеми мировыми религиями символах Милосердия, Любви, Семьи, Разума, Добра, ибо попираются сегодня антикультурой с ее символами Насилия, Похоти, Звериной Стаи,

всевозможных половых извращений и прочего Зла. Они широко пропагандируются СМИ, в результате чего деструктивность наполняет массовое сознание и мешает осознанию человеком ценности самоопределенности собственного бытия, особенно у молодого поколения.

В «активном» сопротивлении человека повседневности, «падающей публичности» (М. Хайдеггер) проявляется специфика толерантных отношений. Встреча «Другого», диалог с ним, признание равенства («слабого» и «сильного») отношений между ними, а также возможность выхода из конфликта между ними. Всякое взаимодействие приводит к конфликту интересов. Для успешного противостояния развитию интолерантности необходимо воспитание и возвращение конфликтных компетентностей человека, чтобы человек осознавал (мог осознавать) конфликт как явленное в нем объективное противоречие. На противоречие, явленное в конфликте, можно ответить агрессией, попытаться победить его в буквальном, силовом смысле слова. Ни в первом, ни во втором случае противоречие не исчезнет, конфликт лишь на какое-то время затаится, спрячется, но обязательно вернется, может быть, в еще более сложном виде. Таким образом, находясь внутри толерантных отношений, надо **учиться разрешать противоречие** с помощью расширения социокультурного диалога на основе переговоров как снятие этого противоречия через умение договариваться. Чем больше способов разрешать конфликт, неизбежный в условиях мультикультурного социума, знает человек, тем более он способен к толерантности, к продуктивному взаимодействию.

Библиографические ссылки

1. Ясперс, К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
2. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 576 с.
3. Лунев, В. В. Правонарушение можно предупредить. – М.: Политиздат, 1987. – 197 с.
4. Berkowitz, L. The concept of aggressiv drive: some additonal considerations. – In L. Berkowitz (ed.): Fdvances un experimental social psychologu. – New York & London, 1965, – Vol. 2.

5. Рац, М. В. К концепции открытого общества в современной России // Вопросы философии. – 1999. – № 2.
6. Библер, В. С. Школа диалога культур. Основы программы. – Кемерово: Гуманитарный Центр «Алеф», 1992.
7. Парламентская газета. – 2008. – 28 октября.
8. Оезер, Э. Мозг, язык и мир. Формализм против натурализма в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна // Вопросы философии. – 1998. – № 5. – С. 80–94.
9. Тейлор, Ч. Пересечение целей: спор между либералами и коммунистами // Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. – М., 1998. – С. 236.
10. Золотухин, В. М. Социально-философская определенность толерантного пространства // Социогуманитарный вестник Кемеровского института (филиала) РГТЭУ, 2009. – № 3 (октябрь). – С. 74–78.
11. Россман, В. Мистерия центра: Идентичность и организация социального пространства в современных и традиционных обществах // Вопросы философии. – 2008. – № 2. – С. 42–57.
12. Поленина, С. В. Проблема национально-культурной идентичности в свете взаимодействия правовых систем современности // Государство и право. – 2008. – № 1. – С. 37–43.
13. Сартр, Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 207.

Т. В. Левина, А. А. Степанов

Казахстанско-Американский свободный университет

КУЛЬТУРНАЯ РЕЧЬ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ГОВОРЕНИЕ (ИЛИ ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ПРОЦЕССУАЛЬНО- ИНВАРИАНТНОЙ ЛОГИКИ К ДИАЛОГОГЕНЕЗИСУ)

XXI в. стремится к введению новых парадигм научного обоснования любых фактов. В конечном итоге, все науки глобализируются и стремятся к одному – истине. На наш взгляд, для такого объединения идеальной становится теория инварианта.

Прошлый век многим удивил современников, и он не перестает поражать наше воображение до сих пор все новыми открытиями и загадками. По-разному называли этот уходящий век второго тысячелетия, нам бы тоже хотелось оставить свой след в этой традиции и назвать его веком «поворота сознания к самому себе». Всемирная философская конференция 1998 г. предсказала для третьего тысячелетия новую парадигму мышления, основным методом которой будет майевтика и эвристика Сократа. «Познай самого себя, и ты обнаружишь в себе счастье» – так хотелось бы синтетически выразить идею философского Востока и Запада по поводу поиска смысла жизни человека.

Уход внутрь себя, как убежание от внешнего мира на Востоке, и «растекание» вовне, как средство не замечать внутренние конфликты своей души на Западе, породили в социокультурном пространстве всего человечества проблему синтеза опыта двух данных частей света. Информатизация и компьютеризация постиндустриального общества даже душевные влечения и гуманитарное образование переводят на язык современных технологий. Неумное влечение Запада к глобальной технократичности со стороны Востока вызывает только агрессию – в качестве своеобразного способа сохранения своей культуры. С другой стороны, увеличения различных способов воздействия на человека, а особенно, на его психику, заставляет по-другому взглянуть на старую проблему взаимосвязи цели и средств, но уже относительно культурно-гуманистического аспекта. Все вышесказанное заставляет современную философию, вообще, и эпистемологию, в частности, по-новому обратить внимание на саму себя и предмет ее рассмотрения. На первый план выступает методология обоснования интегрирующего мировоззрения, для существования которой необходима система синтетических принципов.

Поэтому задачей философии науки настоящего времени становится пересмотр всех имеющихся принципов как в отдельных науках, так и в диалектике – на предмет их совместного использования как единой системы. Системообразующим фактором эпистемологии выступает синтетическая и унифицирующая функция всех рассмотренных принципов. Критерием пересмотра должна выступать гуманистическая идеология, в чем-то близкая учению софистов. Конкретный человек, его личностное развитие и индивидуальное счастье становятся во главу угла многих теорий и учений современных гуманитарных наук. Парадигма нового мыш-

ления в качестве объекта рассмотрения должна брать не «человека разумного» или «человека умелого»; потерял свою былую актуальность «человек социальный» и даже «человек общительный». На первый план выступают понятия смысла и ценности жизни, счастья и наполнения бытия «здесь и сейчас», а не в будущем или на том свете. Такого человека будущего, как предмета методологических изысканий настоящего, можно назвать «человеком свободного поступка». Разработать концепцию такого человека должна помочь синтетическая методология инвариантного деятеля, которая, в качестве сверхзадачи, решает проблему осознания инварианта самоидентификационного существования. Данная методология вырабатывается на материале синтетических теорий различных областей научного знания. Наиболее плодотворной почвой, в этом смысле, является математика, особенно ее теория множеств, внутри которой в последнее время выделилось перспективное направление – *теория групп инвариантных преобразований*.

Впервые теоретико-инвариантная концепция возникла в геометрии. Развитая цепь дифференциации внутри геометрии также породила проблему ее синтеза. В 1872 г. Ф. Клейн выдвинул новый синтетический принцип, который в значительной мере восстановил утраченное единство геометрии. Согласно этому принципу, вошедшему в историю под названием «Эрлангенской программы», различные геометрии были интерпретированы как теории инвариантов определенных групп преобразований, соответствующих этим геометриям. Все многообразие геометрических систем (евклидовой, неевклидовой, проективной, аффинной, конформной) удалось понять с единой – теоретико-инвариантной – точки зрения.

Вкратце его мысль звучит так: вся геометрия в целом сводится к теории инвариантов некоторой группы, рассматриваемой как группа преобразований заданного многообразия. Необычайная эффективность теоретико-группового метода дает возможность рассматривать его как универсальный эпистемологический прием обоснования синтетических физических теорий.

Крупные переломы в жизни науки обычно сопровождаются спорами о способах конструирования предмета данной науки, попытками пересмотра сложившихся понятий и осознанием потребности в новом метаязыке. В образовании эти процессы сложились в конце 70-х гг.

прошлого века. В это время начала складываться новая парадигма – развивающееся обучение.

С тех пор прошло не так уж и много времени, но в образовании произошла смена всей парадигмы. Изменились способы конструирования предмета исследования. В любой науке смена парадигмы делает особо актуальной разработку общих и частных проблем эпистемологии. Однако в современном образовании частная эпистемология пребывает в зачаточном состоянии. Это не кажется случайным. Можно указать, по меньшей мере, три причины такого положения вещей.

1. Эпистемология гуманитарных наук вообще мало развита. Изобилие многообразных учений обычно не сопровождается разработкой соответствующих методологических предпосылок. Так, традиционно педагогика относится к «наукам о человеке», и по умолчанию в нем рассматривается иной аспект «человека», чем, например, в медицине или антропологии. Тогда возникает вопрос, как соотнести характерные для разных «наук о человеке» методы – правдоподобные рассуждения, эксперимент, наблюдение?

2. В силу специфики своего объекта, современное образование имеет много предметов. Очевидно, что различие в предметах предполагает и различие в методах, но насколько оно глубоко?

3. По-разному понимаются в образовании ценностные ориентации.

Все это и составляет для каждой отдельной науки ее собственную эпистемологию – то, что Р. Мертон в свое время назвал «теорией среднего уровня». Незавершенность теорий среднего уровня в образовании до некоторого времени не ощущалась как некий минус, что до известной степени естественно. Чтобы почувствовать потребность в постановке и решении эпистемологических проблем, надо усомниться в очевидностях и систематически размышлять о предмете своей науки, т.е. заниматься методологической рефлексией.

Современные подходы к образованию, использующие различные научные методологии и технологии (синергетический, информационно-технологический, кибернетический, коммуникативный и системный), в той или иной степени, не учитывают процесс динамики каждого. Понимая под образованием процесс *самоконструирования и самопознания индивида* (креативный аспект), мы, тем самым, применяем процессуаль-

но-инвариантную точку зрения как на решение основных проблем образования, так и на перспективы дальнейшего его развития.

Говоря о парадигме процессуальной логики, мы понимаем триединство состояния, ситуации и события. Такой подход к образованию выделяет три признака:

- 1) Образование невозможно без субъекта ситуации;
- 2) Постоянное состояние активности и совместности существования в пространстве образования;
- 3) Процесс замыкается в самом себе, конструируя совместность бытия с самим собой.

В этом случае, решается следующее противоречие: мы отходим от парадигмы понимания человека как биосоциального существа к двуслойности естественно-искусственности социального существа, тем самым, учитывая его креативность независимо от, например, генетики или социальной среды.

Во-первых, это дает переход от абстрактного индивида к личности, т.е. чистый гуманистический подход без потери уникального и неповторимого.

Во-вторых, это дает возможность постоянно находиться в живом диалоге – субстанцией существования человека является не субстрат, а процесс.

В-третьих, диалог осуществляется через язык, реализуясь в речи. Именно в этой точке происходит связь социального и природного, т. е. формирование культурного пространства.

Как следствие, возникает личная заинтересованность каждого в образовании, что порождает многовариативность существования и инвариантность образования.

Все эти аспекты и признаки дают нам основание делать вывод о том, что подобный подход к образованию способствует приобретению целостности и полноты без потери многообразия.

Традиционные подходы к образованию рассматривают субъект образования многоаспектно, а не целостно. Естественнонаучный холизм не учитывает индивидуальности, уникальности. Процессуально-инвариантный подход позволяет, не теряя неповторимости и уникальности, сохранить неделимость.

Предлагаемая познавательная модель «человека самоидентичного» является логическим продолжением развиваемой нами процессуальной методологии инвариантного деятеля [7]. Данная методология расширяет поле деятельности рациональной рефлексии и позволяет рассматривать качественно новый – «человекообразный» – объект. Объекты, как считает В. С. Степин, принадлежат к «постнеклассическому типу научной рациональности, когда учитывают соотношенность получаемых знаний об объекте, не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами» [7]. Согласно инвариантной логике, субъектно-объектное взаимодействие в любом виде деятельности протекает на фоне непрерывного процесса самоидентификации. Принцип инвариантного действия онтологизирует деятельностный подход через триадичный анализ взаимодействия по уровням – «вещь, свойство, отношение». Процесс служит объединительным принципом этих трех уровней, а осуществляется он активным деятелем. Устойчивым ориентиром постоянной активности деятеля в направлении самоидентификации выступает условие нахождения человека в процессе постоянного становления. Только существование человека в бытии, которое выходит за пределы расщепления реальности на субъект и объект, позволяет осуществляться полноценному процессу.

Поскольку процессуальная деятельность человека всегда конкретна, то и вещи, вовлеченные в процесс, должны восприниматься конкретно, в привязке к системе восприятия и к конкретному познающему деятелю. В разных системах познания, в различных процессах деяний одна и та же вещь проявляет себя различным образом, образуя другие связи и вступая в многообразные отношения. Как считает Л. В. Суркова, идея процессности социального бытия, развиваемая В. Е. Кемеровым, довольно продуктивна и эвристична. В этом случае, активный инвариантный деятель будет той границей, где ценность одновременно со смыслом рождается на пересечении пространственно-временных линий поля сознания социума. «Там, где спонтанная творческая активность сознания субъекта приходит в состояние резонанса одновременно как с «временным», так и «пространственным» измерением социальной реальности, возникает точка рождения нового смысла и одновременно новой ценности» [8].

Свойство как функциональная форма существования индивида проявляется в виртуальных состояниях, которые через механизм рефлексии формируют будущие события. Благодаря непрерывно возникающему полю событий, человек приобретает способность взглянуть на себя со стороны и приобрести возможность инверсного конструирования. Возникающая таким способом реальность приобретает состояния активной границы, когда своё есть синтез проявленного вовне, как в зеркале, через поверхность иного. Данный механизм порождения инвариантного деятеля как активной границы возникновения, существования и уничтожения процесса позволяет рассматривать более сложные системы взаимодействия субъектов. В подобных самоорганизованных системах спонтанно порождающиеся механизмы рефлексии позволяют объяснить становление универсального и бесконечного человека в любом развивающемся индивиде. А. С. Арсеньев предложил аналогию взаимосвязи рефлексии и трансцендирования с геометрическим представлением инверсии на круге. Это позволило В. И. Слободчикову сделать обобщающий вывод о том, «что, чем глубже рефлексия, т.е. осознание все более глубоких слоев психики, внутреннего Я, тем более расширенным оказывается трансцендирование, выход за границы наличного бытия, осознание своего единства с Миром как целым» [3]. Но менять границы своего и чужого существования, как челнок, переплывая с одного берега на другой, связывать и ухватывать весь процесс в целом возможно только в том случае, когда активная граница и инвариантный деятель формируются как самоподобные объекты одновременно. Тогда появляется возможность через процесс формирования границы как инвариантного деятеля активно осуществлять трансформацию своих состояний в событийную онтологическую деятельность. Свойство как единство внешней формы и внутренней структуры, выходя за пределы существования одной вещи, продолжается в другой, истончая одну, обогащая другую, гармонизирует и соразмеряет жизненный поток во времени и в пространстве. Благодаря деятельности по созданию состояний в едином процессе своего существования человек обретает возможность транслировать знания из внутренней сферы во внешнюю без потери смыслового и ценностного содержания.

Как сказал М. Хайдеггер, «временность есть бытие сущего, а истина есть сущностное бытие». Событие есть синтез бытия и времени, в ко-

тором они исчезают как самостоятельные сущности, приобретают функцию соответствовать друг другу. Событие синтезирует смыслы многообразия самобытия и используется в качестве способа выражения динамики отношений человека и бытия. «В событии, – как подчеркивает Керимов Т. Х., – обнаруживается освоение как сбережение своего собственного, которое отчуждает самое себя» [4, с. 823]. Категория «событие» дана, а не задана, как категория «самобытие», и она призвана заполнить брешь и пустоту между феноменом и ноуменом, между явлением и сущностью. Тем, что оно дано, оно формирует границу собственного события, оно не является и не выходит в присутствие, но тем самым его создает, оно не может стать объектом восприятия или чистым предметом познания внешним к самому познающему. Само событие, как самобытие, будучи границей бытия, маргинализирует бытие; как граница, оно лишено онтологического статуса, но, в тоже время, именно благодаря такой способности разграничивать место бытия на внутреннее и внешнее, событие созидает деятельного человека. «Событие лишено самоидентичности, которая подвешивается на структурно бесконечном отношении к другому событию. А это означает, что событие ничего не значит вне системы становления сущего» [4, с. 823]. Получается становление человека одновременно с событием его поступка с ним самим. Гносеологическая триада «вещь, свойство, отношение» завершается в диалектическом синтезе в процессе предметной деятельности. Переход на онтологию субъективности происходит в осуществлении становления человека; это становится возможным в свободном творчестве и общении с себе подобными. Реализация становления в онтологическом аспекте осуществляется в диалектической триаде «состояние, событие, поступок». Пересечение онтологического и гносеологического триединства порождается процессуальной методологией, благодаря которой формирование инвариантного деятеля происходит не в силу одной внешней или внутренней необходимости, а в силу, согласно Г. С. Батищеву, «свободного творчества и глубинного общения» [1].

Обыденный мир фрагментарен, восприятию он дан не связанным, а случайно соединенным. Сосуществование моментов жизненного опыта не воспринимается сознанием в виде состояний единого процесса, в их органической взаимосвязи, а представляется ситуативным, хаотичным скоплением. Дискретность бытия, как заданность существования человека,

отражена в квантованном восприятии окружения и своего взаимодействия с миром. Чувство полноты как согласованность образа жизни человека с его мировоззрением и поступками требует для своего идентичного бытия введения понятия процесса. Дискретность воспринимаемой реальности, данная человеку в процессе общения и познания, необходимость постоянной самоидентификации получаемых знаний о своем состоянии во времени и в пространстве постоянно ставит проблему обоснования категории «процесс» в неклассической методологии.

В этом случае, достигается непрерывность приобретаемого опыта при созидании индивидуального полноценного бытия. Процессуальная методология инвариантного деятеля позволяет через механизмы самотождественного становления согласовать различные состояния, события и поступки по принципу «всё в одном, и одно во всем». Самоосуществление активного деятеля в состояниях и событиях своего становления происходит тогда, когда в любой орудии познания, общения и действия предметно закрепляется человекосоразмерная способность и сила.

В процессе научного познания, в процессе предметной практической деятельности и в процессе духовно-нравственного общения самореализация осуществляется в одинаковых механизмах саморазвертывания жизненного пространства осознания себя «здесь и сейчас». Процесс мыслящего бытия, или бытийствующего мышления для своего существования и развития, должен представляться в виде самотождественного субъекта развития, прикрепленного к определенной культурной системе отсчета через группу преобразования, которая реализует механизм самоидентичного подобия.

Группа преобразований приобретает онтологический статус как проекция органа идентификации субъекта, и задается через систему необходимых и достаточных способов функционирования. Эти способы, как всеобщие средства, относятся к постнеклассической науке и расширяют понятие о рациональности, которое наряду с рефлексивным механизмом познавательной деятельности содержит механизм взаимозависимости инверсии и трансцендирования. Экстраполирование геометрической «Эрлангенской программы» на гносеологию позволяет обогатить неклассическую рациональность такими средствами познавательной деятельности, как симметричность, транзитивность, относительность и дополнительность. При одновременном взаимодействии всех

вышеперечисленных факторов в качестве эпистемических параметров активность инвариантного деятеля определяется как процесс идентификации с самим собой. Группа преобразований как орган единого организма в системе аутентичных элементов выступает целым и активным началом, порождающим другим процессуальные элементы познавательной структуры человека. Социум под углом зрения новой методологии рассматривается не как застывшая сверхзаданная структура, а как постоянный процесс порождения и поддержания связей. Свойства социума рассматриваются не как заранее заданные вместе с самой структурой, а как процесс порождения человеческого общения и сохранения связей между ними.

Мы считаем, что процессуальная методология при изучении трансформации социума и человека в нем, а также других топодинамических эффектов более адекватна динамической реальности, чем системный и деятельностные подходы. В предлагаемой модели человек как инвариантный деятель находится не просто в центре всей предметно-познавательной конструкции, в процессе ее создания он самоконституируется. Изоморфные тенденции, как в формировании свободного деятеля, так и в протекании социального процесса, позволяют, отслеживая устойчивое существование одной из сторон, влиять на формирование устойчивости другой стороны. Это проявляется при «глубинном общении» между личностями как равноправными субъектами диалога, обсуждения и соавторства, при совместной деятельности на едином социокультурном пространстве. В настоящее время все более очевидна необходимость в этической составляющей всех современных наук, что, в свою очередь, наводит на мысль, что решающей характеристикой наук в будущем станет учет человеком своей соразмерности с природой.

Создающиеся при этом условия, в которых существует процесс, так переплетены с факторами и элементами системы, что нельзя заранее предсказать, что больше влияет на формирование и протекание самого процесса. Элементы как результаты перетекают в субъекты, формируя их заново, средства и способы взаимосвязи субъекта и объекта трансформируются в субъективные и объективные цели, которые образуют снова конечные результаты. В процессе становления человека все элементы деятельности равноправны, они взаимодействуют свободно только в той ситуации, когда средства, мотивы, цели, результаты и субъектно-

объектные связи не могут быть отторгнуты от той ситуации общения, в которой осуществляется данный процесс. Каждый элемент самоидентифицирующего процесса в его содержании пронизан и освещен контекстом общения. Познавательный акт существования объекта самоопределен контекстом общения, онтологический акт существования субъекта самообусловлен ориентированностью на общение, каждый акт взаимодействия между субъектом и объектом нагружен герменевтическими смыслами. Активность одного субъекта в процессе общения означает свободное волеизъявление противостоящего ему другого субъекта, равноправность элементов общения означает наличие живой диалогической связи. Знание о протекании социальных процессов находится в прямой зависимости от осознания взаимодействующих актов полагания смысла деятелей, создающих течение данного процесса. Смысл, полагаемый в деятельности каждого из равноправных субъектов общения, размещается на границе с другими смыслами, и потому участвует в созидательном процессе становления субъекта. Активная граница является источником и одновременно посредником процесса. Взаимопонимание, достигаемое в диалогической коммуникации, как одной из форм аутентичного процесса, есть нахождение той сферы взаимодействия, где каждый предшествующий субъект становится адекватным современному и равноправным участником диалога со всеми остальными, где смыслы находят свое самосогласование. Участие в диалоговом общении, нахождение в постоянном взаимодействии на равных приучает считаться с мнениями других, сообразовывая своё поведение со своей собственной позицией, искать согласие, достигать общей меры урегулирования отношений. В этом случае человеческий фактор, как всеобщая мера любого процесса, предстанет не абстрактно, а с учетом данной жизненной ситуации. Тогда субъектом не будут распоряжаться, а он сам, выступая творцом данного процесса, будет участвовать в рождении и существовании своей собственной судьбы.

В заключение приведем пример. Последнее десятилетие в педагогике (как одной из основных частей образования) появилось очень много игр, направленных на развитие креативного мышления. Игры подобного рода применяются в любой возрастной группе. Как правило, они малоэффективны, хотя и достаточно дорого могут стоить. Возникает естественный вопрос: почему они малоэффективны? Почему весь процесс образования, например, в начальной школе, основанный на игровых

технологиях, не раскрывает даже наполовину потенциал ученика? Почему уже состоявшиеся в социальном и педагогическом смысле люди, посещая различные игровые семинары по развитию творческого мышления, также не получают удовлетворительного результата? Ответы на эти вопросы мыслятся нами в понимании образования через процессуально-инвариантную логику, а в конкретном применении для похожей ситуации – наиболее эффективным способом раскрытия креативного потенциала человека будет его «включение» в клубы по интересам. Именно в такой, непринужденно-педагогической среде, когда дискуссия не решает вопросы истины, но создает предпосылки для ответа на вопрос каждого из ее участников, и может формироваться личность с максимально раскрытым творческим потенциалом, личность, не закрытая в плоскости образования, а открытая для процесса бесконечного познания самой себя.

В качестве предложения к будущему диалогу как продолжение в интернетовском режиме общемирового Сократовско-Платоновского спора предлагаем в качестве проблемы следующее определение человечности. Мера человечности определяется как степень вовлеченности субъектов общения в совместность самоосуществления для взаимопонимания. Данное определение, выработанное членами клуба «Сократ» г. Усть-Каменогорска, является базовым для всех статей, предложенных в данном сборнике и написанных членами клуба. Сам клуб существует в городе 21 год и разрабатывает эти вопросы теперь и в он-лайнном формате в виде Симургической лаборатории. Ключевое слово поиска – «Симургетика». Надеемся на дальнейшее творческое сотрудничество наших виртуальных лабораторий.

Библиографические ссылки

1. Батищев, Г. С. Социальные связи человека в культуре // Культура, человек и картина мира. – М.: Наука, 1987. – С. 90–135.
2. Сильвестров, В. В. Место теории культуры в современном теоретическом знании // Сильвестров В. В. Культура. Деятельность. Общение. – М.: РОССПЭН, 1998.
3. Слободчиков, В. И., Исаев Е. И., Психология человека. Введение в психологию субъективности. – М.: Школа-пресс, 1995.
4. Современный философский словарь / под. ред. В. Е. Кемерова. – 2-е изд. – Лондон – М., 1998.

5. Степанов, А. А. Процессуальная методология инвариантного деятеля // Вестник ВКГТУ. – 2002. – № 4. – С. 136–141.
6. Степанов, А. А., Левина, Т. В. Инвариант: От математики до языкознания: аналитический обзор. – Усть-Каменогорск: ЦНТИ, 2005.
7. Степин, В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
8. Суркова, Л. В. Ценность науки: реальность и иллюзии // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. – 2002. – № 1. – с. 45–46.

О. В. Ртищева

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КОММУНИКАЦИОННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЯЗЫКА

Исследование коммуникационных характеристик языка, логичнее начать с рассмотрением вопросов о его происхождении. Существует множество взглядов на проблему возникновения языка, и один из них принадлежит И. Г. Гердеру. Возникновение языка И. Г. Гердер связывал с развитием культуры. Он рассматривал естественные законы, определившие необходимость появления языка. Непрерывное совершенствование – характерная особенность человека. Это развитие не знает предела и ни одно животное не претерпевает его. Возникновение и развитие интеллекта есть возникновение и развитие языка. По И. Г. Гердеру, природа построила человека, чтобы он говорил и встал на ноги, «чтобы говорить, и ради этого стремящаяся ввысь колонна дугою выгнула его грудную клетку». «Однако и со всеми этими орудиями искусств, как мозг, органы чувств, рука, мы не добились бы ничего, как бы прямо ни ходили и ни стояли, если бы не приводила все в движение одна пружина, которую заключил в нас создатель; эта пружина – божественный дар речи» [1, с. 96–98].

Возникновение языка И. Г. Гердер выводит из биологического строения тела и речевого аппарата человека. Мышление – из ощущений человека, которые связаны с наличием в организме нервов. Когда ощущения достигают определенной степени ясности, они становятся мыш-

лением; разум возникает из ощущений. Что касается сознания, то автор считал, что оно возникло в процессе образования живого, материального мира. Развитие языка происходит благодаря развитию общества, в ходе изучения и преподавания языка, развития литературы. Каждый новый автор, новый мыслитель обогащает и развивает язык.

С материалистической точки зрения, биологическими предпосылками человеческого языка явились сложные двигательные и звуковые формы сигнализации. В процессе антропогенеза звуки из средства выражения эмоций постепенно становятся средством обозначения вещей, их свойств и отношений. Складывается относительно устойчивая связь между представлением о предмете и кинестетическими ощущениями речедвигательного аппарата со слуховым образом звука. Возникновение членораздельной речи явилось мощным средством дальнейшего развития человека, общества и сознания. Благодаря языку осуществляется специфическая форма передачи социального опыта, культурных норм и традиций.

Язык участвует в осуществлении практически всех высших психических функций и наиболее тесно связан с мышлением. Биологический субстрат мышления – высокоразвитый человеческий мозг, сформировавшийся в процессе становления человека, человеческого общества, материальной и духовной культуры. Мышление возникает и реализуется в процессе постановки и решения практических и теоретических проблем. Мышление человека протекает в различных формах и структурах (понятиях, категориях и теориях), в которых закреплён и обобщён познавательный и социально-исторический опыт человека. Орудием мышления является язык и другие системы знаков, которые используются для описания основных операций мышления – абстрагирования и обобщения.

Мышление изучается многими науками. Значение проблемы мышления для философии определяется вопросом об отношении мышления к бытию. В связи с этим предлагается рассмотреть взгляды Л. Фейербаха на данную проблему. Основным пороком идеализма он считал отождествление бытия и мышления. Принцип его философии заключается в том, что он определяет бытие как субъект, а мышление как предикат. Мысленное бытие не является действительным бытием.

В работе «К критике философии Гегеля», рассуждая о мышлении, Л. Фейербах отмечает: «Мы вообще уже в мышлении сами выражаем,

высказываем наши мысли, мы уже для самих себя, словно для других, как бы представляем и воспроизводим, чтобы довести мысль до ясного сознания, т. е. наши основные мысли, которые непосредственно рождаются гением мысли, которые приходят нам в голову неизвестным для нас самих способом, которые даны нам вместе с нашей сущностью» [2, с. 33]. Язык рассматривается Л. Фейербахом как реализация рода, которая устраняет индивидуальную разобщенность Я и Ты и представляет единство рода. Под родом можно понимать систему общественных отношений. Выражение мысли есть учение, т. е. изложенное мы должны самостоятельно воспроизвести, а значит прийти к своим собственным мыслям. По Л. Фейербаху, сообщение мыслей не является материальным или реальным сообщением. Реальное сообщение – это удар, звук, свет. Материальное сообщение воспринимается человеком пассивно, а духовное приобретает самим человеком самостоятельно.

Таким образом, высказанная мысль должна возбуждать мысль другого, она не должна брать в плен разума. Первоначальное назначение изложенной мысли – это познавательный акт другого человека.

Подход А. Ф. Лосева к проблеме языка и мышления нетрадиционный. Он отходит от отождествления слова с мыслью и от превращения слова в безразличный носитель мысли. Его определение природы слова выглядит следующим образом: «Тайна слова в том и заключается, что оно – орудие общения с предметами и арена интимной и сознательной встречи с их внутренней жизнью» [3, с. 49].

А. Ф. Лосев принимает тезис о тождестве бытия и мышления. Он трактует вещь как сознание, разум и понятие, а понятие и сознание – как вещь: «Я не понимаю, как можно говорить и мыслить о бытии помимо слова, имени и помимо мысли. То, что необходимо, конструируется в мысли-слове как неизвестный результат его саморазвития, то и есть само бытие» [3, с. 217].

Имя и слово у А. Ф. Лосева не являются синонимами. Имя – это один из видов слова, это напряженное в смысловом отношении слово: «Не каждое слово – имя. Но собственное имя потенциально уже налично в слове и в развитой форме есть не больше как сгущенное в смысловом отношении слово» [3, с. 126–127]. Имя – это «максимальное напряжение осмысленного бытия» [3, с. 166].

А. Ф. Лосев считает слово не просто звуком, а вещью, с которой осмысленно общается человек. «Слово – могучий деятель мысли и жизни. Слово поднимает умы и сердца, исцеляя их от спячки и тьмы» [3, с. 32].

Таким образом, в слове и имени соприкасаются все сферы бытия, а человек обращается к миру. Через слово и имя устанавливается связь между субъектом и объектом, воспринимающим и воспринимаемым. Слово и имя являются их местом встречи и единения.

Онтологический подход позволил рассмотреть философам XIX–XX вв. аспекты коммуникации в качестве существующих и имеющих определенную специфику существования.

Данный подход предполагает экспликацию бытия-в-мире через исторически развивающиеся язык и знание. Мир объективаций, текстов культуры, знаков и языка является ключом к онтологии понимания. Они являются условием человеческого существования и посредником между человеческим я и миром. В них человек находит себя и сознает действие своего сознания. Такое воззрение на язык было уже отмечено в теории В. фон Гумбольдта, в гипотезе Э. Сепира – Б. Уорфа и философии раннего М. Хайдеггера. «Тенденция к онтологизации языка тяготеет к тому, чтобы раскрыть язык как деятельность, основывающаяся на самой себе и влияющая на другие явления. Язык раскрывается уже не в философии средства для чего-то (например, язык средство общения), как орудие (язык как орудие мысли), продукт (язык как продукт развития высшей нервной деятельности), а анализируется как самостоятельный феномен культуры, который существует в мире и через который мир выражает себя» [4, с. 231].

Значительный вклад в формирование онтологического воззрения на язык внес В. фон Гумбольдт. Он неоднократно излагал свое понимание специфичности внутренней формы конкретного языка, отмечая, в частности, что язык выражает мысль и ощущение как предметы, но он также следует движению мысли и ощущения, скорости, однородности и неоднородности их хода, неповторимому избирательному родству, по которому соединяются друг с другом у различных наций мысли и ощущения. Человек думает, чувствует и живет только на своем языке и должен быть прежде сформулирован им, чтобы понимать, в том числе, вовсе не воздействующее посредством языка искусство. Но он ощущает и зна-

ет, что язык есть лишь средство для него, что вне языка существует незримая область, в которой он стремится освоиться лишь посредством языка [5]. Из своих многочисленных рассуждений В. фон Гумбольдт делает вывод о том, что то, в чем прежде проявляется различие в характерах языков, есть настроение духа, способ мышления и ощущения.

В работах В. фон Гумбольдта было обосновано принципиальное положение идиоэтнического подхода к языку. Язык является одновременно внешним проявлением духа народов, их язык – это их дух, а их дух – это их язык, и невозможно даже себе представить насколько они идентичны.

Вслед за В. фон Гумбольдтом, А. А. Потебня признает конституирующую роль языка по отношению к ментальным процессам. Гумбольдтовское «язык есть орган, образующий мысль» служит для него путеводной звездой. Рассмотрев соотношение рефлексивных движений и движений, образующих звуки речи, он приходит к выводу об их общем происхождении. А. А. Потебня отчетливо понимает, что и сами рефлексивные движения бывают разной степени организации, и приходит к выводу о связи с идеомоторикой «языка чувств», т. е. более или менее произвольных выражений эмоциональных, нерелегированных состояний сознания [4, с. 289].

Заслуга А. А. Потебни в том, что он доказал, что значение слова не только первично мотивировано чувственным образом, но благодаря словесной фиксации представлений оно приобретает качество intersubjectivity.

В работах представителя философии экзистенциализма М. Хайдеггера большое место занимает проблематика языка, сознания и бытия. Язык, по М. Хайдеггеру, – это способ существования индивидуального самосознания. По М. Хайдеггеру, говорить на языке – значит перенестись в область сущности языка. М. Хайдеггер отождествляет сущность языка и бытие, частица сущности языка заложена в каждом индивиде. Человек является человеком только потому, что он отдан в распоряжение языка и используется им [6, с. 129].

Представитель атеистического экзистенциализма Ж.-П. Сартр описывает сознание как бытие, которое есть то, чем оно не является, и не есть то, чем оно является. «Для-себя и В-себе объединяются посредством синтетической связи, которая есть не что иное, как само Для-себя. В са-

мом деле, Для-себя является не чем иным, как чистым ничтожением В-себе; оно оказывается как бы дырой бытия внутри Бытия» [7, с. 617]. Это означает, что человек всегда проектирует себя в будущее. Его сознание там, где его еще нет. Сознание человека уже не является тем, что оно есть, так как оно в прошлом. Сознание не является тем, чем только что было. Такое колебание между прошлым и будущим через настоящее образует противоречие человеческого духа. «Онтология обеспечивает нас двумя свидетельствами, которые могут служить основой метафизики; вначале всякий процесс основания себя есть разрыв с тождественным бытием-в-себе, отход бытия по отношению к нему самому и появление присутствия по отношению к себе, или сознания» [7, с. 619].

Представителей герменевтики больше всего интересует опосредованный путь к онтологии, т. е. экспликация бытия-в-мире через исторически развивающиеся язык, тексты, знаки. Поэтому интересуются не тем, кто понимает, а тем, что понимается.

Яркий представитель герменевтической философии Г. Г. Гадамер делает акцент на диалоге как механизме понимания и взаимопонимания. По Г. Г. Гадамеру, все невербальные формы понимания нацелены, в конечном счете, на понимание, достигаемое в диалоге. Диалогичность сознания, по сути дела, замыкается на сознании, выражающем себя в языке и рефлектирующем над этой языковой формой.

Мир объективаций, текстов культуры, знаков и языка является, согласно герменевтике, ключом к онтологии понимания. Знаки, объективации – это средство, с помощью которого человек обозначает свое место в мире, проектирует и пытается понять и сознает действия своего сознания [8].

Если представители герменевтики делали акцент на диалоге как принципе организации бытия и сознания, то М. М. Бахтин рассматривает диалог как принцип человеческого бытия и сознания. Он обращается к диалогической природе понимания, так как понимание всегда имеет диалогический, ответный и активный характер. Философия языка развивается М. М. Бахтиным как философия сознания, а язык представлен не в форме абстрактных единиц-слов и предложений, а в виде «реальных единиц речевого общения – высказываний». Высказывание понимается М. М. Бахтиным, прежде всего, в контексте диалогизма осознания и по-

нимания мира, и, прежде всего, мира интерсубъективных отношений [4, с. 190].

По мнению Э. Сепира, язык приобретает все большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры. Система культурных стереотипов любой цивилизации упорядочивается с помощью языка, выражающего данную цивилизацию.

Люди в значительной степени находятся во власти конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе. Человек не может ориентироваться во внешнем мире без помощи языка. Внешний мир человека строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Два разных языка не бывают похожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками [9, с. 131].

Э. Сепир выдвинул идею того, что некоторые общие изменения языка как-то соотносятся со стадиями культурной эволюции. Но нельзя понимать язык только как форму. Формальное строение речи в любое конкретное время и в любом конкретном месте представляет собой результат длительного и сложного исторического процесса, которое, в свою очередь, остается неясным без постоянного обращения к функциональным факторам. Мир языковых форм, взятый в пределах данного языка, естьвершенная система обозначения, точно так же, как система чисел естьвершенная система задания количественных отношений. По мнению Э. Сепира, математическая аналогия здесь не столь случайна. Переход от одного языка к другому психологически подобен переходу от одной геометрической системы отсчета к другой. Окружающий мир, подлежащий выражению посредством языка, один и тот же для любого языка; мир точек пространства один и тот же для любой системы отсчета [9, с. 145].

Б. Л. Уорф придерживался следующей точки зрения. Факты языка составляют для говорящих на данном языке часть их повседневного опыта, и поэтому эти факты не подвергаются критическому осмыслению и проверке. И способность бегло говорить на каком-либо языке не означает лингвистического знания этого языка, т. е. понимания его основных особенностей, его системы и происходящих в ней регулярных процессов.

Это относится к любым видам деятельности, связанным с речью и достижением взаимопонимания. Везде, где в делах людей достигаются договоренность и согласие, независимо от того, используются ли при этом математические или какие-либо другие условные знаки или нет, эта договоренность достигается при помощи языковых процессов или не достигается вовсе [10, с. 208].

Установлено, что основа языковой системы любого языка (грамматика) является не просто инструментом для воспроизведения мыслей, она сама формирует мысль, является программой и «руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений и их синтеза» [10, с. 209]. Человек расчленяет природу в направлении, подсказанном его родным языком. Ему необходимо организовать в своем сознании поток впечатлений, и делает он это при помощи языковой системы, хранящейся в его сознании. «Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы – участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию» [10, с. 209]. По Б. Уорфу, данное соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива, закрепленного в системе моделей языка. Конечно, данное соглашение лишь подразумевается, но, тем не менее, человек – участник этого соглашения, и без него он вообще не сможет говорить.

Из этого следует, что никто не может описывать природу абсолютно независимо. Каждый человек связан с определенным способом интерпретации, даже тогда, когда считает себя абсолютно свободным. Поэтому человек сталкивается с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем. Данный принцип относительности подтверждается при сравнении современных европейских языков, а так же латинского и греческого. Сходство этих языков объясняется тем, что все они в течение длительного времени участвовали в создании общей культуры, а культура, в свою очередь, развивалась под большим влиянием латыни и греческого. С этим связано и сходство в описании мира у современных ученых. То, что китайские и турецкие ученые описывают мир подобно европейским, означает, что они переняли западную систему мышления, но не то, что они выработали эту систему самостоятельно.

Расхождение в анализе становится все более заметным, если взять для сравнения языки коренного населения Африки. В данном случае, речевые коллективы развивались в течение многих тысячелетий независимо друг от друга и от Старого Света, поэтому и расчлениают эти языки мир по-разному. «Игнорировать свидетельство разнообразия человеческого разума, которое предоставляют их языки, – это все равно, что ожидать от ботаников исчерпывающего описания растительного мира, зная, что они изучили только растения, употребляемые в пищу, и оранжерейные розы» [10, с. 211].

Интересная точка зрения на онтологию языка излагается Г. Г. Шпетом. Одна из главных тем его работы – это языковое сознание. В связи с этим Г. Г. Шпет обращает особое внимание на онтологию языка. В. фон Гумбольдт связывал происхождение языка с потребностью во взаимопомощи и свободном общении людей друг с другом. Г. Г. Шпет отмечает, что «хотя мы ничего не знаем ни о возникновении самого языка, ни о зарождении такого рода потребностей, но сам круг их обрисован правильно; особенно это касается потребности в свободном общении, ибо в отличие от чисто утилитарного толкования языка эта характеристика охватывает его не только в практических, но и в поэтических формах слова». Для Г. Г. Шпета решение проблемы перехода от чувственности к вербально оформленной мысли состоит в следующем. Смысл, как его понимает Г. Г. Шпет, в принципе невербален и довербален. Язык рассматривается Г. Г. Шпетом как механизм, с помощью которого «единая интенция слова» объединяет в новой конкретности те стороны, которые до этого соединения даны как «отвлеченно различимые», а именно как «чувственное и логическое» [4, с. 306].

Представители аналитической философии Б. Рассел, Л. Витгенштейн, философы «Венского кружка» (Р. Карнап, М. Шлик, Ф. Вайсман и др.) считали, что большинство философских проблем носят логико-лингвистический характер. Они возникают в результате многозначности и неверного понимания понятий языка. Данное направление сводит философию к анализу употребления языковых средств и выражений, толкуемому как подлинный источник постановки философских проблем. Этот анализ рассматривается в аналитической философии в качестве единственно правомерного метода философских исследований и направлен на то, чтобы выявить действительные ситуации употребления языковых средств, порождающих философские проблемы.

Философы «Венского кружка» не только изгнали повседневный язык из сферы теоретического интереса, они объявили метафизические, религиозные, этические, эстетические вопросы, лишенными смысла. Например, согласно Р. Карнапу, философское обоснование физики предполагает анализ языка науки с целью построения искусственного формализованного языка, в котором все понятия четко определены и однозначны: «В случае обычного языка мы так привыкаем к словам, что часто забываем, что они не являются естественными знаками. Когда вы слышите слово “синий”, вы непосредственно представляете синий цвет. Еще детьми мы привыкаем к представлению, что слова нашего языка, обозначающие цвет, действительно выражают этот цвет. С другой стороны, когда мы слышим утверждение физика, имеется некоторое электромагнитное колебание определенной интенсивности и частоты, мы не можем непосредственно представить цвет, который он описывает. Однако, если вы знаете правила перевода, вы можете определить этот цвет так же точно, может быть, даже точнее, чем когда вы слышите слово, обозначающее цвет» [11, с. 169].

«Венский кружок» воспринял установки логического анализа философии, в частности, концепцию Л. Витгенштейна – сведения философии науки к логическому анализу языка науки. Его «Логико-философский трактат» стал одним из самых влиятельных философских сочинений XX в. Основные идеи этой работы заключаются в том, что люди не в состоянии непосредственно извлечь из повседневного языка его логику. Большинство предложений и вопросов, трактуемых как философские, не ложные, а бессмысленные. Большинство предложений и вопросов философа коренится в глубоком непонимании логики языка. Вся философия – это критика языка [12, с. 465]. В своей работе «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейн стремился в логике языка поставить границу выражению мыслей, причем границы языка для него являются сутью онтологической границы.

Все вышеперечисленные воззрения на язык имеют разные подходы, но все они тяготеют к тому, чтобы раскрыть язык не как средство для чего-то, орудие или продукт, а проанализировать как самостоятельный феномен культуры, который существует в мире и через который мир выражает себя.

Данный подход существенно отличается от материалистического воззрения, в котором практика является совместной трудовой деятельностью людей, а язык является средством общения, орудием мысли и продуктом развития высшей нервной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер. – М., 1977. – 703 с.
2. Фейербах, Л. К критике философии Гегеля: в 2 т. / Л. Фейербах. – М.: Наука, 1995. – Т. 1. – С. 23–55.
3. Лосев, А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 269 с.
4. Кум, М. Х. Проблема онтологии в западногерманской герменевтике / М. Х. Кум // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии / под ред. Т. А. Кузьмина. – Рига, 1988. – С. 226–240.
5. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт; под ред. А. В. Гулыги, Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
6. Портнов, А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX вв. / А. Н. Портнов. – Иваново, 1994. – 370 с.
7. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж. П. Сартр. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
8. Гадамер, Г. Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Г. Г. Гадамер; под ред. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
9. Сепир, Э. Статус лингвистики как науки / Э. Сепир // Языки как образ мира. – М.: АСТ, 2003. – С. 127–138.
10. Уорф, Б. Л. Наука и языкознание. О двух ошибочных воззрениях на речь, мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление / Б. Л. Уорф // Языки как образ мира. – М.: АСТ, 2003. – С. 208–219.
11. Карнап, Р. Философские основания физики / Р. Карнап. – М.: Прогресс, 1971. – 391 с.
12. Реале, Дж. Западная философия от истоков до наших дней: в 4 т. / Дж. Реале, Д. Антисери. – СПб.: Петрополис, 1997. – Т. 4: От романтизма до наших дней. – 880 с.

О ДВУХ МОДЕЛЯХ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Рассматривая межэтнические отношения как разновидность межкультурных, правомерно будет определить межэтническую коммуникацию как разновидность межкультурной коммуникации. Этот вывод стал возможен благодаря существующей в современном этнологическом антропологическом знании «информационной» традиции, рассматривающей этническую общность как сетевую структуру, основанную на единстве коммуникативных связей.

Впервые в отечественной науке вопрос об информационной природе этноса был поставлен в статье С. А. Арутюнова и Н. Н. Чебоксарова. Объясняя различия между этническими и национальными общностями, авторы выдвинули идею превалирования диахронных информационных связей в первых и преобладания синхронных во вторых [1].

Эти положения подвергались уточнению в других работах. А. А. Сусоколов отметил, что для этноса характерно не превалирование диахронных связей над синхронными (оба типа связей одинаково важны для всех общностей), а устойчивость информации, поступающей по каналам межличностных связей от одного поколения к другому. Возрастающее роли этничности в современном мире объясняется, по его мнению, сложностью новой информационной ситуации, которая опережает возможности людей реагировать на нее. В результате возникает потребность в «информационных фильтрах», в обращении к этническим ценностям, которые представляются вечными в бурном потоке времени. Таким образом, пока существуют естественные ограничения в возможностях восприятия и переработки информации каждым индивидом, сохраняется необходимость культурного многообразия человечества, а, следовательно, и этнического многообразия [2].

---

* Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ «Конфессиональная принадлежность мигрантов-мусульман как фактор инкорпорирования в российское общество» (№ 09-03-00491а).

Отсюда вытекает неизбежность существования этнической группы как носителя традиции. Устойчивый комплекс информации, каковым является традиция, может воспроизводиться лишь столь же устойчивой группой, сохраняющей свои границы, принципы идентификации принадлежащих к ней индивидов и передающей их (принципы) из поколения в поколение [3].

Для обоснования пространственной стабильности и временной преемственности этнической группы В. З. Коганом была предложена модель «инфоцепи» и «инфодрева». Поскольку система может существовать только постоянно развиваясь, удельный вес диахронных информационных связей будет возрастать по мере удлинения исторического пути данной этнической группы. Противоречивое единство синхронии-диахронии отражает концептуальная модель «инфодерева». Диахрония – его «ствол», синхрония – «ветви». Диахронный поток информации постоянно принимается от каждого предшествующего поколения и, растекаясь по горизонтали, становится предметом информационного взаимодействия [4].

Развивая идеи Когана, С. П. Сторожева и Н. Л. Микиденко построили информационную концепцию этничности, опираясь на представление об информационных фильтрах, роль которых заключается в структурировании поступающей извне информации в соответствии с этническими нормами и ценностями. Этническая группа, выполняя роль информационного фильтра, способствует снижению неопределенности, особенно в период социокультурных трансформаций. Возрастание роли этничности в «смутное» время является реакцией на неопределенность, т. к. избегание неопределенности – одна из самых сильных психологических характеристик человека [5].

Информационную природу нетерпимости в межэтнических отношениях исследует этнопсихолог Н. М. Лебедева. Она опирается на теорию информационного фильтра и применяет ее при исследовании межэтнических взаимодействий. Когда степень информационной неопределенности превышает возможности фильтра, в действие, по ее мнению, вступают механизмы психологической защиты, предельно упрощающие и частично искажающие информацию. С точки зрения теории избегания неопределенности, становится понятным влияние фактора культурной дистанции, непохожести культур как явления, имеющего информационную природу [6].

Информационный взгляд на природу этнических связей не отрицает влияния других факторов, отражающихся на этносоциальной и этнокультурной динамике. Безусловно, этнические и национальные общности возникают на базе экономических, политических, территориальных и конфессиональных связей. Однако ни экономические, ни политические, ни религиозные факторы сами по себе не формируют этнических общностей.

Преимущество информационной модели этнической группы заключается в возможности посмотреть на нее как на сетевую структуру, т. е. с позиции общесоциологической теории. Формирование социальных сетей невозможно без взаимного доверия между членами сети и их взаимной ответственности. Общность культуры – это консенсус основных норм и ценностей внутри данной сети. Подчинение этим нормам в идеале должно опираться не на внешние, а на внутренние инстанции социального контроля. Другими словами, человек, входящий в сеть, не может нарушить правила сети не потому, что боится мести, а потому, что не может сделать это по моральным соображениям. Но устойчивая культура формируется только в устойчивых группах [7].

Этнические нормы и ценности вырабатываются на протяжении десятилетий, а порой и столетий. Поэтому этническое сетевое общество – это форма коммуникации не только современников, но и «культурных» потомков с «культурными» предками. Поэтому общесоциологический подход нуждается в дополнении историзмом.

В этой связи чрезвычайный интерес приобретают результаты исследований по семиотике культуры московско-тартусской семиотической школы. Определив культуру как систему, обладающую свойствами коллективного интеллекта, Ю. М. Лотман дал ей характеристику надындивидуального целого, интеллектуальные свойства которого подразумевают наличие коллективной памяти и коллективного сознания, на метауровне способного осуществлять акт идентификации в результате самоописания [8].

У Лотмана можно найти ряд высказываний, в которых он рассматривает культуру как генератор, некое устройство, позволяющее превращать не-информацию в информацию. Информация вырабатывается в процессе знаковой коммуникации, взаимодействия между автономными единицами, обладающими собственной структурой памяти и иерархией кодов. В качестве такой единицы может выступать как индивидуальная личность, так и отдельная культура.

Суть процесса коммуникации, по мнению Ю. М. Лотмана, заключается в том, что некоторое сообщение в результате кодирования – декодирования передается от адресанта к адресату. При этом нарушение адекватности передачи выступает не как дефект коммуникативной цепи, а как необходимое условие развития человеческой культуры. Сфера пересечения кодов адресата и адресанта обеспечивает необходимый уровень взаимопонимания. Сфера их непересечения порождает ситуацию, в которой при переводе с языка передающего информацию на язык принимающего сообщение перестает быть тождественным самому себе. Так возникает новая информация. Данный процесс понимается Лотманом как механизм культурогенеза [9].

Так, например, элемент духовной культуры одного народа, будучи заимствованным культурой другого, приобретает в культуре-реципиенте значение иное, нежели то, которым он обладал в структуре культуры-донора, как это случилось, например, с образами христианских святых, трансформированных в культуре северных этносов в фигуры языческого пантеона [10].

Это наблюдение представляется чрезвычайно важным. Вкупе с теоретическими разработками, оно позволяет сделать вывод о том, что взаимодействие между этносами представляет собой обмен элементами культурного багажа сторон взаимодействия: предметами вещного мира, способами природопользования и жизнеобеспечения, социальными и мировоззренческими ценностями. Чем плотнее сеть информационных связей внутри данной культуры, тем дольше культура помнит о нововведениях и идентифицирует вновь введенные в ее оборот элементы как нововведения [11].

Маркирующую роль в различении «своих» элементов культуры от «несвоих» играет этническое самосознание. Оценивая через призму собственных ценностных представлений свойства и возможности другой культуры, этническое самосознание формирует из «несвоих» элементов образ «другого», который помещается им на собственную периферию.

Располагая характеристики «другого» на границе круга, очерченного им в процессе самоописания, этническое самосознание обозначает границы «своей» группы. Сама возможность такого самоописания возникает, как правило, при соприкосновении (опосредованном или непосредственном) с нормами и стандартами другой культуры. Осознание

отличий ставит членов этнической группы перед необходимостью самоопределения, осознания значимости ценностей своей культуры, тогда как в моноэтнической среде такая необходимость не особо актуальна.

Элементы культуры, оказавшиеся внутри этого круга, входят в структуру самосознания в данный момент исторического времени, тогда как те компоненты, которые оказались на его границе или за его пределами, идентифицируются как «чужие», что вовсе не означает, что они являются таковыми. В будущем, уже на другом этапе исторического развития культуры, самосознание может востребовать те компоненты, которые оно «здесь и сейчас» не маркирует как «свои», и, наоборот, переоценить компоненты, значимые в настоящий момент, переведя их в ранг менее значимых и даже негативных [12].

Образ «другого», помещенный на периферию самосознания, является частью культурного багажа данного народа. В процессе взаимодействия черты этнического образа «они», востребованные на определенном этапе развития межэтнических отношений, могут быть неактуальны или забыты на другом этапе.

Этнический образ «другого» представляет собой достояние данной культуры, что предполагает некоторую степень неадекватности в восприятии другой культуры. Однако эта неадекватность является необходимым условием взаимодействия. Приобретенные членами этнического коллектива представления позволяют им самоопределиться в сложной системе межэтнических отношений. Актуализируя в зависимости от ситуации в качестве этнознаковых те или иные черты образа «другого», носители этнического самосознания получают возможность прогнозировать поведение другой стороны в этноконтактных ситуациях.

Представляется правомерным выделение двух типов межэтнического взаимодействия, характеристики которых основаны на коммуникативных моделях Ю. М. Лотмана. Лотман выделил две модели коммуникативного взаимодействия: а) взаимодействие, ориентированное на передачу культурной информации; б) взаимодействие, направленное на порождение новой культурной информации.

В первой из указанных моделей взаимодействие ориентировано на прием и передачу аутентичной информации. Целью коммуникативной деятельности является сообщение нового факта. «Другой» – это тот же «я», который знает то, что мне станет известно после получения сообще-

ния, которое полностью уравнивается в «мы». Общий интерес отправителя и получателя информации заключается в том, чтобы трудности понимания были сведены к минимуму, следовательно, чтобы отправитель и получатель имели общий взгляд на сообщение. Объем сообщений в течение всего акта коммуникации остается постоянным, в то время как переменными являются фигуры адресата и адресанта [13].

Лотман полагал, что передача информации не является главной функцией культуры. Специфика социальной коммуникации, в отличие от способов коммуникации, присущих природному миру, заключается, по его мнению, в том, что с развитием знаковой структуры сообщений происходит усложнение кодирующих систем, исключающее однозначность дешифровки.

Лотман считал, что основной функцией культуры является генерация новой информации, превращение неинформации в информацию. Ориентация на возрастание последней как неотъемлемая черта культуры, развивающейся под воздействием недостатка информации, находящейся в распоряжении мыслящей единицы, делает необходимым обращение к другой такой же единице. Эта недостаточность компенсируется умножением реальности путем ее проекции на другом языке [14].

Ориентация на передачу вторичной информации представляет собой вторую модель коммуникативного взаимодействия, при котором партнеры заинтересованы в том, чтобы контрагентом был именно другой. Не легкость, а трудность является полезным свойством такого взаимодействия. Область пересечения кодов общения у участников знаковой коммуникации создает базу для перевода исходных сообщений на другой язык, в результате чего образуются новые, не тождественные прежним сообщения. В данном случае акт коммуникации не просто передача информации, а перевод с языка одной культуры на язык другой, перевод, сопряженный с определенными трудностями и потерями, и в то же время это обогащение сведениями, несущими другую точку зрения [15].

Применительно к межэтническому взаимодействию данные модели реализуются в асимметричном и симметричном типах коммуникации.

При первом (асимметричном) типе коммуникативной деятельности отправитель информации – этническая группа, доминирующая в данный момент времени в межкультурном диалоге – выступает как субъект взаимодействия. Та сторона, которая соблюдает паузу и находится на приеме,

представляет собой в этот момент одновременно и объект, и субъект. Культурный контакт для нее как для заимствующей стороны является внешним источником развития. Результат такого контакта – проникновение элементов культуры «другого» этноса (субъекта) в структуры культуры данного этноса (объекта). Доминирующая сторона взаимодействия, приписывая себе центральное положение в культурной ойкумене, навязывает ей положение периферии. В то же время необходимость творчески перерабатывать воспринимаемые культурные образцы, исходя из собственных потребностей, активизирует рефлексивные механизмы реципиента, наращивает его «субъектные» качества. В момент изменения направленности потока взаимодействия «новая» культура начинает утверждать свою «древность» и расширять пространство своего воздействия, бомбардируя источник заимствований собственными текстами.

В рамках второго (симметричного) типа коммуникативной деятельности обе стороны выступают в качестве субъектов. Это предполагает оценку сторонами взаимодействия друг друга как равноправных партнеров. Воздействие культур контактирующих этносов друг на друга дополняется внутренним самодialogом участников. Благодаря наличию в этническом самосознании образа «другого» процесс взаимодействия приобретает новое качество: превращается из чисто внешнего источника развития этносов во внутренний, имманентный культуре источник саморазвития. Самодialog имеет самостоятельное значение для сторон взаимодействия. Результатом такого взаимодействия является взаимное проникновение элементов культуры и субъектов взаимодействия в структуры друг друга.

Следует учитывать, что в целом процесс взаимодействий чаще всего носит ассиметричный характер, а, значит, в определенный период времени какая-либо из сторон обязательно находится в доминирующей позиции до того момента, пока не будет вынуждена уступить позицию лидера в диалоге. В реальности же всякое межкультурное взаимодействие состоит из обоих видов коммуникации.

Ориентация на тот или иной тип взаимодействия в конкретной ситуации зависит от социально-структурной позиции этнических групп в межэтническом сообществе, от личной позиции индивида или субкультуры, входящей в структуру данной этнической группы. Она также может зависеть от той социальной роли, которую играет индивид в определенной этноконтактной ситуации. Например, для русского чиновника или нефтепромышленника

аборигены Севера представляют интерес не как этническая группа, а как податная категория населения в первом случае и источник дешевой рабочей силы и ресурсов во втором случае. В этом смысле этническая принадлежность представителей северных народов для чиновника или предпринимателя не играет особой роли, т. к. в этих же качествах выступает и русское население Севера (за исключением тех случаев, когда речь идет о правах на родовую территорию, в недрах которой содержатся природные ископаемые). Точно также для радикально настроенных представителей титульных элит различные этнические группы населения в национальной республике могут выступать объектами пропаганды: в одном случае как «братья», в другом – как «враги». В обоих случаях можно говорить об ориентации на первую модель взаимодействия.

Вторая модель взаимодействия реализуется в межэтническом общении в рамках тех сообществ, которые в качестве модели своего развития выбрали интегративную модель. Речь идет о жителях многонациональных городов и национально-смешанных поселений, о совместной деятельности, направленной на достижение общей цели в рамках региональных межэтнических сообществ или полиэтничных гражданских сообществ.

Библиографические ссылки:

1. Арутюнов, С. А., Чебоксаров, Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. – М., 1972. – Вып. 2. – С. 23.
2. Сусоколов, А. А. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. – М., 1990. – Вып. 20. – С. 9–39.
3. Сусоколов, А. А. Гл. 11. Межэтнические браки // Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов. Этносоциология: учеб. пособие для вузов. – М., 1998. – С. 216; Сусоколов, А. А. Культура и обмен. Введение в экономическую антропологию. – М., 2006. – С. 216–218.
4. Коган, В. З. Информационное взаимодействие в координатах пространства и времени. «Инфоцепь» и «инфодерево» // Проблемы информационного взаимодействия. Международный научный сборник. – Новосибирск, 1992. – С. 104.
5. Сторожева, С. П., Микиденко, Н. Л. Информационные проблемы этничности. – Новосибирск, 2006. – С. 57.

6. Лебедева, Н. М. Социальная психология этнических миграций. – М., 1993. – С. 175.
7. Сусоколов, А. А. Культура и обмен. Введение в экономическую антропологию. – С. 216–218.
8. Лотман, Ю. М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. – М., 1977. – С. 14–15; Лотман, Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур // Лотман, Ю. М. Избранные произведения. – Таллинн, 1992. – Т. 1. – С. 103; Лотман, Ю. М. К построению теории взаимодействия культур (Семиотический аспект) // Ю. М. Лотман. Избранные произведения. – Таллинн, 1992. – Т. 1. – С. 119–120.
9. Лотман, Ю. М., Успенский, Б. А. О семиотическом механизме культуры // Ю. М. Лотман. Избранные произведения. – Таллинн, 1993. – Т. 3. – С. 328–329; Лотман, Ю. М. Динамическая модель семиотической системы // Ю. М. Лотман. Избранные произведения. – Т. 1. – С. 99; Лотман, Ю. М. Феномен культуры // Ю. М. Лотман. Избранные произведения. – Т. 1. – С. 34–36, 44–45; Лотман, Ю. М. К построению теории взаимодействия культур (Семиотический аспект) // Ю. М. Лотман. Избранные произведения. – Т. 1. – С. 112–115.
10. Аблажей, А. М. Межкультурные взаимодействия: методологический анализ в контексте проблемы этнической самоидентификации // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. – № 1. – С. 72–75.
11. Там же.
12. Лотман, Ю. М. Культура как коллективный интеллект и проблема искусственного разума. – М., 1977. – С. 14.
13. Лотман, Ю. М. Динамическая модель семиотической системы // Ю. М. Лотман. Избранные статьи. – Т. 1. – С. 99–100.
14. Лотман, Ю. М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Ю. М. Лотман. Избранные статьи. – Т. 1. – С. 113–114; Лотман, Ю. М. Феномен культуры // Лотман, Ю. М. Избранные статьи. – Т. 1. – С. 44–45.
15. Лотман, Ю. М. Динамическая модель семиотической системы // Ю. М. Лотман. Избранные статьи. – Т. 1. – С. 99–100.

Раздел III. ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ: ИНСТИТУЦИО- НАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

А. С. Двуреченская

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ПРИНЦИП ТОЛЕРАНТНОСТИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Понятие «культурная политика» имеет на сегодняшний день устойчивое определение в научной сфере, если не считать того, что каждый исследователь, используя данное понятие, расставляет свои акценты в содержании этого термина: культурная политика – это управление культурной сферой общества. Известно, что любая теория, претворяясь в жизнь, претерпевает изменения, не исключая и ее методологический аппарат. Если определять, что такое культурная политика, осмысляемая через человеческую жизнедеятельность (макроуровень), то это понятие характеризуется как способ выживания и отражение жизнеспособности определенных социальных структур. С этих позиций она может быть понята как «специфический вид деятельности по регулированию культурной жизни, сводящийся к воздействию на личность с целью формирования ее “картины мира”» [3 с. 59]. В этом случае целью культурной политики будет являться стремление сохранить или изменить картину мира людей таким образом, чтобы это соответствовало интересам субъектов культурной политики (создатели культурных ценностей, их потребители, общество, государство).

Отечественный культуролог А. Я. Флиер определяет культурную политику следующим образом: это «совокупность научно обоснованных взглядов и мероприятий по всесторонней социокультурной модернизации общества и структурным реформам по всей системе культуропроизводящих институтов» [10, с. 407]. Причем необходимо, как он полагает, различать собственно культурную политику и оперативное управление текущими культуротворческими процессами как два разных уровня стратегии и тактики управленческой деятельности, потому что первая связана с государством и его деятельностью, а вторая – с общественными ин-

ститутами. Оперативное управление текущими культуротворческими процессами – это не столько культурная политика, сколько комплекс оперативных действий по решению актуальных проблем существующих культуропроизводящих институтов.

Принцип толерантности в этом случае должен быть заложен как в самой государственной культурной политике России, где фактор наличия многонациональной культуры неизбежно приводит к поиску адаптивных форм межкультурного диалога, так и в деятельности культуропроизводящих институтов, в которых толерантность, понимаемая как терпимость, реализуется через социокультурную коммуникацию.

При актуализации принципа толерантности важно знать и уметь фиксировать реальные интересы субъектов культурной политики. В современной культурной жизни России доминирующую роль играет государство, формирующее федеральный и муниципальный уровни управления культурой. Диктат интересов государства может привести к конфликтным ситуациям в межкультурной коммуникации. В частности, А. В. Каменец ставит вопрос о государственной культурной политике как вопрос о том, можно ли управлять культурой в принципе, и отвечает, что возможно, в первую очередь, управление деятельностью социокультурных учреждений. Ученый утверждает, что «в этом случае управленческая деятельность должна ориентироваться не только на оптимизацию уже сложившихся сфер и объектов культуры, но и на развитие “естественных” культурных процессов: культурных запросов различных групп населения безотносительно к тому или иному усредненному стандарту, общественных инициатив, коммерческих структур в сфере культуры и т. д.» [4, с. 17]. Ориентир на «естественные» процессы указывает на то, что в государственной культурной политике, независимо от ее уровня, должны учитываться культурные реалии управляемой территории, что в действительности не всегда прослеживается в современной политике в сфере культуры.

Кроме государства, выделяют еще три основных субъекта культурной жизни. Во-первых, население, которое заинтересовано в том, чтобы были обеспечены максимально благоприятные условия для удовлетворения его культурных запросов. Для населения главным условием обеспечения его социокультурных запросов будет являться рынок. В федеральной целевой программе «Культура России (2006–2010 гг.)» одной

из целей ее реализации является «формирование единого культурного пространства, создание условий для обеспечения доступа различных групп граждан к культурным благам и информационным ресурсам» [9, с. 5], в которой, на наш взгляд, отражена активная и толерантная позиция федеральных властей свободного и демократического доступа населения к рынку художественных ценностей и услуг.

Следующий основной субъект культурной жизни – общество – может выступать на различных уровнях: от совокупности людей, живущих в определенном населенном пункте или на локально очерченной территории, от группы людей, объединенных общими культурными интересами, до населения регионов или республик, до представителей национальных культур. Вне зависимости от уровня в отношениях общества и государства принцип толерантности должен лежать в основании стратегии и тактики федеральных и региональных властей. Общество заинтересовано, прежде всего, в формировании культурных потребностей населения. Кроме того, оно заинтересовано в развитии искусства. Инструментом, реализующим эту цель культурной деятельности, является, например, меценатство, которое может иметь индивидуальное или общественное лицо. В. С. Жидков подчеркивает, что «искусство занимает в культурной политике одно из центральных мест. Это обусловлено тем, что образы и фрагменты картин мира, которые демонстрирует искусство, усваиваются на уровне обыденного сознания гораздо легче тех, что предоставляют, скажем, научная теория или политическая концепция. Идеи и чувства, выраженные в художественной форме, обладают более мощной силой внушения и «заражения». Такие особенности искусства предоставляют субъекту культурной политики практически неограниченные возможности для формирования картин мира граждан национального государства» [2, с. 62]. В данном случае государство может теоретически декларировать цели и задачи, способствующие формированию межнационального диалога, с другой стороны, при их реализации учитывать их номинально, не принимая во внимание непосредственные межкультурные процессы.

Третий субъект – художник. Его положение в системе культурных интересов особое. Он – производитель художественных ценностей и услуг, а потому сам не платит, но платят ему. С одной стороны, художник заинтересован в том, чтобы передать свой духовный опыт современни-

кам и потомкам. В этом случае ему может помочь меценат. С другой стороны, художник может искать признания у своих современников. Достижению этой цели способствует рынок художественных ценностей и услуг. В отношении художника государство как субъект культурной политики, отмечает В. С. Жидков, также имеет ряд преимуществ: «Государственная система поддержки науки, художественной культуры и образования и сегодня занимается селекцией культурных ценностей, определяя и присваивая им статус ценностей общенационального или локального значения. Для этого существуют культурные институты, которые распределяют общественное признание с помощью самых разнообразных символов...» [2, с. 62].

Таким образом, государство как основной субъект культурной жизни, обладающий наиболее эффективными механизмами управления и регулирования в сфере культурной политики, обязано обеспечивать максимально возможный уровень реализации интересов всех субъектов культурной жизни (общества в целом или его отдельных групп, отличающихся различными культурными потребностями и интересами, «культурным поведением»; художника как производителя художественных ценностей и услуг). «Но в действительности такая ориентация является собой недостижимый идеал» [2, с. 63].

При рассмотрении категорий «субъективное-объективное» в культурной политике многие исследователи отмечают сохраняющуюся централизованность в управлении сферой культуры. Эта «традиция» присуща русскому обществу в целом. Современный отечественный исследователь подтверждает: «Приходится констатировать, что базовые функции управленческой деятельности (планирование, организация, учет и контроль), достаточные с позиций старой парадигмы нормативного управления, изменились незначительно» [11, с. 94]. Эту же ситуацию увидели и зарубежные эксперты, которые указали на значительное влияние государственного сектора на сферу культуры, истоки которого кроются в историко-культурных традициях российского прошлого [1, 5, 7]. В современной культурной жизни доминирующую роль продолжает играть государство, формирующее федеральный и региональный уровни управления культурой. Тогда как остальные субъекты культурной жизни оказываются, практически, в культурную политику не включенными. И все же, как отмечено в Федеральной целевой програм-

ме «Культура России (2001–2005 гг.), «частично удалось преодолеть господство патерналистской психологии в сфере культуры, добиться распространения программных методов организации культурной деятельности, расширения форм и объемов участия общества в поддержке культуры» [8, с. 66].

Культурная политика – это сложное теоретическое и реальное явление, которое можно рассматривать и как собственно государственную культурную политику, и как управление социокультурными процессами со стороны других субъектов культурной жизни. Подобная двухсоставность культурной политики должна неизменно отражаться на регионе, который с одной стороны, подчинен центру, а с другой, – обладает собственной культурной жизнью и культурными институтами.

Содержание понятия «регион», в отличие от содержания понятия «культурная политика», полисеманлично и трактуется по-разному, в зависимости от той научной сферы, где оно применяется. Культурная политика в регионе предопределяет понимание его как культурной среды в широком смысле слова. Употребляемый многими исследователями термин «региональная культурная политика» в его наиболее распространенном варианте обозначает совокупность концепций, принципов, целей, методов регулирования культурного развития на региональном уровне и выработку соответствующих институциональных форм организации социально-культурной деятельности [6, с. 74].

Основная цель региональной культурной политики – стимулирование процессов самоорганизации культурной жизни, создание условий для оптимального саморазвития культуры путем оптимального использования экономических механизмов, культурного потенциала, материальных и человеческих ресурсов территории. Эта цель может модифицироваться и уточняться на каждом из уровней выработки и реализации культурной политики, применительно к ее различным объектам, однако генеральная цель всегда ориентирована на то, чтобы в регионе поддерживалась система как институциональных, так и неинституциональных условий, обеспечивающих оптимальность процессов создания, сохранения, распространения и потребления культурных ценностей. Процесс стимулирования самоорганизации культурной жизни в рамках институциональной региональной политики тесно взаимосвязан с наличием эффективного межкультурного диалога меж-

ду всеми субъектами культурной политики. Подобный диалог невозможен без сознательной позиции толерантности, занимаемой субъектами, особенно государством. Представители региональных властных структур имеют больше тактических возможностей в утверждении принципа толерантности в качестве основы межэтнического и межнационального диалога в регионе.

Компромисс в согласовании и реализации интересов всех субъектов культурной жизни может достигаться, прежде всего, на уровне целей культурной политики, которые затем реализуются государственными органами совместно с другими заинтересованными структурами. В этом смысле необходимо обратить внимание на то, что эксперты (в качестве которых выступают, например, научно-исследовательские коллективы) могут помочь в разработке наиболее адекватных в данный момент и на данной территории целей и задач культурной политики, а также эффективных вариантов преодоления межнациональных конфликтов в регионе.

Исходя из особенностей нынешнего этапа развития культурных процессов, довольно характерных для различных регионов России, исследователи предлагают следующие задачи региональной культурной политики (которые особенно актуальны для индустриального региона).

Во-первых, отказ от потребительской ориентации и переход к социально-культурной самодеятельности путем развития широкого спектра социально-культурных инициатив, стимулирования культурно-творческой активности населения, поддержки общественных проектов и новых форм культурно-досуговой деятельности. Культура должна стать условием совершенствования социальной действительности, сферой самореализации личности и формирования межличностных толерантных отношений.

Во-вторых, инициирование и поддержка культурно-досуговых учреждений и институтов, гуманизирующих культурную среду бытования человека, способствующих снятию социальной напряженности, налаживанию контактов творческой интеллигенции с другими социальными группами, созданию творческой атмосферы в регионе, межкультурному взаимодействию и взаимопониманию – политических клубов, добровольных культурно-просветительных обществ, национально-культурных центров, одно- и многопрофильных центров досуга для подростков, пожилых и т. д. Многообразие субъектов социокультурной деятельности

создаст альтернативность развития культурной жизни, поможет ослабить монополию государственных структур на формирование культурной политики, обеспечит реальный доступ к культурным ценностям, образовательным и рекреационным учреждениям всем социальным группам и слоям населения.

В-третьих, ориентация культурной политики на приоритетные социальные группы и категории населения с целью обеспечения «равных возможностей» и реального доступа к культурным ценностям, наращивания «культурного слоя» и развития навыков культурно-творческой деятельности у различных социальных групп и категорий населения, особенно у детей, подростков, молодежи.

В-четвертых, концентрация материальных и человеческих ресурсов с целью инициирования и поддержания на достаточно высоком уровне «элитных» субъектов социально-культурной самодеятельности, которые для населения территории будут играть роль своеобразных референтов, постоянно повышая «планку» культурной жизни региона.

В-пятых, развитие территориального своеобразия и многообразия культуры региона за счет предоставления права свободного культурного самоопределения и самовыражения различным национально-этническим группам. Финансируемые из местного бюджета и поддерживаемые различными общественными фондами программы должны обеспечить сохранение и развитие культуры национальных меньшинств во всех ее аспектах, включая сохранение исторических памятников, языка, литературы, религии, народного творчества, способствовать преодолению отчужденности и взаимному признанию самоценности всех культур региона, их взаимообогащению и диалогу.

В-шестых, создание условий для межрегиональных культурных контактов с территориями, имеющими общие культурно-исторические традиции, с теми регионами, между которыми происходили и происходят интенсивные миграционные процессы и этнические группы которых являются наиболее распространенными в данной местности, а также обеспечение межрегиональных культурных контактов в рамках общего горизонтального культурного пространства.

В-седьмых, внедрение договорно-контрактных отношений в культурно-досуговые учреждения и организационно-методические структуры.

Существующие управленческие звенья должны быть поставлены в такие условия, которые приведут естественным путем, без очередной кампании кадровых перестановок, к решению основной для них задачи – созданию условий саморазвития культурной жизни региона, самореализации различных субъектов социально-культурной деятельности. Вновь формирующиеся творческие коллективы и общественные органы (отделы информационно-методического обеспечения, группы экспертов, советы попечителей и распорядителей и т. д.) на конкурсной основе должны предложить экспертной комиссии, или комиссии по культуре (городского и регионального уровня) свою концепцию подразделений и отделов, их состав, функции, цели и задачи. На наш взгляд, в подобную комиссию должны войти представители из всех четырех основных типов субъектов социокультурной политики (указываемых теоретиками) – представители институциональных структур, исполнители, пользователи, эксперты. Срок, на который заключен контракт, будет зависеть от актуальности и сложности проблем, которые предстоит решать данной структурной единице. Примерные функции исполнительного органа в сегодняшней социокультурной ситуации – это поиск, инициирование и предварительная экспертиза социально-культурных проектов и программ, определение степени удовлетворенности населения программами, финансируемыми за счет средств местного бюджета; координация государственных культурно-досуговых учреждений с деятельностью других субъектов культурной жизни – общественными организациями, церковью, средствами массовой информации, негосударственными учреждениями культуры и досуга и др. Т. е. основной функцией современных региональных властей является создание оптимальных условий для саморазвития культуры региона путем эффективного использования экономических механизмов, культурного потенциала, материальных и человеческих ресурсов территории.

Важное место в культурной политике занимает вопрос о ее средствах. Политика, не имеющая механизмов своей реализации, перестает быть политикой, превращается в сумму благих пожеланий. С другой стороны, отсутствие политики делает неэффективным использование имеющихся ресурсов, лишает осуществляемые действия целенаправленности. Ведущими средствами государственной культурной политики, в том числе региональной, являются:

1. Инфраструктура культуры, включающая: а) организационные структуры, составляющие систему государственного регулирования культурной жизни и реализации задач культурной политики, получивших общественное одобрение; б) совокупность организаций и учреждений.

2. Материальные, финансовые, кадровые и информационные ресурсы.

3. Социальные механизмы и процедуры, которые можно условно подразделить на: а) законодательные (формирование соответствующего правового пространства, благоприятствующего развитию культурной жизни; б) экономические (создание благоприятных материальных условий); в) идеологические (формирование критериев восприятия искусства, нормы художественного вкуса, культуры межличностных отношений и так далее); г) социально-психологические (повышение престижа профессий, связанных с искусством, культурой, статуса высококультурного человека и другое); д) социокультурные (создание благоприятных социальных условий, доступность для населения «культурных продуктов», формирование условий для самоорганизующегося регионального культурного пространства и т. д.).

4. Технологии (методы): а) технология социально-культурного проектирования как механизма разработки и реализации культурной политики; б) менеджмент и маркетинг социокультурной сферы; в) Public relations, фандрейзинг, реклама и др.

Совокупность этих средств, возможность их сочетания открывает чрезвычайно широкие возможности для решения задач региональной культурной политики, ориентированной на принцип толерантности. Так, в частности, сформулированная выше задача культурной политики в сфере художественной культуры – удовлетворение культурных потребностей людей – реализуется путем развития рынка художественных ценностей (т. е. с преимущественным использованием таких средств как налоговая политика, разработка законодательства регулирующего и стимулирующего рыночные отношения в данной сфере). Вторая задача – совершенствование (возвышение) культурных потребностей населения – обеспечивается за счет создания развитой инфраструктуры культуры, обеспечения ее многообразия, поддержки видов и жанров искусства, оказывающих возвышающее влияние на личность. Третья задача – воспитание культурных потребностей, при-

общение к художественной культуре тех, кто пока еще находится вне ее сферы – реализуется путем разработки и применения специальных программ, обеспеченных в ресурсном отношении. Наконец, задача, связанная с развитием самого искусства предполагает развитие института меценатства – в лице индивидуального субъекта, или общественной организации, но главное – в лице самого государства. Выступая в роли основного мецената, государство должно стимулировать меценатство частных лиц и общественных структур. Особенно актуально решение данной задачи на региональном уровне, т. к. федеральное и областное финансирование иногда оказывается недостаточным для реализации, в частности, локальных проектов в сфере художественной культуры.

Таким образом, региональная культурная политика, реализующая основные стратегические цели и задачи федеральной политики, с одной стороны, может представлять собой консервативный механизм диктата государства, делающего минимальным вариант активного взаимодействия всех субъектов культурной политики, с другой стороны, имея больше возможностей для гибкого и толерантного подхода к процессам коммуникации и событиям культурной жизни, она может стать эффективным механизмом для катализации инновационных форм деятельности в регионе.

Библиографические ссылки

1. Генисаретский, О. И. К проблеме культурно-ценностной политики // Кентавр перед сфинксом (германо-российские диалоги). – М.: АПРЕЛЬ-85, 1995. – С. 341–355.
2. Жидков, В. С. Государственная культурная политика // Ориентиры культурной политики. – 2001. – № 6. – С. 49–86.
3. Жидков, В. С., Соколов, К. Б. Культурная политика России: теория и история. – М.: Академический Проект, 2001. – 579 с.
4. Каменец, А. В. Методологические основы системы управления на федеральном и региональном уровне в сфере культуры // Ориентиры культурной политики. – 1994. – № 5. – С. 16–27.
5. Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиров: сб. материалов. – М.: Либерейя, 2002. – 240 с.

6. Курная, Н. Н. Культурная политика как фактор структурирования социокультурного пространства: региональный аспект: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Дальневост. гос. техн. ун-т. – Владивосток, 2003. – 176 с.
7. Мир культуры. Международная мозаика: Сравнительный анализ культурной политики зарубежных стран / сост. Е.И. Кузьмин, В. Р. Фирсов. – М.: Либерея, 2003. – 264 с.
8. Федеральная целевая программа «Культура России (2001–2005 годы)» // Ориентиры культурной политики. – 2001. – № 3. – С.64–74.
9. Федеральная целевая программа «Культура России (2006 – 2010 годы)» паспорт // Вопросы культурологии. – 2006. – № 1. – С. 5–11.
10. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов. – М.: Академический Проект, 2000. – 242 с.
11. Франц, Л. А. Соотношение субъективного и объективного в культурной политике // Культурологические аспекты развития Западной Сибири: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. – Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 1998. – С. 94–96.

Е. И. Боброва

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА ТОЛЕРАНТНОСТИ И НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТ- ВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Понятие толерантности формировалось на протяжении многих веков, и этот процесс продолжается до сих пор. Накапливая разносторонние значения, термин «толерантность» стремится соответствовать действительности, в которой многообразные проявления нетерпимости требуют новых средств преодоления.

Торжественное открытие Института толерантности в Кемеровском государственном университете культуры и искусств (КемГУКИ) состоялось 6 февраля 2008 г. Директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы (ВГБИЛ) Е. Ю. Гениева ознакомила присутствующих с проектами московского Института толерантности при

ВГБИЛ. К открытию института толерантности библиотека представила книжную выставку «Толерантность в контексте культуры, искусств и информационной среде».

Более подробное знакомство с проектами института толерантности ВГБИЛ осуществилось в Москве (2008 г.) на семинаре «Толерантность в пространстве культуры и образования», где принимали участие 12 человек нашего университета. На семинаре сформировалось несколько совместных проектов института толерантности КемГУКИ, библиотеки и других подразделений с целью реализации их в нашем университете.

Основные цели Института толерантности КемГУКИ определены в «Положении» [1, с. 105] – это формирование и распространение идей толерантности, как составляющей профессионально-личностной культуры и компетенций в сфере культуры и искусств.

Для достижения поставленных целей институт решает следующие задачи:

- организация и осуществление научных исследований, реализация проектов и инициатив по формированию толерантности, как составляющей профессионально-личностной культуры;
- развитие сотрудничества и координация работы с организациями, занимающимися проблемами формирования установок толерантного сознания в российском обществе;
- организация и проведение тренингов, конференций, семинаров, выставок, фестивалей, арт-проектов, посвященных проблемам межэтнического, межкультурного и этноконфессионального взаимодействия;
- формирование фонда учебной, научной и методической литературы по проблемам толерантности и др.

Библиотека КемГУКИ также уделяет большое внимание реализации культурно-просветительской, воспитательной функции, формированию информационной культуры студентов, более качественному обслуживанию читателей. Формированию толерантности как составляющей профессионально-личностной культуры студентов оказывают содействие рассмотрение проблем межнациональных отношений, толерантность в вероисповедании, проблемы перевода, вопрос границ толерантности. Один из проектов «Семиотика художественной культуры» стартовал с презентации книги Ю. Лотмана «Пушкин: статьи и заметки» для студен-

тов специальности «Культурология» (2008 г.). Книга была передана Чрезвычайным и Полномочным послом Эстонской республики в России Мариной Кальюранд, как издание, подготовленное за счет средств посольства Эстонии в России. Продолжением проекта стала Международная научно-практическая конференция «Семиотика художественной культуры: Образ России в межкультурной коммуникации» (КемГУКИ, май 2009 г.), по материалам конференции издан сборник [6]. Организация дискуссий осуществлялась в рамках следующих направлений: семиотические аспекты функционирования визуальных искусств; принципы семиотики в музыкальном искусстве; театральное искусство как универсальная знаковая система; межкультурные коммуникации в хореографическом искусстве; семиотический анализ литературного текста; коммуникационные характеристики художественной культуры; информационная культура личности в эпоху Интернета: семиотический аспект; образовательно-коммуникационные характеристики сферы художественной культуры. Конференция способствовала реализации диалога научной общественности при обсуждении способов описания и изучения семиотических явлений художественной культуры.

Для воплощения в жизнь социально-культурного проекта «Большое чтение» была выбрана книга Д. С. Лихачева «Воспоминания». Организаторами выступили КемГУКИ (Институт толерантности, творческий отдел, кафедра литературы и русского языка, научная библиотека), ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, издательство «Вагриус». Основными целями проекта являются воспитание толерантности и образование подрастающего поколения и студенческой молодежи, расширение их кругозора, формирование личности и уважительного отношения к российской культуре.

Проект реализован в три этапа в течение 2008–2009 гг. Первый этап (06.10.2008 г.) – акция «Подарок первокурснику». В рамках этого мероприятия состоялась торжественная встреча, посвященная жизни и творчеству одного из выдающихся людей XX столетия Дмитрия Сергеевича Лихачева, и презентация его книги «Воспоминания», со студентами 1 курса КемГУКИ. Перед студентами выступили преподаватели и сотрудники КемГУКИ, Кемеровского госуниверситета, журналисты. Первокурсникам представлен видеоряд с выступлениями Д. С. Лихачева, книжная выставка его работ. Из фондов научной библиотеки в актовом

зале были выставлены сборники, словари, учебники по древнерусской литературе, которые редактировал Д. С. Лихачев, статьи из журналов, посвященные его творчеству, а также составлен библиографический список, включающий более 40 названий.

Каждому первокурснику было подарено издание: Лихачев Д. С. «Воспоминания». (М.: Вагриус, 2007). Более 300 студентов и преподавателей вуза присутствовали на презентации книги. Выступающие отметили роль Д. С. Лихачева в культурной и общественной жизни страны.

В феврале 2009 г. прошли следующие этапы проекта. На втором этапе состоялось чтение книги Д. С. Лихачева «Воспоминания» в старших классах ГОУ «Губернаторская женская гимназия-интернат (с. Елыкаево)». Воспитанницы с большим интересом читали книгу. Затем прошло ее обсуждение (04.02.2009 г.), на которое были приглашены преподаватели КемГУКИ, представители Кемеровской и Новокузнецкой епархии, Союза писателей Кузбасса. В ходе встречи были обсуждены проблемы духовно-нравственного образования и воспитания молодежи, вопросы культурно-образовательного пространства семьи Д.С. Лихачева, его жизненный путь, формирование личности в трудные для страны годы репрессий 1920–1930-х гг. и Великой Отечественной войны.

Осуществление проекта «Большое чтение» продолжилось 11–12.02.2009 г. (третий этап) в КемГУКИ и Кемеровской областной научной библиотеке им. В. Д. Федорова. В работе форума приняли участие уполномоченный по правам человека в Кемеровской области, представители органов власти Кемеровской области, Кемеровской и Новокузнецкой епархии, ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, представители профессорско-преподавательского состава ВУЗов Москвы, Санкт-Петербурга, Кемерова, работники кемеровских библиотек, члены Союза писателей Кузбасса, сотрудники Государственного архива Кемеровской области, Кемеровского областного краеведческого музея и Музея изобразительных искусств, студенты КемГУКИ. В рамках реализации проекта «Большое чтение» работали несколько выставок: фотовыставка «Интеллигенция Кузбасса: XX в. ...начало XXI в.», книжные и виртуальные выставки «Личность в культуре: Д.С. Лихачев», «Культура русской провинции», «Книги в подарок от Благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева» и др.

Таким образом, проект «Большое чтение» призван поднять престиж чтения, поэтому подобные проекты нам необходимы и будут иметь

продолжение, они направлены на повышение интереса к книге, к мировому и национальному литературному, историческому, научному наследию, а также к современной литературе.

Второй семинар «Личность. История. Современность» состоялся в Москве (2009 г.). На семинаре присутствовало 40 человек из городов, в которых открыты центры толерантности – это Санкт-Петербург, Ярославль, Екатеринбург, Новоуральск, Калуга, Брянск, Челябинск, Пермь, Кемерово. Собравшиеся встретились со специалистами, которые осветили ряд аспектов в проблеме формирования толерантных отношений.

В сообщении «Война и мир языков и культур» С. Г. Тер-Минасова, декан факультета иностранных языков МГУ, представила новые проекты учебных комплексов по иностранным языкам: «Италия и итальянцы», «Англия и англичане», «Россия и русские». Это уникальные пособия по языку и регионоведению, у которых нет аналогов на современном рынке. Новые издания формируют восприятие иностранного языка через культуру страны-носителя.

Научно-издательские и благотворительные проекты издательства «Российская политическая энциклопедия» презентовал А. К. Сорокин, гендиректор издательства РОСПЭН.

Профессор Иллинойского университета (США) Марианна Тек Чолдин говорила о понятии «толерантность» в современном мире, о том, как проводится проект «Большое чтение» в Чикаго. Это программа популяризации чтения, существующая в Чикаго уже несколько лет. Суть ее в том, что каждый год там выбирается одно известное произведение и рекомендуется для чтения всем грамотным горожанам. В течение недели они с ним знакомятся, а потом обсуждают его в школах, книжных магазинах, литературных кафе и других публичных местах.

Проблемы толерантности в вероисповедании освещались в сообщениях эмигранта первой волны И. А. Кирилловой, профессора Кембриджского университета (Великобритания), и Ив Амана, профессора университета Нантер (Франция). Ирина Арсеньевна поделилась воспоминаниями о персоне владыки Антония, с которым ей лично приходилось работать, а Ив Аман представил свою книгу памяти «Отец Александр Мень: Люди ждут слова». Толерантность проявляется в терпимости к чужим мнениям, верованиям, поведению. Толерантность считается признаком высокого духовного и интеллектуального развития

человека, группы, общества в целом. Все религии мира проповедают терпимость к другим людям, т. е. толерантность. В христианстве толерантность конкретизируется через понятия смирение и милосердие.

Особое место в коллективной деятельности института толерантности и библиотеки заняла в этом году подготовка материалов к докладу ректора Е. Л. Кудриной на заседании президиума Координационного совета по культуре при Министерстве культуры Российской Федерации (2009 г.). Высокой оценкой доклада послужила рекомендация к распространению материалов [1–5] по всем субъектам РФ. Вследствие этого за короткий период времени подготовлены и выпущены переработанные и дополненные материалы для органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере культуры и учреждений культуры о формах, методах и средствах работы по формированию толерантности в обществе, развитию межнационального общения и борьбе с ксенофобией средствами культуры.

Таким образом, за короткий период времени реализовано достаточно большое количество совместных проектов в таком важном направлении воспитательной работы по формированию толерантности, как составляющей профессионально-личностной культуры, духовному и нравственному развитию наших студентов.

Библиографические ссылки

1. Методические рекомендации для органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере культуры и учреждений культуры о формах, методах и средствах работы по формированию толерантности в обществе, развитию межнационального общения и борьбе с ксенофобией средствами культуры / Министерство культуры Российской Федерации; ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»; Институт толерантности; Научно-исследовательский институт информационных технологий социальной сферы; Научная библиотека. – 2-е изд. доп. – Кемерово: КемГУКИ, 2009. – 129 с.

2. Терминологический словарь основных понятий и терминов в области толерантности, межнационального общения и ксенофобии / Министерство культуры Российской Федерации; ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»; Институт толе-

рантности; НИИ информационных технологий социальной сферы; Научная библиотека. – Кемерово: КемГУКИ, 2009. – 73 с.

3. Формирование толерантности в обществе, развитие межнационального общения и борьба с ксенофобией средствами культуры: пословицы и поговорки народов мира / Министерство культуры Российской Федерации; ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»; Институт толерантности; Научно-исследовательский институт информационных технологий социальной сферы; Научная библиотека. – 2-е изд. доп. – Кемерово: КемГУКИ, 2009. – 17 с.

4. Формирование толерантности в обществе, развитие межнационального общения и борьба с ксенофобией средствами культуры: список литературы / Министерство культуры Российской Федерации; ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»; Институт толерантности; Научно-исследовательский институт информационных технологий социальной сферы; Научная библиотека. – 2-е изд. доп. – Кемерово: КемГУКИ, 2009. – 63 с.

5. Формирование толерантности в обществе, развитие межнационального общения и борьба с ксенофобией средствами культуры: дайджест публикаций / Министерство культуры Российской Федерации; ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»; Институт толерантности; НИИ информационных технологий социальной сферы; Научная библиотека. – Кемерово: КемГУКИ, 2009. – 134 с.

6. «Семиотика художественной культуры: Образ России в межкультурной коммуникации»: материалы конференции. – Санкт-Петербург, Кемерово: Кемеровский полиграфический комбинат, 2009. – 711 с.

Л. А. Жумаева

Московский государственный университет культуры и искусств

ЦЕНТР ТОЛЕРАНТНОСТИ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Окружающий нас культурный мир становится все более многообразным, что приводит к появлению новых социальных и политических

проблем, которые порождают нетерпимость, ксенофобию, расизм, дискриминацию и насилие.

В целях лучшего взаимопонимания между народами разных культур Совет Европы уделяет приоритетное внимание развитию межкультурного и межрелигиозного диалога.

Изучение и преподавание межкультурных знаний необходимо для демократической культуры. Знания о прошлом нужны для понимания современного общества и для предупреждения повторений трагических событий истории.

Понимание социального и культурного многообразия, различных творческих процессов, включая символику, тексты, предметы, обычаи в одежде и кухне должно быть внесено в процесс изучения друг друга. Музыка, искусство, танцы могут быть мощными возможностями межкультурного образования.

Кафедра иностранных языков МГУКИ явилась инициатором открытия Центра Толерантности и Межкультурных Коммуникаций в нашем транснациональном университете.

Путь от реального мира к понятию (т. е. культурной картине мира) и дальше, к словесному выражению, различен у разных народов.

Национальная культурная картина мира первична по отношению к языковой.

Однако язык реализует национальную культурную картину мира, хранит её, передавая из поколения в поколение. Язык способен описывать всё. Усваивая чужой новый язык, человек одновременно усваивает чужой, новый мир. Изучающий иностранный язык проникает в культуру носителей этого языка и на него воздействует заложенная в языке культура.

Языковая ошибка, допущенная учащимися в процессе коммуникации всегда прощительна, а ошибка в культуре часто ведет к агрессии. Конфликт культур – одна из самых актуальных проблем современности. Проявлять терпение, уважение к чужим «не своим» культурам – залог спокойной и светлой жизни.

Очень ценным является опыт Центра по изучению взаимодействия культур в МГУ им. М. В. Ломоносова, где работают вместе лингвисты, историки, философы, литературоведы, психологи, социологи.

Профессор МГУ С. Г. Тер-Минасова написала знаковую книгу «Язык и межкультурные коммуникации», целью которой считает рассмотрение проблем человеческого общения с особым вниманием к языку как главному – но не единственному – средству общения. Эта попытка важна особенно сейчас, когда остро встала проблема терпимости к чужим культурам, пробуждения интереса и уважения к ним, преодоления в себе чувства раздражения от непохожести других культур. Именно этим вызвано всеобщее внимание к вопросам межкультурной, международной коммуникации.

Основанная в 1981 г. Peace Child International (PCI) является одной из самых значительных организаций, которая имеет консультативный статус в ООН, а число ее представителей достигло 180-ти в разных странах мира. Миссия организации – подготовить молодежь мира для противостояния трудным глобальным вызовам жизни, таким как: климатические изменения, мир, права человека, голод, болезни, достижение благополучия для всей мировой семьи.

Организация создает учебные материалы, книги. Хорошо изданные и иллюстрированные публикации пропагандируют мир на Земле, здоровый образ жизни, уважение прав человека. Члены организации говорят, что информирования по данным темам недостаточно. «Мы не хотим быть пассивными наблюдателями мировых проблем. Мы должны перейти к действиям». PCI организует Всемирный Конгресс молодежи, который рассмотрит тему «Какова эффективная роль молодежи в попытке достичь гармоничного развития общества?» Это будет событие, проводящееся каждые два года, которое объединит молодежь всего мира и даст им шанс начать диалог с сильными мира сего.

Повышенный интерес к изучению культур разных народов, выдвижение на передний план культурологии, выдвижение межкультурных коммуникаций создает настоящий бум, за которым скрываются не только благородные и созидательные мотивы интереса к другим культурам с целью обогатить свою культуру опытом, но и иные причины.

Социальные, политические, экономические потрясения привели к небывалой миграции народов, их переселению, смешению, что приводит часто к конфликту культур.

Отсюда пристальное внимание к вопросам межкультурного общения.

Тесная связь и взаимозависимость преподавания иностранных языков и межкультурных коммуникаций очевидна. Каждый урок иностранного языка – это перекресток культур, это практика межкультурных коммуникаций, т. к. каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру.

Язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько, что практически составляют единое целое.

Окружающий человека мир представлен в трех формах:

- реальная картина мира;
- культурная (понятийная) картина мира;
- языковая картина мира.

Реальная картина мира – объективная данность, мир окружающий человека.

Культурная картина мира – отражение реальной картины мира через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, прошедших через его сознание. Культурная картина мира специфична и различается у разных народов.

Языковая картина мира отражает реальность через культурную картину.

При необходимости язык заимствует слова для выражения понятий, свойственных чужому языковому мышлению, из чужой языковой среды.

Каждое занятие иностранного языка в вузе, как уже говорилось, – это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации потому, что за каждым словом стоит представление о мире.

Кафедра иностранных языков МГУКИ предлагает программу мероприятий в Центре толерантности в 2009–2010 учебном году.

2. День поминовения Холокоста и предупреждения преступлений против человечества. Обучение исторической памяти, конференция, посещение музея Сахарова. Разговор о личности в истории (Рауль Валленберг, Берман).

3. 26 сентября – европейский день языков. Просмотр фильма «Одажио» и кинороликов студентов, х/ф на английском языке «Love Story».

4. Посещение музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Тема: «Изобразительное искусство для сближения культур разных народов».

5. Глобальное просвещение и молодёжь. Новые проблемы межкультурного образования (конференция аспирантов и студентов на английском языке).

6. Обслуживание европейских и мировых событий. Пресс-конференция для студентов института СМИ.

7. Язык и МК (открытая лекция заведующей кафедрой иностранных языков профессора Л. А. Жумаевой).

8. Культурное наследие и перемены в обществе (организация выставки книг и документов).

9. Музыка и толерантность (конкурс исполнителей).

10. Международные кинофестивали. Просмотр х/ф-победителя. Обсуждение.

11. Горячие точки. В чем причина? (Конференция для студентов и аспирантов).

12. Почему важна социальная сплоченность? Тестирование и анализ результатов тестирования.

Итак, заложить в практику образования в транснациональном университете основы межэтнической и межконфессиональной толерантности и сделать эту практику массовой и является одной из главных целей преподавания иностранных языков в нашем вузе.

Б. М. Умаханова

МУ «Хасавюртовская городская ЦБС» (Хасавюрт, Республика Дагестан)

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА И ТОЛЕРАНТНОСТИ – ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИБЛИОТЕКИ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Гражданственность является основным качеством, отличающим истинного гражданина. Такой индивид активен и небезразличен к тому, что происходит вокруг. Это качество характеризует такие показатели социальной зрелости как научное мировоззрение, уважение к чужой собственности, признание человеческой жизни главной земной ценностью, любовь к родине, к природе, преклонение перед женщиной-матерью, иммунитет к национальной розни, отрицание насилия как способа реше-

ния спорных проблем, религиозная терпимость, готовность к труду и осознание его как источника процветания человека и общества, отношение к учёбе как к важнейшему средству совершенствования личности, осознание важности гражданской активности для демократической трансформации России, как на региональном, так и на локальном уровне. Среди ценностей активного гражданина следует выделить, наряду с толерантностью, и патриотизм.

Патриотизм – высоконравственное свойство гражданина. Это высокая степень эмоционального положительного отношения к своим согражданам, своей стране, ее исторически сложившимся ценностям. Это выделение родины из других объектов ценностной ориентации, функционирование чувств, охватывающих широкий круг эмоциональных явлений, связанных с гордостью за свой народ, за свою страну или болью, огорчением за их неудачи. Высший уровень патриотичности – это глубокое осознание человеком своего патриотического долга, своей личной ответственности за судьбы родины. А это возможно у человека тогда, когда он свободен от индивидуального, группового, национального эгоизма. Патриотизм – антипод всем формам и проявлениям социального эгоизма, высшая форма проявления человеческого достоинства.

Парадокс индивидуального сознания заключается и в том, что в духовном арсенале одного и того же человека могут уживаться патриотизм и национализм, понимаемым как культ исключительности своей национальности, который в своих крайних проявлениях выступает как идеология национальной вражды, межнациональных конфликтов. Чистый родник патриотизма загрязняется, если он переплетается с национализмом.

Существует возможность использования любви людей к своим национальным ценностям, их преданности интересам, заботам, тревогам, болям соотечественников для инспирирования националистических настроений. Эта возможность превращается в реальность в полиэтнических регионах, особенно в переломные исторические моменты.

Современная история показывает, что у многонационального населения, живущего длительный период в одном регионе, формируется общегражданское сознание, общее чувство родного края, родной земли. Такова объективная закономерность. Но националистические экстремисты стремятся разрушить композицию общегражданского патриотизма,

раздробить общество на группы, исповедующие «национальный патриотизм», т. е., по существу, разобщить, разъединить народы.

В последние годы этим деструктивным силам, используя слабость новых властных структур и только формирующихся институтов гражданского общества, удалось обострить межнациональные отношения в Республике Дагестан и приграничных территориях Чеченской Республики. Люди при решении спорных вопросов и даже бытовых проблем стали проявлять нетерпимость, агрессию. Чтобы снять возникшее напряжение, нашей библиотеке, оказавшейся в центре трех террористических актов и понесшей значительные материальные и моральные потери, приходится предпринимать значительные усилия по формированию установок толерантного сознания. Библиотека, продолжая многовековые традиции миротворчества, стала инициатором и организатором активных успешных действий, направленных на достижение согласия между различными социальными группами посредством вовлечения рядовых граждан в процесс решения региональных проблем.

Очень часто люди, срезая вершки сорняков, удивляются, почему те прорастают вновь. Суть иницируемых библиотекой образовательных и просветительских мероприятий как раз и состоит в том, что предлагается выдернуть корень зла. Проекты, инициированные библиотекой, не только учат людей некоторым приемам и методикам работы, но и сплачивают их, показывают, как совместно решаются нелегкие современные проблемы.

Библиотека в качестве партнера принимала участие в реализации миротворческих проектов различных общественных организаций:

- «Ключ в завтра: Интернет-клуб для детей с ограничениями жизнедеятельности»;
- «Наследники веков: фестиваль художественного творчества детей из семей перемещенных лиц»;
- «Гуманность во время войны»;
- «Дети на войне»;
- «Преодоление этнической нетерпимости в конфликтном регионе: цикл образовательных и просветительских мероприятий в ученических, педагогических и родительских коллективах школ города Хасавюрта по формированию установок толерантного сознания».

С 2006 г. в библиотеке реализуется программа «Диалоговое чтение как важнейший инструмент воспитания патриотизма и преодоления этнической нетерпимости».

Термином «диалоговое чтение» мы обозначаем совместную работу группы из двух и более человек над текстом художественного произведения или познавательной литературы, в процессе которой собеседники расширяют и обогащают взаимопонимание.

Идея программы состоит в том, что, с одной стороны, обмен духовными ценностями, знакомство с достижениями культуры других народов обогащает личность ребенка. С другой стороны, межличностное общение детей способствует взаимодействию культур. Оно, расширяя источники социальной и культурной информации, может выступить важным фактором в преодолении стереотипизированного мышления и этим способствует взаимообогащению духовного мира подрастающего поколения.

Одним из проектов программы стала открытая при библиотеке воскресная школа национального языка и литературы для подростков из семей четырех этнических меньшинств. С ними проводятся специальные интерактивные занятия по изучению родных языков, поскольку в школах им не предоставлена такая возможность.

Чтобы понимать язык чужой культуры, человек должен быть открыт к культуре отечественной. От родного – ко вселенскому, только так можно постичь лучшее в других культурах. И только в таком случае диалог будет плодотворен.

Формируя позитивную этническую идентичность, библиотека в то же время развивает у подростков толерантное отношение к другим этническим группам. Эта задача решается посредством расширения доступа представителям целевой группы проекта не только к культурным ценностям своего народа, но и к достижениям культуры и традиций других народов Дагестана, их верований и обычаев.

Таким образом, проект, с одной стороны, создает условия самостоятельного и стабильного существования малой этнической группы и, с другой, – условия мирного межкультурного взаимодействия в полиэтничном сообществе.

Основным инструментом решения цели проекта является диалоговое чтение. Каждая из четырех групп воскресной школы представляет собой читательскую группу. Куратор школы (это или библиотекарь, или

учитель дагестанской словесности) через чтение специально подобранных книг стимулирует интерес членов группы к пониманию различных культурных феноменов.

Наиболее успешными моделями диалогового чтения в условиях нашей библиотеки стали реализованные в 2006–2008 гг. летние программы чтения: «Индийская деревня» – по познавательной и художественной литературе о культуре североамериканских индейцев, «Вверх тормашками и задом наперед» – по книге Астрид Линдрен «Пеппи Длинный чулок» и «Другой, другие, о других» – по одноименной книжной серии для подростков.

Мы знакомили своих юных читателей с традициями совершенно далеких от них (и географически, и ментально) культур с тем, чтобы воспитать у них уважение и терпимость к незнакомым, чуждым и малопонятым культурным явлениям, снять устоявшиеся, зачастую негативные, клише, пробудить доброжелательный интерес к миру, и, в конечном итоге, сформировать патриотизм и установки толерантного сознания.

В библиотечной деятельности мы активизируем также и непрямые (интуитивные) методы вовлечения читателя, особенно юного, в ситуацию «поликультурности». Наше реальное бытие наполнено различными представлениями, нормами, предрассудками, мифами, обуславливаемыми различиями культур, при этом все эти явления внешней среды не всегда осознаются. В связи с этим в библиотеке создается особая среда всевозможных символических форм, цель которых – исподволь погрузить читателя в обстановку многозначности, разноязыкости, сосуществования различных культурных смыслов с тем, чтобы он «привык» к возможности подобного миропорядка и при встрече с ним в реальности не испытал культурного шока.

Наиболее адекватными с этой точки зрения представляются календарные праздники, имеющиеся во всякой культуре. Вот уже третий год мы формируем поликультурный календарь, куда наряду со значимыми для большинства местных жителей памятными датами включаются такие события, как Рождество Христово, Валентинов день, Хэллоуин, Сабантуй, День сурка, китайский Новый год, Иван Купала, День Люсии, Ханука, День Синтерклааса, Мэрцишор.

Расширение культурного календаря – способ действенный и естественный: чтя собственные праздники наряду с праздниками других народов и культур, люди привыкают к тому, что их собственная культура не единственная, что на свете существуют и другие события, достойные внимания.

В описанных моделях библиотечной деятельности ценностями становятся не отдельные элементы местного сообщества, а связи между ними. При этом коммуникация (в форме обсуждений прочитанного, читательских диспутов, ролевых игр, тренингов межкультурной коммуникации и пр.) помогает усвоению самых «чуждых», «далеких», «неведомых» смыслов.

Библиотека, предоставляя свои помещения, информационные ресурсы и каналы связи для организации современных «переговорных площадок» с максимальным количеством сервиса для диалога, вовлекает в него в качестве оппонентов и соучастников не только конкретных людей, но и могучий арсенал своего главного богатства – книжный фонд. Таким образом, благодаря контактам с реальными человеческими проблемами и «живыми» участниками диалога «анимируются» накопленные библиотекой документные ресурсы.

Библиографические ссылки

1. Гениева, Е.Ю. Библиотека как центр межкультурной коммуникации / Е. Ю. Гениева. – М.: РОССПЭН, 2007. – 208 с.
2. Гениева, Е. Ю. Библиотеки без границ / Е. Ю. Гениева // Библиотеки и современное общество: материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию РНБ. – СПб.: РНБ, 1996. – С. 74–82.
3. Гениева, Е. Ю. Диалог открытый и заинтересованный: к согласию через переговоры / Е. Ю. Гениева, К.-Д. Леман // Библиотека. – 1994. – № 2.– С. 2–7.
4. Гениева, Е. Ю. Книга – инструмент ведения диалога между культурами / Е. Ю. Гениева // Библиотеки за рубежом.– 1995. – № 4. – С. 13–19.

Т. А. Мирошина

Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Проблема формирования культуры межнациональных отношений, межкультурной коммуникации стала наиболее актуальной в нашей стране с середины 90-х гг. XX в., когда рухнул «железный занавес», когда совпали возможность и необходимость изучения других культур.

К содержанию культуры межнациональных отношений следует отнести уважение к людям различных национальностей; соблюдение нравственного такта по отношению к языку, национальным обычаям и традициям других народов; проявление интереса к достижениям культуры и жизни других государств и народов; стремление развивать общечеловеческие ценности.

Новые условия жизни, стремительное вхождение нашей страны в мировое, в первую очередь, западное сообщество, радикально изменили и задачи подготовки специалистов в вузах, в том числе, и в сельскохозяйственных. Современному обществу требуются уже не столько узкие специалисты, сколько профессионалы с развитыми коммуникативными навыками, располагающие к себе, умеющие общаться как с соотечественниками, так и с иностранными специалистами, подготовленные к работе с различными иноязычными источниками. Основным качеством гражданина становится толерантность (*tolerantia* – терпение, снисходительность). Толерантность – понятие, включающее, прежде всего, способность и умение увидеть в человеке человека, независимо от его национальной принадлежности, языка, политических взглядов, религиозной ориентации, эстетических склонностей и культурных приоритетов.

Культура межнациональных отношений не дает замкнуться в узких рамках национальной ограниченности. Укрепление дружбы народов всего земного шара стало знаменем нашего времени. Так, в 2005 г. наш вуз инициировал научно-образовательное сотрудничество с университетами Канады: университетом Манитобы и университетом Гельфа. Мы сконцентрировали усилия на сотрудничестве с провинцией Манитоба и провинцией Онтарио, поскольку у нас имеются совместные интересы с канадскими учеными в сфере сельского хозяйства. Уже состоялось пять поездок наших ученых в Канаду, а в июне 2006 г. вуз принимал ученого из университета Манитобы. Преподаватели нашей кафедры ездили в качестве переводчиков.

Командировки в Канаду помогли нам по-новому взглянуть на преподавание иностранного языка в вузе. Иностраный язык специалиста в области сельского хозяйства – это и средство общения, и часть культуры, а наша цель как преподавателей – развитие личности, способной и желающей участвовать в межкультурной коммуникации на изучаемом языке и самостоятельно совершенствоваться в овладеваемой ею иноязычной речевой деятельности, формирование культуры межнациональных отношений студентов вуза.

Знания и опыт, полученные от посещения Канады, а также печатные издания, видеоматериалы, фотографии активно используются нами на занятиях, что вносит в учебный процесс новизну, повышает мотивацию студентов к изучению языка, побуждает их к общению, обмену мнениями, стимулирует их творческое мышление и активизирует речевую деятельность.

Бесспорно, каждый урок иностранного языка – это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает мир и культуру другого народа, за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире.

Сопоставление русского и английского языков с учетом социокультурного компонента вскрывает глубины различий между тем, что стоит за словами этих языков, т. е. между культурными представлениями о реальных предметах и явлениях действительности и между самими предметами и явлениями.

Возьмем для исследования самые простые слова, обозначающие что-то или кого-то, которые существуют у всех народов и во всех культурах и которые рассматривает С. Г. Тер-Минасова в своей книге «Язык и межкультурная коммуникация». На примере этих слов вы поймете, что произвело на нас неизгладимое впечатление в Канаде.

Русское слово «бабушка» и английское «grandmother» – термины родства, обозначающие мать родителей. Однако что общего русская бабушка имеет с канадской? Это совершенно разные образы, они по-разному выглядят, различно одеваются, у них совершенно разные функции в семье, разное поведение, разный образ жизни. Русская бабушка, как правило, занята в новом статусе еще больше, чем раньше: она растит внуков, ведет хозяйство, дает родителям возможность работать, зарабатывать деньги. Канадская бабушка уходит на заслуженный отдых: путешествует, ярко одевается, старается наверстать упущенное в плане развлечений, приятного времяпрепровождения.

Весьма наглядную иллюстрацию сказанного дает сопоставление таких слов как «час» и «hour». Все понимают, что час в любом языке это ровно 60 минут, но речь идет о различии культурного отношения ко времени. В отличие от нас, русских, в культуре которых нет подчеркнутой пунктуальности и опоздания не только возможны, но и часто культурно обязательны (в гости, на приемы и т. п.), канадцы знамениты своей точ-

ностью и бережным отношением ко времени. Наша программа пребывания в Канаде всегда была расписана по минутам, на встречу с руководством университета или ученым всегда отводилось 30 минут, и никогда нас не принимали минутой позже или раньше.

Другой пример. Слово «village». У нас есть только одно представление о русской деревне – преимущественно деревянные дома, стадо, петух, зимой дым из трубы. Такого понятия как типичная канадская деревня вообще не существует. Канадской деревней можно назвать 15 домов, жители которых заняты одним прибыльным производством. Вообще же в Канаде фермеры живут обособленно на большом расстоянии друг от друга, что невозможно себе представить в России. Мало того, что дом одиноко стоит в перелеске или на открытом пространстве, да еще без забора, без злой собаки, с техникой, стоящей под открытым небом.

Итак, мы видим, что особенности языка и тем более культуры вскрываются при их сопоставлении. Если языковой барьер абсолютно очевиден, то барьер культур становится явным только при столкновении или сопоставлении родной культуры с чужими, отличными от нее: в лучшем случае удивительными, а обычно просто странными, неприятными, шокирующими.

Шокирующим для нас оказалось посещение колонии Хатторитов, которые имеют немецкие корни и проживают по всей территории Канады уже 100 лет. Они живут закрытыми сообществами, численность которых составляет где-то 150 человек на полном самообеспечении, наверное, как старообрядцы или отшельники. Дети не ходят в обычные школы, не смотрят телевизор. Однако уровень жизни у них очень высок, и дети вырастают первоклассными специалистами в своем деле. Государство оказывает им хорошую поддержку и является потребителем сельскохозяйственной продукции, производимой Хатторитами.

Что еще нас поразило? Наличие у канадских фермеров современной сельскохозяйственной техники наряду с раритетной, которой 30–40 лет, но которая работает и находится в отличном состоянии; семейный бизнес одного из фермеров: на первом этаже дома находится свиноферма по выращиванию чистопородных свинок, а на втором этаже – детский сад, которым занимается дочь фермера; минимальная разница между богатыми и бедными районами в провинциальном городе, студенческие общежития, соответствующие четырехзвездочным отелям, доступные бесплатные Интернет зоны Wi-Fi и мн. др.

Только выйдя за рамки своей культуры, т. е., столкнувшись с иным мировоззрением, мироощущением и т. п., можно понять специфику своего общественного сознания, можно увидеть различие или конфликт культур.

Русские люди, попав в англоязычный мир, недоумевают по поводу улыбок. Наши студенты, побывавшие в США по программе Work and Travel и в Великобритании по программам Hops и Concordia, делая презентацию, сказали, что больше всего их поразило то, что американцы и англичане улыбаются всем, всегда и везде, и эта улыбка естественна. Иностранцы же сетуют, почему у нас люди на улице такие мрачные, не улыбаются. Это типичнейший пример если не конфликта культур, то непонимания.

В англоязычном мире улыбка – это традиция, не имеющая ничего общего с искренним расположением к тому, кому вы улыбаетесь. Растянуть губы в соответствующее положение – значит показать, что у вас нет агрессивных намерений. У русских же, в основном, улыбка – это реакция на положительные эмоции.

Таким образом, мы видим, и, главное, оцениваем чужой мир через призму своих традиций. Мы разные, у нас разные культуры и менталитет, но все мы живем в век глобализации, и сегодня у молодого поколения нашей страны и у студентов нашего вуза, в частности, есть прекрасная возможность стать билингвалами, говорить на родном языке и английском, который уже стал инструментом международной коммуникации, с тем, чтобы расширить знания и обогатить свой опыт, посещая другие страны.

Несмотря на развитие телекоммуникационных средств, главным способом передачи знаний через границы является студенческий и преподавательский обмен, т. е. международная академическая мобильность. Расстояние не является сегодня препятствием, и личные контакты становятся самым эффективным средством для лучшего понимания во всех сферах человеческой деятельности.

Мы развиваем взаимовыгодные отношения не только с канадскими университетами, но и с ближайшими соседними странами: Монголией и Китаем, а также Германией и Сербией, делая акцент на следующих аспектах: студенческий обмен; совместные научные проекты; обмен преподавателей; проведение совместных конференций. Этим летом состоялись первые студенческие туры в Китай и Монголию, а следующим летом студенты смогут пройти практику также в Сербии и Германии.

Для того, чтобы минимизировать культурный шок, который неизбежен, мы готовим студентов к поездкам. В своей работе пристальное внимание мы обращаем на то, чтобы студенты не только познакомились с иной культурой, но и принимали ее. Три «Т» – Терпение, Терпимость, Толерантность – вот формула культуры межнациональных отношений. И, несомненно, одной из наших важных задач является привитие студентам уважения к культуре своей страны, воспитание чувства патриотизма.

Последние годы нашу страну потрясают межэтнические и межнациональные конфликты. Но одновременно сквозь боль и горе пробивается здоровое стремление человека к миру, взаимопониманию, к достойной созидательной жизни. Оберегать и возвращать эти нежные победы толерантного сознания, которые станут эмблемой нового тысячелетия, – деликатная и ответственная задача педагогов, преподавателей, ученых – всех, кто причастен к формированию цивилизованного общества.

В заключении хотелось бы отметить, что владение иностранными языками со всей определенностью можно квалифицировать как компонент общей культуры личности, с помощью которого она (личность) приобщается к мировой культуре. Но реальная межкультурная коммуникация как форма общения представителей различных языков и культур реализуется с наибольшей полнотой и эффективностью в том случае, когда в процессе подготовки к ней значительное место отводится родной национальной культуре. Поэтому мы широко привлекаем краеведческий местный материал при обучении иностранным языкам как в аудиторное, так и внеаудиторное время. Традиционными стали поездки в музей «Красная горка», на Томскую писаницу, экскурсии по городу, викторина на английском языке «Как хорошо вы знаете свой край?» При изучении, например, темы «Наша Родина», студентам предоставляется активная лексика для составления предложений. По опорам студенты составляют микротексты о социальной жизни страны, о ее истории, о достопримечательностях, о больших и маленьких городах и селениях своего края, о красоте природы, о государственных символах (герб, флаг, гимн). Такое содержание учебного материала формирует чувство любви к родному краю, сознательное отношение к окружающему миру, бережное отношение к достигнутому, способствует становлению высоконравственной личности, уважающей традиции и знающей историческое и культурное прошлое своей страны.

Библиографические ссылки

1. Мирошина, Т. А. Международное сотрудничество – практика межкультурной коммуникации / Т. А. Мирошина // Современные тенденции развития АПК в России: материалы V Международной научно-практической конференции молодых ученых Сибирского федерального округа. Ч. 2 / Краснояр. гос. аграр. ун-т; сост. Ю. В. Платонова. – Красноярск, 2007. – С. 351–354.
2. Сахапова, Ф. Х. Гражданское воспитание студентов технического вуза средствами иностранного языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Ф. Х. Сахапова. – Казань, 2004. – 25 с.
3. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М.: Слово, 2000. – 624 с.

М. И. Васильковская

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

МОЛОДЕЖЬ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

«Молодежь» – социально-демографическая группа, выделяемая на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения молодых людей, их места и функций в социальной структуре общества, их специфических интересов и ценностей.

Молодежь является составляющей частью любого общества и в эпоху глобализации, в первую очередь, сталкивается с её вызовами. Глобальные проблемы человечества, реальные процессы и формы глобализации имеют молодежное измерение. Именно молодежь страдает от экономических и социальных кризисов, гибнет в конфликтах. Молодежь, в первую очередь, должна освоить новую планетарную этику и научиться жить на её основе. Именно вступающее в самостоятельную жизнь поколение должно осознать и реализовать идеи культуры мира, придать глобализации социальную ориентацию [8].

Известно, что в любом государстве молодое поколение выполняет особые социальные функции: наследует достигнутый уровень развития общества и государства; является главным объектом образования и воспита-

ния, социализации и адаптации; выступает ведущим субъектом социальных перемещений и экономической мобильности; несет функцию социального воспроизводства, отвечает за жизнь предшествующих поколений, за сохранение и преемственность развития общества. Молодые люди во всех странах представляют собой основной стратегический ресурс нации, являются главными проводниками социально-экономического и технического прогресса, передовых идей глобализации. Их творческое воображение, идеалы и энергия имеют важное значение для обеспечения постоянного движения общества вперед. В эпоху глобализации молодежь как наиболее динамичная часть населения стремится быстрее других освоить и использовать коммуникационные и интеграционные технологии будущего, развивать международные связи с помощью Интернета [3].

Начиная с середины прошлого столетия, ООН проводит целенаправленную молодежную политику, основная цель которой – привлечение внимания молодежи и молодежных организаций к глобальным проблемам человечества, к широкому участию в общественной жизни на национальном уровне и во всемирном масштабе, создание условий для расширения сотрудничества между местными и международными молодежными организациями, занимающимися проблемами устойчивого развития. Основываясь на этом положении, во многих европейских государствах реализуется эффективная государственная молодежная политика. Формы ее проведения различны, однако общей тенденцией является широкое привлечение общественных организаций, а также активное участие федеральных и региональных органов в решении проблем различных категорий молодежи, реализации социокультурных проектов. В большинстве европейских стран молодежная политика призвана содействовать молодым людям в становлении их жизненного пути, в том числе, в обеспечении занятости и гражданского участия молодых людей. В ряде стран молодежная политика рассматривается как составная часть стратегии социально-экономического развития. Такой подход к молодежной политике имеет конечной целью социальное развитие молодых людей, их привлечение к сознательному и активному участию в жизни общества и государства. Тенденцией последних лет явилось расширение молодежного международного сотрудничества, развитие межкультурного диалога, приверженность молодежи к ненасильственным средствам разрешения конфликтов и споров на всех уровнях (проект ЮНЕКО «Все разные – все уникальные») [13].

В ряде исследований отмечается рост внимания в мире к молодежным проблемам, который выражается в повышении роли государства по поддержке развития молодежи; укреплении инфраструктуры учреждений молодежной политики; организации досуга молодежи и профилактике правонарушений и наркозависимости; обеспечении гражданского, духовно-нравственного и творческого развития молодежи. При этом наблюдается многообразие форм и методов работы с молодежью.

Под *государственной молодежной политикой* подразумевается деятельность государства, направленная на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации каждого молодого человека и развития молодежных объединений, движений и социальных, и творческих инициатив.

В формировании и осуществлении государственной молодежной политики вовлечены молодежные организации и объединения России. В стране действуют более 400 молодежных и детских общественных объединений. Среди них есть общероссийские, международные, межрегиональные и местные. В январе 1992 г. образован Национальный совет молодежных и детских объединений России. В декабре 1998 г. на конференции этого совета была принята концепция взаимодействия с государственными органами Российской Федерации.

В соответствии с Федеральным законом от 26 июня 1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских Общественных объединений» создан федеральный реестр объединений, которые пользуются государственной поддержкой. Он ведется на основе положения № 1104 от 13 июня 1996 г., зарегистрированного в Минюсте России. Реестр молодежных и детских общественных объединений ведет Министерство образования и науки РФ. В него включены около 60 общественных организаций, которые пользуются государственной поддержкой в рамках Федеральной межведомственной программы.

Под *государственной поддержкой молодежных и детских объединений* подразумевается совокупность мер, принимаемых органами государственной власти Российской Федерации в соответствии с законодательством РФ. Цель поддержки – создание и обеспечение правовых, экономических и организационных условий, гарантий и стимулов деятельности объединений, направленных на социальное становление, раз-

витие и самореализацию детей и молодежи в общественной жизни, на охрану и защиту их прав [9, с. 15].

Молодежные общественные объединения участвуют в выработке, экспертизе и внесении в органы власти проектов законодательных и нормативных актов по молодежной политике. Они координируют реализацию проектов и программ молодежных и детских объединений и оказывают ей содействие.

Общепризнанна в нашей стране социальная значимость этих организаций, поскольку они включают молодежь в систему социальных отношений, помогают постигать новые социальные роли.

На региональном уровне также формируются реестры детских и молодежных общественных объединений. Государство поддерживает молодежные и детские программы и проекты: выделяет гранты, субсидии, дотации, оказывает организационную и информационную помощь.

В июне 2001 г. был создан Координационный совет по вопросам взаимодействия с молодежными и детскими общественными объединениями. Это консультативно-совещательный орган, призванный вырабатывать предложения по вопросам совершенствования деятельности молодежных и детских общественных объединений. Государственная молодежная политика России строится на основе крупных целевых программ.

В конце 2005 г. была принята программа, которая рассчитана на десять лет – до 2016 г. – и определяет главную цель государственной молодежной политики – развитие потенциала молодежи в интересах России. Причем эффективная молодежная политика должна стать политикой приоритетов, определяющих такие направления деятельности, работа по которым обеспечит молодежи возможности для самостоятельного решения возникающих проблем.

Предполагается, что с учетом тенденций социально-экономического и общественно-политического развития России государственная молодежная политика в Российской Федерации должна реализовать несколько приоритетов: информирование молодежи о потенциальных возможностях развития России и ее вовлечения в социальную практику; развитие инновационной активности молодежи; интеграция молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации в жизнь общества.

В соответствии с выделенными приоритетами и принципами государственной молодежной политики стратегия для ее реализации предла-

гает использовать проектный подход. В частности, предложены девять общенациональных проектов, которые открывают для молодежи возможности для равного участия в них всем молодым людям. Среди них: «Российская молодежная информационная сеть», «Всероссийский стройотряд», «Доброволец России», «Вместе» и др. Точные параметры проектов будут определены федеральной целевой программой [7].

Деятельность учреждений органов по делам молодежи включает поддержку, оказание социальных услуг и содействие адаптации и реабилитации юношей и девушек.

Учреждения создаются в целях обеспечения социально-правовой защищенности подростков и молодежи, интеграции их в социально-экономическую, общественно-политическую и культурную жизнь страны, региона, поселения, города, а также целенаправленной социально-досуговой работы с подростками и молодежью по месту жительства, профилактики безнадзорности, правонарушений, наркомании среди подростков и молодежи [11, с.75–77]

Основной задачей учреждений органов по делам молодежи является создание условий для физического, духовного и нравственного развития подростков и молодежи в возрасте от 14 до 30 лет. Данные службы оказывают психологическую, социально-педагогическую, правовую и информационную помощь, содействуют занятости подростков и молодежи, их профессиональной ориентации и социально-трудовой адаптации, осуществляют поддержку молодых семей, содействуют в решении их жилищных проблем, поддерживают талантливую молодежь, детские и молодежные общественные объединения, молодежные инициативы, формируют и развивают кадровый потенциал.

К учреждениям органов по делам молодежи можно отнести:

- комплексный центр социального обслуживания молодежи;
- центр социально-психологической помощи молодежи, социальную службу для молодежи;
- социальный центр молодежи;
- центр социальной поддержки молодежи;
- центр экстренной психологической помощи молодежи по телефону;
- молодежный центр планирования семьи;
- центр правовой помощи молодежи;
- центр информации для молодежи;

- подростково-молодежный клуб;
- социально-реабилитационный центр для подростков и молодежи;
- центр профессиональной ориентации и трудоустройства молодежи.

Социально-клубные учреждения предоставляют разнообразные по форме и содержанию возможности для личностной самореализации, развития духовно-нравственных ориентиров молодых людей. Правовой статус данного учреждения определен инструктивным письмом Министерства образования Российской Федерации от 1 ноября 2002 г. № 5 «О подростково-молодежных клубах органов по делам молодежи».

Основным назначением данного учреждения является развитие мотивации личности молодого человека к познанию и творчеству, реализация дополнительных образовательных программ, услуг в интересах молодежи, общества, государства. К задачам, определяющим содержание деятельности подростково-молодежных клубов, можно отнести: обеспечение условий для личностного развития, укрепление здоровья, профессиональное самоопределение юношей и девушек, содействие адаптации к жизни в обществе, формирование общей культуры юношей и девушек, организацию содержательного досуга молодежи.

Учреждение организует работу с подростками и молодежью в течение всего года. Социальная деятельность осуществляется в разновозрастных и разновозрастных объединениях по интересам (студиях, группах, секциях, кружках, театрах и др.). Содержание работы подростково-молодежного сообщества определяется педагогом, специалистом по социальной работе с молодежью с учетом примерных учебных планов и программ, рекомендованных государственными органами управления образованием. Специалисты могут разрабатывать авторские программы, утверждаемые педагогическим (методическим) советом учреждения. Занятия в объединениях проводятся по программам одной тематической направленности или комплексным, отражающим различные направления деятельности подростково-молодежного клуба.

Содержание и формы деятельности социальных учреждений органов по делам молодежи способствуют преодолению трудной жизненной ситуации молодого человека, создают условия для развития его активной жизненной позиции и воспитывают гражданина, которому присущи патриотизм и гуманные ценностные ориентации. В деятельности учреждений органов по делам молодежи имеются определенные особенности: разновозрастный со-

став коллектива, куда помимо старших школьников и учащейся молодежи могут входить педагоги и родители, общественные деятели. Содружество и сотрудничество разных поколений предполагает преемственность накопленного социального опыта, традиций, норм, ценностей, а также способствует результативному решению возникающих трудностей. Важно, чтобы в учреждениях органов по делам молодежи формировался особый стиль взаимоотношений, построенный на свободе, равноправии, взаимном уважении. Деятельность учреждений должна осуществляться на основе индивидуального подхода в работе с каждым человеком. Любой желающий может добровольно обратиться за помощью в удобное для него время. Поддержка оказывается всем нуждающимся молодым гражданам [5].

Итак, молодежь занимает важное место в общественных отношениях, производстве материальных и духовных благ. Однако ее положение в обществе и степень участия в созидательной деятельности напрямую зависят от действий общества и государства.

Задача общества и государства сегодня – оказывать поддержку молодежным общественным объединениям, которые направляют активность молодежи в сторону общественных интересов, интересов государственного развития, а также в сфере организации и обеспечения досуга молодежи (формирование идеологии позитивных форм молодежного и детского досуга, здорового образа жизни.).

Таким образом, можно сказать, что в современной молодежи заложен прообраз российского будущего. В каком направлении пойдет дальнейшее развитие России зависит не только от успешного хода социально-экономических реформ, но и от настроения на активное участие в них российской молодежи. Несмотря на возникающие трудности, молодое поколение во многих странах мира стремится глубже понять процесс глобализации, объединить возможности, опыт и знания разных народов, найти свое место в решении глобальных проблем современности.

Библиографические ссылки

1. Айзенберг, А. Я. Самообразование: история, теория и современные проблемы / А. Я. Айзенберг. – Москва: Высш. шк., 1986. – 128 с.
2. Акимова, А. П. О характере профессиональных умений в деятельности педагогов-мастеров // Современные психолого-

педагогические проблемы высшей школы / под ред. Н. В. Кузьминой. – Ленинград: ЛГУ, 1973. – С. 37–44.

3. Актуальные проблемы глобализации: Круглый стол «МЭИ-МО» // Мировая экономика и международные отношения. – 1999. – № 4. – С. 37–52; № 5. – С. 41–57.

4. Асеев, В. Г. Единство содержательной и динамической сторон личности в воспитательном процессе / В. Г. Асеев // Психология формирования и развития личности: сб. науч. тр. – Москва: МГПИ, 1981. – С. 197–219.

5. Бехтерев, В. М. Проблемы развития и воспитания человека / под ред. А. В. Брушлинского, В. А. Кольцовой. – Воронеж: НПО МО-ДЭК, 1997. – 416 с.

6. Гликман, И. З. Свободное время и развитие личности / И. З. Гликман. – Москва: Наука и школа. – 1998. – № 5. – С. 31–35.

7. Голованова, Н. Ф. Социализация и воспитание ребенка / Н. Ф. Голованова. – СПб., 2004. – 272 с.

8. Зеленин, А. А. Реализация государственной молодежной политики в регионах Сибирского федерального Округа / А. А. Зеленин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, Политология, Регионоведение. – 2008. – № 6. – С. 143–151.

9. Ильинский, И. М. Молодежь планеты: глобальная ситуация в 90-х годах, тенденции и перспективы / И. М. Ильинский. – Москва: Голос, 1999. – 325 с.

10. Лукс, Г. А. Социальное инновационное проектирование в региональной молодежной политике / Г. А. Лукс. – Самара: Самарский университет. – 2003. – С. 192–200.

11. Лисовский, В. Т. Динамика социальных изменений (опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи) / В. Т. Лисовский // Социологические исследования. – 1998. – № 5. – С. 98–104.

12. Литвак, Р. А. Деятельность детских общественных объединений в современных условиях как фактор социализации подростков: монография / Р. А. Литвак. – Челябинск: ЧГАКИ, 2005. – 336 с.

13. Ярошенко, Н. Н. Социально-культурная деятельность в контексте формирования взаимодействия / Н. Н. Ярошенко // Вестн. Моск. ун-та культуры и искусства. – М, 2001. – Вып 23. – С. 39–43.

14. «Все разные, все уникальные». Всеобщая декларация ЮНЕСКО по правам молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unesco.com>

15. Закон Российской Федерации «Об общественных объединениях». – Российская газета. – 1995. – 25 мая.

Н. Ф. Иванова

МУ «Радуга» пос. Грамотеино Беловского района

О. Ю. Астахов

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

АДАПТАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛОГА В ФОРМАХ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В связи с уходом от профессиональной деятельности у пожилых людей возникает резерв времени, который может быть связан с досугом. Досуг представляет собой отдельную проблему, к решению которой пожилой человек оказывается не всегда готовым, как отмечает Р. Хэвай-юрст [1]. Однако следует учитывать вариативность культурно-досуговой деятельности и ее зависимость от возрастных особенностей различных социальных групп, поэтому при определении форм культурно-досуговой деятельности «принципиально необходимо компетентное проведение диагностики прогнозирования исходных условий и содержания досуговых потребностей форм занятий и ориентаций, пользующихся наибольшим предпочтением у лиц пожилого возраста» [2].

Таким образом, одним из важных направлений социальной адаптации пожилых людей можно считать социокультурную работу. Положительный опыт в осуществлении культурно-досуговой деятельности с людьми пожилого возраста позволяет сблизить социально значимые действия социокультурного работника с соответствующими реабилитационными программами. Социологические исследования свободного времени

показали, что на этом этапе жизненного пути содержание и структура межличностного общения приобретают ряд новых черт. Поэтому одной из важных задач социокультурного работника в организации деятельности пенсионеров является создание условий для свободного диалога, способствующего реализации адаптивных механизмов.

Адаптивный механизм – взаимосвязанная совокупность мер, средств и институтов, с помощью которых приводятся в действие адаптивные возможности человека с инновационной средой. В механизме три группы средств:

- нормативно-регулятивные (образцы, стандарты, традиции, обычаи и т.д.);
- институциональные (семья, трудовой коллектив, право, государство и т.д.);
- личностные (мотивы, навыки, привычки, подражание, практические действия, волевые усилия, ценностные ориентации) [3].

Говоря о социальной адаптации применительно к пожилым людям, М. Д. Александрова дает следующее определение: «Под социальной адаптацией понимается то, как старые люди, получившие новые качества в силу возраста, приспосабливаются к обществу, и как общество приспосабливает старых людей к себе. Некоторые авторы называют старость «возрастом плохой адаптации», которая происходит в следствие различных соматических и психических изменений личности, а также в связи с переменами в семейной жизни и окружающей обстановки» [4]. Н. В. Панина, изучая проблемы адаптации пожилых людей к статусу пенсионера при помощи личностно-ролевого подхода, предложила, что социальная адаптация пожилых заключается в освоении ими ролей, соответствующих статусу пенсионера. При этом адаптация представляется двумя компонентами: социальным – ролями, соотносящимися с данным статусом (нормативные модели поведения), и личностным – деятельностью индивида по выполнению этих ролей [5].

Важными факторами, определяющими социальную адаптацию, являются ценностные нормы, эталоны, традиции общества в целом и пожилых людей в нем, т. к. адаптация не может быть исследована вне связи с функционированием общественных отношений в целом, вне объективных социальных процессов. Успешность адаптации в новых условиях прямо связана с успешностью овладения стереотипами новой группы.

При этом процессы групповой идентификации и усвоения групповых стереотипов идут параллельно и обуславливают друг друга, т. е. стереотипы начинают усваиваться в том случае, если человек идентифицирует себя с группой, в полной мере осознает себя ее членом [6].

Отношения между поколениями, по данным многих авторов, обусловлены несовпадением ценностей: иные, чем раньше, социально-экономические условия, иной возраст, различные подходы к восприятию или «потреблению» материальных и культурных ценностей, накопленных человечеством, иная направленность в самооценке, самопознании, саморазвитии. Поэтому уровень сближения ценностных ориентаций обществом и пожилого человека, усвоение им групповых норм, стереотипов и эталонов является важным критерием оптимальной социальной адаптации.

Таким образом, успешность адаптации зависит от степеней статусной и ролевой определенности, которые прямо пропорциональны уровню социальной идентичности, т. е. степени отождествления человеком себя с определенными культурными, национальными, социальными и возрастными группами. Социальная идентичность соотносится с объективно существующими социальными позициями. Она представляет собой результат атрибуции, вхождения и помещения в социальную позицию: выражается через участие в социальных группах и институтах. Поэтому важным является целостность самовосприятия, т. е. отождествления себя с людьми определенной социальной группы, обладающими определенными характеристиками [7].

Исследования показывают, что активной адаптации, компенсации эмоционального напряжения, в котором находятся пожилые люди, может способствовать их привлечение к досуговой деятельности, в результате чего менее выраженным становится страх одиночества, снижается уровень агрессии и практически не наблюдается депрессивное состояние. По мнению многих авторов, интерес в досуговой деятельности образует устойчивую мотивацию, которая не изменяется с кризисом и не подвержена динамике в зависимости от статуса, круга общения и других возрастных факторов. Такое поведение становится тем стилем в жизни, который придает устойчивость адаптационному процессу в целом. Актуализация подобных форм поведения возможна при организации диалогового пространства в культурно-досуговой деятельности, способствующего развитию творческого потенциала.

Самостоятельное творчество, независимо от его уровня, так же как и любое другое увлечение, становится таким же смыслообразующим мотивом, который, возглавляя иерархию мотивов личности, помогает придать смысл другим стремлениям и потребностям пожилого человека. Погруженность в собственную или чужую творческую деятельность способствует социально-психологическому поведению пожилых в связи с тем, что увеличивает креативность, инновационные стремления, которых часто недостает пожилым людям в силу их возрастных особенностей. Это необходимо пожилым для реализации их социальной активности, для адекватного разрешения непредвиденных, неопределенных ситуаций, из которых нельзя выйти на основе стереотипного поведения. В то же время весь предпенсионный и начало пенсионного периода фактически и являются той новой и неопределенной ситуацией, которая требует проявления творчества, неадаптивной стратегии поведения, прогрессивного развития личности.

Как отмечают исследователи, интерес к игровой деятельности не ослабевает с возрастом. Просто пожилые люди отвыкают от этой формы деятельности. Поэтому некоторые геронтологи предлагают в качестве средства социальной адаптации старых людей привлечение их к игре, способствующей выстраиванию диалогового контекста, в котором оказывается возможным осуществление интегративных процессов с учетом индивидуальных особенностей. В итоге такая продуктивная деятельность происходит в группе единомышленников, а потому формирует адекватный, пусть даже и не очень широкий, но устойчивый круг общения [8].

Рассмотренные нами проблемы социально-психологической адаптации пожилых людей показывают, что в их решении много противоречивых позиций. Однако нужно признать, что для того, чтобы интерпретировать адаптационные возможности развития личности, необходимо проводить целенаправленные исследования особенностей идентификации, анализ образа «Я» и степень его цельности, адекватности и осознанности людей пожилого возраста, изменение типа активности пожилого человека. Исследование роли диалога в организации творчества, разных стилей общения в процессе адаптации, влияния этих факторов на степень фрустрированности и психического напряжения в пожилом возрасте совместно с анализом степени влияния социальных изменений на целостность личности поможет решению этой проблемы.

Кроме того, правомерно ставить вопрос о широком научном обосновании и практическом внедрении идеи значимости досуговой деятельности пожилых людей. Знание основных закономерностей будет способствовать социально-психологической адаптации людей в позднем периоде жизни, поможет организовать с ними профилактическую и коррекционную работу, которая даст эффективные результаты.

Одним из способов организации досуговой деятельности могут выступать созданные при учреждениях культуры различные клубы и любительские объединения пожилых людей. Их работа может выстраиваться по разным направлениям, в каждом из которых существуют свои определенные формы.

Традиционно выделяют следующие направления и формы культурно-досуговой деятельности для людей пожилого возраста [9].

- Спортивно-оздоровительное направление, способствующее повышению жизненного тонуса (различные виды туризма; группы здоровья; спортивные секции; походы в лес; консультации специалистов медиков).

- Творческое направление, способствующее самовыражению, реализации и развитию творческого потенциала (фольклорные коллективы; клубы коллекционеров; прикладное творчество; театральные студии; изостудии)

- Отдых (экскурсии; походы; выезды на природу; просмотр кинофильмов; посещение театров, музеев; конкурсы; игровые программы).

- Самообразование – деятельность, направленная на повышение интеллектуального уровня, расширение кругозора (книжные выставки; тематические обзоры; обсуждение книг, кинофильмов; лекции; вечера-выставки с интересными людьми).

- Социальная поддержка (консультации работников социального центра, юриста; психотренинги).

- Самопомощь (обмен советами о домохозяйстве, кулинарии, шитье, вязании, советы огородникам и садоводам; выставки-продажи; ярмарки).

Смысл создания клубов пожилых людей и любительских объединений в соответствии с различными направлениями и формами культурно-досуговой деятельности – помочь старикам преодолеть одиночество, замкнутость.

Учитывая богатый жизненный опыт, знания и умения людей старшего поколения в совокупности с их желанием поучать, можно создать кружки для детей, работу которых вели бы пожилые, владеющие, например, мастерством художника, чеканщика, мастера по изготовлению мяг-

ких игрушек, салфеток, ковров и т. д. В результате происходит трансляция профессиональных навыков, бытовых и других традиций, социального опыта стариков. Занятие или участие в культурно-досуговой деятельности есть необходимое условие обретения человеком свободы, поскольку становится одним из рычагов, инструментов проявления человеком себя в социуме через различные формы.

Таким образом, основными задачами в работе культурно-досуговых учреждений с пожилыми людьми являются:

- поддержание социального статуса человека в обществе, сохранение объема и качества социальных ролей и форм активности, путем дополнения или компенсации трудовой активности пожилых, различными видами социокультурной деятельности в сфере досуга;

- укрепление социальных и межличностных связей, поддержка чувства социальной полноценности и причастности к жизни и делам трудового коллектива;

- развитие новых интересов и освоение новых видов социальной деятельности, позволяющих заполнить досуг, приобрести новых друзей, расширить кругозор, возобновить трудовую деятельность, адаптироваться к меняющемуся миру, к новым социальным ролям;

- создание условий для удовлетворения потребностей в самовыражении, признании, уважении окружающих, общении, потребности в психологической поддержке, обмене жизненным опытом, укреплении физического и психологического здоровья.

Важнейшим принципом культурно-досуговой деятельности является дифференцированный подход к различным слоям населения. Этот принцип означает организацию культурно-досуговой деятельности с учетом специфических особенностей различных групп населения как одно из необходимых условий доходчивости и действенности культурно-досуговых программ.

Популярность учреждения культуры обеспечивается дифференцированным подходом к различным возрастным слоям населения, т. к. нельзя одинаково выстраивать диалог в подростковой аудитории и с людьми пожилого возраста, особенно внимательно в этом отношении следует продумывать содержание, формы социально-культурной работы в различных направлениях.

Серьезного отношения требует деятельность учреждений культуры среди пенсионеров. Организацию досуговой деятельности людей пожило-

го возраста важно вести комплексно в союзе с местными общественными и административными органами, социальными службами. Сложность социальных явлений, вызываемых старением населения, широкое понимание функции обеспечения социальной защиты инициировали внимание органов государственной власти к проблемам пожилого населения России. Так, существует Федеральный закон, регулирующий отношения в сфере социального обслуживания граждан пожилого возраста, принятый Государственной Думой 17 мая 1995 г. В статье 1 данного закона указывается, что социальное обслуживание включает в себя совокупность социальных услуг, в число которых входит организация досуга [10]. Подобное положение дел указывает на необходимость развития культурно-досуговой деятельности людей пожилого возраста, в связи с чем важным является учет социально-психологических особенностей данной возрастной группы, представленных в геронтологических исследованиях

Библиографические ссылки

1. Психология развития. – СПб., 2001. – С. 434.
2. Современные технологии социально-культурной деятельности / под ред. Е. И. Григорьевой. – Тамбов, 2004. – С. 298.
3. Шпак, Л. Л. Социальные технологии: понятие и практическое применение. – Кемерово, 1994. – С. 48.
4. Александрова, М. Д. Проблемы социальной и психологической геронтологии. – Л., 1974. – С. 31.
5. Панин, Н. В. Проблемы социальной адаптации пожилых людей к статусу пенсионеров. – М., 1980.
6. Агеев, В. С. Стереотипизация как механизм социального восприятия. – М., 1987. – С.177–188.
7. Краснова, О. В., Лидерс, А. Г. Социальная психология старости. – М., 2002. – С. 164.
8. Марцинковская, Т. Д. Психология развития. – М., 2001. – С. 250–260.
9. Татарова, С. П. Особенности социокультурной деятельности с пожилыми людьми. – Омск, 2002. – С. 37–39.
10. Альперович, В. Социальная геронтология. – Ростов н/Д., 1997. – С. 477–478.

Раздел IV. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА

Е. Ю. Гениева

*Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы
им. М. И. Рудомино (Москва)*

САДЫ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

Максимилиан Волошин остался в нашей памяти как поэт, переводчик, художник, эссеист, искусствовед, мыслитель. Натуры, щедро наделенные талантами, встречаются редко. Но еще реже встречаются люди, обладающие, помимо природных способностей, еще и особенным душевным складом, ценность которого не менее значима, чем плоды их художественного и интеллектуального творчества.

Именно таков случай Волошина: он притягателен той духовной позицией, которая нечаста в реальной жизни – вчерашней, сегодняшней, да и будущей, – ибо эта позиция не ищет похвал и наград, служит не партиям и правительствам, не «нашим» или «вашим». Она руководствуется немодным во все века понятием **совесть** и подозрительным понятием **свобода**, причем не только на словах, но и в жизни. Такой выбор личности редко разделяют окружающие. Чаще всего он становится путем на Голгофу, но только он способен превратить слепой фатум в свободный выбор.

Именно такая судьба была уготована Максимилиану Волошину, но на ее примере мы можем проследить и более общее явление – крестный путь истинной российской интеллигенции, к которой он, несомненно, принадлежал и идеалам которой, в отличие от многих, остался верен до конца.

* * *

В минувшем XX в. проблема интеллигенции была одной из самых востребованных тем общественных дискуссий. Только самый равнодушный не писал об интеллигенции, только отчаянный циник ее не прославлял и только ленивый не ругал. Чем же объяснялся этот интерес?

Вопреки распространенному мнению, интеллигенция не является чисто русским феноменом. Интеллигенция – это феномен общественного сознания, характерный для западной цивилизации в целом, и ее истоком является эпоха Просвещения, когда, под влиянием развития светских функций европейских государств, духовная монополия церкви была потеснена мирской культурой, в основе которой лежал рационализм. В результате выделился целый социальный класс, обслуживающий новые функции, его представителей стали называть клерками, белыми воротничками, а впоследствии – интеллигенцией.

Задачами этого социального слоя было обеспечение в обществе всех тех профессий, которые опирались на специализированное образование, связанное с гуманитарными нуждами – школьным и университетским образованием, медициной, гуманитарной наукой, а также так называемыми свободными профессиями – художественным творчеством, писательством, журналистикой. Со временем к гуманитарной специфике добавилась специализация, обеспечивающая технический прогресс – инженеры, естествоиспытатели. В наше время этот слой дополнился специалистами в области электроники и вычислительной техники, фундаментальной и прикладной науки. Всех этих людей зачастую и называют интеллигенцией.

Однако такое толкование является очень широким, обозначая, по сути, все профессии, использующие умственный труд, и мы понимаем, что это не совсем то, что мы имеем в виду, когда говорим об интеллигенции.

Так что же такое интеллигенция?

Если вернуться к истокам, когда возникло это понятие, то мы обратим внимание, что уже в термине «клерк» (т. е. «клирик») содержится указание на существенную черту, которая определяла миссию нового социального слоя. Клерк, являясь светским аналогом клирика, принимал у него эстафету нравственного отношения к жизни, на него возлагалась задача не простого «пролетария умственного труда», но задача поддержки в обществе некоторых духовных ценностей, хотя и являвшихся мирскими, но не бездуховными. Ценности эти можно определить как общечеловеческие, те, которые не отдаляют, но соединяют между собой различные группы людей, давая им возможность существовать не в пустом обезличенном или техногенном пространстве, а в человеческом, нравственном мире.

В противовес этой миссии в рамках «широкой» интеллигенции выделился иной слой, называющий себя *интеллектуалами*, которые попросту зарабатывали на хлеб насущный пером, скальпелем, «мозгами», продавая их как товар любому, кто испытывал надобность в продуктах интеллектуальной деятельности, не заботясь о том, кто является заказчиком, в какие руки этот товар попадет и как будет использован. Именно интеллектуалы являются в настоящее время превалирующим слоем работников умственного труда, тогда как доля интеллигенции неуклонно сокращается.

Отчего это происходит?

Можно предложить следующий ответ: современное общество уже не испытывает надобности в «совестливом гуманизме», который на нравственной основе формирует общественное сознание, как то было в конце XIX и в XX вв., когда, к примеру, крупнейшие европейские писатели являлись истинными «властителями дум», неформальный авторитет которых был очень высок. (Вспомним в связи с этим широчайший резонанс «толстовства» в России или «дела Дрейфуса» в Западной Европе, инициированное Эмилем Золя, или же знаменитый «поворот рек», остановленный российскими шестидесятниками). Время таких людей ушло, утверждают некоторые, поэтому место единственных «блюстителей совести» возвращается к возрожденным религиозным конфессиям, а сфера «социальной справедливости» более или менее успешно регулируется институтами гражданского общества.

Другой ответ состоит в том, что сама интеллигенция перестала соответствовать высоким нравственным критериям, «предала» интересы независимого и объективного служения общественным нуждам, заменив их служением партиям, власти, «денежным мешкам» – т. е. *интересам* различных групп. А сделав это, она своими руками уничтожила саму себя как инстанцию «суда совести». Примеров такого «предательства» также немало. Вспомним Союз писателей в советскую эпоху, отдавший-ся власти за квартиры, дачи и привилегии. Вспомним доносы друг на друга, процветавшие в рядах красной профессуры. Вспомним болтовню на кухнях, выпускавшую пар впустую, и трусливые подписи на коллективных письмах, осуждавшие действия тех, кто предпочитал активное сопротивление несправедливости, – энергия таких интеллигентов «куда-то растворилась, им легче заниматься просветительской уравниловкой,

чем идти вперед, в неисследованные высоты. Они не хотят брать на себя ответственности сказать что-то свое, новое, построить что-то, они лгут самим себе, изворачиваются...» [1].

Именно эти факты малодушия и соглашательства интеллигенции, ложно понятого и невнятного «служения народу» вместо активной защиты каждой личности, а также немалое самопрославление и высокая оценка собственных заслуг уже со времен «Вех» обрушили на интеллигенцию мощные потоки критики. «В своем отношении к народу, служение которому своею задачей ставит интеллигенция, она постоянно и неизбежно колеблется между двумя крайностями – народопоклонничества и духовного аристократизма», – пишет С. Н. Булгаков [2]. И уточняет: «Наша интеллигенция, поголовно почти стремящаяся к коллективизму, к возможной соборности человеческого существования, по своему укладу представляет собой нечто антисоборное, антиколлективистическое, ибо несет в себе разъединяющее начало героического самоутверждения. Герой есть до некоторой степени сверхчеловек, становящийся по отношению к ближним своим в горделивую и вызывающую позу спасителя, и при всем своем стремлении к демократизму интеллигенция есть лишь особая разновидность сословного аристократизма, надменно противопоставляющая себя обывателям» [3]. «Жизнь русского интеллигента – личная, семейная, общественная – безобразна и непоследовательна, а сознание лишено существенности и силы», – вторит ему М. О. Гершензон [4].

«Виновницей всех несчастий страны за всю историю Советской власти» [5] называет интеллигенцию Владимир Кормер (1939–1986 гг.), сам принадлежавший к российской интеллигенции, знавший эту среду изнутри, вынужденный публиковать свои произведения за границей и не доживший лишь года до той поры, когда они смогли появиться на родине, книга которого, однако, стала притчей во языцех среди шестидесятников, почувствовавших себя глубоко оскорбленными. А недавно Виталий Третьяков, создатель «Независимой газеты» в начале перестройки, а ныне один из самых известных ведущих интеллектуальных программ центрального телевидения, позволил себе высказаться о том, что, будь его воля, он бы выслал всех интеллигентов за границу, ибо именно они и не дают построить в нынешней России сильное и процветающее государство.

Мы помним, что подобные решения не новы в истории России. Одно из них относится к 20-м гг. – это знаменитый «философский пароход» Ленина, который лишил страну поистине лучших умов. Помним и последствия этого изгнания для России. В связи с этим не будем забывать и советский ГУЛАГ, который вполне можно назвать Холокостом российской интеллигенции.

* * *

Впрочем, надо понимать, что критика интеллигенции возможна с двух точек зрения.

Интеллигенцию, по определению, должны ругать все те, кому она мешает устанавливать «правила игры в одни ворота», утверждать единственно возможную истину, игнорирующую многообразие точек зрения в обществе.

И интеллигенцию можно и должно критиковать за забвение своей миссии, призывающей активно противостоять несправедливости, учитывать многообразие взглядов на мир, жертвовать собой ради других, утверждать общечеловеческие, а не партикулярные ценности.

В статье «О русской интеллигенции» Д. С. Лихачев скупно, но очень точно сформулировал кредо «истинного» интеллигента: «внутренняя свобода» и «умственная нравственность», «свобода как нравственная категория». «Совесть не только ангел-хранитель человеческой чести – это рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни» [6]. И еще: «Интеллигентность <...> – это прежде всего независимость мысли <...> А независимость эта должна быть от всего того, что ее ограничивает, будь то <...> партийность, деспотически властвующая над поведением человека и его совестью, экономические и карьерные соображения и даже интересы специальности, если они выходят за пределы допустимого совестью» [7].

Одним из таких интеллигентов и был Максимилиан Волошин.

«Зримая судьба» Волошина, благодаря усилиям многих исследователей (В. В. Базанова, В. П. Купченко, А. В. Лаврова, Э. С. Менделевича, В. Андреева и др.), теперь хорошо известна.

Он родился в 1877 г. в Киеве. В детские годы семья все время переезжала – сначала в Таганрог, затем в Севастополь, Москву, и, наконец, в 1893 г. осела в Коктебеле, небольшом поселке вблизи Феодосии, который стал для Максимилиана истинным домом на всю оставшуюся жизнь. В Крыму он написал свои первые стихи, здесь провел самые лучшие и творческие годы жизни, здесь же упокоен и его прах.

В 1899 г. Волошин поступает в Московский университет и тут же оставляет его ради путешествий – сначала в Италию, Швейцарию, Францию, Германию, а годом позже – в Среднюю Азию с инженерной экспедицией по строительству Оренбургско-Ташкентской железной дороги. С 1901 г. – Париж, где он сводит знакомство с едва ли не всеми известными писателями, художниками, мыслителями Европы, занимается живописью и поэзией. Затем – пешее путешествие по Испании, краткие набегги в Москву и Петербург, где происходит знакомство с поэтами-символистами из окружения Вяч. Иванова и художниками из «Мира искусства». Далее – скоротечный брак с Маргаритой Сабашниковой, оставивший горькое недоумение, знакомство с теософией, работа российским корреспондентом во Франции, первые сборники стихов, переводы французских поэтов, статьи по искусству...

Первая мировая война застаёт его в Швейцарии на строительстве антропософского храма Гетеанум, где «работа бок о бок с представителями всех враждующих наций, в нескольких километрах от поля первых битв <...>, была прекрасной и трудной школой человеческого и внешнеполитического отношения к войне» [8]. Немудрено, что Волошин сразу же заявляет себя ярким пацифистом. «Тот, кто убежден, что быть убитым лучше, чем убивать <...> не может быть солдатом» [9], – пишет он, отказываясь от военной службы, на которую его призывают.

Не большой энтузиазм вызывает у Волошина и февральская революция 1917 г. В этом событии он видит лишь «шпионаж, цензуру, проскрипции, доносы и террор» [10]. Годы гражданской войны, да и все последующие годы, он почти безвыездно проводит в Крыму, попеременно

спасая белых от красных, и красных от белых, поминутно подвергаясь риску быть арестованным и теми и другими. Победившая советская власть налагает запрет на издание его сочинений, лишая автора единственно возможного способа поддержать существование. С тех пор он живет в постоянной нужде, пишет в стол и при этом осознанно занимается благотворительностью: «Все, что я произвожу, я раздаю безвозмездно. Свой дом я превратил в приют для писателей и художников, а в литературе и в живописи это происходит само собой, потому что все равно никто никому не платит» [11].

Под конец жизни Волошин составляет завещание, но не распоряжаясь доходами, а лишь мечтая о публикации того, что было создано: «Вот в каком порядке мои стихи должны быть изданы:

Две книги лирики:

Годы странствий (1900–1910)

SELVA OSCURA (1910–1914)

Книга о войне и революции:

Неопалимая купина (1914–1924).

Путями Каина.

Из французских поэтов мною переводились: Анри де Ренье, Верхарн, Вилье де Лиль Адан “Аксель”, Поль Клодель (“Отдых седьмого дня”, ода “Музы”), Поль де Сен-Виктор (“Боги и люди”).

Из критических моих статей под названием “Лики творчества” вышел только первый том о Франции в издательстве “Аполлона” (СПб., 1912). Остальные же, посвященные театру, живописи, русской литературе и Парижу, – 4 тома, остались неизданными» [12].

Его воля исполнилось только спустя много лет. В 1962 г. в период «оттепели» практически первую энциклопедическую статью о Волошине в «Краткой литературной энциклопедии» напишет Андрей Синявский (который вскоре, как мы помним, был осужден и выслан), в начале 70-х гг. некоторые его переводы публикует в знаменитом сборнике «Французские стихи в переводе русских поэтов XIX–XX веков» Ефим Григорьевич Эткинд (и по странной игре судьбы он также был вынужден вскоре покинуть родину и обосновался во Франции). А целиком сборники стихов издаются не ранее конца 80-х

гг. Итого – 15 лет полного забвения при жизни и почти еще 60 лет после смерти. Срок достаточный, чтобы стереть культурную память по меньшей мере у двух поколений.

Почему же такое произошло со столь незлобивым, честным и открытым человеком? Вероятно, именно потому, что в нем все эти качества существовали в органичном, беспримесном и бескомпромиссном состоянии, не позволявшем изменить себе ни в одну из минут испытаний и искушений жизни. Такую цельность и постоянство не прощают.

Так все же почему?

Попробуем ответить на этот вопрос, реконструируя незримую судьбу Максимилиана Волошина, его интеллектуальный и психологический портрет, опираясь на его собственные высказывания, дневниковые записи и воспоминания современников.

* * *

Волошин, действительно, был одарен от природы, и, прежде всего, – неистощимой любознательностью, интересом к людям, фактам жизни, культурным феноменам.

Эта жажда впечатлений еще в гимназии стала мешать обучению, как мы сказали бы теперь, в рамках заданных образовательных стандартов. В своих дневниковых записях Волошин признается, что школьная программа казалась ему насилием над интеллектом, которая не допускала отвлекаться от указанных рамок заданий, следовать свободному полету фантазии. Поэтому задумчивый и впечатлительный юноша, несмотря на неординарные способности, имел самые низшие баллы почти по всем предметам. Нелюбовь к образовательной системе, как кажется, послужила причиной того, что он почти сразу же оставил и юридический факультет Московского университета, на который, продолжая семейную традицию, поступил по настоянию матери.

Настоящей же школой для него были «собственные университеты», избранные по душе и по призванию – самообразование, путешествия по странам, самостоятельные штудии трактатов по теории и истории искусств в крупнейших библиотеках Европы, курсы вольных слушателей, которые он посещал, но, прежде всего, – жадное чтение в течение всей жизни, которому он предавался во всех обстоятельствах жизни с

пылом неопита и пристрастием гурмана. В результате он стал одним из образованнейших людей своего времени, истинным эрудитом, выделявшимся познаниями даже среди утонченных книжечеев Серебряного века.

Его коробила небрежная невежественность О. Мандельштама, надевшегося на то, что некультурная публика «и так все съест». Он стремился пробуждать интерес к знаниям в каждом, кто был готов его слушать, читал лекции по самым разнообразным темам разной аудитории – от завсегдаев художественных салонов до необразованных солдат красной армии, набранных из крестьян.

Характерным для Волошина было и отношение к знаниям: он всячески избегал навязывания односторонних мнений слушающим, стремился не доказать что-то, а пробудить интеллект, вызвать дискуссию. Любимым его занятием было не излагать, а спорить, не наставлять, а обсуждать. Этим он как бы утверждал право – и свое и оппонентов – на свободу мысли, на самые противоречивые и парадоксальные суждения.

Любовь к парадоксу сочеталась в нем с необычайной любовью к театральным эффектам, розыгрышам, переодеваниям в разные личины, к «игре в маски». Все это как бы подчеркивало иллюзорность, несерьезность всякой односторонней точки зрения на мир, утверждало свободную, незаинтересованную игру фантазии, фонтанирующую небывалым разнообразием поворотов мысли и ситуаций.

В такой свободной игре было много детской непосредственности, которая иногда выходила боком. Одним из примеров может служить знаменитая история с Черубиной де Габриак. Черубиной, собственно, была Лиля Дмитриева, знакомая Волошина, писавшая вполне приличные стихи, которые имела неосторожность предложить редактору «Аполлона» изысканному эстету Сергею Маковскому. Стихи невзрачной и хромой Лили, конечно, были отвергнуты. Волошин был заинтересован в ее судьбе и взялся придумать, как бы их опубликовать. Совместно с Дмитриевой им была создана биография вымышленной графини-католички Черубины де Габриак, писавшей изящные стихотворные безделушки в духе модного в ту пору декаданса. Под этим псевдонимом и были посланы Маковскому произведения Лили. Розыгрыш удался вполне: неординарная судьба графини поразила воображение Маковского, который с восторгом напечатал все присланное. Мистификация длилась почти год и кончилась скандалом, когда обманутый редактор все узнал.

Веселая условность столкнулась с серьезностью обиды, искусство – с его односторонним восприятием и неприятием.

Волошина же подобный исход дела отнюдь не обескуражил. В ношении маски он не видел ничего обидного, а главное, для самого него это не могло затронуть основ личности, коль скоро та жила собственной свободой. Так, сам он, совершенно не обращая внимания на мнение о нем окружающих и потрясая воображение жителей Коктебеля, носил домотканый хитон, подпоясанный веревкой, ходил босым, а буйную свою шевелюру украшал кожаным обручем наподобие кузнецов и мастеровых. Живя в Париже, носил бархатную куртку художника, в Санкт-Петербурге многие помнили его в черном сюртуке и черным шелковым галстуке, модном в дореволюционную пору costume поэтических салонов.

Сложиться такой «всеядной» и свободной натуре в немалой степени помогли внешние обстоятельства. С самого детства Волошин был освобожден от многих пут и односторонних ограничений, впитывал разнообразие окружающей жизни и наслаждался им.

Он не был связан узкими рамками одной национальности – отец его происходил из казаков, мать была наполовину немкой. Как во многих смешанных семьях, «национальный вопрос» снимался сам собой. Обосновавшись в Коктебеле, семья попала в естественный «садок» культурного многообразия; здесь издавна сосуществовали греки, итало-германская эмиграция, евреи, цыгане, армяне, татары, караимы, болгары и русские. В таких условиях нетрудно было научиться терпимости, она буквально впитывалась из воздуха. И этот воздух Волошин ценил больше всего на свете. Недаром он считал свою Киммерию самым лучшим местом на земле.

Эта любовь, однако, не помешала ему столь же сильно полюбить и Францию, свою вторую родину, а также попеременно влюбляться во все страны, которые он посещал, и во все культуры, которые жадно впитывал. Это была его мечта об Эдеме – вселенском саде, в котором цвели и смешивали свои ароматы плоды духа и таланта всех культур и всех народов.

Каковы могли быть плоды столь успешного сочетания природных склонностей, естественного окружения и высокого идеализма? Политическая индифферентность, толерантность, внутренняя свобода – страшные в ту пору, а, возможно, и по сей день, определения.

Но были ли истинными эти качества или всего лишь продиктованы данью моде божественной среды рубежа веков? Жизнь очень быстро испытала их на прочность.

Первой была испытана толерантность в самой элементарной своей формуле – «непротivления злу насилieм»: Волошин вполне сознательно отказался от службы в армии, хотя знал, чем это может кончиться в военное время: «Я знаю, что совершаю тяжкое и сурово караемое преступление, но я совершаю его в здравом уме и в твердой памяти, готовый принять все его последствия» [13]. Царская армия, по счастливому стечению обстоятельств, обошлась без своего солдата. Но будь то армия Красная, гадать над исходом, скорее всего, не пришлось бы.

Политическая индифферентность, как это ни странно, первое время даже приносила свои положительные плоды. В годы резкой политической поляризации общества в гражданскую войну, благодаря дару общительности, Волошину удавалось быть ходатаем перед белыми за красных, и перед красными за белых. А поскольку Крым не единожды переходил из рук в руки, счастливое заступничество срабатывало не раз, спасая жизнь многим. Так, вовремя замолвленное слово уберегло от ареста Вересаева и Мандельштама, способствовало смягчению участи «красного» генерала Маркса. Это было опасное занятие подобно хождению по острию бритвы, хотя в результате все обошлось.

Однако что действительно погубило Волошина, – это верность принципу внутренней свободы, основы основ его личности.

Первым случаем «хождения не в ногу», оказалась «Репинская история». «Когда несчастный Абрам Балашов исполосовал картину Репина “Иоанн Грозный и его сын”, я написал статью “О смысле катастрофы, постигшей картину Репина”» [14], – вспоминает Волошин. В ней он посчитал пострадавшим не Репина, а Балашова, поскольку произведения искусства, изображающие ужасное, сами способны спровоцировать неадекватное восприятие. В наше время, в век распространения сцен насилия в средствах массовой информации, идея Волошина кажется не только здоровой, но и справедливой, однако в 1913 г. общественное мнение было не на его стороне. За то, что увидел в герострате несчастного человека, Волошин был буквально заклеен прессой за непонимание реалистического искусства. А поскольку авторитет Ильи Репина в ту пору был неколебим, это выли-

лось в прямую травлю: все без исключения издательства закрыли перед Волошиным двери и отказались печатать его произведения.

Нечто подобное произошло и в 20-е гг. «Чума на ваши оба дома» – лейтмотив всех стихотворений, написанных Волошиным во время революции и гражданской войны.

«В смутах усобиц и войн постигать целокупность.
Быть не частью, а всем: не с одной стороны, а с обеих.
Зритель захвачен игрой – ты не актер и не зритель,
Ты соучастник судьбы, раскрывающий замысел драмы.
В дни революции быть Человеком, а не Гражданином:
Помнить, что знамена, партии и программы
То же, что скорбный лист для врача сумасшедшего дома.
Быть изгоем при всех царях и народоустройствах...» [15].

Врага еще можно простить, но стоящего «над схваткой» простить невозможно, ибо эта позиция подрывает основы и лишает морального алиби любого борца за «справедливое дело».

Цинизм власти оказался абсолютным и убийственным. Когда Волошин прочитал свои стихи Каменеву, надеясь на то, что образованный человек способен по достоинству их оценить, он получил столь желаемое «понимание»: как только дверь за Волошиным закрылась, Каменев позвонил в издательства. С тех пор ни одно из них ничего волошинского никогда не печатало.

Однако и это еще не было пределом. Под конец жизни больной поэт вынужден был защищать единственное свое пристанище – дом в Коктебеле, который без его ведома был отдан в аренду. Дело опять утряслось, но ценой инсульта, от которого Волошин так и не оправился.

* * *

Многие поэты и художники рубежа веков, дети Серебряного века, к числу которых причисляют и Максимилиана Волошина, разделили судьбу своего времени: ломку общества, революционный террор, невзгоды и лишения, ссылку, забвение.

Но очень немногие сами напророчили себе такой конец. По правде говоря, большинство из них не предполагало, что непременно окажется в

тюрьме или будет расстреляно за то, что пишет стихи или переводит. А если и предполагало, то надеялось...

Волошин же, подобно любимому им поэту Вийону, мог сказать о себе: «Я всеми признан, изгнан отовсюду»,

– потому что точно знал, что «в государстве нет места поэту» [16];

– потому что «совесть народа – поэт» [17];

– потому что «...приятно родится поэтом в России. Как приятно чувствовать сочувствие и поддержку безымянных масс своих сограждан. С каждым разом этот вопрос становится более и более остро: кто меня повесит раньше: красные – за то, что я белый, или белые – за то, что я красный?» [18];

– потому что «молиться надо не за того, от кого зависит расстрел и от кого исходит приказ о казни»;

– потому что «из двух персонажей – убийцы и жертвы – в наибольшей опасности (моральной) находится именно палач, а совсем не жертва»;

– «поэтому всегда надо молиться за палачей и в результатах молитвы можно не сомневаться» [19].

И он молился за всех и всем богам. И этого права у него никто отнять не мог...

* * *

Дмитрий Сергеевич Лихачев, прошедший Соловки и не погрешивший против совести, видимо, имел в виду и Максимилиана Волошина, когда писал: «Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной советской власти и погибавшей в полной неизвестности, меня поражала и поражает до сих пор» [20].

Эту мысль Лихачева можно продолжить. Дом Волошина, волею судеб оказавшийся среди людской толчеи, замурованный в гранит, тем не менее, остается садом. И всякий входящий в этот сад, должен ощутить величие судьбы интеллигента, заплатившего за свои убеждения дорогую цену. В этом завет хозяина этого дома сегодняшней интеллигенции.

Блажен тот, кто может услышать этот завет.

Библиографические ссылки

1. Кормер, В. Двойное сознание интеллигенции и псевдо-культура. – М.: Традиция, 1997. – С. 236.
2. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. – С. 64.
3. Там же. С. 47.
4. Гершензон, О. М. Творческое самосознание // Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. – С. 74.
5. Кормер, В. Указ. соч. – С. 225.
6. Лихачев, Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. – СПб.: АРС, 2006. – С. 382–383.
7. Там же. С. 384.
8. Волошин, М. А. Все даты Бытия. О себе и о других. – М., 2004. – С. 206.
9. Волошин М. А. «Я охранял всеединство любви...». – Симферополь, 2005. – С. 35.
10. Волошин, М. А. Все даты бытия. О себе и о других. – М., 2004. – С. 16.
11. Там же. С. 208.
12. Волошин, М. А. Все даты Бытия. О себе и о других. – М., 2004. – С. 209.
13. Волошин, М. А. «Я охранял всеединство любви...». – Симферополь, 2005. – С. 36.
14. Волошин, М. А. Все даты Бытия. О себе и о других. – М., 2004. – С. 92.
15. Там же. С. 18.
16. Там же. С. 18.
17. Там же.
18. Волошин, М. А. Автобиография. Статьи. Из переписки революционных лет (1917–1922) // Из творческого наследия советских писателей. – Л., 1991. – С. 198.
19. Волошин, М. А. Все даты Бытия. О себе и о других. – М., 2004. – С. 279.
20. Лихачев Д. С. Указ. соч. – С. 385.

ДИАЛОГ КАК ОСНОВА ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В осуществлении устойчивого развития культуры традиции, преемственность играют важную роль. Но внутри любой культуры при осуществлении коммуникационных процессов возникает необходимость постижения ценностей *иного* культурного комплекса. И тогда можно говорить о диалоге культур, «культурной полифонии» (М. Бахтин). Возникает необходимость в сопоставлении, сравнении. В культуре организовывается пространство, где происходит обмен символами и категориями, «проводятся» и стремятся быть переведенными смыслы с одного языка культуры на другой. Стремление к некой идеальной «сверхпроводимости» является, по сути, глубинным нервом всякой культуры; в конечном счете, речь идет о выявлении импульсов ее жизненного роста.

В связи с этим можно выделить как самостоятельный механизм развития культуры – диалог, который выступает как основа бытия и мышления человека XX в. Это всеобщий способ освоения духовно-ценностных основ жизни, форма поиска самого себя в мире общечеловеческих ценностей: истины, добра, красоты, любви, счастья. Это и способ познания мира, и способ самовозделывания, самоосуществления, самоопределения. Человек должен научиться жить в условиях множества культур, типов сознаний, логик, точек зрения. Следуя современному пониманию диалога, можно утверждать, что осознанная жизнь есть участие в непрерывном диалоге бытия: слушать и вопрошать, соглашаться и сомневаться, удивляться и восхищаться, спорить и убеждать.

Схема развития диалога может быть выражена в фундаментальных категориях классической философии (тождество – различие – противоречие), когда нечто порождает «свое иное», вступает с ним в рефлексивную связь, и в результате синтеза образуется новое целое. При исследовании диалога необходимо учитывать, что существуют некие его антиподы. Первый антипод – это монолог. Второй антипод – это конфликт. Монолог – это абсолютное тождество, не учитывающее различие (например, европоцентризм, западоцентризм, востокоцентризм и т. д.).

В конфликте же противоположности находятся в отчуждении, поэтому их вынужденное взаимодействие структурируется по принципу бинарной оппозиции «свое – чужое, а не «свое – иное». Отметим, что в литературе «иное» и «чужое» часто взаимозаменяются, что не совсем корректно, поскольку в диалоге нет отчуждения, есть только различие.

Напомним, что культуру диалога в западноевропейском пространстве открыл Сократ, указав тем самым новый вектор развития интеллектуальной и этической мысли и разработав альтернативный «монологичному разуму» (Ю. Хабермас) принцип познания. Далее Платон развил сократовский метод философствования (майевтика, ирония, индукция) на базе диалога.

С середины XX в. идея диалога входит в проблемное поле философского мышления и неуклонно расширяет сферу своего влияния. Наибольший вклад в изучение диалога, его онтологических и гносеологических аспектов внесли М. Бубер, М. М. Бахтин и В. С. Библер. Так, М. Бубер (1878–1965 гг.), разработавший «диалогический персонализм» на основе философии «межчеловеческих отношений», определял человеческое бытие как «диалогическую жизнь». М. М. Бахтин (1895–1975 гг.) впервые заговорил о полифонии, разноголосии и диалогичности произведений искусства, противопоставив «монологичной культуре» «культуру диалога».

М. Бахтин писал: «Истина не рождается и не находится в голове отдельного человека, она рождается между людьми, совместно ищущими истину в процессе их диалогического общения» [1, с. 126]. В диалоге человек вкладывает в речь, в слово всего себя, и это слово «входит в диалогическую ткань человеческой жизни, мировой симпозиум» [2]. Работы М. Бахтина внесли существенный вклад в понимание человеческой жизни как большого диалога образов культуры [3] (Прометей, Эдип, Медея, Гамлет, Дон Кихот, Онегин, Печорин, Базаров, Раскольников и т.д.) по основным, главным вопросам бытия, как равноправное общение разных культур, художественных миров, разных сознаний, воплощенных в текстах, понимаемых нами в самом широком их смысле.

В. С. Библер (1918–2000 гг.), последователь Бахтина, основоположник «Школы диалога культур» разработал учение о диалогике (в противовес диалектике). Именно потому, что культура жива посредством общения, она, согласно Библеру, вся находится на границе, на стыке, в

ситуации диалога и взаимовлияния. Свое учение он называет «онтологией культуры», а логику развития и разворачивания культурных процессов – культурологией. В XX в. диалог переходит в спор и острое столкновение («Clash of Civilizations», по С. Хантингтону). Диалог разных образов жизни и мышления оборачивается войной, разрухой, хаосом, и, чтобы справиться с диалогом культур в такой форме, Библер предлагает опереться на возможности цивилизации, на *ratio*, который всегда ограничивал и опредмечивал творческие порывы культуры, и, собственно, цивилизовал человека.

Говоря о диалоге культур, В. С. Библер допускает *диалог культур внутри* каждой конкретной культуры, способность ее «смотреть на себя со стороны, быть, по словам М. М. Бахтина, “амбивалентной”» [4, с. 13]. Это очень существенное дополнение к пониманию диалога культур, но оно также требует уточнения. Амбивалентность культуры является своего рода «внутренним двигателем» ее развития, но она ни в коем случае не сводится к каким-либо двум полюсам, а характеризуется множеством антиномий. Такими антиномиями в русской культуре и русском менталитете вслед за Н. Бердяевым можно назвать следующие: «деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность, вечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» [5].

В нашей работе мы определяем диалог как духовную форму межсубъектного взаимодействия. Происхождение, сущность, структура и функции диалога проявляются в том, что он связывает людей как субъектов на всех уровнях антропоморфного бытия (культура как абсолютное присутствие человека в мире). Все формы диалога в силу своего культурного «субстрата» являются, по сути, способом разрешения противоречий, альтернативным насилию, ибо насилие есть следствие отношения к другому как к объекту, а диалог – отношение к другому как к субъекту. Диалог адресован конкретному Другому (Иному), но, в отличие от монолога, не с целью ему нечто сообщить (это аксиологически нейтральная функция коммуникации), а чтобы реализовать важнейшую бытийственную сущность

человека – способность и потребность общения. При этом диалог подразумевает полноправие собеседников, когда не устраняются ни свое, ни чужое своеобразие, суверенность, свобода, одним словом, субъектность.

Диалог – это не спор и не диспут, доминантами которых является стремление к истине. Диалог – это движение в противоположном направлении – от Истины к пониманию и взаимопониманию. Истина – исходная точка диалога, это, говоря словами Бубера, «территория согласия». Истина заключается в том, что каждая из сторон признает собеседника в качестве уникального, самоценного, имеющего право на свое суждение. Таким образом, если цель спора, диспута – истина, то цель диалога – взаимопонимание.

В начале XXI в. проблема диалога как никогда становится актуальной. Именно через широкое (и творчески переосмысленное) понимание диалога можно адекватно маркировать новые культурные реалии, фундируемые современными процессами глобализации и интернационализации, отчетливо проявляющимися во всех сферах общества. Обращаясь к сфере художественной культуры, следует отметить важность актуализации диалога, который зачастую выступает как условие осуществления процесса творчества. В свою очередь, текст как результат и самостоятельный механизм рождения смыслов формирует особое пространство реализации коммуникационных процессов: внутритекстовых – сопоставление структурных элементов текста, его культурно-семантических пластов; межтекстовых – организация диалога текстов, принадлежащих к разным историческим типам культур и представляющих разные логики художественного мышления, разные типы художественного сознания в рамках определенной культуры; надтекстовых – сопоставление разных оценок текста читателями и критиками, сопоставление разных интерпретаций текста на основе авторского инварианта – историко-генетический и историко-функциональный подход; сопоставление произведений разных искусств [6, 7].

Таким образом формируется художественная модель мира – это своего рода прообраз, метасистема, через призму которой преломляется и по модели которой воссоздается художником (или реципиентом) культурный универсум. Художественная модель связана с языковой способностью, как творца, так и его сотворца (воспринимающего).

Язык выступает своеобразным кодом культуры и проявляет себя в двух функциях. С одной стороны, он связан со способностью автора текста идеально моделировать художественную реальность, с другой, – со способностью воспринимающего декодировать авторскую модель бытия и создать свой квазитекст о ней.

Художественную концепцию мира уместно представить в виде трех интегративных структур: мироощущения (субъективно-ценностное, эмоциональное переживание мира), миропредставление (чувственное восприятие мира, способность его воссоздавать в воображении), миропонимание (установление причинно-следственных связей в мире, постижение его ценностей).

Важнейшим свойством сознания на мироконцептуальном уровне является способность воспринимающего произведения искусства обнаруживать ассоциативную связь своей жизни с непрерывным рядом культурно-исторических обобщений. Реципиент как бы замыкает на себя культуру, его мир соприкасается с бесконечностью мира культуры, в результате чего любое явление ощущается, переживается и осмысливается как частица Бытия, момент всеобщей жизни человечества. Человек культуры как бы живет в открытом, бесконечном мире. В нем появляется желание «примерить» на себя, «обжить» те или иные художественные миры или эпохи, мыслить их образами и картинками, «опрокидывать» свое повседневное бытие в Вечность, жить в веках и культурах. Потребность в духовно-ценностном осознании жизни проявляется в активном противостоянии субъекта культуры всему утилитарному, банальному, обыденному. Это бытие в духе отличается особой одухотворенностью, т.е. деятельностным отношением реципиента с миром, которое проявляется в потребности переживания, созерцания, осмысления, оценки, интерпретации произведений искусства, жажде высших ценностей, творческого освоения действительности. Из потребителя разрозненных фактов «мозаичной» культуры человек, в конечном счете, должен превратиться в живущего и созидющего в силовом поле культур. И его активное, творческое сознание будет формироваться в этом непрекращающемся диалоге в культуре и диалоге культур, являющемся сутью человеческой истории.

Библиографические ссылки

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979.
2. Бахтин, М. М. К переработке книги о Достоевском // Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 318.
3. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в XXI век. – М., 1991.
4. Библер, В. С. Школа диалога культур. Основы программы. – Кемерово, 1992.
5. Бердяев, Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990. – С. 44–45.
6. Киселев, А. К. Сопоставление как прием активизации эмоционального восприятия и интеллектуальной деятельности старшеклассников в литературном образовании: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1988.
7. Зинин, С. А. Методика проблемно-сопоставительного анализа и ее роль в совершенствовании изучения курса литературы в IX классе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1993.

Н. В. Петроченко

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ДИНАМИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ: К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ПЕРИОДИЗАЦИИ

В настоящей статье мы рассмотрим специфические черты динамики российской культуры, особенности ее развития с позиции смены основных, «главенствующих смыслов бытия людей в культуре и обществе, определяющих ведущие способы решения жизненных задач поколений» (Н. Б. Бакач).

Во многих отечественных исследованиях утверждается концепция принадлежности России к особому «промежуточному» типу цивилизаций, «где значительные пласты традиционной, статичного типа, культуры сталкиваются с ростками динамичной, индустриальной» [3, с. 12].

Как замечает А. С. Ахиезер, с принципиальной трудностью сталкивается попытка определить, к какому из двух типов общества (тради-

ционному или либеральному) относится Россия. «Россия исторически вышла из-под господства традиционализма, но не нашла еще своего пути к превращению в страну господства либеральных ценностей. Ее можно характеризовать как страну, «застрявшую» между двумя этими типами, стремящуюся не столько преодолеть раскол, сколько адаптироваться к нему» [1, с. 23]. Причем расколотовое состояние российского общества, по мнению ряда авторов, составляет его историческую специфику.

Некоторые исследователи называют Россию «страной двух культур». В частности, по мнению Ю. В. Осокина, уникальность культурной ситуации в России, начиная с послепетровского времени, образуется фактически «наложением» культуры традиционной, складывающейся на Руси в течение семи веков, корни которой чрезвычайно многосложны (под воздействием которой находилась подавляющая часть населения), и достаточно быстро сформировавшейся в послепетровское время культуры европейской ориентации (имеющую совершенно другую ментальность), носителями которой явились по преимуществу представители наиболее образованной (чаще всего из высших слоев) и неизмеримо меньшей части общества [6, с. 30]

Вместе с тем, согласно утверждению В. В. Стебляка, циклическая смена периодов русской культуры характеризуется тем, что огромная энергия каждого последующего периода расходуется на искоренение и полное уничтожение традиций предшествующего. «В отличие от великих восточных традиций, – пишет автор, – в которых циклические стадии производили эволюционную трансформацию преимущественно внутри традиций, русская культура меняла качественную ориентацию культуры, становясь иной по отношению к предшествующему периоду. За более чем тысячу лет государственного строительства наша страна вобрала шесть исторических этапов. Внутри каждого своя социокультурная динамика, традиция, ценностные установки» [9, с. 19–20]. Хронологически данные этапы автор выделяет следующим образом.

Язычество восточных славян и языческая Киевская Русь (середина II тысячелетия до н.э. – X в. н.э.).

Христианская Киевская Русь (988 г. – середина XIII в.).

Московская Русь (вторая половина XIII в. – конец XVII в.).

Императорская Россия (XVIII в. – 1917 г.).

Советская Россия (1917–1991 гг.).

Либерально-демократическая Россия (1991–2000 гг.).

Как отмечает В. В. Стебляк, каждый из этих периодов отрицал и проклинал предшествующий, и потому не случайно в современном обществе отсутствует представление об устойчивой традиции, которая служила бы опорой для идентификации и ценностной ориентации.

А. И. Кравченко все развитие отечественной культуры делит на две крупнейшие фазы, внутри которых выделяются самостоятельные, иногда очень отличающиеся по характеру периоды и этапы. Следует заметить, что его периодизация почти идентична той, что предложил В. В. Стебляк, только она включает более крупные периоды.

Первая крупнейшая фаза, как указывает автор, охватывает почти три тысячи лет языческого догосударственного существования, а вторая – тысячу лет христианского государственного. В свою очередь, вторую фазу А. И. Кравченко делит на три периода.

1. Допетровский период, связанный с династией Рюриковичей (IX – XVI вв.). Он разбивается на два важнейших этапа – киевский и московский. Основная культурная доминанта – ориентация русского искусства на Восток, в первую очередь, на Византию. Главной сферой, где формировалась творческая мысль и где с наибольшей силой проявил себя национальный гений, являлось религиозное искусство.

2. Петровский период (1613–1917 гг.). Период назван так, поскольку именно реформы Петра I повернули культуру нашей страны на Запад. В качестве основного источника культурных заимствований и подражаний автор выделяет Западную Европу. Главной сферой, где формировалась творческая мысль, являлось светское искусство.

3. Третий период начинается после Великой Октябрьской революции. Культурным ориентиром не является ни Запад, ни Восток. Основная ориентация – на поиски собственных резервов, создание самобытной, основанной на марксистской идеологии социалистической культуры. Определяющим моментом культурного развития советского общества (в пределах его государственных границ) считают разделение общего культурного пространства на культуру официальную и культуру неофициальную. За пределами государства, разбросанная по странам Европы и Америки, формировалась мощная культура Русского Зарубежья, которая, как и неофициальное искусство внутри СССР, находилась в антагонизме с официальной культурой [4, с. 381–382].

Анализируя ряд исследований последних лет (В. Шаповалов, А. Ахиезер, В. Криворотов и др.) и основываясь на том, что смена основных общественных представлений происходит вместе со сменой верований, Н. Ю. Костюрина пытается установить параллель между историко-культурными процессами следующих периодов в истории России: периодом крещения Руси, Петровской эпохой и событиями 1917 г., которые, по мнению автора, с известной степенью обобщения можно считать этапами вестернизации России.

Культура России, по мнению отечественных ученых, совмещает в себе интегративные и дифференциальные тенденции, каждая из которых может быть преобладающей в определенное время и различно воплощенной в художественной форме. Исходя из динамики процессов интегративного и дифференцирующего характера, Н. Ю. Костюрина выделяет в русской художественной культуре периоды, обладающие качеством «открытости» или «закрытости» по отношению к достижениям других культур, что, по ее мнению, определяло и характер внутреннего развития русской культуры [3, с. 13]. Для нас представляет интерес предложенная ею периодизация русской художественной культуры XX в. Одним из основных ее критериев является образ человека, создаваемый в конкретном художественном произведении и являющийся специфическим для каждого из периодов. По мнению автора, каждая эпоха воплощает в художественной форме свои представления о мире и человеке, таким образом, момент смены типа героя может указывать на смену художественных и ценностных доминант периода.

В русской художественной культуре XX в. автор выделяет три периода.

Первый этап – период европейски-ориентированной культуры. Границы периода – 1890–1917/22 гг.

Во второй период (1917/22–1958/1961 гг.) формируется культура, характеризующаяся особой замкнутостью, изолированностью от внешних влияний, по типу канонической.

Начало третьего периода, по мнению автора, может быть закономерно отнесено к концу 50-х – началу 60-х гг., так называемой «оттепели», времени возобновления контактов русской культуры с мировой, преодоления замкнутости, изолированности, укрепления связей с культурами современности и обращения к забытым традициям собственной культуры.

Ограничение периода 1991 г. Н. Ю. Костюрина объясняет тем, что с этого времени наблюдается прямое заимствование элементов культуры, что дает некоторые основания говорить о возможности собственно «вестернизации» России по модели стран «третьего мира» с характерным для нее затуханием традиционных форм национальной творческой активности [3].

Мы привели лишь некоторые варианты существующих в науке периодизаций русской культуры. В нашу задачу не входит подробный анализ каждой из них. Тем не менее, выявляя черты, особенности культурных парадигм, факторы, инициирующие появление новаций в культуре, нельзя не обратить внимание на замечание Ю. В. Осокина: рассматривая состояние конкретной культурной системы в тот или иной момент времени, необходимо учитывать, что это ее состояние является результатом всех тех культурных процессов, которые протекали в данной культуре до момента осуществления этого «вертикального среза» [6, с. 30].

Кроме того, опираясь на теоретические разработки отечественных и зарубежных авторов, хотелось бы подчеркнуть, что предпосылку культурного процесса составляют непосредственно те фундаментальные ритмы и циклы человеческой жизни, те пространственные и временные зависимости жизнедеятельности, которые образуются благодаря смысловым связям этой жизнедеятельности. Все жизненные проявления человека как субъекта определенной культуры закрепляются теми или иными обрядами, ритуалами, нормами, предписаниями, которые являются смысловыми единицами культурного порядка, регулируемыми темпоральными и топологическими процессами человеческой жизнедеятельности. Каждый смысл всегда особенным образом представляет универсальность мира, в котором живут люди.

Если смена парадигм – это сдвиг смыслов, то возникает вопрос: как же формируются механизмы образования смысловых сторон культуры?

Ряд авторов считает, что выявление смыслового аспекта культуры связано с обнаружением того общественно-практического процесса, который находит свое выражение в предметном мире. По мнению И. А. Саяпиной, значение и смыслы культуры, субъективно-личностный смысл получают свое выражение в знаковой форме через знаковые отношения сигнификации, денотации, коннотации и становятся достоянием коллективного опыта [8, с. 12].

В основе смысла лежит преобразование значения, выделение из числа всех связей, стоящих за словом, той системы связей, которая выражает смысл бытия человека [7, с. 17].

В. В. Ратиев подчеркивает, что культурные смыслы хранят не познавательные сведения о мире, а выражают посюсторонность всех явлений и событий как фактов и очевидностей мира. Автор представляет смыслы в качестве бытийных констант мира, благодаря чему они становятся основаниями конкретных актов мироотношения, в том числе, и в специализированных формах культурной деятельности – искусстве, религии, философии, науке и т.д. Движение смыслов культуры осуществляется в социокультурном пространстве, которое непосредственно связано с миром человеческих ценностей [7].

В свою очередь, Е. Н. Устюгова обращает внимание, что смыслообразование в культуре – «особый уровень взаимосвязи жизненно-практических, духовно-теоретических, духовно-практических отношений, наполненных историческим содержанием.... Смыслоразнонаправленные ориентации пронизывают эмоционально-психический, бессознательный и рефлексивный уровни сознания человека» [10, с. 17]. «Отсутствие устойчивых и объективных основ структурирования субъектности в смысловом пространстве культуры, – пишет автор, – обуславливает потребность в знаковой системе, объективирующей культурные смыслы, благодаря которой культура обретает свои формы, становится реальностью, данной восприятию ее субъектов» [10, с. 32].

В качестве такой знаковой системы вполне может быть представлено искусство как подсистема культуры. Ведь именно искусство, по мнению большинства ученых, способно целостно отражать жизнь человека. Как пишет М. С. Каган, «искусство есть единственный плод деятельности, воссоздающий человеческое бытие в его целостности, т. е. моделирующий сложнейшую систему “человек” и потому оказывающийся изоморфным ей или хотя бы гомоморфным (структурно-подобным). Поэтому в искусстве можно найти все – знания и ценности, отражение реальности и конструируемые фантазией идеалы, сгустки духа и несущие их материальные конструкты, системы знаков и заключенные в этих знаках духовные значения, способы самовыражения человека и средства его общения с себе подобными» [2, с. 19].

Всякий раз, когда в истории науки задавались целью проследить эволюцию художественного сознания и его форм, логика исследования рано или поздно приводила к обнаружению скрытых, но очень существенных взаимных влияний внутрихудожественного мира и мира ментальности эпохи. Искусство неизменно участвует в становлении и функционировании любого типа культуры, и потому в разнообразных гранях и параметрах художественного целого мы можем прочитывать знаки сущностных изменений в культуре, ее важнейших качественных состояний [5, с. 3].

Действительно, «суть искусства не только в решении и развитии формальных задач и проблем. Оно всегда, в первую очередь, является выражением владеющих человечеством идей, и его история (история искусства), в такой же, мере как история религии, философии или поэзии, представляет собой часть всеобщей истории духа» [5, с. 30]. Как один из первых историков художественной ментальности, Дворжак исходит из убеждения, что произведение искусства по своей природе несет в себе специфическое концентрированное выражение духовной ориентации эпохи, всякий раз конфигурируя эту ориентацию особо в своих стадиях. Как отмечает О. А. Кривцун, этот взгляд позволил Дворжаку избежать редукционизма – объяснения неизвестного через уже известное, т. е. обоснования этапов-циклов художественной эволюции через простое привнесение сведений о соответствующих событиях в социальной, религиозной, философской сферах [5, с. 30].

Кроме того, О. А. Кривцун полагает, что каждый художественно-исторический период как бы сам предопределяет способ постижения своей специфики: в центре внимания находятся такие стороны художественного процесса, которые, по мнению автора, способны дать наиболее емкую характеристику соответствующим тенденциям данной культуры. Такой подход опирается на заложенный в самой природе искусства «фактор объективации», позволяющий усматривать в нем именно феномен культуры своего времени: даже творческая воля гениального художника, идущая подчас вразрез с привычными представлениями эпохи, под действием этого фактора приводит к результатам, которые в общем эволюционном процессе выглядят в конечном итоге как высшая форма исторической обусловленности [5, с. 8].

Исследуя различные принципы типологии художественного сознания в трудах представителей немецкой школы искусствознания (Вальцель, К. Фосслер, Г. Корф и др.), О. А. Кривцун пришел к существенному выводу: истоки возникновения новых типов художественных целостностей необходимо искать через соотнесение художественных форм со смыслами, превышающими «узкоискусствоведческую» систему координат. «Исторические ориентации художественного сознания – внезапные повороты, сбои либо спокойная эволюция – всякий раз зависят и от эволюции самосознания человека, общементальных оснований культуры, хотя и не растворяются в последних. Сколь бы ни был значителен и влиятелен комплекс как внутрису- художественных, так и общекультурных факторов художественной эволюции, и тот, и другой объединяет фигура действующего в истории самого человека, тенденции духовного развития человечества как рода» [5, с. 33]. Также следует помнить, что за историей искусств всегда разворачивается более масштабная история, вне измерений которой невозможно понять принципы соотносимости разных художественных эпох.

Библиографические ссылки

1. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Новосибирск, 1997. – Т. 1: От прошлого к будущему. – 804 с.
2. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996. – 416 с.
3. Костюрина, Н. Ю. Культура России XX века. Сущность и периодизация. (На материале русской художественной культуры): автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Н. Ю. Костюрина. – СПб., 1997. – 23 с.
4. Кравченко, А. И. Культурология: учеб. пособие для вузов / А. И. Кравченко. – 3-е изд. – М.: Академический Проект, 2002. – 496 с.
5. Кривцун, О. А. Эволюция художественных форм: культурологический анализ / О. А. Кривцун. – М., 1992. – 303 с.
6. Осокин, Ю. В. Социокультурное бытие искусства как объект культурологического исследования: теория и ее приложения: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Ю. В. Осокин. – М., 1999. – 38 с.

7. Ратиев, В. В. Информация в пространственно-временном континууме культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук / В. В. Ратиев. – Ростов н/Д., 2000. – 26 с.

8. Саяпина, И. А. Информация, коммуникация, трансляция в социокультурных процессах современного общества: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / И. А. Саяпина. – Краснодар, 2001. – 30 с.

9. Стебляк, В. В. Традиции и инновации в русской культуре XXI века / В. В. Стебляк. Омск: РУСИНКО, 2000. – Ч. 1. – 92 с.

10. Устюгова, Е. Н. Стиль как историко-культурная проблема: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13; 09.00.04 / Е. Н. Устюгова. – СПб., 1997. – 39 с.

Л. Ю. Егле

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ЛОКАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Процесс глобализации, безусловно, начался не на рубеже XX–XXI вв., когда вспыхнули дискуссии, посвященные глобализации и проблемам глобального мира. По мнению Н. А. Хренова, глобализация зародилась в глубокой древности, в недрах традиционной культуры [10, с. 52]. В поздней истории она не только вышла за границы традиционной культуры, но и начала играть по отношению к ней деструктивную роль.

Процесс глобализации заключается в интеграции этносов, обществ, государств, культур, цивилизаций. В России процесс осознания глобализации как интеграции начался давно. Об этом свидетельствует философия В. С. Соловьева. Его концепция «всеединства», когда уникальные культуры не разрушаются, а наоборот, раскрывают свое общечеловеческое содержание, является русским вариантом глобализации. Точнее, это творческий ответ России как особой цивилизации на вызов истории, на увеличение хаоса и разъединения в мире. В. С. Соловьев предупреждал, что если человечество не найдет путей к объединению, то оно погибнет. «Всеединство», по мнению философа, есть выход из создавшегося положения [9].

Сегодня, проблема возникает из-за того, что глобализация как идеальный теоретический проект, реализующий мечту человечества о единстве или, как выразился В. С. Соловьев, о «всеединстве», расходится с объективной реальностью. Если идеальный вариант глобализации предполагает диалог между разными культурами, то реальность свидетельствует о торжестве монолога. Таким образом, на фоне все более усиливающегося процесса глобализации, ведущего к нивелированию отличительных черт в культуре разных народов, ярко проявляется тенденция поиска тех оснований в культуре, на которых возможно сохранение истинных ценностей, исторического наследия поколений, а также становление духовных идеалов и национально-культурного самосознания. Одним из таких оснований может стать традиционная культура и, в частности, фольклорное наследие, которое является беспрецедентным обобщением опыта традиции, важнейшим фактором интеграции этнического и группового самосознания, и транслятором этнокультурной информации.

На сегодняшний день в науке нет общепринятой трактовки понятия «традиционная культура». Интерес к анализу культурной традиции наблюдается в России с 60-х гг. XX столетия. С этого времени начинается систематическое исследование традиции как научной категории. Диалектика этого явления нашла свое отражение в трудах К. В. Чистова, С. А. Арутюнова, П. Г. Богатырева, И. И. Земцовского, В. Е. Гусева, Б. Н. Путилова. В отечественной научной традиции выделяют философское, социологическое и этнографическое методологические направления в определении этой категории. Э. С. Маркарян был предложен подход, синтезирующий эти направления при исследовании культурных традиций. Традиция рассматривается как выраженный в социально-организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах. Отмечается, что живучесть, адаптивная лабильность традиции заключается в способности усваивать инновации. Однако следует различать инновации эволюционные (вводящиеся постепенно и незаметно) и революционные (путем изобретения или заимствования), которые способны привести к разрыву со старой традицией и к основанию новой. С. А. Арутюнов подчеркивал, что «любая традиция – это бывшая инновация, и любая инновация – в потенци

будущая традиция». Ни одна традиционная черта не присуща обществу изначально, она имеет свое начало, откуда-то появилась, следовательно, некогда она была инновацией. Таким образом, традиция абсолютно необходима для поддержания существования общества, инновация необходима для его развития. В дальнейшем данный подход был обогащен аксиологическим пониманием традиции, которая была осмыслена не только в своей коммуникативной, но и в креативной функции.

На сегодняшний день, понятие «традиция» является одним из немногих, вокруг которого сложились достаточно устойчивые, но противоположные по содержанию и исходным установкам представления. В их основе лежат определенные ценностные подходы. Условно можно обозначить два полюса, вокруг которых концентрируются эти представления. На одном из них традиция представлена как нечто архаичное, косное, устаревшее, консервативное, мешающее современному развитию культуры, на другом – традиция выступает как социальный идеал, фундаментальная ценность, требующая серьезных усилий для ее восстановления и поддержания, как неотъемлемая основа динамики культуры.

Таким образом, можно выделить основополагающие смыслы категории «традиция»: во-первых, это ее процессуальный характер (от поколения к поколению, от прошлого к настоящему); во-вторых, ее субстанциональный аспект (обычаи, обряды, нормы, ритуалы, каноны); в-третьих, «техники» ее функционирования (устная передача, образовательная система, средства массовой информации).

Относительно использования терминов «традиционная культура», «народная культура» и «фольклор» в его «широком» смысле, охватывающем «весь комплекс явлений данного народа», К. В. Чистов пишет, что в фольклористике они являются равноупотребительными [13, с. 303]. Тем не менее, различие между этими терминами существует. Под традиционной культурой в большинстве исследований понимается «вся народная традиционная крестьянская духовная и отчасти материальная культура» [8, с. 11], определяющая «качественные, наиболее устойчивые и проявившие свою безусловную ценность параметры» и «ставшая общезначимой для всех или, по крайней мере, для большинства социальных групп» [4, с. 18]. Причем традиционность определяет ценностно-нормативное содержание данной культуры, социальные механизмы его передачи, а «народность» – самоидентификацию с народом, выраженную

в стереотипах социального поведения, ценностно-нормативных системах, обыденных представлениях. Фольклор же трактуется как «специфическая подсистема», выполняющая весьма важную роль в системе традиционной культуры. В фольклорной форме интегрируется, закрепляется и аккумулируется традиция, вырабатываемая этносом или его локальной группой. Мы имеем в виду этническое самосознание, этнические установки, легенды о происхождении народа и его контактах с другими народами, историческую память, отливавшуюся в предания и легенды, передачу мифологической традиции и реализацию мифов и верований, осмысление обрядов и традиций материальной культуры, интеграцию стереотипов соционормативной культуры и т. д. И, наконец, фольклор – это специфический «язык» традиционной культуры, отличающийся от других «языков» – орнамента, мелоса, знаковой и символической информации, передающейся вещами, – предметами материальной культуры [12, с. 9]. Всё это обусловило семантическую насыщенность фольклора, его роль интегратора, мощного системообразующего фактора традиционной культуры. Более того, можно без преувеличения сказать, что фольклор с наибольшей интенсивностью выражает этнические функции культуры.

Характерно, что сами исследователи подобную семантическую подвижность границ данных терминов воспринимают как свидетельство определенного теоретического неблагополучия в фольклористике и этнологии. Характерно, что эта проблема терминологической поливалентности была отмечена во многих исследованиях середины и первой половины прошлого века, где известные отечественные и западные ученые предпринимали активные попытки систематизировать и классифицировать определения фольклора, выделив среди них концептуально сходные. Между тем, проблема определения собственного предмета исследования фольклористикой не решена до сегодняшнего дня, о чем свидетельствует, по мнению К. В. Чистова, наличие «широкого» и «узкого» употребления термина [11, с. 164].

Особенности культуры любого социально-территориального образования, представляют собой сочетание «общих» традиций, которые «поддерживают стабильность человеческих коллективов безотносительно к их локальной специфике», и «локальных», фиксирующих «специфический жизненный опыт человеческих объединений и отражающих

индивидуальные черты их исторических судеб и особых условий существования» [5, с. 17]. Степень «общности» и «локальности» традиций может быть различной. Но именно их сочетание и определяет существование различных региональных культур и бесконечное культурное разнообразие человечества.

Особенностью русской народной художественной культуры является то, что она образует большое количество локальных вариантов культуры. Многообразие локальных традиций свидетельствуют о том, что в XVII – первой половине XVIII вв., когда начинает складываться русская нация, национальный язык и профессиональное национальное искусство, русский фольклор уже, в основном, прошел путь своего «классического» развития, и, с точки зрения систем и типов локальных традиций, не был единым. В разных частях русской этнической территории локальные традиции существовали и развивались в разных темпах, с разной внутренней интенсивностью и характером взаимодействия с другими этническими культурами. И хотя в течение XVIII–XX вв. в системах локальных традиций произошли существенные перестройки и перемещения, тем не менее, следы былой музыкально-жанровой разностильности и разноликости локальных традиций отчетливо сохраняются до сих пор.

Локальная культура – это обобщенное понятие, вытекающее из принципиальной возможности и, одновременно, необходимости ареального, то есть территориально-определенного и жанрово-дифференцированного изучения явлений фольклора. Подобно «диалекту» в языкознании, локальная традиция предполагает территориально-любой по масштабу, но при этом обоснованно ограниченный или выявленный ареал [6, с. 176].

По мнению Б. Н. Путилова, фольклор в его конкретных материальных выражениях, в живой функциональной плоти, в реальных «единицах» текстов существует только как локальный. Понятие общенародного обретает реальность на уровне отношений между локальными традициями. Общенародные признаки вычлняются из этих традиций в виде различных обобщений, универсалий, интегрирующих качеств. Фольклорная культура объективно выступает как общенародная, поскольку ее содержание и ее язык, состав, принципы функционирования характеризуются наличием универсалий, общих для регионов, зон, очагов. Критерий об-

щера распространности при этом не обязателен. Именно на уровне универсалий, с одной стороны, и отношений между традициями, с другой, фольклорная культура может рассматриваться как выражающая исторически сложившиеся особенности этноса, общие черты его жизни, истории, быта, менталитета. При таком понимании локальные явления фольклора можно рассматривать как конкретные воплощения и вариации общенародного, но с обязательной оговоркой: целое, общенародное существует не как источник, но лишь как обобщение вариаций, следовательно, – как некая абстракция; в реальности же региональные традиции варьируют по отношению друг к другу [7, с. 147]. В сфере фольклора нет центров, как нет и периферии. Жизнь фольклора протекает в «своей» среде, и над этим живым фольклором – в какой бы глубине этнической территории он ни находился – ничто не возвышается, ему ничего более значительного, «собирабельного» не противостоит. Понятия о центрах (эпических, песенных), т. е. о зонах наивысшего развития каких-то жанров, школ или, напротив, о зонах, бедных фольклором, ничего общего с названной выше дифференциацией не имеют. В конечном счете, отношения между разными местными традициями – это отношения равных, независимых, несоподчиненных.

В определении содержания категории «локальное» применительно к фольклору можно согласиться с характеристикой, данной ей Т. И. Живковым. В качестве центра функционирования фольклора в докапиталистическую эпоху он выделяет общину, которой в территориальном плане соответствует село, деревня. Здесь сосредоточена полнокровная общественная жизнь коллектива, равно как и его основная производственная деятельность; можно говорить о целостной культуре села как системе регулирования социальной жизни и сохранения социального организма. В рамках общинной (сельской) локальности могут быть выделены микролокальные традиции (родовых коллективов, семей). Аналогичные наблюдения делались и на другом этническом материале: крестьянская община, будучи достаточно замкнутым образованием, имела свою надстройку, собственную фольклорную культуру.

Структура локальной традиции может быть раскрыта на пересечении двух основных координат исторического развития – временной и пространственной. Можно сказать, что любая традиция имеет «вертикальное» и «горизонтальное» измерение. Вертикальное измерение – это

система функционирования традиции, т. е. ее функциональная и половозрастная дифференциация; способы и механизмы осуществления, т. е. исполнительская стратификация собственно музыкально-песенной традиции, соотношение певческих групп-ансамблей и общинного, обиходного пения, лидеров-запевал, мастеров и рядовых ансамблистов или пассивных, «подтягивающих» исполнителей и т. д.; жанровая система традиции и ее историческая динамика. Горизонтальное измерение – это развертывание традиции в пространстве, ареалы фольклорно-этнографических комплексов и отдельных их элементов; музыкально-песенный «ландшафт» локальной традиции, т. е. ареалы распространения определенных песенных жанров и сюжетов, музыкально-ритмических и мелодических песенных типов, фактурных типов многоголосия, специфических локальных песенных форм и т. д.; в более позднее время, с формированием слободской культуры, развитие системы местных престольных праздников, праздничных и бытовых форм общения и контактов, обусловленных целым рядом хозяйственно-бытовых, социально-культурных и административно-конфессиональных условий; возникновение нового песенного репертуара, новых хореографических, вокально-инструментальных форм и типов музицирования и т. д. [6, с.180].

Развитие народной культуры происходило в реальном времени и пространстве, а потому синхронный срез любой локальной традиции фиксирует момент пересечения временной, территориальной и этнокультурной динамики ее развития. Можно сказать, что фольклорная традиция в целом представляет собой непрерывный динамический процесс внутреннего структурно-стилевого развития и внешнего территориального развертывания. Как отмечает Т. И. Живков, «фольклор есть локальная художественная культура». Чтобы она функционировала и развивалась, нужно, чтобы она была составной частью коллектива, ограниченного в пространственном плане. Чтобы видеть коллективный характер творческого процесса в фольклоре, нужно иметь в виду, прежде всего, его региональную характеристику.

Локальные культуры на определенном этапе своего развития могут выходить за рамки своей локальной специфики и претендовать на «всемирность» и «общечеловечность», выражаемые тем или иным способом. При этом атрибут «всемирности», приобретаемый той или иной локальной культурой, как правило, не является необоснованной претензией ча-

стного феномена культуры представлять в том или ином аспекте мировую культуру как целое или феномена «общечеловеческого» в чистом виде, что свидетельствует о действительных отношениях, складывающихся между той или иной локальной культурой и миром в целом.

Рассмотрение подобных тенденций в контексте истории мировой культуры показывает, что преодоление локализма и прорыв во «всемирность» в большинстве случаев является не субъективной амбицией той или иной локальной культуры, а объективно ей присущим потенциальным ценностно-смысловым содержанием (рано или поздно исторически актуализирующимся и постепенно развертывающимся в процессе саморазвития во всё более широком контексте межкультурных коммуникаций).

Однако именно в этот период глобализации наиболее ярко проявляется стремление людей сохранить свою самобытность, подчеркнуть уникальность локальной традиционной культуры, желания сохранить этническую идентичность, осознание принадлежности к определенному этносу. Объясняется это, прежде всего, тем, что этнос как культурный феномен в наибольшей степени в эпоху глобализации способен успешно выполнять важные для каждого человека функции: ориентировать в окружающем мире, поставляя относительно упорядоченную информацию, задавать общие жизненные ценности.

Устойчивость локальной культуры этноса может выражаться в многочисленных и многообразных по своему характеру и форме культурно-бытовых, языковых, антропологических, психологических особенностях, т. е. так называемых «этнических признаках», отличающих данный этнос в тот или иной исторический период от других этносов и, прежде всего, от тех, с которыми он непосредственно контактирует.

С одной стороны, для того чтобы этнос существовал как целое, необходима относительная устойчивость социального организма (по терминологии Ю.В. Бромлея – «ЭСО», т. е. «этносоциального организма»), в рамках которого он существует, относительная общность территории, общий язык (который может распадаться на близкие или родственные диалекты) и минимальный набор общих черт психологического склада и культуры [1]. С другой стороны, этносы могут отличаться друг от друга не только целым комплексом устойчивых и взаимосвязанных признаков, образующих определенную структуру, но и одним каким-либо минимальным признаком. Поэтому ни один из признаков не должен абсолютизиро-

ваться, каждый из них может в определенной ситуации оказаться и самым важным, и второстепенным, и даже вовсе не играть никакой роли. Важно подчеркнуть, что нет таких этнических признаков, которые были бы порождены чисто этническими причинами или имели бы только этнический характер. Все они порождены социально-экономическими, географическими или другими историческими причинами и только приобретают те или иные формы и этническое значение под воздействием этнических, региональных или иных традиций и в определенной ситуации.

Этносы могут объективно различаться по тем или иным признакам, которым субъективно может приписываться или не приписываться этнодифференцирующая роль. Так, например, объективное представление об этническом облике любого народа в прошлом невозможно без учета его религиозной принадлежности и степени воздействия религии на его быт (семейные отношения, отношения между полами, формы брака и свадебной обрядности, пищевые запреты и т. д.). Между тем, представители двух народов, исповедовавших одну религию (например, латыши и немцы, литовцы и поляки и т. д.), могли не различать себя по этому признаку (или, точнее, по этой группе признаков). Отсюда следует, что этнический (этнокультурный) облик народа на определенной ступени исторического развития может находиться в сложных соотношениях с состоянием этнического сознания этого народа [12, с. 20].

Этнокультурный облик народа – это его индивидуальность, неповторимое сочетание форм его культуры (каждая из которых может иметь свой ареал бытования, не совпадающий с границами расселения этноса) в определенный период его развития. В нем объективно отражается уровень его социально-экономического развития, степень этнической консолидации и культурно-бытовой дифференциации социальных слоев, из которых он образуется, характер его хозяйственной деятельности, взаимоотношение с родственными и соседними народами и т. д.

Этнические признаки, находящие свое выражение в явлениях духовной культуры любого народа, не могут быть ему изначально (т. е. генетически) и навеки присущи. Все они возникают в какой-то период исторической жизни этноса, развиваются вместе с ним и могут быть частично утрачены. Ни один этнический признак не может быть абсолютно уникальным по своей функции, форме и содержанию, т. е. не представимым в системе культуры какого-нибудь другого этноса. Уни-

кальными, по-видимому, могут быть только конкретные формы явлений, представляющие собой определенные сочетания признаков, и тем более этнические структуры целых культур.

Этнический облик культуры народа формируется обычно из элементов, которые при сопоставлении их с равнофункциональными элементами культуры других народов оказываются либо глобально распространенными, либо присущими ряду народов на определенной ступени развития, либо этническими вариантами этих элементов и каких-то элементов, которые свойственны только конкретной группе народов, определенной историко-этнографической области или, реже, определенному народу. Поэтому этнические общности, расселенные в отдаленных друг от друга районах, как правило, отличаются больше, чем соседи или народы, живущие в более сходных условиях и находящиеся в длительном контакте друг с другом.

Рассматривая локальные культуры в контексте глобализации, следует отметить, что процессы глобализации означают не только вписывание отдельных локальных культур в мировой культурный контекст, но и обретение каждой из них своего глобалитета, т. е. в той или иной степени всемирного значения [4, с. 8].

Понятие «глобалитет» в гуманитарных науках сравнительно новое и еще не вполне устоявшееся. Общий смысл его употребления в современном контексте очевиден: устремление к всемирному и тотальному, связанность с глобальными проблемами современности, выражение предельной степени обобщенности мировой культуры как целого. В этом смысле несомненно родство понятия «глобалитет» с феноменом «глобализации».

Как отмечает И. В. Кондаков, глобалитет этнической культуры (равно как и субкультуры) – это конфигуратор, определяющий отношение этой локальной культуры ко всемирно-историческому культурному целому, к культурной практике всего человечества и очерчивающий место, занимаемое данной конкретной культурой в пространстве культуры мировой [4, с. 11]. Глобалитет культуры сопоставим с ее менталитетом. Если менталитет – это самосознание локальной культуры, прочувствованное изнутри, в рамках данного природно-географического, этносоциального и исторического локуса, то глобалитет – это самосознание локальной культуры в качестве одной

из составляющих мировой цивилизации, в рамках глобального смыслового пространства, взгляд локальной культуры на саму себя извне. Менталитет и глобалитет каждой локальной культуры – в той мере, в какой они исторически сформировались, – тесно связаны между собой. Можно сказать, что глобалитет каждой конкретной локальной культуры является проекцией ее менталитета в мировое культурное пространство. Сами этнокультурные представления о мировом целом, формирующиеся в истории той или иной локальной культуры, как и осмысление этнокультурой своего места во всемирной культуре, окрашены в тона локального менталитета. Более того, можно сказать, что тот или иной глобалитет развивается в зависимости от менталитета и является производным от него. Менталитет фиксирует обращенность данной локальной культуры на ее ценностно-смысловое своеобразие в интерлокальном контексте (т. е. в одном ряду с другими, смежными или противоположными ментальностями локального же характера). Глобалитет указывает на вклад локальной культуры во всемирную культуру, на порожденные ею общезначимые ценности, на потенциал ее «всечеловечности» и «всемирной отзывчивости», взятые в глобальном контексте. Локалитет культуры – это способность данной культуры собственными (этническими, социальными, психологическими, художественными и др.) средствами репрезентировать мировую культуру в своем конкретном локусе, преломить всеобщее (всемирное, глобальное, общечеловеческое) в интралокальном контексте – данной культуры (субкультуры), цивилизации, этноса, даже, подчас, региона.

В заключении хочется отметить, что глобализация как процесс современной культуры имеет ярко выраженную пространственную горизонтальную (распространение по всему миру) и временную направленность (устремленность вперед, в будущее) и лишь в малой степени предполагает обращение к прошлому. Это движение, где частное одних культур быстро перерастает в общее и, затем, становится опять частным в других культурах, ассимилируясь там, но почти не изменяясь. Таким образом, каждая локальная культура, восприняв это частное, становится обладательницей части общего, и важная проблема заключается в том, в каких пропорциях в ней присутствует направленность на прошлое, национальное, самобытное и направленность на будущее, привнесенное, общее.

Идеальный проект глобализации предполагает, что она затрагивает глубинные культурные механизмы, органично вырастающие из локальных культур, каждая из которых неповторима. Если процесс интеграции человечеству необходим, то в него должны вписаться все уникальные культуры, вступающие между собой в продуктивный диалог.

Библиографические ссылки

1. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 410 с.
2. Гусев, В. Е. Фольклор (история термина и его современные значения) // СЭ. – 1960. – № 2.
3. Каргин, А. С. Народная художественная культура. – М., 1997. – 288 с.
4. Кондаков, И. В. Глобалитет локальных культур (к постановке проблемы) // Сохранение и преумножение культурного наследия в эпоху глобализации. – М., 2004. – С. 3–13.
5. Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
6. Очерки проблематики локальной традиции // Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций). Очерки и этюды / В. Лапин. – М., 1995. – 200 с.
7. Путилов, Б. Н. Фольклор и народная культура. – СПб., 1994. – 147.
8. Соколов, К. Б. Субкультурная стратификация и городской фольклор // Традиционная культура: научный альманах. – 2000. – № 1. – С. 10–17.
9. Соловьев, В. С. Оправдание добра. – М., 1996.
10. Хренов, Н. А. Традиционная культура в эпоху глобализации // Традиционная культура: научный альманах. – 2005. – № 2. – С. 52–60.
11. Чистов, К. В. Фольклор в культурологическом аспекте // Гуманитарий: ежегодник Петербургской гуманитарной академии. – СПб., 1995. – С. 164–175.
12. Чистов, К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. – Л., 1986. – С. 8–9, 30–43.
13. Чистов, К. В. Фольклор // Культурология. XX век. Энциклопедия. В 2-х т. – СПб., 1998. – Т. 2. – С. 303.

ЖАНРОВАЯ ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ В ТРАНСФОРМАЦИИ ДУХОВНЫХ СТИХОВ

Духовные стихи являются одним из самых оригинальных жанровых образований в русском фольклоре. Они выражают особое мировоззрение «народного православия», связанного с глубинными вопросами религиозной жизни, отвечают самым важным для верующего человека вопросам о смертной судьбе. Этот жанр образует особую заповедную область в полустном творчестве русского народа. Он принадлежит к роду лирики, связанной с глубинными и потаенными вопросами христианского мировоззрения. Не случайно, интерес, проявившийся к нему в литературной среде, питал русскую поэзию и научную мысль на протяжении XIX – начале XX вв.

«Духовный стих, – справедливо замечает Ф. И. Буслаев, – по своему религиозному содержанию стоит вне текущих мелочей действительности. Он – уже не забава и не досужее препровождение времени, не застарелый обряд, сросшийся с ежедневными привычками. Как церковная книга, он поучает безграмотного в вере, в священных преданьях, в добре и правде. Он даже заменяет молитву, особенно в умильных плачах и душеполезных назиданиях» [1, с. 307].

С самого начала появления, духовные стихи на Руси несли в себе огромное нравственное начало – призыв к милосердию и любви, мечту о доброй и справедливой жизни. Они были философским осмыслением вечных вопросов: в чём смысл земного пребывания человека на земле, что есть истина и какова природа добра? Вот почему, наряду с церковными службами, духовные стихи вне стен храмов продолжали нести миссию нравственного просвещения.

Весь репертуарный список духовных стихов можно разделить на две разновеликие группы: на тексты, созданные до XVII в. (условно их можно обозначить как старшие тексты) и после XVII в., точнее, после раскола русской церкви, когда в официальных кругах духовные стихи пошли на убыль, а в старообрядческой среде (и вообще в гонимых духовных структурах) этот жанр получил большое распространение. Как и в эпоху земельной раздробленности Древней Руси, так и после нацио-

нальной трагедии XVII в. – раскола Русской Церкви – духовные стихи сплачивали единоверцев, укрепляли их в вере.

В отличие от старших духовных стихов поздние жанровые образования, близкие к ним или сложившиеся на их основе, нашли в словаре научной и народной терминологии более подробные историко-генетические характеристики (см. «Псалмы» и «Кант»).

Итак, следует признать, что понятие «духовный стих славянских народов» требует осмысления как сложное образование, состоящее из разновременных и разностильных произведений и сохраняющее в этом единстве национальную специфику христианского эпоса каждого из славянских народов.

Необходимость такого осмысления диктуется реально сложившейся научной ситуацией. Довольно спорадическое изучение жанра стиха в дореволюционной науке было на многие десятилетия прервано не только в России, но и на Украине, в Белоруссии, Болгарии, Сербии, Словакии. Естественно, эта задача требует усилий ряда исследователей в разных направлениях. Но в последние годы в России более активно, чем в других славянских странах, интенсифицировались исследования духовного стиха.

Трудности в исследовании данного жанра начинаются уже на уровне источниковедения, поскольку значительная часть текстов затерялась в малотиражных изданиях, редких журналах, рукописных книгах, архивохранилищах. Общий объем репертуара русских стихов заметно отличается от числа их в дореволюционных сборниках и статьях белорусских, украинских, сербских. Однако еще П. Бессонов, который привел некоторые примеры из имеющихся в его распоряжении стихов славянских народов, писал: «...У Руси Белой, почти вовсе не зная былин и владея разве лишь бедною волынкой, они гораздо вернее блюдут былевые старшие стихи, по обилию и развитию почти не уступающие великорусским, даже пополняющие их и составляющие вместе с ними одно целое» [2].

Духовные стихи взаимодействовали с былинами, обрядовыми и историческими песнями, подвергаясь их влиянию, и оказывали значительное воздействие на них. О трансформации жанра свидетельствует и то, что в сборниках духовных стихов появляются романсы и тексты песен авторского сочинения, например, широко известный «Вечерний звон», стихотворное переложение И. Козловым произведения английского романтика Т. Мура. В романсе на первом плане представлено одиночество лирического героя и тоска по родине, все близкие и родные которого остались далеко или умерли.

В одноименном стихотворении, обнаруженном нами в рукописном сборнике Е. О. Карачевой и находящемся в окружении традиционных стихов о смерти и Страшном суде, актуализируется характерная для старообрядческой поэзии тематика: противопоставление веселой земной жизни и могильного сна. При этом смерть героя описана как свершившийся факт, повествование ведется как бы от лица усопшего:

И сколько нет теперь в живых,
Тогда весёлых, молодых.
И крепок их могильный сон,
Не слышен им вечерний звон.
Лежится мне в земле сырой,
Напев унылый надо мной [3].

Традиционный для романсовой лирики романтический конфликт переосмысливается с точки зрения представлений о жизни и смерти, почерпнутых из старообрядческой духовной литературы. Герой не одинокий романтик, а один из многих грешников, лежащих «в земле сырой».

В поздних стихах постепенно утрачиваются эпические, повествовательные элементы и усиливаются черты лирического рода: образность, метафоричность, напряженность эмоционального тона, появляются специфические средства изображения человека и мира. По форме такие стихи напоминают лирические песни, в них нередко присутствует куплетная форма и написаны они литературным языком. Однако соединение литературной формы с духовным содержанием лишь усиливает эмоциональное воздействие текста. Взволнованный рассказ от первого лица, живой голос лирического героя вызывают у читателя чувство сопричастности описываемым событиям.

Несмотря на сильное влияние светской литературы, основным источником духовных стихов являются рукописные сборники («стихари» или «стиховники»), имеющиеся практически в каждом доме. Стихи рукописных сборников передаются из поколения в поколение, изменяются, но все же сохраняют свою искренность и ценность. В настоящее время образцы внебогослужебного духовного пения создаются поэтами-профессионалами, мотивы духовных стихов вплетаются в современную народную поэзию. Именно современная жизнь духовного стиха позволяет лучше осознать место и функции в культуре этой особой формы народного художественного творчества.

П. Бессонов в «Каликах переходящих» приводит несколько вариантов стиха, зафиксированного у великороссов, и один украинский из местечка Га-

дяди. Украинский текст стал в несколько раз короче (всего 35 стихов вместо 261 у русских) и по ритму, мелодии, размеру превратился в лирическую песню. В нем утрачены географические привязки, нет имен родителей Алексея. Духовный стих о силе веры и жертвенности в службе Богу стал рассказом о блудном сыне, который после одиннадцатилетнего отсутствия возвращается в лоно семьи. Мотивы его ухода не потребность высшего служения, как в стихе. Они вполне будничны: «не зхотив вин с жинкою жыти».

Итак, видоизменение, развитие, преобразование духовного стиха на славянской почве происходит в амплитуде эпического и лирического начал и связано с расширением его функционального применения, сферы его бытования. При этом функциональное разнообразие неизбежно способствует усилению и развитию религиозного начала.

В. П. Адрианова справедливо заметила, что духовному стиху далеко не безразлично, поется ли он с былиной, думой, лирической песней. Разгадку причин трансформации жанра духовного стиха следует искать и в его внутренних жанровых потенциях, в сложившейся системе жанров фольклора того или другого этноса, которая, в свою очередь, явилась следствием множества культурных, социальных, этнических, географических, исторических факторов.

Таким образом, духовные стихи хотя и подвергаются значительному литературному влиянию, но их темы и сюжеты фиксируют в поэтической форме основные догматические элементы и мировоззренческие установки конфессиональной группы, способствуя их устойчивости и передаче из поколения в поколение.

Библиографические ссылки

1. Буслаев, Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф. И. Буслаев. – М., 1861. – Т. 1–2. – Режим доступа: http://www.infanata.org/2007/07/20/f_buslaev_istoricheskie_ocherki_russkojj_narodnoj_slovesnosti_i_iskusstva_tom_i_1861.html
2. Бессонов, П. А. Калики переходные / П. А. Бессонов // Сборник духовных стихов. – М., 1861–1864. – Режим доступа: <http://febweb.ru/feb/izvest/1861/03/613-254.html>
3. Старообрядцы-филипповцы Удмуртии. – Лествица: Духовные стихи. – Режим доступа: <http://www.lestvitsa.ru/texts/?c=FOLKLOR>

СОВРЕМЕННОЕ БЫТОВАНИЕ ЖАНРОВ ПРАВОСЛАВНОЙ МУЗЫКИ НА КОНЦЕРТНОЙ СЦЕНЕ КАК ДИАЛОГ ЦЕРКОВНОЙ И ВНЕХРАМОВОЙ ТРАДИЦИЙ

Художественным феноменом рубежа XX–XXI вв. стало разнообразие стилистических течений, противоречивых тенденций, исканий и экспериментов. Возникновение новых культурных феноменов и культурных форм, изменившееся представление о самой культуре, выразительных средствах различных видов искусств, о стилях и жанрах нашли отражение в художественной практике. Как известно, в системе художественной культуры общества произведения искусства, объединяющиеся в многочисленные жанровые группы, занимают особое положение: в них получают реализацию определенные мировоззренческие установки, проявляется национальная специфика. В современной музыкальной культуре диалог жанров, их взаимодействие и взаимовлияние рельефно проступает в процессе эстетического освоения образцов древнерусского певческого искусства. Композиционные и музыкально-стилистические особенности православных песнопений привлекают внимание не только ученых, но и композиторов, дирижеров и исполнителей.

В начале XXI вв. бытование жанров православной музыки в концертной практике резонирует с такой показательной тенденцией для эволюции отечественной хоровой музыки, как приоритет духовного начала в содержании. Во многом это обусловлено своеобразной «реабилитацией» христианского миропонимания, восстановлением норм религиозной морали и возрождением не потускневших за многие века подлинных ценностей православной культуры. Действительно, еще с конца 80-х гг. прошлого века прежние очертания (как это было до революции 1917 г.) обретает целостная жанровая система хоровой музыки, включающая и образцы духовного песнотворчества. Сегодня будущее отечественной культуры и музыкального искусства уже не мыслится без духовных сочинений и обработок древних церковных распевов. Мощным потоком в хоровое творчество вливаются не только произведения а'cappella, напи-

санные на богослужебные, канонизированные тексты, но и оркестрово-хоровые, а также «...концертно-духовные сочинения, основанные на глубоком религиозном переживании и навеянные древними песнопениями и распевами...» [1, с. 398].

Следует назвать и получившую жизнь на концертной сцене группу композиций, которые были выполнены авторами для храмовой службы, но в силу различных причин оказались отклонены церковной традицией из-за неполного соответствия богослужебному канону, духу богослужебных песнопений. В качестве примеров назовем почти одновременно появившиеся в начале 90-х гг. литургии Н. Лебедева, В. Успенского, В. Агафонникова, «Концертную литургию» Г. Белова. Наряду с литургиями пишутся и всенощные бдения Г. Дмитриевым, Н. Лебедевым, В. Успенским. Напомним и о хоровых концертах на православные тексты В. Рубина, К. Волкова, Н. Лебедева, Ю. Фалика, Д. Смирнова и др. Яркими примерами народно-духовного жанра можно считать кантату А. Ларина «Рождественские колядки», цикл Г. Свиридова «Песнопения и молитвы». Все указанные произведения, имея общие корни с древними пластами национального искусства, наряду с собственно образцами богослужебного пения принадлежат к сфере русской духовной музыки.

Необходимо обратить внимание и на тот факт, что часто памятники православной литературы (духовные стихи, жития святых и т.д.) используются в качестве текстовой основы для хоровых произведений, а также как своеобразная программа или заголовок, эпитафия для инструментальных сочинений. Примерами могут послужить «Литургическое песнопение» и «Духовный стих» Ю. Буцко, «Хоровой концерт» А. Шнитке, «Псалмы» Н. Сидельникова, «Стихира» Р. Щедрина, житийная мистерия К. Волкова «Аввакум». В начале 90-х гг. появилось немало духовно-концертных произведений, ориентированных на разнообразные жанровые сплавы. Среди них – оратории с явными признаками пассионов: «История жизни и смерти Господа нашего Иисуса Христа» Э. Денисова и «Русские страсти» А. Ларина. Распространение получил и жанр духовного романса (творчество иеромонаха Романа, например). Таким образом, жанровое поле русской духовной музыки представлено следующими векторами: традиционными православными песнопениями (включающими циклы литургии, всенощного бдения, панихиды, а также тропари святым, псалмы, песнопения праздников, эксапостиларии

праздников и т. д.), духовно-концертными жанрами (духовными кантатами, духовными концертами, жанровыми микстами, хоровыми поэмами на православные тексты и т. д.), народно-духовными произведениями (опирающимися на древнерусские тексты и национально-фольклорную ладоинтонационную сферу), духовными или авторскими романсами на тексты молитв.

Многочисленность приведенных жанров доказывает повышенный интерес к ним композиторов разной стилевой ориентации: не только мэтров хорового искусства, но и представителей авангардного крыла. В целом творчество авторов, в той или иной степени демонстрирующих в своем музыкальном мире строгое или свободное соблюдение церковного православного канона, можно представить несколькими направлениями. Данному объединению может поспособствовать точка зрения кемеровского композитора, занимающегося также регентской практикой К. В. Туева. Исследуя и систематизируя современное церковно-певческое творчество композиторов Омска и Новосибирска, Красноярска и Томска, Кемерова и Новокузнецка, К. В. Туев определяет три группы авторов, работающих в сфере русской духовной музыки. Представим их в развернутой цитате:

«1. Церковно-музыкальные деятели, чье творчество было обусловлено клиросным служением или каким-либо церковным образованием или воспитанием, не являющиеся профессиональными композиторами;

2. Профессиональные композиторы, не занимающиеся церковной деятельностью, но проявляющие интерес и к церковно-певческим жанрам;

3. Профессиональные композиторы или высокообразованные музыканты, чье творчество, наряду с сочинениями в других жанрах, органично связано и с церковным служением» [2, с. 338–339].

Неподдельный интерес композиторов к жанрам духовной музыки получает свое дальнейшее развитие и в особом внимании к произведениям указанного типа со стороны исполнителей. В начале XXI в. возросло число церковных хоров, часто выступающих с концертной сцены, почти одновременно наблюдается оживление интересов к музыкальной старине и в среде вокально-ансамблевого, а также инструментального исполнительства. В репертуары светских хоровых коллективов включаются не только старинные песнопения, древние монодии, канты, партесные концерты, но и циклы литургий и всенощных. Выстраиваются целые кон-

цертные программы, выпускаются пластинки и аудиоальбомы с записями духовной музыки. Она исполняется как профессиональными, так и церковными хорами, самодеятельными коллективами. Назовем некоторые из них:

- к наиболее именитым отнесем Санкт-Петербургскую хоровую капеллу им. Глинки, являющуюся хранителем исполнительских традиций с 200-летней историей (руководитель В. Чернушенко); Государственную Русскую хоровую капеллу им. А. А. Юрлова (руководитель Г. Дмитряк); Государственную академическую симфоническую капеллу России (руководитель В. Полянский), преобразованную из Хоровой капеллы;

- среди камерных коллективов, в первую очередь, назовем Московский камерный хор (руководитель В. Минин); Санкт-Петербургский камерный хор (руководитель Н. Корнев); Мужской камерный хор патриаршего подворья Заиконоспасского монастыря «Благовзвонница» (руководитель иеромонах Петр), Мужской камерный хор (Красноярск); Камерный хор Новосибирской государственной филармонии (руководитель И. Юдин); Губернаторский камерный хор Кузбасса (руководитель О. Шабалина); Красноярский камерный хор «Тебе поем» (руководитель К. Якобсон) и др.

- особо выделим хор Свято-Никольского храма при Третьяковской галерее (руководитель А. Пузаков); Мужской хор Благовещенского монастыря (Москва); хор Тобольской духовной семинарии; Архиерейский хор Вознесенского кафедрального собора (Новосибирск); Свято-Макарьевский Молодежный хор Новосибирского Богословского института; Кемеровский хор Знаменского кафедрального собора (регент Ж. Чеботарева); Новокузнецкий хор Спасо-Преображенского собора (регент А. Толстокулакова) и др.;

- укажем такие оригинальные коллективы, как вокальный ансамбль «Благовест» (регент Л. Панкратов); ансамбль Издательского отдела Кремля; ансамбль священнослужителей Кемеровской и Новокузнецкой епархии «Знамение» (руководитель А. Петручок) и др.

- среди детских хоровых коллективов назовем Концертный хор школы «Весна» (руководитель А. Пономарев); студию «Пионерия» им. Г. Струве (Подмосковье); хор «Пламя» Детской хоровой школы (Курган); детскую хоровую студию «Дружба» (Новосибирск); Детский хор

Знаменского кафедрального собора (Кемерово) и др. Ограничимся приведенными примерами в сфере жанров духовной музыки, имен композиторов и названий коллективов, хотя список далеко не полный.

Итак, уже с конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века отечественная духовная музыка широко зазвучала на представительных форумах, фестивалях, конкурсах, в тематических концертных программах и специальных абонементных концертах филармоний в исполнении видных хоровых деятелей и их коллективов. Партитуры Бортнянского и Березовского, Рахманинова и Гречанинова, Кастальского и Чеснокова, а также Г. Свиридова и Р. Щедрина, В. Мартынова и Ю. Буцко, многих других композиторов-современников заняли особое место в репертуарах Санкт-Петербургской хоровой капеллы под управлением В. Чернушенко и Московского камерного хора под управлением В. Минина, капеллы России под управлением В. Полянского и Московского молодежного хора под управлением Б. Тевлина, Хора студентов Московской государственной консерватории под управлением С. Калинина и Хора Академии хорового искусства под управлением В. Попова и др. Распространенным явлением стало творческое содружество композиторов и исполнительских коллективов: в конце XX в. Г. Свиридова и капеллы В. Чернушенко, хора В. Минина; А. Шнитке и капеллы В. Полянского, хора Б. Тевлина; в начале XXI в. Р. Щедрина и хора В. Минина, хора Б. Тевлина. Данная тенденция способствует успешному проведению многочисленных премьер духовных хоровых сочинений в рамках ежегодных представительных фестивалей «Московская осень», «Ленинградская весна» и др.

В свою очередь, и церковные хоры активно просвещают публику, представленную различными слоями населения. Знакомству соотечественников с древними и современными образцами православных песнопений, своеобразной борьбе с православным невежеством также посвящены Певческие праздники, фестивали православной музыки, объединяющие не только церковные коллективы, но и профессиональные светские и любительские хоры. Подобные хоровые форумы становятся масштабными проектами, целью которых, в первую очередь, является стремление привлечь внимание слушателей к литургическим текстам, жанрам православной обиходной и авторской музыки. Подлинными праздниками духовной музыки демонстрируют и разнообразие репертуаров, и своеобразие искусства певчих и регентов. Отрадno, что качест-

во звучания, музыкальный профессионализм (если о таком можно говорить) клиросных и больших церковных хоров значительно выросли. Красивыми, мощными голосами и чувством ансамбля обладают священнослужители. Безусловно, в этом проявляется роль учебных заведений, имеющих регентские и певческие отделения, число которых постепенно увеличивается.

Особое внимание хочется привлечь и к новым тенденциям. Одна из них связана с расширением жанровой палитры в репертуаре светских коллективов. Так, в исполнительской практике больших и камерных концертующих хоровых коллективов все чаще звучит так называемая обиходная музыка, т. е. сочинения композиторов, обусловленные клиросным служением. Назовем имя новокузнецкого композитора С. Толстоулакова, чьи песнопения часто исполняет Новокузнецкий муниципальный камерный хор (руководитель С. Липовой). В качестве примера, демонстрирующего встречную тенденцию, т. е. исполнение церковным хором светских концертно-духовных произведений, может послужить богатая и разножанровая практика Свято-Никольского хора Третьяковской галереи (руководитель А. Пузаков). Только за несколько последних лет коллектив представил на сценах Большого зала Московской консерватории, Международного дома музыки оригинальные исполнительские концепции таких сложнейших партитур, как «Всенощное бдение» С. Рахманинова, «Реквием» В. Моцарта, «Реквием» А. Шнитке, «Реквием» А. Пярта, «Песнопения и молитвы» Г. Свиридова. Назовем и еще одну концертную композицию, объединившую в прочтении артистки Аллы Демидовой «Поэму без героя» Анны Ахматовой и произведения И. Баха, В. Моцарта, С. Танеева, С. Рахманинова, П. Чеснокова, Г. Свиридова, А. Шнитке, архиепископа Ионафана (Елецких) в исполнении хора Третьяковской галереи. Интересно, что А. Пузаков в качестве индивидуально услышанного, оригинального импровизированного обрамления для хоровых произведений *a' cappella* использует звучание органа, колоколов и других ударных инструментов. Считаю, что творчество Заслуженного артиста РФ А. Пузакова и руководимого им хорового коллектива достойно продолжает и новаторски развивает традиции Синодального хора Московского синодального училища, деятельность которого активно утверждалось благодаря таланту известных регентов В. С. Орлова и

Н. М. Данилина еще в начале XX в. Неслучайно хор А. Пузакова давно получил международное признание.

Охарактеризуем еще одну тенденцию, просматривающуюся в певческом творчестве православных мужских ансамблей. Обратим внимание, что на концертах ансамбля «Благовест» Иоано-Дамаскинского церковно-певческого братства (регент Л. Панкратов) исполняются хоровые аранжировки романсов П. Чайковского, эстрадных песен И. Матвиенко, обработки русских народных песен. Другой пример – записи на CD-дисках концертных программ вокального ансамбля священнослужителей Кемеровской и Новокузнецкой епархии «Знамение» (руководитель священник А. Петручок). Сразу же оговоримся, что в отличие от ансамбля «Благовест», участники коллектива «Знамение» не имеют возможности радовать своих слушателей регулярными и продолжительными концертными выступлениями: они служат непосредственным своим призванием. Поэтому представленные в CD-альбомах цифровые записи музыкальных образцов, исполненных в Георгиевском храме Знаменского собора города Кемерово, позволяют в полной мере оценить певческие таланты и вокально-ансамблевое мастерство священников. Первая программа коллектива объединила семнадцать Рождественских песнопений, среди которых большинством явились оригинальные обработки народных колядок Андрея и Василия Петручков. Другая программа представила слушателям полюбившиеся известные народные песни, старинные романсы и современные эстрадные песни об истории России, о любви к Родине, о русских людях. Это произведения «Вижу чудное приволье», «Журавли» Я. Френкеля и Р. Гамзатова, романс на стихи С. Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...», песня из кинофильма «Офицеры» и др. Важно подчеркнуть, что, несмотря на «техническую» специфику творчества ансамбля «Знамение», исполнителям удается передать и сохранить особую образно-эмоциональную атмосферу звучания, органично соответствующую самому духу православия.

Думается, что именно это проблема – проблема максимально точной интерпретации, не сентиментальной, а одухотворенной, молитвенной, соответствующей канонам православной музыки – и решается сегодня многими хоровыми и певческими коллективами, несущими слушателям свет слов высоких текстов.

Библиографические ссылки

1. История современной отечественной музыки. – М.: Музыка, 2001. – Вып. 3. – 635 с.
2. Туев, К. В. Современное церковное пение в Сибири: опыт историко-культурологического анализа // Религиозность в России: социально-гуманитарные аспекты исследования: сб. ст. – Кемерово: Полиграф, 2004. – С. 338–344.

Л. В. Оленич

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

КАНОН И РУССКИЙ МОДЕРН: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Канон и для византийского, и для русского мироотношения «обладал парадигматическим и дидактическим значением и... соотносился с понятием “образ”, ... В чем-то “канон” можно сравнить с печатью, запечатлевающейся в сердце и в уме верующего... Эволюция данного термина, возможно, шла от юридической семантики к литургической, от общего закона Церкви к закону и порядку богослужения» [1, с. 21–22]. Можно сказать, что такое, исходное, значение понятия «канон» распространилось концентрически – от единого духовного ядра и экстраполировалось почти на все многообразие нормативно-функциональных явлений внутри этнокультурной целостности. Но в универсальности своего назначения канон пока еще мало изучен. Гораздо больше внимания уделяется канонам в отдельных видах искусства. Однако в разных сферах искусствоведения каноны и каноничность рассматриваются очень узко: филологические, музыковедческие, искусствоведческие исследования ограничиваются тем или иным набором духовных жанров, церемониальных форм, иконографией. Редко появляются научные работы, посвященные художественно-каноническому синтезу, возникшему на почве восточно-христианского богословия, и почти нет исследований о культуросозидающей роли канона. Приведенное выше суждение по поводу этимологии «канона», взятое из музыковедческого сочинения, можно считать исключением из правила, поскольку в нем есть указание на

образно-универсальную природу такого объекта изучения. Отсутствие систематизированной информация о каноне во многом зависит от сложившихся эстетических стереотипов по его поводу. Их источник – тотальная секуляризация сознания, начавшаяся в период петровских реформ, одним из главных механизмов которой была целенаправленная редукция важнейших сакральных категорий через девальвацию, разложение их смыслов. «Переход от средневековья к Новому времени сопровождался в России... кардинальным... выходом за рамки связанной с православием культуры византийского типа и насильственным насаждением европейской культуры... Переворот оказался столь... катастрофичным, пропасть, разделившая народную культуру и культуру образованных классов столь глубокой,... что после петровского времени общественное сознание каждого нового поколения вынуждено было возвращаться к осмыслению этого узлового момента новой русской истории. Общая, глобальная по своему характеру проблема национальной культуры превратилась в России в вопрос вопросов, приобретая неизвестную для остальной Европы остроту...» [2, с. 419]. Канон и является тем стержневым началом национальной жизни, которое присутствует внутри этих вопросов и нуждается в переосознании. Но пока для современной эстетики, для отдельных исследований и для всех новейших вузовских учебников и словарей характерно стереотипное определение канона только как художественного правила, образца, нормы. Некоторое исключение составляют размышления о каноне в «Эстетике» В. В. Бычкова, где автор, касаясь разных сторон канона, обращает внимание на корреляцию канона и символа, хотя можно оспаривать саму последовательность соединения этих категорий: «Значимость канона заключается в том, что каноническая схема, закреплённая как-то материально или существующая только в сознании художника (и в восприятии носителей данной культуры), является конструктивной основой художественного символа» [3, с. 280]. В этом случае, скорее, наоборот, символ является зерном канонического образа.

Из современных дефиниций изъята религиозно-символическая сердцевина канона, что и мешает пониманию его общекультурного назначения (хотя благодаря этому сам термин не архаизировался и остался в современном языке). При этом не учитываются хорошо известные исторические обстоятельства зарождения канона, когда еще не было разде-

ления культуры на светскую и религиозную области, «когда жизнь в целом и в духовном творчестве (в образовании, литературе, искусстве) протекала по укоренившимся правилам – в данном случае канонам православия» [4, с. 150]. Такая редукция иллюстрирует типичную для эстетики атавизацию понятия, происходящую в процессе утраты или истощения культурной роли объекта, им обозначенного. Это ясно осознавалось и представителями модерна: «Большую частью возможность “историзации” эстетического явления появляется тогда, когда непосредственный интерес восприятия его уже падает» [5, с. 97]. Однако канон нельзя свернуть навсегда, в него заложена мощная энергия регенерации.

Предельно актуальной проблему разностороннего изучения канона делает современная ситуация в церковной жизни. Архитекторы, получая заказы на строительство храмов, сразу задаются вопросами о каноне. В поисках ответов одни из них довольствуются образцами, которые предлагают заказчики, другие же требуют более глубокой богословско-эстетической информации о каноне. В этом отношении характерно следующее размышление главного редактора архитектурного журнала «Проект Россия» Барта Голдхоорна: «Если сравнивать культовое здание с другими типами архитектурного заказа, становится очевидным, что в религиозных сооружениях чисто архитектурные соображения превалируют над соображениями контекста, экономики или технологии. Архитектор освобождается от влияния факторов, которые обычно ограничивают его творческую свободу. Однако им на смену приходят другие ограничения. Если клиент хочет построить коттедж из красного кирпича с башенками..., архитектор постарается убедить его отказаться от этого банального прототипа в пользу чего-то более свежего... В случае с культовым строительством это невозможно. Архитектор должен быть верующим, как и его клиент. При этом заказчик оказывается, ни много ни мало, представителем Бога на земле, а с Богом особенно не подискутируешь. ...Мы ожидали, что сможем обнаружить канон, набор «секретных правил», почти таинств, лежащих в основе возрождения архитектуры русского православия. Реальность оказалась более прозаичной: как и в других областях, при строительстве церквей “клиент всегда прав”. Результат работы во многом зависит от того образа храма, который представляет себе священник... в качестве заказчика. Учитывая это, можно

задаться вопросом, что же лучше для архитектора – иметь дело с клиентом, который не думает об архитектуре и озабочен только финансовыми... соображениями, или с таким, который самым активным образом вмешивается непосредственно в архитектурные вопросы» [6, с. 5]. Конечно, тут главное не в том, что лучше, удобнее для архитектора, а в том уровне профессионального самосознания, который позволяет очень ясно определить проблему каноничности, видя ее не через образцы, но через необходимость в специальных познаниях, добываемых в процессе приобщения к этнокультурным ценностям. Отсюда возникает и еще целый ряд вопросов, связанных с гуманитарными аспектами архитектурной деятельности. Действительно, канон – настолько многосложный объект познания, что требует хорошо систематизированных усилий целого комплекса гуманитарных наук, а это имеет отношение и к содержательному наполнению стандартов национального образования.

Приступая к изучению канона, надо учитывать историографические истоки его теории. И здесь важна определенная закономерность – знания о каноне сильно актуализируются в эпохи общественно-культурных переломов или перед ними. Переходность, энтропийность, набухание новых социокультурных процессов раньше всего проявляют свою симптоматику в искусстве. Как только начинаются поиски большого стиля, в художественно-эстетической рефлексии на первый план выходят категории стиля, традиции и канона, чаще всего понимаемые синонимично. Причем в таком отношении важно иметь в виду пиковые точки развития культурного самосознания. «Когда речь идет о предпосылках рождения какого-то нового направления в искусстве или стиля, следует охватить взором самые разные стороны жизни и постараться найти в них стимулы для нового художественного движения. Разумеется... следует... помнить об автономной закономерности развития самого искусства. Это развитие обладает... самостоятельностью, в нем есть своя внутренняя логика. Но эта... логика находится в постоянной живой сложной зависимости от самых различных факторов общественного развития» [6, с. 23–24] Необходимо заметить, что в русской культуре Нового времени потребность в обобщенных знаниях о каноне появляется раньше, чем он осознается категориально. Формулируя общекультурные эстетические потребности, рефлексировавший представитель XVIII–XIX вв. чаще всего использовал словосочетания «византийский стиль» или «русский стиль». Даже в уникальном по своей

непреходящей научной значимости исследовании Ф. И. Буслаева «О русской иконе» все каноническое именуется «стилем» или «подлинником», который «не отдельная какая-нибудь икона или мозаика, не образцовое создание гениального мастера, а целая иконописная система, как выражение деятельности... многих поколений, дело столетий, система, старательно обдуманная, твердая в своих принципах и последовательная в проведении общих начал по отдельным подробностям, система, в которой соединились в одно целое наука и религия, теория и практика, искусство и ремесло» [8, с. 42].

В истории отечественной мысли очень значимые рассуждения о каноне появились извне собственно религиозной сферы. Это связано с появлением тех или иных планов реформирования общественной жизни, среди которых были проекты и эстетического переустройства жизни по законам красоты. Их создание требовало анализа и переоценки наиболее действенных механизмов общественного преобразования, в числе которых объектом пристального внимания оказался и канон. Но в таком аспекте даже самые точные наблюдения нередко становятся утопией, если десакрализируют роль канона в культуре.

В этом убеждают очень многие высказывания авторов из художественных журналов русского модерна, сделанные на рубеже XIX–XX вв., поскольку «модерн... самым тесным образом связан с разными социальными факторами: обострением общественных противоречий, техническим и промышленным прогрессом, развитием общественной мысли, философии, науки, литературы» [7, с. 24]. Благодаря публикациям неоромантиков-модернистов были созданы весьма существенные предпосылки для формирования теории канона, заложены основные понятия для его описания. Есть определенный парадокс в том, что модернисты прекрасно осознавали религиозную сущность канона, но при этом пытались секуляризировать его. Чаще других обращался к проблематике канона А. Бенуа, в то время уже известный искусствовед и критик. В московском издании «Золотое руно» он предложил одно из самых зрелых своих рассуждений о каноне: «Художники разбрелись по своим углам, пугаются обоюдных влияний и изо всех сил стараются быть только самими собой. Воцаряется хаос, нечто мутное, не имеющее почти никакой ценности. ...Лишь там, где (зачастую бессознательно для самих творцов) еще продолжает жить известная совокупность «подчиняющих факторов», где художники группируются вокруг

известной догмы и служат ей, там индивидуализм принесен в жертву. ...Художник в былые времена жил в приобщении со всем обществом и был самым ярким выразителем своего времени... Все прежнее искусство именно было церковным..., т. е. оно было сплоченным, цельным, подчиненным общим законам и формулам. Искусство же нашего времени отрешилось от всяких канонов и формул. Впрочем, в своем отречении от старых канонов... оно было право, ибо нельзя служить богам, которым не веришь. Но искусство нашего времени было абсолютно не право, оно сделалось “еретическим”, восстав против самого принципа канонов» [9, с. 80–81]. (Таким преодолением индивидуализма стал соцреализм: в нем эстетическая утопия действительно найдет полноту осуществления, убедительно иллюстрируя «принцип канонов» в его нерелигиозном проявлении. Но авторы модернистских журналов, конечно, не могли предусмотреть всего, что будет сопутствовать их мечтаньям после 1917 г.). А. Бенуа вместе с единомышленниками очень последовательно отстаивал идею каноничности, конкретизируя ее в процессе накопления собственного аналитического опыта. Уже в самой первой редакционной статье в журнале «Мир искусства», где формулировались основные эстетические положения критической деятельности этого издания и декларировалась преемственность с идеями Ф. Достоевского, было написано: «Да, воздух напитан идеями, как драгоценным ароматом, которым наполняются сердца всех пожелавших воспринять его и соединиться чрез него с другими сердцами в самом высоком общении духа» [10, с. 1]. Достижение контакта с публикой по типу канонического (сердечного, духовного) останется важнейшей из целей сменивших друг друга изданий – после «Мира искусства» в «Золотом руне» и «Аполлоне», – везде, где работал А. Бенуа. Многие коллеги известного искусствоведа разделяли с ним критическое отношение к кризисной ситуации в культуре того времени. Через отрицательную характеристику современной им ситуации они апофатически выразили идеальные, по сути своей канонические, приметы более совершенного миропорядка.

На отсутствие «единой воли, твердо установленного общего верования» в культурной жизни указывал Г. Лукомский [11, с. 14]. «Доведенным до крайности культом личности» называл индивидуализм Д. Философов [12, с. 106]. Соредактор А. Бенуа по работе в «Мире искусства», С. Дягилев, несмотря на то, что его больше заботило восстановление памяти о великих индивидуальностях в искусстве, чем возрож-

дение принципов каноничности в культуре, тоже абсолютно ясно осознавал всю нестабильность лишенной какого-либо единства ситуации, возникшей на фоне рвущейся связи времен. В том же, самом первом, номере «Мира искусства» С. Дягилев писал: «Какая путаница, какое смешение понятий, направлений, мыслей, в одну эпоху, в один и тот же день. ...Все это копошилось, все это сменяло, не уничтожая друг друга, не выливаясь друг из друга последовательно, как в правильном процессе эволюции, но существуя самостоятельно. ...Эта амальгамная история художественной жизни века имела главный источник в ужасной шаткости эстетических оснований и требований эпохи. Они ни на минуту не устанавливались прочно, не развивались логично и свободно. Художественные вопросы были запутаны в общую кашу общественных переворотов...» [10, с. 5] Отчетливо противопоставляя реальному положению дел желаемую эволюционность процесса, С. Дягилев сторонился радикальных способов изменения ситуации, предостерегая искусство от идеологии, обособляя его от участия в социально-политической жизни и веря только в то, что художник «должен любить лишь красоту и лишь с нею вести беседу во время нежного, таинственного проявления своей божественной природы» [10, с. 16]. Тут платонизм и мечтательность, сливаясь, образуют стойкую убежденность, которую С. Дягилев уже не менял, разделяя ее с самыми последовательными символистами: «Идеи вложены сами собой в самом зачатке истинного искусства, и в том и есть сила творчества, что оно произвольно, в образе человеческого гения, передает нам высшие, только ему доступные идеи» [10, с. 16]. (Хотя в этом случае можно было бы предположить, что «правильная эволюция» должна быть направлена к преодолению той стихийности культурных процессов, в которой не могли закрепиться никакие коллективно-созидательные усилия для основания культа Красоты). Именно к позиции С. Дягилева как одного из ведущих идеологов нового стиля можно отнести рассуждение Д. Сарабьянова: «Модерн... был как стиль желаемым, вожденным, наконец – изобретенным. ...Он должен был и хотел быть или стать стилем без образца, без примера, совсем новым стилем» [7, с. 23]. Несколько дальше от декаденства по уровню осознания проблемы культурной общности другой известный критик и поэт, редактор «Аполлона», С. Маковский, который, декларируя основные принципы деятельности своего издания, писал во вступительной редакционной ста-

тье к 1 номеру журнала в октябре 1909 г.: «Для искусства самое страшное – мертвый образец. Но нет ничего нужнее, насущнее идеала. ... Пусть искусство соприкасается со всеми областями культурной сознательности, – от этого оно не менее дорого нам, как область самостоятельная, как самоцельное достояние наше – источник и средоточие бесчисленных сияний жизни. Давая выход всем новым росткам художественной мысли, – «Аполлон» хотел бы называть своим... только сильное и жизненное искусство за пределами болезненного распада духа и лженоваторства» [13, с. 3]. Такое суждение особенно ценно тем, что исходит от апологета чистого искусства, ясно осознающего при этом культурную ответственность, стоящую перед каждой образной формой. С этим и коррелируется высказывание А. Бенуа из его программной статьи в том же номере «Аполлона»: «Для современного человека непрестанность литургического ритма в жизни – далекая (и даже еще чуждая) мечта. В нем слишком еще много зверского безразличия, распушенности и всякой тьмы, чтобы заняться превращением своего тела в сосуд благодати. Он готов служить богам, но быстро устает и быстро теряется. Поэтому он и создал отрывочную литургию и выделил из своей среды литургических “профессионалов”, из которых одни служат в храмах, другие на подмостках. И те, и другие – только как бы замещают остальных по слабости их и как бы представляют всю массу молящихся перед божеством. ... Заметно не только это, но и желание окружить всю обыденность жизни красотой. ... При мучительной неналаженности всего строя жизни эти искания носят общий всему суетливый характер и слишком часто кончаются неудачами. Но для нас важно отметить одно утверждение их, ибо в этих исканиях громадный смысл и знаменательно проявляется жажда красоты и света, полуосознанное желание сделать жизнь божественной» [14, с. 7] В таких риторических оборотах текста А. Бенуа трудно провести границу между метафорическими и прямыми смыслами понятий «литургия», «храм», «божество». По-видимому, это – намеренное семантическое наложение, та, указанная выше, трансформация сакральных терминов в светские понятия, которая в данном случае воспринимается не столько как механизм редукции исконных значений (хотя это было бы возможно со временем), и даже не столько как остранение, особый прием смыслообразования, сколько как прямое заимствование богословских категорий (наверно, совсем устаревших для модернистов, но при этом хорошо изу-

ченных ими) и перевод их в сферу эстетизма, предельной синестезийной отзывчивости и, одновременно, – особой мистической игры в духе ницшеанства. «Искусству необходимо освободиться от пут узкой замкнутости и от искания недостойной полезности. Но искусство не должно быть и для искусства, ибо искусство, будучи от Бога, существует для Бога. ...Это язык, на котором человечество беседует с Небожителями, и нужно учиться говорить на этом языке, не вплетая в него чуждые слова. ...Если и многое забыто, то многое... служит напоминанием. ...Мало говорить и думать прекрасное; надо еще выявлять красоту, надо постоянно рождать ее. И мало рождать в неодушевленных кристаллизованных образах; нужно, чтобы прекрасное двигалось и сплеталось со всей деятельностью человека. ...Хочется красоту снова сделать живой и общей, хочется жить в красоте, а не только поклоняться красивым и мертвым вещам. Хочется воспеть гимны, зажечь алтари, учредить обетные шествия. ...Вся пластика повседневности должна обновиться и озариться, вся служить выражением всюдусущности Бога» [14, с. 7]. Если не знать, что речь идет всего лишь о поклонении Аполлону (а заодно и Дионису) – ведь другие боги умерли, – то можно подумать, что А. Бенуа, вслед за Василием Великим, призывает к возрождению того молитвенного восторга перед «Богом – Художником», который заповедан «Беседами на Шестоднев». Но именно эстетский культ античных божеств – «двух ликов одного Светодателя», метафоры «сна и опьянения» [14, с. 6] позволяет критику освободиться от деструктивной иронии культурного бытия, найти основание для надежды переустроить жизнь: «Удобно прятаться за двусмысленной “на всякий случай” усмешкой.

Но велика греховность этого раздвоения, этого совмещения и людской суеты, и службы богам. Пора перерастить иронию. И она уже обветшала. В тех, кто определенно почувствовали близость Утешителя, должно быть больше веры простоты и упования. Но как слагать гимны? И как... создать постоянный жизненный гимн, ...пластику всех людских действий? Это ли... не смешно в наши дни, порабощенные уродством, рассудочными эпидемиями, машинной техникой, в дни систематичного обезображивания природы и мрачной понурости, вызванной борьбой за существование. ...Пусть будет и смешно. ...Нужно вспомнить об этом, привыкнуть к этой мысли, а там и возникнут подсказывающие формы, вдохновенные намеки. ...И сочинят люди другую технику, и установят другие... отношения, дру-

гой быт, об условиях которого нам теперь еще и не снится» [14, с. 10]. Через столетие это описание ситуации сохраняет сходство с современным положением дел; в XX в. так и не найден не утопический выход из положения. До сих пор в культурном самосознании никак не компенсирован дисбаланс между ясностью оценки тех или иных сторон реальности и проектами ее совершенствования.

Русские модернисты, сочетая безупречный анализ социальной проблематики, сильную интуицию и магическую одержимость ницшеанским эстетизмом, создали особенную модель жизнестроительства, в центре которой – принцип каноничности. В своих программных рассуждениях они выказывали одинаковый интерес к опыту прошлого и к планированию будущего: ретроспективистский аспект их воззрений не отделим от утопических надежд. И здесь нельзя полностью согласиться с тем, что у них «гротескно воспринималось прошлое, проецируясь на настоящее» [15, с. 98]. На самом деле, гротескность – лишь одна из сторон образного воплощения времени у русских модернистов. Их осознание времени было гораздо сложнее: «В сущности, “современность” – нечто фиктивное. С одной стороны, есть прошлое, которое являет собою как бы склеенную из пестрых кусочков мозаику, отдаленно копирующую утраченный оригинал..., часто оно возбуждает наш интерес, но мы чувствуем его мертвенность и инстинктивно боимся, бежим от него. ...С другой стороны, есть будущее. Будущее и прошлое – две формы, хотя и объединяемые обычно под общим модусом времени, но на деле совершенно несхожие и, может быть, даже несоизмеримые. Прошлое спокойно и мертво, будущее полно движения, жизни и потенции. Прошлое едино, будущее многообразно. Прошлое доступно сознанию, будущее целиком лежит в области бессознательного (...не подчиненное власти модуса времени вполне в состоянии переходить за грани, непреодолимые для сознания)... Когда что-нибудь слишком ясно формулируется – явный знак, что это что-нибудь прошло. Наоборот, то, что принадлежит будущему, всегда смутно, даже бесформенно...» [16, с. 5]. Такое очарование будущим весьма характерно для модернистов. Здесь – точка роста всех мечтаний. При этом будущее выводится из границ рационального осмысления, его конструирование возводится на образно-творческий уровень. Тут понятия символа и образа предельно сближаются, но не по типу богословской эстетизации, а так, как это представлено И. Анненским в его характеристике генезиса символизма: «Символизм... – дитя города. Он культивируется и он растет, заполняя

творчество по мере того, как сама жизнь становится все искусственнее и даже фиктивнее. Символы рождаются там, где еще нет мифов, но где уже нет веры» [17, с. 3]. Что касается мифа, то о нем у того же автора сказано следующее: «Миф тем-то... и велик, что он всегда общенароден. В нем не должно и не может быть темнот» [17, с. 17]. В культуре религиозно-канонического типа миф и символ связаны иначе: они соприродны и неотделимы друг от друга. Тоже признавая общенародность мифа, Вяч. Иванов, в отличие от Ин. Анненского, говорит о возврате современного поэтического «слова к стихии мифа и новом переживании стародавнего народного наследия в лирике искусственной. ...Речь идет об атавистически уцелевшей лирической энергии, которая, на наш взгляд, с самого начала определила символизм в России (поскольку он не был только заимствованием) – как воспоминание поэзии о своих первоначальных задачах и средствах. Давно умер обряд, а напевное слово все его помнит и как бы ищет властительно вызвать его к жизни» [18, с. 41]. Здесь – один из источников того художественного ретроспективизма, который стал характерной приметой модерна. В отечественной историографии последнего десятилетия за ранними модернистами настойчиво закрепляется название «ретроспективные мечтатели» и главное направление их деятельности определяется как стремление «к одухотворению общественного сознания, к пробуждению интереса к мировой культуре и истории, органической частью которой они считали Россию. Романтический русский европеизм, ориентируясь на подготовленного читателя и зрителя, стремился художественными средствами, параллельно с философией Серебряного века, ответить на вопрос о судьбах России. ...Работам представителей этого направления... была свойственна неуловимая “русскость”». [15, с. 105]. Соотношение европеизма и ретроспективизма здесь не очень продумано, хотя нельзя не признать, что в художественных произведениях модернистов «русскость» не всегда была тематически обозначенной, прямолинейной; например, А. Бенуа как художник в своих акварелях или сценографии к балетам не допускал стилизаторства, передавая глубинное переживание национальной традиции через образную интерпретацию западно-европейской тематики. Но нельзя забывать, что обратной стороной такого европеизма была национальная романтика, очень серьезный интерес ко всему русскому – общая примета модерна. «Модерн в России формировался в русле национальных концепций. Русское народное творчество как наследие для профессионального искусства, ... национальный фольклор, домонгольское зодчест-

во... – все эти факты красноречиво говорят об интересе к национальным традициям» [7, с. 79–80]. И все же, такой ретроспективизм не цель, а способ особенного погружения в прошлое для извлечения накопленной в старых художественных формах жизненной энергии, мистической красоты. Отчасти это передалось искусствоведению 20-х – 30-х гг. как бережное внимание к культурному прошлому, но без эмпатической раскованности модерна.

В данном случае наиболее важны категории жизненности, символа, единства, их связь между собой и отношение к канону. Все они «носились в воздухе» эпохи, переосмысливались в разных дискурсах с той или иной степенью исследовательских возможностей. Несмотря на предпочтение эмпатики, виртуозное владение вчувствованием, авторы модернистских журналов ясно осознавали значение философских оснований для своей программы: «Философия – теория мира – предопределяет эстетику – теорию искусства. Последняя же предопределяет критику. Думы и чаяния современного человечества живы под звездой мистической философии. Такая теория мира глубже многого иного умеет ценить и лелеять область искусства, – мистическую по преимуществу». [19, с. 54]. И здесь надо все время помнить не только о ницшеанстве, но и о влиянии философии всеединства Вл. Соловьева. Среди журналов, в которых печаталась публицистика Соловьева, был и «Мир искусства» первого года издания. Он не успел опубликовать там многое, так как вскоре умер, но само его присутствие в числе авторов журнала имело для А. Бенуа и его коллег репрезентативное значение. Именно в 1899 г. модернисты начали и открытую, и скрытую полемику с известным трактатом Л. Толстого «Что такое искусство», где писатель говорит о распаде культурной триады «Истина. Добро. Красота», что касалось и деятельности русских модернистов с их всепронизывающим панэстетизмом. Свое понимание Красоты они основывали на эстетике Вл. Соловьева, не всегда замечая, что философ не стремился к разделению данной триады, хотя и представлял ее в свернутом виде: «Рассматриваемая преимущественно со стороны своей внутренней безусловности, как абсолютно желанное или изволяемое, идея есть добро; со стороны полноты обнимаемых ею частных определений, как мыслимое содержание для ума, идея есть истина; наконец, со стороны совершенства или законченности своего воплощения, как реально осязаемая в чувственном бытии, идея есть красота. ...В красоте, как в одной из определенных фаз триединой идеи, необходимо различать общую идеальную сущность и специально эстетическую форму. Только эта последняя

отличает красоту от добра и истины, тогда как идеальная сущность у них одна и та же – достойное бытие или положительное всеединство, простор частного бытия в единстве всеобщего. ... Критерий достойного или идеального бытия вообще есть наибольшая самостоятельность частей при наибольшем единстве целого. Критерий эстетического достоинства есть наиболее законченное и многостороннее воплощение этого идеального момента в... материале» [21, с. 100–101]. Такой критерий вполне соотносим с достоинствами и каноническими произведениями искусства, может быть, даже, в первую очередь, – с ними, поскольку в них и воплощается полнота идеи. Данная триада – это трансформация для секулярного употребления более древней катафатической формулы Божества, отраженной во всем бытии: «Единое. Благое. Прекрасное», символически присутствующей во всякой религиозной форме.

Библиографические ссылки

1. Василик, В. В. Происхождение канона (Богословие, история, поэтика). – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. – 306 с.
2. Кириченко, Е. И. Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII – начала XX века. – М.: Галарт; АСТ – ЛТД, 1997. – 432 с.
3. Бычков, В. В. Эстетика: учебник. – М.: Гардарики, 2004. – 556 с.
4. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / ред. кол.: М. П. Мчедлов (отв. ред.) и др. – М.: Культурная революция, 2007. – 368 с.
5. В. К. «М. Рeger» // Золотое руно. – 1906. – № 2. – С. 97.
6. Гоолдхорн, Б. От редакции // Проект Россия. – 2001. – № 4. – С. 5.
7. Сарабьянов, Д. В. Стиль модерн. – М.: Искусство, 1989. – 294 с.
8. Буслаев, Ф. И. О русской иконе. – М.: Благовест, 1997. – 205 с.
9. Бенуа, А. Художественные ереси // Золотое руно. – 1906. – № 2. – С. 80–81.
10. Дягилев, С. Сложные вопросы // Мир Искусства. – 1899. – № 1. – С. 1, 5.
11. Лукомский, Г. Новый Петербург // Аполлон. – 1911. – № 2. – С. 14.
12. Философов, Д. С. Письмо из Петербурга // Золотое руно. – 1906. – № 1. – С. 106.

13. Маковский, С. От редакции // Аполлон. – 1909. – № 1. – С. 3.
14. Бенуа, А. От редакции // Аполлон. – 1909. – №1. – С. 7, 6, 10.
15. Морозова, Е. Н. Русский ретроспективизм рубежа 19–20 вв.: содержание, формы, способы представления // История мысли. Русская мыслительная традиция. Вып. 4 / под ред. И. П. Смирнова. – М.: Вузовская книга, 2007. – 276 с.
16. Бачинский, А. «Факелы». Кн. 1. – СПб., 1906 // Золотое руно. – 1906. – № 5. – С. 5.
17. Анненский, Ин. О современном лиризме // Аполлон. – 1909. – № 2. – С. 3, 17.
18. Иванов, Вяч. Хроника // Аполлон. – 1910. – Апрель. – С. 41.
19. Эрберг, К. О воздушных мостах критики // Аполлон. – 1911. – № 1, 2, 3. – С. 54.
20. Соловьев, Вл. Красота в природе // Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. – М.: Книга, 1990. – 574 с.

О. А. Коновалова

Кемеровский государственный технический университет

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Современное состояние культуры – состояние постмодерна – некоторые исследователи рассматривают как конец времен, истории, культуры как таковой. Другие утверждают, что подобные кризисы – закономерное явление любой культуры, следствие ее «усталости», т. е. они могут быть в будущем успешно преодолены. В качестве одного из признаков усталости культуры (прежде всего, культуры постмодерна) можно назвать отсутствие подлинного творчества, неспособность культуры к созданию нового, обращение к уже сложившимся формам, жанрам, образцам, мотивам, стилям, к опыту всей предшествующей культуры.

Подобное обращение к культурным ценностям выражается, в частности, посредством комбинирования, цитирования, вплетения в семиотическую ткань культурного текста аллюзий, ассоциаций, парафраз, реминисценций, и не допускает простой эклектики, в принципе отлично от нее. Определяя специфику постмодернистского искусства, Ч. Дженкс писал, что

«эkleктизм – это род нерешительного компромисса, мешанина, в которой второсортные мыслители могут находить убежище в сумбуре путанных антиномий. Они комбинируют противоречивый материал в надежде избежать трудного выбора или поисков творческого решения через проблемность». В отличие от эkleктизма, постмодернизм имеет «потенции развить более сильное и радикальное многообразие», в нем есть «различные формальные, теоретические и социальные нити, которые только и ждут, чтобы их выявили и соткали вместе» [2, с. 129]. Постмодернистская «эkleктика», обыгрывание несовместимых, на первый взгляд, культурных образцов прошлого подчинены своей, специфической логике, определяющей смысл творчества. Творчество в постмодернизме уже не ограничивается созданием чего-то принципиально нового, а стремится к созданию этого нового через осознанный выбор созданного ранее. Такая позиция означает, что «художником задана себе некая концепция, авторская, личностная, которая требует определенного выбора стереотипов и соединения их соответственно исходному замыслу» [4, с. 68]. При этом всевозможные жанровые модели, стилистические фигуры, сюжетные мотивы, образы и многое другое являют собой то, на чем испытывается культурная память автора и подтверждается культурная память зрителя, читателя, слушателя. Собственно, это и отличает постмодернистское цитирование, как естественное условие творчества, от эkleктики, простого употребления чужих приемов и выразительных средств. Постмодернистский художник предлагает новый подход, который выражается через стремление войти в огромное содружество человеческой культуры, осуществить диалог с культурами прошлого.

Единое целое, подчиненное творческому импульсу и замыслу, с одной стороны, определяет специфику постмодернизма, с другой, – намечает и наиболее существенное для него противоречие, ту грань, которая отделяет Творчество посредством обращения к известным образцам и стереотипам от Игры стереотипами.

Противоречивый характер сущности постмодернистской культуры отметил В. Курицын. По его мнению, в постмодернизме всегда присутствует момент пустой состязательности, интеллектуального азарта. При этом представитель постмодернизма воспринимается как «игрок в бисер», т. е. человек, «решающий предложенные или придуманные задачи; чем сложнее задача, тем интереснее, чем меньше веришь в мысль, тем заманчивее ее

доказать» [3, с. 226]. Такие интеллектуальные «головоломки» нередко понимаются как предназначенные только «избранным» и чуждые – большинству.

Проблема взаимопонимания и примирения двух «миров» – мира избранных и мира большинства – стала одной из центральных в постмодернистской культуре. Сущность постмодернизма во многом определяется именно его стремлением к диалогу и преодолению разрыва между двумя различными культурами – массовой и элитарной. Преодоление пропасти между двумя мирами возможно, в частности, путем так называемого «двойного кодирования», ориентации на оба мира, их примирения. Ч. Дженкс подчеркивает, что особенность постмодернизма как раз и заключается в том, что постмодернистское произведение может быть в равной степени понято и принято представителями различных вкусовых культур – как простыми людьми, так и элитой. Постмодернизм отличается тем, что «стремится установить контакт между различными и часто противоположными вкусовыми культурами» [2, с. 133]. Любое произведение в эпоху постмодерна «говорит», обращаясь одновременно, по крайней мере, к двум уровням – к заинтересованному и знающему меньшинству и к публике вообще, которая может не уловить тонкости, подмеченные элитой и значимые для нее. Таким образом, принцип «двойного кодирования», характерный для постмодернизма, не снимает противоречия между двумя мирами. Его сущность состоит в том, что каждый тем или иным образом откликнется на оба кода значений, однако, – с различной степенью интенсивности и понимания. Примирение для двух миров в эпоху постмодерна остается невозможным, ибо ко всему богатству и изысканным тонкостям постмодернизма может прикоснуться только элита – истинные «игроки в бисер». Обращение же к «большому миру» представляется уже не стремлением к органичному единству с ним, а необходимостью преодоления «бисерной» сущности постмодернистской Игры, которая способна в скором будущем поглотить глубину и духовность ее содержания, превратить пока еще «творчество» в «интеллектуальный спорт».

Пониманию постмодернизма в качестве элитарной интеллектуальной деятельности противостоит иной принцип, согласно которому постмодернизм превращается в «занятие высокообразованных людей, «игроков в бисер», способных легко ориентироваться в серьезных проблемах и свободно говорить на языках разных культур» [3, с. 232]. Здесь может возникнуть вполне правомерный вопрос, какой же из двух образов «игроков в бисер» в наибольшей мере соответствует действительности?

Сущность постмодернистской игры заключается, прежде всего, в том, что это «игра со всем содержанием и всеми ценностями нашей культуры» [1, с. 80], которая позволяет пройти «путь через разные культуры, науки, языки, искусства, века» [1, с. 159]. Однако она же таит в себе и реальную опасность для живого, творческого начала. С одной стороны, создается совершенно новый принцип включения в культурный процесс всего человечества. С другой, важнейшим результатом этого нового включения в культурный процесс становится полный отказ от создания произведений искусства, от подлинного творчества. Творческое начало в рамках культуры постмодерна часто не проявляется ни в чем, кроме воспроизведения. На первый план выходит специфический постмодернистский тип творчества, в котором творческое начало, в традиционном его понимании, отсутствует, уступая место сложной игре цитат и комбинаций, нередко – при отсутствии центрирующего замысла, идеи и даже смысла. При этом именно неограниченные возможности комбинаторики, подчас заменяющей постмодернисту творчество, определяют бесконечную необязательность по отношению к самому творчеству. Суть такого творчества в постмодерне заключается не столько в результате, создании конечного произведения, сколько в процессе этого создания при вполне допустимом отсутствии результата, т. е. произведения.

Подобная характеристика постмодернизма, имеющая, скорее, негативную окраску, не позволяет, вместе с тем, говорить о бессодержательности и творческой исчерпанности постмодерна как такового. Постмодернизм может пониматься и иначе, а его творческие принципы способны породить подлинные произведения искусства. При условии, если не будет преодолена грань пустым «игранием» формами и Творчеством, основанном на обращении к опыту предшествующих эпох, понимаемом как высокое искусство ведения диалога с иными культурами.

Библиографические ссылки

1. Гессе, Г. Игра в бисер // Гессе Г. Избранное. – М.: Радуга, 1984. – С. 75–472.
2. Дженкс, Ч. Язык архитектуры постмодернизма. – М.: Стройиздат, 1985. – 136 с.
3. Курицын, В. Постмодернизм: новая первобытная культура // Новый мир. – 1992. – № 2. – С. 225–231.
4. Митта, А. «В аспектах постмодернизма...» // Искусство кино. – 1989. – № 7. – С. 65–79.

РОССИЙСКАЯ МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ

Кинематография занимает важное место в современном культурном пространстве. Проведение досуга в настоящее время многие не представляют без ее продукции. Постоянно растущий и изменяющийся спрос зрительской аудитории формирует основные направления ее развития. По сути, современная киноиндустрия является коммерческим предприятием и нацелена на получение прибыли. В последние годы мультипликация заняла важную нишу в кинопрокате и развивается в соответствии с требованиями рынка. Конечно же, авторское кино существует, но в рамках данной статьи мы остановимся на анализе анимационных фильмов, созданных для массового просмотра. Сознательное расширение зрительской аудитории в мультипликации привело, с одной стороны, к созданию полнометражных фильмов, предназначенных для показа в кинотеатрах, с другой, – скорректировало сюжетную линию таким образом, чтобы мультфильм было интересно смотреть не только детям, но и взрослым, создав тем самым мультипликацию для семейного просмотра.

Одним из значимых анимационных фильмов, созданных в данном ключе, стал «Шрек», вышедший в 2001 г. Конечно, это не первый полнометражный фильм, выпущенный студией «Дисней», однако его по праву можно считать фильмом, давшим начало новому этапу развития в мультипликации не только благодаря использованию новых технических средств и трехмерной компьютерной графики, но и в содержательном плане, сформировавшем новое направление. Оглушительный успех «Шрека» породил не только продолжение этого фильма в рамках диснеевской киностудии («Шрек-2», «Шрек-3» и т. д.), но и привел к появлению ряда других фильмов, в которых прослеживалось его влияние.

Российские мультипликаторы не остались в стороне от общемировых тенденций и на отечественных киностудиях также были созданы полнометражные фильмы, предназначенные для просмотра в кинотеатрах всей семьей. Однако в рамках данной статьи мы не будем останавливаться на всех произведениях современных отечественных мультиплика-

торов, а ограничимся анализом полнометражных фильмов «богатырской серии» созданных на студии «Мельница». Это фильмы «Алеша Попович и Тугарин Змей» (2004 г.), «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» (2006 г.) и «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (2007 г.). На наш взгляд, именно в них в наибольшей степени проявилось влияние американской мультипликации в целом и фильма «Шрек» в частности. Выход каждого из этих анимационных фильмов на экран сопровождался шквалом критики, отмечавшей как положительные стороны, так и негативные аспекты. Тем не менее, имеет смысл остановиться на сравнительном анализе данных произведений, поскольку они отражают наиболее характерные тенденции развития современной анимационной киноиндустрии.

По словам Александра Боярского, одного из создателей «богатырской серии»: «Диснеевская техника не зря существует уже много десятилетий. Опытным путем Дисней пришел к тому, что зрителю удобна именно такая форма подачи. Наши фильмы нельзя назвать полностью продиснеевской анимацией, но мы движемся по стопам американской анимации, тем более, что других стоп, вроде, в зрительском кино и нет» [1]. Подобное заявление очень четко отражает общее направление развития отечественного анимационного кино. Справедливости ради следует признать, что эта тенденция появилась не в современной России. Советская мультипликация также создавала фильмы под влиянием диснеевской студии. И здесь речь идет не только о знаменитом «Ну, погоди!», являющемся отечественным вариантом «Тома и Джерри», но и о «Снежной королеве», «Аленьком цветочке» и других советских рисованных сказках, использовавших диснеевские приемы. Таким образом, обращение к опыту диснеевской студии имеет давние традиции и дает положительные результаты.

Следует отметить, что наиболее ярко «шрековские мотивы» присутствуют в первом фильме: конь Юрий подобен говорящему ослу, спутнику Шрека, Алеша, шагая по лесу, пинает мелких зверушек, сбивает грибы также легко, как принцесса Фиона надувает лягушек и змей и т. д. Также много заимствований и в комических приемах. В следующих фильмах характерные черты диснеевской студии также присутствует, но они выражены не так откровенно. Так, влияние американской мультипликации сказывается на внешнем облике героев: традиционный русский сарафан, имеющий форму колокола, удивительным образом подчеркивает тонкую талию Аленушки. Подобные приемы в большей степени соответствуют

интересам взрослой аудитории и вполне укладываются в каноны массовой культуры с ее подчеркнутой сексуальностью. Кроме того, опыт диснеевской студии доказал их успешность у зрительской аудитории.

Конечно же, названная серия отечественных мультфильмов не ушла от заимствований и подражаний. Но, соглашаясь с А. Боярским, следует признать, что они не являются полностью «продиснеевскими». В этих работах также четко просматривается и советская школа мультипликации. Дома, церкви, княжеские палаты, русские пейзажи удивительно похожи на то, что мы видим в анимационных работах советского периода. И в этом прослеживается не только художественная школа Ильи Глазунова, но и то, что современные российские мультипликаторы по-прежнему в большинстве случаев рисуют от руки. Компьютерная 3-D анимация используется редко. Так, в «Илье Муромце» в 3-D формате нарисованы только главные персонажи, а остальной фон сделан в традиционном формате. Конечно же, компьютерная графика обходится дешевле, но на первоначальном этапе она требует серьезных финансовых вложений. А поскольку их нет – приходится рисовать традиционным способом, что значительно дольше и дороже.

По своему содержанию серия фильмов «Шрек» является проявлением постмодернистских тенденций в мультипликации. На экране известные с детства герои предстают в новых образах, отличных от традиционных трактовок. Так, положительный герой может стать злодеем (Принц, Фея), а злодей – героем (Шрек). Истинную иронию, заложенную авторами в сюжет фильма, можно понять только в том случае, если зритель знаком с традиционными образами персонажей мультфильма. Поэтому взрослому человеку эти анимационные произведения больше интересны и понятны, чем ребенку, который воспринимает данный сюжет как оригинальный и изначальный вариант.

Влияние постмодернизма ощущается и в «богатырской серии». Так, например, Змей Горыныч, с которым, согласно былинам, сражаются русские богатыри, становится другом Добрыни Никитича. Сюжеты фильмов, несмотря на схожее название с былинами, не имеют связи с народным эпосом. Да и сами богатыри в мультфильмах значительно отличаются от былинной традиции. Образ героя-богатыря, сформировавшийся в эпической литературе, в трилогии существенно изменен. От традиционного видения сохранилась только внешний вид: громадный рост да косая сажень в плечах, а нару-

шение пропорции (огромный торс и небольшие ноги) заставляет вспомнить русскую иконопись (например, икону «Георгий Победоносец»). А вот характер и поведение мультипликационных героев к былинным персонажам не имеют особого отношения. С экрана герои фильмов демонстрируют нам современное мировоззрение и модель поведения, их речь изобилует выражениями, свойственными сегодняшнему дню. Так, Добрыня периодически спрашивает: «Я понятно объясняю?», или выдает фразу «Упал – отжался». В результате получается смещение реалий сегодняшнего дня в эпоху Киевской Руси, и создается впечатление, что русский человек всегда был таким, как сейчас. В значительной степени подвергся влиянию современных взглядов и образ Князя Киевского. Перед зрителями появляется архетип современного представителя власти: продажный, хитрый, тщеславный. Он думает лишь о собственной выгоде, а не о своем народе. А народная традиция сохранила образ «ласкового», «стольнокиевского» Князя Владимира «Красное солнышко» [2], который в былинах, по мнению ряда исследователей, являлся сакральным, священным правителем [3, с. 62–64]. Но, к сожалению, серьезные персонажи не соответствуют запросам массовой аудитории, которая отдает предпочтение комичным героям. Поэтому на экранах появляются шутовские богатыри, правители, животные и т. д.

Современная российская мультипликация, конечно же, стремится к получению прибыли, однако в этом вопросе отечественные работы явно проигрывают американским. Для сравнения можно привести следующие данные: только первая часть «Шрека» собрала в прокате 455,2 млн долларов, в то время как самый удачный (по прокату) из отечественных фильмов «Илья Муромец и Соловей-разбойник» собрал только 9,74 млн долларов [4]. При этом предыдущие фильмы «богатырской серии» в прокате вообще не окупились, и затраты на них превысили прибыль. Так, «Алеша Попович и Тугарин Змей» собрал 1,73 млн долларов при бюджете в 4 млн долларов, а «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» собрал 3,5 млн при бюджете в 4,5 млн долларов [5]. Здесь необходимо затронуть и вопрос, связанный с бюджетом, потраченным на производство указанных фильмов. Самый дорогой отечественный фильм из «богатырской серии» обошелся создателям в 4,5 млн долларов, а на производство только первого «Шрека» было потрачено 60 млн долларов [4]. Как видим, на создание диснеевских фильмов тратятся суммы, превышающие расходы отечественных аниматоров. Именно этим, на наш взгляд, объясняется более низкий технический уровень российских фильмов и преобладание «ручной», а не компьютерной анимации. Кроме того, это приводит к сокра-

щению числа персонажей и упрощению сюжетной линии. Так, в фильмах «богатырской серии» отсутствует внутреннее развитие главных героев. В конце похода они остаются такими же, как и до отправления в путь, что, конечно же, соответствует средневековой эпической традиции, но не удовлетворяет современного зрителя.

Незначительные сборы в мировом прокате российских мультфильмов объясняет не только слабая (по сравнению с диснеевскими произведениями) художественная и техническая сторона, но и исключительная опора на отечественный материал. К сожалению, зрителям из других стран не знакомы былинные богатыри и герои российской истории. А вот американские мультипликационные фильмы имеют интернациональный характер. Подобно тому, как на территории Соединенных Штатов Америки проживают представители различных этносов, фильм «Шрек» и его продолжения, например, соединили в своей сюжетной линии национальные традиции и сказки многих народов мира. Здесь мы видим и английского Робина Гуда, и итальянского Пинокио, и французского Кота в сапогах. Именно интернациональная основа этих фильмов предопределила мировой успех в прокате, поскольку на экране появлялись герои, известные и понятные если не всем, то многим. Поэтому успех в мировом прокате требует интернационального сюжета.

Тем не менее, обращение к героям российских былин, на наш взгляд, не случайно. С одной стороны, после успеха первого фильма, по мнению самих авторов, появилось ощущение потребности аудитории в родных сюжетах. С другой стороны, обращение к отечественной тематике является закономерным явлением на фоне общей глобализации культурного пространства. Активное распространение американской культуры во многих странах сопровождается ростом интереса к национальным традициям. Как это ни парадоксально, но обострение проблем идентичности на национальном, религиозном, языковом уровнях является одной из отличительных черт процесса глобализации культуры [6, с. 17–18]. Таким образом, национальная тематика современной российской мультипликации органично вписывается в общие тенденции глобализации культуры, сочетая национальный колорит и диснеевские художественные приемы.

Анализируя современную ситуацию в вопросах развития отечественной культуры, не следует игнорировать и исторические реалии. Не стоит забывать о том, что в истории России было немало культурных заимствований. Это и Византия, у которой отечественные мастера переняли традиции

каменного зодчества и иконописи, и Европа, давшая толчок в развитии светской культуры. Эти заимствования не уничтожили русскую культуру, а лишь обогатили ее и сформировали новые направления развития. В связи с этим не стоит рассматривать американское влияние на отечественную анимацию как однозначно негативное явление. Студия Уолта Диснея уже не первое десятилетие задает направления развития в анимации и вырабатывает наиболее оптимальные для широкой аудитории методы и сюжеты. И эти положительные аспекты имеет смысл заимствовать, но полное подражание не вызовет зрительского интереса и не принесет прибыли.

В целом, мы можем заключить, что современное отечественное анимационное кино развивается в рамках единого процесса глобализации видеопространства. Оно испытывает на себе мощное влияние американской киноиндустрии и не может на настоящий момент конкурировать с ней на равных. Причинами такой ситуации является не только отсутствие необходимых финансовых средств, но и нехватка соответствующего опыта, а также материально-технической базы и специалистов. Решение этих проблем позволило бы создавать фильмы на более высоком техническом и художественном уровне. Но, несмотря на все сложности, отечественная мультипликация продолжает развиваться, сохраняя свои традиции и обращаясь к национальной тематике.

Библиографические ссылки

1. Российские анимационные блокбастеры идут по стопам Диснея. – Режим доступа: <http://www.rian.ru/culture/20071211/91818393.html>
2. Библиотека русского фольклора. Былины / сост. Ф. М. Селиванова. – М.: Советская Россия, 1988. – 576 с.
3. Прозоров Л. Времена русских богатырей. По страницам былин – в глубь времен. – М.: Эксмо Яуза, 2006. – 126 с. – Режим доступа: http://vsenoshnik62.narod.ru/prozorov_lev_vremena_russkih_bogatyrei_po_stranicam_bylin_v_glub_vremen.htm
4. Самые кассовые российские и зарубежные мультфильмы. Справка. – Режим доступа: <http://www.rian.ru/culture/20091028/190950747.html>
5. Данные приведены по материалам: <http://www.nntt.org/viewtopic.php?t=205337>
6. Тишунина, Н. В. Современные глобализационные процессы: вызов, рефлексии, стратегии // Глобализация и культура: аналитический подход. – СПб: Янус, 2003. – С. 5–24.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Обращение к участникам конференции О. П. Неретина.....	5
Обращение к участникам конференции Ю. А. Шубина.....	7
Выступление О. Н. Астафьевой	9
Выступление Е. Л. Кудриной	22
Раздел I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	
<i>Садовой А. Н.</i> Некоторые аспекты организации мониторинга реализации федеральной концепции национальной политики в субъектах Российской Федерации	27
<i>Передерий С. В.</i> О некоторых проблемных вопросах на тему толерантности и этнического экстремизма в современной России	39
<i>Зинченко М. С.</i> Политизация религии: понятие, сущность, причины появления.....	45
<i>Черняк М. В.</i> Информационные процессы в организации современного пространства культуры	54
<i>Нуртазина Р. А.</i> Современные массовые коммуникации и политика республики Казахстан.....	61
<i>Бирюков С. В.</i> Современный федерализм: проблемы развития и перспективы эволюции	71
<i>Ивлев С. В.</i> Модернизация социально-политического процесса в условиях глобализации	83
<i>Барсуков А. М.</i> Фламандский национализм: сущность и эволюция.....	87
<i>Блеттон Жоффруа-Ириекс</i> Трансатлантический рынок Европейского Союза – Соединенные Штаты и глобализация.....	98
<i>Илляр Пьер</i> Меньшинства и «регионализмы» в «Европе регионов».....	106
<i>Мейрманов С. Т.</i> Политический прогноз в контексте смены когорт в республике Казахстан	115
<i>Мейрманов С. Т.</i> Демографический потенциал Казахстана и миграционные процессы	125
<i>Чирухина Ю. В.</i> Политическое участие женщин: предпосылки достижения реального равноправия	136

Раздел II. ТОЛЕРАНТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ СОВРЕМЕННОСТИ

<i>Марков В. И.</i> Дискуссии о толерантности: современный контекст	144
<i>Белозёрова М. В.</i> Толерантность в России: за и против	153
<i>Гавров С. Н.</i> Межкультурное взаимодействие как социокультурный феномен	158
<i>Думанский Д. В.</i> Линейная и многолинейная модели социокультурной макродинамики в контексте диалога культур: постановка проблемы.....	168
<i>Троценкова Е. А.</i> Глобализация как результат инноваций в социокультурных процессах	177
<i>Порхачёв В. Н.</i> Потенциальные глобальные проекты	184
<i>Поддубиков В. В.</i> Поземельные конфликты как фактор роста этносоциальной напряженности в местах традиционной хозяйственной деятельности коренных народов сибиря (по материалам Алтае-Саянского экорегиона)	192
<i>Баиштанник С. В.</i> Диалог оседло-земледельческих и кочевых культур в условиях «средневековой глобализации» (Южный Казахстан)	205
<i>Волканова О. С.</i> Проявление национального характера в современном глобальном мире	216
<i>Ковалева Г. П.</i> Перспективы развития человеческой цивилизации в русском космизме: анализ футурологических проектов.....	220
<i>Золотухин В. М.</i> Толерантность как специфический элемент общения.....	233
<i>Левина Т. В., Степанов А. А.</i> Культурная речь и человеческое говорение (или применение методов процессуально-инвариантной логики к диалогогенезису).....	245
<i>Ртищева О. В.</i> Основные подходы к определению коммуникационных характеристик языка.....	257
<i>Ерохина Е. А.</i> О двух моделях межэтнической коммуникации	268
Раздел III. ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	
<i>Двуреченская А. С.</i> Принцип толерантности в государственной культурной политике: институциональный аспект	277
<i>Боброва Е. И.</i> Проектная деятельность Института толерантности и Научной библиотеки Кемеровского государственного университета культуры и искусств.....	287

<i>Жумаева Л. А.</i> Центр толерантности в Московском государственном университете культуры и искусств.....	293
<i>Умаханова Б. М.</i> Воспитание патриотизма и толерантности – приоритетное направление деятельности библиотеки полиэтнического региона...	297
<i>Мирошина Т. А.</i> Формирование культуры межнациональных отношений студентов вуза.....	302
<i>Васильковская М. И.</i> Молодежь в контексте глобальных проблем развития мирового сообщества	308
<i>Иванова Н. Ф., Астахов О. Ю.</i> Адаптационные возможности диалога в формах культурно-досуговой деятельности: геронтологический аспект.....	316
Раздел IV. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА	
<i>Гениева Е. Ю.</i> Сады Максимилиана Волошина	323
<i>Дрозд А. Н.</i> Диалог как основа организации художественной культуры	337
<i>Петроченко Н. В.</i> Динамика художественной культуры России: к вопросу об основаниях периодизации.....	342
<i>Егле Л. Ю.</i> Локальные культуры в условиях процесса глобализации.....	350
<i>Оккель В. А.</i> Жанровая полифункциональность в трансформации духовных стихов	362
<i>Умнова И. Г.</i> Современное бытование жанров православной музыки на концертной сцене как диалог церковной и внехрамовой традиций.....	366
<i>Оленич Л. В.</i> Канон и русский модерн: историографический аспект	373
<i>Коновалова О. А.</i> Диалог культур в контексте постмодернизма	386
<i>Елескина О. В.</i> Российская мультипликация: глобализация и национальные традиции.....	390

Научное издание

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ,
ТРАДИЦИИ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Сборник статей
по материалам Всероссийской научно-практической on-line конференции
«Диалог культур: глобализация, традиции и толерантность»
(Кемерово, 16 ноября 2009 года)

Редактор *О. В. Кравцова*
Дизайн обложки *М. А. Иноземцев*
Компьютерная верстка *В. А. Попков*

Подписано к печати 05.04.2010. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Уч.-изд. л. 20,7. Тираж 500 экз. Заказ № 460.

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru